

Содержание

К Международной научной междисциплинарной конференции «Самоутверждение России: социум, экономика, политика», 8 — 10 декабря 2010 г.....	7
Раздел I	
Актуальность	
<i>Ю.М. Осипов</i> Веяния времени: год 2010-й.....	15
<i>Ф.И. Гиренок</i> Политический аутизм	25
Раздел II	
Нано...	
<i>Ю.М. Осипов</i> Наномодернизация.....	35
<i>О.В. Иншаков</i> Наноиндустриализация в глобальном контексте	38
<i>О.Ю. Мамедов</i> Взорвет ли наноиндустриализация современную экономику?	52
<i>С.С. Слепаков</i> Наноэкономика как научный и социальный феномен	62
<i>А.В. Фесюн</i> Наноиндустрия как основа инновационной экономики РФ.....	71
Раздел III	
Философия хозяйства	
<i>А.В. Бузгалин</i> Десять принципов социально-ориентированного развития: новый проект?	85
<i>В.И. Корняков</i> О силах самоутверждения экономики.....	99
<i>И.Г. Шевченко</i> Вся власть от Бога.....	105
<i>К.Р. Баянов</i> Постмодерн социального прогнозирования.....	119
<i>К.В. Молчанов</i> О негативизации экономического познания и двух посылок осмысления будущего развития мировой экономики	130
<i>О.В. Лончакова</i> Глобализация. Структура, формирование и движение связей	142
Раздел IV	
Кризис	
<i>Р.М. Нуреев, М.Ю. Сапьян</i> Экономический кризис в России: роль канала обменного курса трансмиссионного механизма.....	153

<i>Э. Ватт</i>	
Экономический и финансовый кризис в Европе: причины и последствия.....	165
<i>О.А. Золотарева, А.А. Минченко, Е.А. Колесник</i>	
Глобальный инфаркт	192
Раздел V	
Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Сказка о сказке	205
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Метафизика посредственности	209
<i>В.А. Ковтун</i>	
Аналитика связей абсурда и молчания в экзистенциализме	
Ж.-П. Сартра.....	214
<i>А.И. Сергеев</i>	
Философские проблемы внедрения инноваций в повседневную жизнь общества	219
Раздел VI	
Рецензии и отклики	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Память — русская память	227
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
О книге Юр. Михайлова «Реквием».....	228
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Мгла	230
<i>И.И. Рудяк</i>	
Русская пирамида.....	231
<i>Д.П. Подкосов</i>	
Гоголевский тупик.....	234
<i>П.М. Леоненко</i>	
Новое фундаментальное исследование экономической глобализации	259
<i>С.О. Хохлов</i>	
Красота и красивость.....	262
<i>И.И. Рудяк</i>	
Русский Платон: «метафизическая междисциплинарность» и Академия.....	266
Научная жизнь	273
Кризис современной науки (<i>В.С. Сизов</i>).....	274
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Россия: призрак неомодернизации (тезисы).....	293
Наши авторы	300

Contents

To the International Scientific Interdisciplinary Conference «Self-Affirmation of Russia: Socium, Economy, Politics», 8 — 10 December 2010.	7
Part I	
Actuality	
<i>Yu.M. Osipov</i> Spirit of the Time: Year 2010	15
<i>F.I. Girenok</i> The Political Autism	25
Part II	
Nano...	
<i>Yu.M. Osipov</i> Nanomodernisation	35
<i>O.V. Inshakov</i> Nanoindustrialisation in Global Context.....	38
<i>O.Ju. Mamedov</i> Would the Nanoindustrialisation Explode Modern Economy?	52
<i>S.S. Slepakov</i> Nanoeconomics as a Scientific and Social Phenomenon	62
<i>A.V. Fesyun</i> Nanoindustry as a Base for the Innovation Economy of the Russian Federation.....	71
Part III	
Philosophy of Economy	
<i>A.V. Buzgalin</i> 10 Principles of the Socially-Oriented Development: a New Project?.....	85
<i>V.I. Korniyakov</i> On the Forces of Economic Self-Affirmation	99
<i>I.G. Shevchenko</i> All Power Is From the God	105
<i>K.R. Bayanov</i> Postmodern of Social Forecasting.....	119
<i>K.B. Molchanov</i> On the Negative Concept of Economical Cognition and Two Abstracts For Understanding of the Future Development of Global Economy	130
<i>O.V. Lonchakova</i> Globalization. Structure, Formation and Progress of Connections	142
Part IV	
Crisis	
<i>R.M. Nureev, M.Yu.. Sapyan</i> Economic Crisis in Russia: the Role of the Exchange Rate Channel of Monetary Transmission Mechanism	153

<i>A. Watt</i>	
Economic and Financial Crisis in Europe: Reasons and Consequences.....	165
<i>O.A. Zolotareva, A.A. Minchenko, E.A. Kolesnik</i>	
Global Heart Attack	192
Part V	
Actual Philosophy	
<i>F.I. Girenok</i>	
The Fairytale On A Fairytale	205
<i>N.N. Rostova</i>	
Mediocrity Metaphysics.....	209
<i>V.A. Kovtun</i>	
Analytics of Communications of Absurdity and Silence in Existentialism of the J.-P. Sartre	214
<i>A.I. Sergeev</i>	
Philosophical Problems of Innovations Adoption into the Daily Life of the Society	219
Part VI	
Reviews and Responses	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Memory — Russian Memory.....	227
<i>F.I. Girenok</i>	
On the Book «Requiem» by Yu. Mikhailov.....	228
<i>I.G. Shevchenko</i>	
The Darkness	230
<i>I.I. Rudyak</i>	
The Russian Pyramid	231
<i>D.P. Podkosov</i>	
The Gogol's Deadlock	234
<i>P.M. Leonenko</i>	
The New Fundamental Research of the Economic Globalization	259
<i>S.O. Hohlov</i>	
Beauty and Prettiness.....	262
<i>I.I. Rudyak</i>	
Russian Platon: Metaphysical Betweensubject and Academy....	266
Scientific Life	273
Crisis of Contemporary Science (<i>V.S. Sizov</i>)....	274
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Russia: the Phantom of Neomodernization (Theses)	293
Our Authors	300

**К Международной научной
междисциплинарной конференции
«Самоутверждение России: социум, экономика, политика»,
8 — 10 декабря 2010 г.**

Ю.М. ОСИПОВ

**Самоутверждение России в модернизационном ключе
Тезисы**

Аннотация. Модернизация должна иметь результатом переход к новой России, способной к убедительному самоутверждению в качестве обновленного субъекта истории.

Ключевые слова: философия, обществоведение, философия хозяйства, модернизация.

Abstract. Modernization should result in a shift to the new Russia, enabled to convincing self-affirmation as a renewed subject of history.

Keywords: philosophy, social science, philosophy of economy, modernization.

1. Текущий момент в новейшей российской истории отличается обнаружением двух взаимосвязанных истин: необходимостью всестороннего и интенсивного развития хозяйства и общества — это, во-первых, и неспособностью к такому развитию пореформенных способа и структуры российского бытия — это, во-вторых. Эксплуатационные резервы сокращенных вдвое дореформенных индустриальных производств и необновлявшихся всерьез инфраструктур практически исчерпаны, интеллектуальная сфера безжалостно сжата до минимума и не без успеха летаргирована, а удачливая по части сверхдоходов из-за рубежа внешнеобменная сфера, базирующаяся на энергосырьевых металлургических и полуфабрикатных производствах, грозит окончательным погружением страны в полуколониальное состояние, причем без всякой гарантии достаточно высокого внешнего доходообразования. Сложившаяся социо-хозяйственная ситуация носит в целом патологический характер, ибо пореформенность продолжаться в неизменном виде уже не может, будучи совершенно недостойной никакого исторического продолжения в силу своей производительной и творческой ущербности, не говоря уже о социально-нравственной искаженности, а выйти на путь развития и социального «цветения» возможно лишь при условии многостороннего преодоления пореформенного наследия и

перевода страны к иной — уже *постреформенной* — организации жизнедеятельности, не противоречащей развитию, эффективности и национальной субъектной выраженности. Вот почему на V Малом университетском форуме в МГУ в декабре 2009 г. была выдвинута и обоснована идея **перестроения России**, способного при соответствующей стимулирующей и направляющей роли национального властного центра с опорой на все еще чудом бытующие в стране созидательные силы вывести Россию из возникшего в итоге проведенных реформ социо-хозяйственного тупика.

2. Осознавая возникшую в стране остропроблемную ситуацию, высшая российская власть выдвинула иную, чем перестроение, идею, а именно — идею *модернизации*, не подвергнув серьезной критике и стратегическому сомнению утвердившуюся в стране пореформенность, но явно возжелав, не переверачивая оснований существующего жизнеотправления, перевести общество и хозяйство на более высокий — пожалуй что, и ультрасовременный — уровень. Судя по всему, речь идет о модернизации... уже отмодернизированного, ибо прошедшая реформа тоже была по сути своей модернизацией — удачной для частного, прежде всего, олигархического, присвоения и потребления и весьма провальной для хозяйственного развития, социальной гармонизации, национальной субъектности и прочного будущего. Нынешняя модернизация является, по-видимому, не просто новой по срокам модернизацией, а и новой по сути модернизацией, корреспондирующей с общемировой модернизацией, все более настойчиво пробивающей себе дорогу, что позволяет определить новую российскую модернизацию как *неомодернизацию*. Отдавая себе отчет в том, что сама пореформенность на существенную и масштабную неомодернизацию поднаться не может, ибо ничего подобного ей просто не нужно, да и способности к столь великому деянию у нее явно не хватает, верховная власть взяла курс на, скажем так, внешнюю, аддитивную, легкую модернизацию, которую возможно-де осуществить за счет и в русле по преимуществу виртуальной инициативы с привлечением решающих капитальных средств, интеллектуальных сил и модернизационных новшеств из-за рубежа. Власть пошла фактически на более всего производную, подражательную, догоняющую модернизацию-неомодернизацию, не затеяв никакого глобального глубокого и стратегически «дальнострельного» переустроительного действия. Победил не амбициозный превращенческий проект, а укромно-камуфляжный паллиатив, что не означает, конечно, его заведомой обреченности и полной нереализуемости.

3. Под модернизацию, понимаемую более всего как осовременивание, усовершенствование, обновление, упорядочивание и менее всего

как системное преобразование, тем более существенное и радикальное, подпадает, по-видимому, если не все в обществе и хозяйстве, то во всяком случае многое: помимо интеллектуальной сферы — сферы науки, технологий и образования, что само собой разумеется, модернизации подлежат системы управления и бизнеса, в особенности, финансового, кое-какие производства, транспорт, связь, средства коммуникаций, сельское, лесное, рыбное, жилищное, городское хозяйства, а также армия, флот, авиация, порты, МЧС, но главное, что не так уж бросается в глаза — человек-гражданин и социум — гражданское общество. Что-то из локального и поверхностного будет модернизировано в обозримые сроки, а по большей части зачинаемая ныне модернизация обернется, при условии продолжающегося сохранения объекта модернизации — России — в целостности и жизнеспособности, долгосрочным, практически непрекращающимся трансформационным процессом, что не только позволит подновить объект, но и предоставить шанс его существенно преобразовать, получив в итоге *другого человека и другой социум*, как и вызволив *другую жизнь*. Данный вывод становится возможным по двум обстоятельствам: 1) неомодернизация экзогенна, она идет извне и сверху, не является органичной для общества и хозяйства, не представляется имманентно-национальным российским делом; 2) в импортируемой по большей части и фактически навязываемой неомодернизации заложены мощные трансформационные (трансгрессивные) моменты, такие как новейшие компьютеризация, электронизация, технизация, биотехнологизация, психотронизация, суггестивизация, идеотронизация, когнитивизация, управляемость, социальная инженеризация, программирование — как раз те самые моменты, которые способны, внедрившись в человека и социум, вызвать в них существенные и качественные перемены, превращая человека в «чиповека», а социум — в «технообщество», что в перспективе уже открывает дорогу *постчеловеку и постчеловечеству*.

4. Однако по линии данной трансформационной (трансгрессивной) перспективы возможны разные исходы, среди которых весьма вероятно и окончательное попадание неомодернизированной (и неоцивилизованной) России в разряд не более чем прозападной провинции — уже без смущающей передовую границу самобытности и без какого-либо суверенного своеволия, но зато с несомненной и практически бесспорной зависимостью от глобального контекста. Уместно напомнить, что модернизаторско-цивилизаторские игры с границей всегда дорого стоили России, грозя утратой не только культурной идентичности, что, кстати, весьма и происходило, но и субъектной независимости и самостоятельности. Отведение подобных угроз и воз-

вращение России к самой себе оплачивались титаническими усилиями поколений и громадными людскими и материальными жертвами. Стоит ли и ныне скатываться к такого рода лукавому модернизаторско-цивилизаторскому исходу, увлекшись *экзогенной неомодернизацией*?!

5. Не исключая возможности использования внешних источников, образов и сил, следует исходить все-таки из *гомогенной модернизации*, предполагающей опору более всего на имманентные России ресурсы, очаги и движущие силы, а если подобных вокруг не слишком ныне обнаруживается, то сделать все, чтобы их обнаружить, вызвать к жизни, консолидировать и привести к эффективному действию. Только при таком условии возможна вполне органичная России *суверенная неомодернизация*, мало того, модернизация, оберегающая (не консервирующая, а именно оберегающая) человека и человеческое общество, не допускающая античеловеческих и антисоциальных с ними манипуляций. В связи с этим должна иметь место не просто модернизация без определенного характера и конкретных целей, а *национально-российская модернизация*, руководствующаяся идеей укрепления и развития России и направленная на достижение нового, более передового и совершенного, образа России. Ремонтной модернизацией тут не обойтись — модернизация должна подкрепляться глубокой и масштабной *реконструкцией*, на которую, конечно, трудно решиться, но которую все-таки придется совершить, причем не спонтанно-спорадически, а расчетливо-планомерно.

6. На повестке грандиозное интеллектуально-политическое усилие, следствием которого должны стать, по крайней мере, три взаимосвязанных продукта: во-первых, идеология *модернизационного самоутверждения России*, корреспондирующая с задачей национального возрождения страны, строительства новой российской нации; во-вторых, концепция текущей и перспективной модернизации страны; в-третьих, комплексная программа национально-российской модернизации, включающая как программу-минимум, так и программу-максимум. Верховная власть должна при этом необходимость и рациональность перехода к практике национального (социогосударственного) дирижизма (от фр. *diriger* — управлять), а в современной новейшей интерпретации — *неодирижизма*, восходящего к ориентирному, поощренческому, направительному влиянию из властно-национального центра на социо-хозяйственные процессы, а при необходимости и к прямому вмешательству властной системы в социо-хозяйственную жизнь, однако не подвергающему сомнению принципов экономической самостоятельности частных и национальных агентов, их инициативности и конкурентоспособности. Неодирижизм — дирижизм эпохи глобализации и постмодерновой цивилизации, высо-

кой мобильности, взаимозависимости и реактивности субъектных и объектных элементов социо-хозяйственной среды, большой открытости границ и значительной интегрированности социо-хозяйственных локалий в мировое пространство, приоритета не прямых и во многом скрытых методов управления, основополагающей роли различного рода самоорганизаций. Осуществиться неолиберализм может на основе и через посредство *национального государственно-корпоративного комплекса*, широко прибегающего к пространственно-сетевым институциональным структурам и организационным методам.

7. Самоутверждение России сегодня — обретение законченной в плане целостности, самостоятельности и эффективности национально обусловленной и национально оплодотворяемой *субъектности*, защищающей страну, ее пространство, цивилизацию и народ от любых внешних угроз и преодолевающей окончательно и бесповоротно все еще действенную на российской территории социо-хозяйственную энтропию, беременную антироссийским обесцениванием, рассыпанием и распадом. Вся идейная концепция России заключена, как это, быть может, для кого-то ни странно, в самом слове *Россия*, знаменующем сразу особую геосоциолокальность (имперскую), самобытность (русскую, российскую, евразийскую, многоконфессиональную, православную) и неповторимую историческую данность. Россия — не Западная Европа, не США, не Китай, это — Россия, и влечения к этому практически не расшифровываемому, но совершенно сакрально звучащему слову вполне достаточно, чтобы не только быть патриотом России, но и ставить интерес России выше личного и любого другого частного интереса. Россия — не «рай-сия», но без России русскому-россиянину как-то не по себе — и нет для русского-россиянина лучшей доли, чем быть с Россией и ей служить, что и лежит, по видимому, в основании экзистенциальной метафизики русскогороссиянина, восходящей к провиденциальной метафизике самой России. Идея России — в самой России, надо лишь хранить и утверждать Россию, вести ее в конструктивное будущее!

8. Самая сложная проблема, однако — идейно-культурная, ибо во времени политического переворота в России произошел *идейно-культурный переворот*, вдохновленный анти-Россией и принявшей ясно выраженную глобально-буржуазную, индивидуалистскую, гедонистическую, монетаристскую, упрощенческую, обезличивающую, нивелирующую, во многом и инфермальную, энтропийную, смертоносную — определенность. Неустанная аудиовизуальная инженерно-технологическая, по преимуществу аудиовизуальная, работа над человеком, его сознанием, идеологией, культурой, с целью создания нового, освобожденного от «ненужных» традиций и «устаревших» духов-

но-нравственных установок человека, а скорее — нового человекообразного существа («человекообраза»), внешне свободного и независимого, но вполне при этом управляемого, суггестивного, нелепо самовыражающегося, беззащитного, подражательного, однообразного, легкого, пустого, хотя при этом и шумного («погрешечного»), и уж никак не насыщенного духом, идейностью, культурой, самобытностью, традицией, нравственностью, т. е. никак не самодостаточного и всерьез и надолго не осознанного. Осуществляется самая страшная из возможных в эпоху Постмодерна подмен — на место самостоятельного сознания, тем более творческого, приходит полностью зависимая от внешних управляющих воздействий «информационно-технологическая калькуляция», плавающая в столь же информационно-технологической среде и подвергающаяся со стороны этой среды «непрерывному образованию». Идет самое обыкновенное расчеловечивание человека, его симуляционная переработка, что должно завершиться эсхатологическим переводом человека в *постчеловека* — никакого иного результата от стирания человеческого в человеке и наполнения остающейся бытовать человекообразной оболочки не то что небожественным, но уже и неприродным «интерно» — вчистую уже информационно-технологическим, просто быть не может!

9. Угроза расчеловечивания человека — реальная угроза, и создается впечатление, что реформенная и пореформенная Россия во власти этой угрозы. Сегодня исключительно важно это осознать — и не только гуманитарной общественности, но и высшей власти. Да, российский человек со своим сознанием может изменяться и в какой-то мере обязан измениться, более всего в духовно-нравственном отношении, но российский человек никак не должен превращаться в столь кем-то желаемую аудиовизуальную куклу, теряющую не то что человеческое сознание, но даже и человеческий облик. Выходит, что в России должна присутствовать и плодотворно действовать достаточно сильная идейно-культурная альтернатива, способная остановить расчеловечивание человека и, наоборот, усилить человека в человеке. В этом плане должны активизироваться конфессии, заработать философия, преобразоваться актуальная культура. Необходим отход от захватившего страну антигуманного постмодернизма и выход на обновленный по форме и текстам гуманизм, преодолевающий болезни, пороки и угрозы агрессивно-колониального постмодернизма. И критерий здесь, или путеводная звезда, только один — *Россия!* Ее сбережение, усиление и совершенствование. Сам же факт, что Россия сейчас в глубоком антиисторическом нокдауне должен обжигающе послужить подъему национального самосознания и возбуждению конструктивной энергии ради созидания и в самом деле новой *России!*

Ю.М. ОСИПОВ

Веяния времени: год 2010-й

Аннотация. 2010 г. — год исключительных событий, порождающих ассоциации, рефлексии и действия. Метафизическая подоплека и практическая выраженность происходящего. Приближения, оценки и выводы.

Ключевые слова: философия хозяйства, цивилизация, научно-технический прогресс, человек, социум, современность, новейшая история, метафизика, общество, Россия.

Abstract. 2010 is the year of extraordinary events, which promote associations, reflections and doings. Metaphysical background and practical evidence of what is happening are described. Approach, evaluation and summary are provided.

Keywords: philosophy of economy, civilization, scientific-technological progress, human, socium, modern age, contemporary history, metaphysics, society, Russia.

Знамение

Когда-то, в 1920-е гг., умный и всезнающий Герберт Уэллс заметил не так, быть может, прозорливо, как верно: «Россия во мгле!». Ныне Россия, вновь самостийно погрузившаяся во мглу, едва ныне рассеивающуюся, неожиданно-негаданно очутилась в массивном и бессрочном огне. Отсюда у кого тревожно-сдавленный, у кого и восторженно-пугливый выкрик: «Россия в огне!».

Да, горели леса и высушенные болота, горели деревни и обезумевшие от огневой напасти звери, горели оторопевшие люди, но... но горела и сама Россия, та самая, пореформенная — либерально-капиталистическая, паразитарно-коррупционная, присвоенчески потребительская, аморальная, ложная, безумная.

Горела Россия материально, фактически, физически, а вот сгорела идеально, символически, метафизически. И дело тут не столько в наказании Божьем, сколько в наказании самой себя — образцово нелепой, несуразной, уродливой, показательно инферальной, неустроенной, античеловеческой.

Не страна это вовсе, не мир человеческий, а территория — порока, грабежа, распада и ужаса, не войны даже как таковой, а зверского, чуть ли не провиденциального, самоубийства.

Государство — фикция, правительство — манипулятор, цивилизация — оборотень, гражданство — насмешка, культура — обманка.

Россия загорелась и горит, ибо *такая* Россия никому, кроме изуверов, гадов и подонков, не нужна, — она загорелась и горит, но угнездившаяся в ней людоедская субстанция, увы, не сгорела, разве лишь подгорела, и полна желанием себя отстоять и еще более утвердить — вплоть до полного исчезновения отваленного ей коварной судьбой кровеносного пирога.

Метафизический вывод точен: *Большой Огонь* — свидетельство порочности, ублюдочности и ненужности пореформенной России, а вот в физическом смысле это всего лишь онтологический сбой, оборачивающийся для системы, его допустившей, ни чем иным, как всегда ею желанной выгодой, а потому систему вовсе не обескураживающий, провидчески не смущающий и уж катарсически никак не тревожащий.

Но есть одна никем не предусмотренная, не осмысливаемая и не осознанная вещь-заковыка: *Большой Огонь*, вызвав полное саморазоблачение пореформенной системы, объявил во всеуслышание, хоть и не всем досталось это услышать, что сгоревшая на глазах изумленных и обомлевших россиян Россия — по сути своей, по идее, по метафизике, она теперь уже *другая* — встревоженная, озирающаяся, озадаченная, не разочаровавшаяся еще до конца в господствующей системе, но уже на нее не надеющаяся, ибо все в системе зыбко, вязко, скользко, а в целом — обреченно.

Иссякнут внезапно и надежно имподооллары — и что тогда? Тогда конец! И не одному лишь патологическому процветанию, но и самой, зависящей от такого каинова процветания патологической системе — не способной ни производить, ни творить, ни развивать, как и быть просто эффективным собственником, менеджером, хозяином, а способной лишь эксплуатировать, выжимать, присваивать, паразитировать.

Большой Огонь — вовсе еще не переворот к норме и эффективности, но это знамение — *Большое Знамение*, это сигнал к перемене — *Большой Перемене*, которая сегодня никому по всей России вроде бы не грезится, а завтра вдруг может стать непоколебимой огненной реальностью!

Призрак дирижизма

Над либеральной, а лучше сказать — псевдолиберальной, а по сути либерально-деспотической Россией витает как нежеланный и непрощенный гость призрак *дирижизма*, а именно — *ведения*

национального хозяйства из национального центра в национальных целях.

Дирижизм (это французское изобретение середины XX в., означающее не что иное, как управление экономикой со стороны государства) — не планово-административная система советского (сталинского) образца — это хоть и управление, но не текущими действиями хозяйствующих субъектов, хотя и такое возможно — как исключение, а, во-первых, побуждение хозяйствующих субъектов действовать в нужном правительству направлении; во-вторых, ориентация хозяйственных процессов в соответствии с априорно поставленными общенациональными целями-задачами; в третьих, прямая реализация хозяйственных проектов национальным (государственным, государственно-корпоративным или любым иным) центром.

Пока дирижизм в России более вынужденный, спонтанный, эпизодический, самоограниченный, робкий, неубедительный, как и, само собой, малоэффективный, т. е. по сути более призрачный, чем реальный, но, несмотря на это и вопреки широко «пропагандируемому» либерализму, дирижизм этот, пропитываясь необходимостью и обрастая кое-какой плотью, шаг за шагом превращается в заметный, говорящий и вполне уже и действенный призрак, как раз тот самый, который, будучи потребностью и образом самой текущей действительности, уже настойчиво стучится в двери предвзято и цинично выталкивающей его реальности. Из случайного, незаконного и вроде бы ненужного дирижизм, еще на деле призрачный, превращается во вполне реалистический призрак, требующий уже незамедлительного удовлетворения.

Реальность берет свое: как со стороны сложившейся и действующей в стране хозяйственной практики, отвлеченной вполне надежно от справедливости, труда, творчества, не способной к инновациям, модернизациям, развитию, да, собственно, и к производству тоже, не говоря уже о производительности (даже и к самосохранению уже не способная!), так и со стороны текущей событийности: кризиса, технокатастроф, засухи, неурожая, пожаров, огня, что заставляет руководство страны брать на себя внезапно, вслепую и неуклюже МЧС-функции, становится вовсе не фигуральными пожарниками, санитарями, спасателями, сантехниками, техниками, инвесторами, благотворителями, в общем — *чрезвычайными комиссарами по хозяйственному, читай — и экономическому, и социальному, и психологическому дирижизму* — случайному, незаконному, ненужному, но, увы, столь сильно востребованному, а потому и неизбежному, все еще убого призрачному,

но уже и обретающему кое-какую, пусть еще жалкую и уродливую, телесность.

Нет, не стал высокотехнологичным, производительным и конкурентоспособным завезенный из-за прекрасного зарубежья, безобразно исполненный в родной стране и приспособленный лишь к выжиманию монополю-рентных доходов из очумелого организма вовсе не такой уж родной страны наимоднейший экономизм-либерализм, он же и доморощенный либерал-деспотизм, не стал — факт! Да, факт, который никогда не признают ни словоохотливые идейные адепты «либерализма», ни его шустрые практические реализаторы. Будут лишь твердить: мало в стране экономической свободы, слишком много повсюду государства, да и население вокруг совсем не то — не продуктивное, не изобретательное, не алгоритмическое, так себе — масса! И будут наступать на государство, на центр, на нацию, на тот же призрачный дирижизм, стремясь к новому перевороту, добывающему остатки государственности и открывающему путь к долгожданному распаду «имперского монстра». Вот тогда-то воцарится в бывшей большой стране, разлетевшейся на полуколониальные осколки, настоящая-де либеральная экономика, восходящая к передовой атлантической цивилизации и способная к безусловной эффективной самореализации.

Но пока, пока в России Россия, ничего стране кроме гибкого, настойчивого и последовательного дирижизма не нужно, мало того, никакой эффективной и перспективной модернизации без дирижизма не осуществить, и это еще не все: ни модернизации, ни самого дирижизма не будет, если в нынешней России, ее строе и образе бытия ничего существенно не изменится, а это может произойти лишь посредством глубокого общенационального *перестроения*, разумеется, по инициативе, под эгидой и при непосредственном участии центральной власти.

Это не альтернатива вовсе пошлому либерал-деспотизму, как может показаться, а настойчиво выплывающий из реальности и на нее же неотступно наплывающий *императив*, для которого либерал-деспотизм — не более чем несурзность, заслуживающая скорейшего изживания.

О-о, это очень и очень не просто — справиться с нынешней Россией, переживающей апокалиптический кризис! А что значит справиться? Не более, не менее, как попытаться ее вывернуть, но не наизнанку, а совсем наоборот — на самое что ни на есть лицо!

Какое-такое лицо?

Ежели либер-деспотизм упорно демонстрирует уродливую обрису, то остается только одно лицо — *национально-*

солидаристское, когда все члены общества свободно, либо как-то побудительно (для большинства, конечно же, не насильственно), включены в единую национальную многоукладную систему хозяйства, ничего потребного и необходимого для нормальной жизни не исключают: ни функциональной свободы хозяйствующих субъектов, ни того, что по традиции называется рынком, ни эффективного капитала, ни национального центра, ни постановки и реализации общенациональных задач, ни гражданской ответственности всех без исключения действующих в обществе агентов, ни возможности свободного труда и творчества, ни инноваций и модернизаций, ни комплексного и повсеместного развития.

И выходит, что надо не пытаться проехаться на законченном уроде в надежде на его неожиданно-негаданное самоисправление, а (sic!)... *перестраиваться*, ибо никакой национальный солидаризм просто так у нас не явится.

Трудно, опасно, боязно и... не хочется, совсем не хочется. Факт! Пусть уж подкрашенный и поддурмяненный урод, чем удовлетворяющий весь российский люд и прежде всего конструктивных, инициативных, деятельных, трудовых, творческих членов общества национальный солидаризм.

Дирижизм, работающий не только на себя, и решение каких-то частных управленческих задач, а на общество, на солидаризм, — что тут плохого? А ведь это все вместе близко к тому, что называют обычно «социальным хозяйством», что вызвало кое-где «экономические чудеса» и обеспечивает поныне нормальное воспроизводство передовых наций, их процветание, разумеется, не без разных проблем, но уже их — особенных, иной природы и другого порядка — проблем. Главное здесь — реально эффективные возможности сочетания свободы и... несвободы, частного хозяйствования и общественного побуждения (и контроля тоже, а еще и кое-какого принуждения), объективных самопроцессов и дирижизма.

Дирижизм стучится в двери текущей реальности, мало того, он вынужден уже в ней реально присутствовать, пусть робко, неуверенно, вяло, но присутствовать! И знаменательно, что правительство, вовсе и не дирижистское, а самое что ни на есть либерал-охранительное, идет не только на какие-то меры дирижистского характера, но и все более втягивается в противостояние с либерал-деспотической системой... э-э... нет, не системой хозяйства вовсе, а попросту системой эксплуатации хозяйственных ресурсов в целях ненасытного обогащения и тупого избыточного потребления. Правительство на то и правительство, чтобы не только вдруг что-то понять, но и вольно или невольно действовать, ибо под ним и за ним *все* общество, *весь*

жизнеотправительный процесс, *вся* судьба, а не одно лишь процветание порочной системы тотальной эксплуатации и мало чего созидания. И разворачивается картина — нет, конечно, не борьбы вовсе — но... но... — вовсе и не соперничества — но... пожалуй, уже и кое-какого вынужденного противоборства... между подрастерявшимися от проблем правительством и уверенным в своей правоте и не собирающимся теряться капиталом.

Это, конечно, кризис — и не просто всего пореформенного способа хозяйства, что понятно (слово «способ» язык как-то с трудом выговаривает, ибо не способ тут, а какая-то производная и зависимая от внешнего глобализма субподрядная псевдосистема, некий эрзац способа, его зачумленное подобие), но и кризис самого грешного союза отъявленных неполноценностей — власти, чиновничества и капитала, и как бы то ни было кризис этот внутренний не «улегается», а усугубляется.

Что ж, тут уже момент выбора: ничего не делать и все оставить прежнему, но... из трясины глобального кризиса и разорительно-разломной перспективы страна не выберется, причем никогда (может, правда, не надо?); менять власть, ее характер в пользу либо натужно становящейся нации, либо стремительно ставшего и уже исторически и хозяйственно обанкротившегося капитала-уродца, что в первом случае сейчас невозможно, а во втором... очень уж проблематично, хотя... чем черт не шутит!; меняться самой власти, а вместе и вслед за нею и сознательной части капитала, все более приближаясь к национально-солидаристской позиции — и тут потребен *дирижизм*, которого пока в полной мере нет, но призрак которого витает по огнедышащей России.

Поживем, как говорится, увидим!

Неоцивилизация

В России ускоренными темпами утверждается, вполне и инициативно, даже и принудительно, новая цивилизация, правда, по сути своей совсем и не новая, ибо это всего лишь обветшала, хотя и постмодернистски молодящаяся, западная цивилизация, — для России она, конечно же, вовсе не западная, а псевдозападная, как и не цивилизация в полном смысле слова, а какая-то псевдоцивилизация — суррогатная, извращенная, уродливая.

И тем не менее — *неоцивилизация*, которой ни Россия, ни мир еще не видывали, но которую очень хотят видеть нынешние устроители, они же и просвещенные цивилизаторы, России.

Это, безусловно, не что иное, как очередная вестернизация России, разумеется, вестернизация совершенно по-русски, как одновременно, и

по-антирусски, но что особенно интересно — вовсе не по-западному, а так... скорее, по-инфернальному, ибо в итоге получается как-то ловко вывернутое на изнанку, греховодное и своенравное нечто, в пространстве которого нельзя ни жить, ни трудиться, ни творить, а ежели и жить, и трудиться, да еще и творить, то лишь вопреки — стиснув в великом терпении и негодовании зубы, да не теряя надежды на внезапное возрождение будущего.

Нынешнему правительству — этому первому заложнику проведенных в стране шоково-патологических реформ — и впрямь хотелось бы, наверное, упорядочить и цивилизовать исковерканную и изувеченную все теми же реформами страну, придав ей хоть какую-то статность и даже нанести на ее лик кое-какой добросветский шарм, но покорная страна уже успела попривыкнуть к царствующей везде и всюду аномальности, социально расслабиться и морально истощиться, вжиться в примитивную паразитарность, словить кайф от вездесущей порочности и пошлого гедонизма, а потому совсем и не склонна к таким ненужностям, как национальная консолидация, гражданская ответственность, конструктивный солидаризм, великие мобилизации и свершения, не говоря уже о каких-либо исторических прорывах и взлетах.

Возникшей в муках погребально-отчаянных реформ цивилизации куда как милее частный интерес, погоня за деньгами и личным богатством, необузданное присвоение и неумное потребление, эксплуатация, коррупция, грабительство, и совсем не милы ей труд, творчество, созидание, не говоря уже о братстве людей, а ежели что-то такое и есть, то лишь как остаток, пережиток, архаизм, как раз то самое, что каким-то образом во чреве матушки-России сохраняется, но особенно не культивируется, не поощряется, не приветствуется.

И однако — *модернизация!* Вдруг в России была провозглашена модернизация — какая-то, по-видимому, особенная модернизация — *модернизация модернизации*, ибо случившаяся реформа как раз и занималась самой что ни на есть модернизацией, призванной втащить Россию, оставшуюся от разгромленного СССР, прямиком в цивилизованный мир. Так что сама по себе модернизация вовсе не новость для блудящей великой страны, а новостью, по-видимому, является намерение что-то в стране все-таки изменить, во всяком случае, как-то ее обновить, усовершенствовать, «опередовить», а там, глядишь, и на путь всестороннего развития и процветания вытолкнуть.

Что ж, пусть модернизация, а не перестроение, пусть подновление, а не «большая перемена», пусть не ударная мобилизация, а плавное течение, пусть не так внутренний вырыв, как вливание извне, но вот в итоге-то *что?*

Нет, никто в сегодняшней России не сомневается в том, что какая-то модернизация в ней все время идет, как и в том, что непременно состоится попытка *неомодернизации* — хотя бы как *суб-модернизации* (вторичной, подражательной, зависимой), как и в том, что усиливаются признаки *неоцивилизации*, пусть и суб-цивилизации, как и мало кто сомневается в том, что неомодернизация может оказаться слишком частичной, поверхностной, какой-то скользящей, ближней, в общем, более пиарной, чем реальной, а неоцивилизация может оказаться попросту очередной обманкой, правда, для уже вполне, изуверившегося населения, а потому, надо полагать, окажется для него обыкновенной, уже не загадочной, фальшивкой, но зато рождается немало сомнения в конечных последствиях для России всей этой новой модернизации, среди которых маячат почему-то и такие, как полная победа не-России в России и не менее полная победа над Россией алчного мирового контекста.

Угроза модернизационного исчезновения России вполне реальна, в особенности, если вспомнить предшествующие радикальные модернизации, осуществлявшиеся по внешним образцам и чужеродным замыслам, а потому и отправлявшие «отсталую» Россию в небытие и выдвигавшие вперед передовую-де не-Россию. И хотя Россия все-таки уцелела, переваривая заодно и новую не-Россию, то в очередной раз этого может и не случиться, ибо ныне Россия не только убийственно инфернализирована, но и самоубийственно прельщена.

И текущая модернизация вместе с неомодернизацией реализуется в России не столько как обжигающая необходимость и жгучая потребность, сколько как брызжущая гедонизмом, гламуром и порочностью великая прелесть, причем вовсе не только в сфере личного присвоения, потребления, досуга и так называемого самовыражения, но и в сферах образования, коммуникаций, деловой активности, даже и самого творчества.

Наступает не просто новое, но... *иное*, причем вовсе не сакральное, не природное, а самое что ни на есть искусственное, фиктивное, симуляционное, одним словом — *постмодерновое*, а за ним и прямо *постчеловеческое*, а для России-матушки... и *построссийское*.

Есть тут над чем призадуматься?

Однако слово вброшено — *модернизация*, а за ним кроются совершенно разные смыслы, а за смыслами проглядывают и самые разные судьбы — что людей, что сообществ, что всей огромной страны.

Новой модернизации подлежит практически все: и экономика, и производство, и инфраструктура, и наука, и образование, и социальная

сфера, и армия, и лесное хозяйство, и МЧС, да мало ли еще что, ибо все в стране, если и не устарело совсем, то никак уж на что-то передовое, приличное и эффективное не тянет, мало того, ни к чему новому и передовому особенно и не тянется.

Куда ни кинь, везде будет одно и то же — модернизация, а точнее — *неомодернизация!*

Неомодернизация призвана, по-видимому, завершить, подправить, а в чем-то и изменить уже совершенную посредством внезапных лихорадочных реформ модернизацию, поскольку неомодернизация несет какую-то *иную* заданность, чем прежняя модернизация, в своей модернизационной основе весьма провальная.

Расчет здесь теперь не на ломку прежней структуры хозяйства и прежнего образа жизни, признаваемых несостоятельными, как это было в период тех же радикально-рыночных реформ, а на дополнение уже существующего чем-то совершенно новым, которое, судя по всему, само из этого существующего возникнуть никак не может, даже при активно стимулирующей роли государства. Отсюда как вынужденный негативистский приговор пореформенным хозяйству и обществу — как не способным к самостоятельной неомодернизации, так и позитивистское упование на границу — приток нефтедолларов, приход иностранного капитала, зарубежные опыт и технологии, внешний, пусть во многом когда-то бывший и отечественным, интеллект. Надежда в основном теперь на деньги, на закупки и инвестиции, на покупку мозгов, — этакая либеральная финансово-интеллектуальная неомодернизация, не избегающая при этом модернизации самих финансовой и интеллектуальной сфер, опять же более всего на иностранный — завозной — манер. В общем, в некотором роде и удивительное повторение петровской реформы-модернизации, разве лишь без зверской эксплуатации российских подданных, которых, к тому же, в сегодняшней России для реализации какой-либо высокой модернизации попросту нет, во всяком случае, явно не хватает.

Выходит, что не собственная разработка, не внедрение чего-то нового, как раз того, что соответствует параметрам престижной и амбициозной неомодернизации, как и никакая не новая индустриализация страны, реализующая и обеспечивающая подобную неомодернизацию, а завоз неомодернизации из-за рубежа, разумеется, в зарубежных в основном параметрах и на зарубежных по преимуществу условиях.

Что ж, вполне возможно, что иного выхода теперь у России нет, хотя и есть еще кое-какие резервы и наработки, которые скорее всего уже не способны разжечь пламя отечественной неомодернизации, но

зато вполне еще смогут послужить вспомогательным топливом в зарубежных интеллект-печах.

Неомодернизация предполагает переход к высокотехнологичным производительным процессам, напичканным компьютерами, автоматикой, электроникой, кибернетикой, информатикой, использующим микро-, нано- и биотехнологии, способные производить и применять новые искусственные материалы, новую органику, новые микропроцессоры, новые средства информации, новые способы добычи, расходования и экономии энергии, а также развивать новую науку, новую медицину, новые средства связи, новую агротехнику, новое строительство, новый транспорт, производить новые механизмы, машины и автоматы, создавать новые агломерации.

Неомодернизация предполагает переход к новому (шестому) технологическому укладу, а вместе с этим и к новому социальному укладу бытия, оснащеному новыми, невиданными ранее, средствами информации, коммуникаций, управления, принятия решений, обучения, счета, моделирования, психотехники, суггестии, манипулирования сознанием, социальной инженерии, перемещения людей и вещей (пространственной мобильности), занятости, труда, творчества, услуг, досуга, наслаждения.

И незаметно может наступить самая настоящая нецивилизация, которая будет отличаться настолько высокой степенью технотронности, что придется, видимо, подыскивать для такой «цивилизации» какое-то другое словечко — вроде того же «технобщества». Человек со всей окружающей его высокой техникой и под ее влиянием быстренько превратится в какого-нибудь киборга, а с учетом встроенного в человека чипа — в самого настоящего «чиповека».

Так, по-видимому начнется эра *постчеловечества*.

Разумеется, все это пока не слишком близкая перспектива, хотя, быть может, и не такая уж далекая, как кажется. И Россия втягивается волей-неволей в эту перспективу — то ли сама по эйфорической инициативе ее нынешних властных фигурантов, то ли с услужливой подачи извне. И опять, глядишь, большой переворот, опять новая революция, после чего... Россия вполне может стать чем-то вроде нынешней Москвы, которая уже никакой Москвой не является, — и *этого* ли конца действительно жаждет пореформенная Россия?!

Ф.И. ГИРЕНОК

Политический аутизм

Аннотация. В статье анализируются социальные, философские и политические причины пожаров, охвативших Россию летом 2010 г. Автор выдвигает идею о том, что общество, которое не создало социальные машины, деградирует.

Ключевые слова: Россия, пожар, общество, антропология, человек, социальная машина, политика.

Abstract. In article the social, philosophical and political reasons of the fires which have captured Russia in the summer of 2010 are analyzed. The author puts forward idea that the society which has not created social cars, degrades.

Keywords: Russia, a fire, a society, anthropology, the person, the social car, a policy.

Политическое появляется в тот момент, когда мы ясно осознаем, что они — это не мы, а мы — это не они. «Мы — это не они», — говорю я вслед за К. Шмиттом, глядя на политиков. Политик — это человек, которому чуждо сострадание или сопереживание людям. Политик вне морали. У политика эстетический взгляд на вещи. Лично его по большому счету ничто не касается. Он всегда сумеет создать для себя ситуацию внеаходимости. Политическое требует внеаходимости. Все эти мысли пришли мне в голову в связи с пожарами.

Пожары

В пожарах, охвативших всю центральную Россию, горели деревни, леса и брошенные людьми торфяные разработки. В огне гибли люди. Появились тысячи погорельцев. В городах стали умирать от удушья. Говорят, в Москве в эти дни смертность возросла в два раза.

Полтора месяца страна дышала отравленным воздухом. Гарь и дым проникали в наше нутро и изнутри ничтожили нас. Вместе с гарью и копотью в наши расплавленные мозги проникала мысль о одиночестве русской жизни.

Единочество русской жизни

Единочество — это внешнее единство, оставляющего каждого из нас внутри своего абсолютного одиночества. Россия — это лучшее, что сделали русские за всю свою историю. Но это лучшее мы теряем. Теперь мы точно знаем, что воздух России отравлен, но это

единственный воздух, которым нам дано дышать. И мы дышим этим воздухом, наблюдая из своего одиночества за тем, как медленно и обреченно вымирает наш народ и умирает наше государство. Единочество смерти парализует нашу волю. Мы умираем так же, как когда-то в одиночестве погибал экипаж подводной лодки «Курск».

Вокруг нас уже рыщут посланцы иных народов и иных культур, предвкушая возможность выполнения предназначенной им судьбой роли социальной гигиены, пожирателя исторических трупов.

Прощание с соборностью

В августовские дни 2010 г. сгорели последние остатки былой надежды на русскую соборность, на синергию народа, государства и церкви. Соборность — это хрупкий цветок русской культуры, выросший на евразийских просторах и сломленный ураганом агрессивной толерантности, зародившейся над Атлантическим океаном. Солидарность с погорельцами — это, пожалуй, все, что осталось от нашей соборности. Ведь собор — это не коллектив, не социальная группа, это способ существования людей, центр которых смещен из «я». Собор — это «мы». А «мы» — это «я» за пределами самого себя. Что может объединить людей с «я», которое смещено из центра? Только вера, надежда и любовь.

И вот этих людей у нас больше не осталось. Они куда-то испарились, исчезла та Атлантида, на которой они жили, а мы остались, но мы другие. У нас центр стоит на месте, наш центр — это «я». А «я» — это уже не «мы». В наших сердцах нет сегодня ни веры, ни надежды, ни любви. Русские перестали быть русскими, мы становимся россиянами. Россиянин — это не зрелый плод истории, а простой продукт политехнологов и социальной инженерии, за ним нет никакой органической жизни. Поэтому у нас теперь не собор, а броуновское движение атомов. Что нас может объединить в группу? Только интерес, только корысть. Россияне — это не народ, это электорат, население, номада, которая не знает ни своей истории, ни своего имени, ни своей родины.

И мечемся мы из стороны в сторону от одного катаклизма к другому, спрашивая себя об одном и том же — за что?

Разбойники

Существует два ответа на этот вопрос. И оба они принадлежат разбойникам, которые висели на кресте рядом с Христом. Один из них сказал Христу: «Слушай, если ты Бог, то тогда, что мы здесь делаем? Зачем мы висим и мучаемся? Спаси себя и нас, и дело с концом».

Другой пристыдил первого. Мол, не трогай Христа, он здесь ни при чем, на нем нет вины. А мы с тобой здесь достойное по делам нашим принимаем.

Первый разбойник — язычник, прообраз будущего атеиста. Для него мир — это естественный процесс, изменить который может только чудо. Но чуда, как он понял, не бывает. Второй разбойник — христианин. Для него мир — это реальность, причиной которой ты сам являешься. Поэтому все, что в мире происходит, происходит с твоим участием, и ты за это отвечаешь.

Два взгляда на горящую Россию

Европа с едва скрываемым презрением смотрела на горящую, богатую Россию, из вежливости отправляя ей гуманитарную помощь. Америка и Китай молча наблюдали за происходящим.

Конечно, пожары были и будут всегда. В Европе недавно горела Греция, но в Греции ловили поджигателей. Там никто не ставил под вопрос прочность социальных устоев. Другое дело мы. У нас пожары сразу же вызывают вопрос о легитимности существующих порядков, о праве править, о дееспособности всего политического класса. И, прежде всего, его передового отряда — чиновников. Это придает пикантность нашим пожарам. За чем наблюдают Запад и Восток? За тем, не пошатнется ли русский гигант, не глиняные ли у него ноги. Смотрят не на пожары, а на власть: не сломает ли она себе шею.

Два взгляда на пожары

Власть пытается представить пожар как природную стихию, как форс-мажор. У власти взгляд первого из разбойников. Логика ее такова: если пожары — это природный катаклизм, то с ним должна иметь дело не власть, а МЧС. Хотя МЧС создавалось для другого — для защиты людей в населенных пунктах. МЧС — это, в конце концов, модернизированная система гражданской обороны, созданной в СССР.

Для власти тушение пожара — это технологический процесс, который, правда, сами мы в силу технологической деградации организовать не можем.

Некоторая часть людей видит в пожарах не природный катаклизм, а наказание за грехи, возмездие за нарушение правил человеческого общежития. Этим людям близки слова второго разбойника, первым из людей попавшего в рай. Логика их такова: за маленьким пожаром рано или поздно придет большой пожар, в котором сгорит весь мир, чтобы очиститься. Этот пожар не залить водой из Оки, не загасить специальными средствами.

Антропологическая деградация

Первая причина, следствием которой являются лесные пожары, — это антропологическая деградация. Эта деградация началась в тот момент, когда наше «я» стало точкой отсчета в наших мыслях и делах. Оно заслонило нас от Бога, и мы потеряли веру, а также традицию, ибо любая традиция не начинается с «я». Быть в традиции — значит всегда быть готовым к смещению своего «я» из центра. А это значит, что тебе в каждый момент надо сознавать, что ты не все можешь.

С потери этого сознания начинаются история русского своеволия и — одновременно — история присвоения свободы. В Европе свободу присоединили к политике. Русские извлекли другой опыт. Мы присоединили свободу к быту. В Европе возникла идея политической свободы, в России стала доминировать идея бытовой свободы. Русская разнузданность рождена бытовой свободой.

В отличие от Европы мы не прошли дисциплинарный путь от традиционного общества к модернистскому. У нас, видимо, были плохие дрессировщики, поэтому в России не возникло современное общество. Правда, некоторое общество у нас все же было, но оно возникло в результате Гражданской войны и просуществовало недолго, 70 лет, ибо было предано его руководством.

Сегодня у нас нет никакого общества. Мы — неструктурированная протоплазма. У нас нет даже выдрессированной рабочей силы, нет профессионалов. Чтобы создать из крестьянина рабочего, в начале XX в. в России нужно было создать систему штрафов, которая действовала до 1917 г. Суть ее заключалась в том, что если рабочий плевал на пол, с него брали штраф, если шел по газону — штраф, приходил на работу пьяным — штраф, бросал окурок в неположенное место — штраф, ругался — штраф, допускал брак — штраф. Когда рабочий подходил к кассе, получать ему было нечего. А у него семья, дети. Штрафы были воплощением плодотворного насилия, а не разгулом коррупции.

Сегодня мы можем все. У нас начинают пить и курить уже в детском саду. Пьют все: девочки и мальчики. Бутылки, окурки и спички летят налево и направо. Мы создаем вокруг себя горы мусора. Нам никто не указ. Мы жарим шашлыки в заповедных местах, мы разводим костры всюду, где нам заблагорассудится, если захотим, то устроим барбекю прямо в Кремле, и нам не придет в голову убрать за собой мусор. Нам ничего не жалко, мы ничего не боимся. Мне иногда кажется, что немало нечистых на руку лесозаготовителей поспособствовали возникновению лесных пожаров.

Поэтому отравленное лето 2010 г. нам нужно принять в качестве того, что достойно нашей разнузданности. Не раз уже было замечено, что сам по себе, без формы, без царя в голове русский человек — дрянь.

Социальная деградация

Вторая причина жаркого лета 2010 г. — социальная деградация. Поскольку в России нет общества и законов, постольку у нас есть политики, которые необъяснимым образом являют свою милость и так же необъяснимым образом лишают нас ее.

Общество начинается там, где заканчиваются милость политиков, сила эмоций и чувств и начинают работать социальные машины. Социальные машины — это последовательность действий, внутри которых не допускается отсыл к человеческому, к эмоциям и чувствам. Вот пример. Однажды мой давний знакомый попал из мира бытовой свободы в мир разумного порядка, т. е. из России в Германию. В Германии он жил в небольшом городке, и все было бы хорошо, если бы ему однажды не пришла в голову мысль вынести мусорное ведро. Дело в том, что в Германии мусорные баки заполняют до шести вечера, а моему приятелю в силу широты русского характера захотелось это сделать после шести. Он взял мусорное ведро, отошел подальше от своего дома, нашел бак и выбросил в него мусор. Не успел он, довольный, пройти десять шагов, как около него остановилась полицейская машина. Ему выписали штраф. Так работает социальная машина в Германии.

Приведу другой пример. Я тоже живу в небольшом городке. Подо мной на первом этаже жили наркоманы. Они варили наркотики, используя для этого ацетон. Однажды у них что-то не получилось, и возник пожар. Приехали пожарные и милиция, пришел участковый. Пожар потушили, причину установили. Наркоманы продолжали варить наркотики. Их ацетоном дышал весь подъезд. Иногда у нашего подъезда останавливалась милицейская машина, потом она куда-то уезжала по своим делам.

И вот однажды, измученный ацетоном и жарой этого лета, я позвонил по «02». Трубку долго не брали, потом кто-то ответил мне. Я рассказал о наркоманах. Дежурный стал дотошно допрашивать меня: кто я, откуда, каковы мои координаты, нет ли у меня в роду больных шизофренией, — я бросил трубку. Через некоторое время я вновь позвонил по «02». На этот раз мне сказали, что у них все наряды на выезде, а мне лучше обратиться к участковому, телефона которого мне не дали. Я позвонил в ФСБ. Сонный голос сообщил, что их это не интересует, это находится за пределами их компетенции. В конце концов, я отыскал участкового, который сообщил мне, что он работает недавно, что он за всеми не может уследить, что у него нет даже бумаги, на которой он мог бы распечатать свой телефон и развесить по подъездам.

Моя ситуация разрешилась тем, что наркоманы умерли. Так работает социальная машина в России. То есть у нас есть милиция, есть ФСБ, есть наркоконтроль, есть чиновники и менеджеры. Но у нас нет социальных машин, и поэтому у нас нет общества.

Герои и русская разнузданность

Когда в нашей стране начались пожары, я понял, что этим пожарам не противостоят социальные машины. Люди могут им противопоставить только свои чувства и эмоции. Иногда мне кажется, что единственная работающая социальная машина в стране — это социальная машина по какому-то особенно ловкому разворовыванию денег. Грустно наблюдать, как чиновник просит своих подчиненных не красть деньги, которые выделены не для ерунды какой-нибудь, а для погорельцев.

В государстве, в котором не работают социальные машины, люди предоставлены своей разнузданности, своим эмоциям и чувствам. В этой разнузданности могут родиться только русский бунт, слепая злоба и агрессия, которые быстро находят ответ на вопрос о том, кто виноват. Виноват в том, что у нас нет лесников, нет лесной охраны. В деревнях нет бочек с водой и песком, нет щитов с багром, ломом и лопатой. Виноват в том, что нет просек в лесу, что бросили без присмотра торфяники, что не сохранили пожарные водоемы, не обеспечили связь деревни, что лесопромышленников заставили заниматься охраной леса.

Страна, в которой не работают социальные машины, в которой пульсируют злоба и агрессия, нуждается в героях. Герой — это человек, который своими личными качествами пытается залатать социальные дыры. За время тушения пожаров у нас появилось много новых героев, у нас не появилось главного: структурированного общества, мы, как были, так и остались протоплазмой.

Социальные машины не нуждаются в качествах людей, в героях, ибо эти машины и недобродетельных людей заставляют делать добро. Почему в России нет законов? Потому что в России законы падают, как снег на голову. Мы их не ждем, мы не хотим, чтобы они были, а они появляются. Мы не хотели трехзвенной системы управления, а она появилась. Мы не хотели лесного закона, оставляющего лес без присмотра, а он был принят. Мы не хотели чубайсовских реформ в энергетике, а они прошли. Мы не хотели реформы образования, а нам ее навязали. Мы не хотим менять Академию наук на Сколково, а, видимо, придется. Мы не хотим проводить олимпиаду в стране, а нас не слушают. Мы не хотим, чтобы министром финансов был Кудрин, но на нас никто не обращает внимания. Мы хотели Глазьева или

Примакова видеть во главе правительства, а нас не заметили. Мы хотим других законов для страны. Но они, видимо, нужны только нам.

Так возникает пропасть между нами и ними, между народом и властью. Ведь если мы не хотим, чтобы какие-то законы были, то это значит, что никто из нас не будет действовать ради закона. В лучшем случае мы будем действовать по закону. Но для этого у власти должна быть сила, которая заставила бы нас подчиниться. Но у политической власти России сегодня нет такой силы. Поэтому следующей причиной летнего кошмара является политическая деградация России.

Политическая деградация

Единственное, что нас, русских, сегодня может объединить, это либо интерес, тяга к всеобщему эквиваленту, либо страх, сила насилия. Либо одно, либо другое. Политическая власть России выбрала первое, уклоняясь от второго. Она выбрала деньги как абсолютную ценность и всеобщий регулирующий механизм. Она выбрала и промахнулась, потому что деньги могут делать только деньги, но сами по себе деньги заводов не строят, пароходов не создают, технологий не изобретают. Чистыми пространствами, где деньги делают деньги, являются, с одной стороны, спекуляция, с другой стороны — коррупция.

На фоне фундаментального выбора власти возникла зловещая фигура менеджера, который почему-то решил, что управлять — это значит играть в управление, сидя на финансовых потоках. Поскольку деньги делают деньги, не будучи опосредованными отношением к труду и реальному движению товаров, постольку их движение спекулятивно. Вот это спекулятивное движение капитала и персонифицирует менеджер. Через спекуляцию и коррупцию менеджер и чиновник пытаются создать механизм социальных связей. В противостоянии менеджера и бюрократа заключено сегодня все богатство социальных отношений в России. То бюрократ прижмет спекулянта, то спекулянт отодвинет чиновника. Так они и живут. Реальная экономика для политического класса сегодня не имеет никакого значения. Политический аутизм современной власти состоит в том, что она боится реальности, а также в том, что она боится силы насилия. В России власть перестала быть силой, в России власть — это деньги. Хотя, конечно, деньги — это тоже сила, но все же это не сила власти, способной к насилию над чиновником и менеджером.

Вождь

Менеджер, вперив пустые глазницы в небеса, видит там только транзакции и финансовые потоки. Бюрократ видит символический капитал в дальнейшем продвижении по службе. Слепой ведет слепых,

а страна горит. И мы тушим пожар ведрами, сделанными в Китае. Этот вывод неминуемо следует из событий лета 2010 г. Политическая власть России дискредитирована снизу доверху. Они все находятся под подозрением. Никому из них нельзя верить. А по России бродит призрак, призрак политического лидера, идейного вождя. Никто не знает, где, когда и как этот призрак материализуется. Но на него наши упования и надежды.

Ю.М. ОСИПОВ

Наномодернизация

Аннотация. Если «нано» есть, это реальность, а не выдумка, то что можно сказать о «нано» применительно к человеку и обществу, сознанию и ноосфере, а также к феномену модернизации экономики, производства, социума? Некоторые соображения по этому поводу.

Ключевые слова: философия хозяйства, физика, метафизика, социология, экономика, модернизация, нанопроцессы, нанотехнологии, наномодернизация.

Abstract. If «nano» exists, if its is real, not artificial thing, what can we say about «nano» relating to human and society, conscience and noosphere, as well as to the phenomenon of the modernization of economy, production, society? Some thoughts on this issue are provided.

Keywords: philosophy of economy, physics, metaphysics, sociology, economy, modernization, nanoprocesses, nanotechnologies, nanomodernisation.

Не вообще модернизация — как обновление, совершенствование, осовременивание, развитие, а *нано*-модернизация, что означает, по-видимому, во-первых, работу на каком-то там микромикроуровне — на уровне чуть ли не первоосновы (!) всего материально-вещественного мира; во-вторых, в криптогенном образе, в виде большой и очень неопределенной загадки — что, как, с какими затратами, результатами и последствиями? в-третьих, с привлечением иноземных (даже и российско-советского происхождения) модернизаторов, которые сами по себе тоже по преимуществу достаточно микроскопичны и нанотехнологичны: кто, почему, зачем?

В физике «нано» что-то явно значит, относясь к микромиру и характерной для этого мира самоорганизации. В социологии, к примеру, «нано»... уже ничего не значит, ибо нет в социологическом социуме никакого «микро-микро», хотя полно всяческой самоорганизации, как и таинственного духа, наукой, впрочем, не признаваемого. В психологии, возможно, «нано» что-то и значит, ибо в психике есть что-то не просто невидимое, что понятно, но и неведомое, к тому же и самоорганизационное, с чем психология вынуждена непременно считаться (некие «психочастицы» и их свободные комбинации). Кое-что «нано» значит, как ни странно, в экономике, ибо в экономике есть стоимость

со своим неведомым микроуровнем, блуждающими «частицами» и их вольной, как и невольной тоже, самоорганизацией (ценообразование — не что иное, как нанотехнология). И ежели в физике, включая технику, химию, биологию, генетику и т. д., явно возможны практические наноманипуляции, пусть и неопределенные, самовольные, рискованные, то в остальном наукомире возможны не наноманипуляции как таковые, а лишь манипуляции с наноуровнем, которые всегда были, есть и будут (как правило, в повседневной практике, за пределами науки, все это не слишком признающей, но по большей части просто игнорирующей).

«Нано» важно не тем, что это «микро-микро» и что это в той или иной мере самоорганизация, а своей неведомостью, таинственностью, трансцендентностью — даже и в физике, где несмотря на большую, чем в социуме, наблюдаемость микропроцессов и возможность технического ими манипулирования, все равно остается что-то, для физики огорчительно неизвестное, просто так не объяснимое, во всей полноте не моделируемое, а потому и небрежно своевольное.

Отсюда наномодернизация не просто затейливый заход на обновление, а *не слишком ведомый заход на слишком неведомое обновление. Это большая игра с очень большим и опасным неизвестным!*

Вот почему наномодернизация, включая и ее затратную (экономическую) компоненту — большая загадка, мало того, еще и блуждающая загадка (вроде безответственной «странной частицы» или досточтимого «летучего голландца»), ибо тут не только большая во всем неясность, но и великая неопределенность процесса во времени и в пространстве.

Сегодняшняя наномодернизационная интенция, ни с того, ни с сего провоцируемая российским правящим истеблишментом — яркое подтверждение российских, да и не только российских, постмодерновых реалий, точнее бы сказать... ирреалий.

Однако постмодерн на то и постмодерн, чтобы вытворять что-то необыкновенное!

Наноуровень в физическом мире есть, возникают и развиваются физические нанотехнологии, но все это имеет самое прямое отношение к игнорируемой принципиальной физикой *метафизике*, что вызывает потребность не какого-нибудь, а *мировоззренческого (философского)* осмысления всего благопристойно нанотворимого, ибо тут уже замаячило вполне роковой схваткой с *Первоначалом*, как бы его удобно и утешно для себя ни трактовать.

А где первоначало, там... и... первокоонец!

* * *

Поразмыслив над *нано*-проблемой в ходе работы научной конференции «Наноиндустриализация в России и в мире: экономические и социальные аспекты» (16—17 сентября 2010 г., г. Волжский), автор сего текста еще более утвердился в том, что *наномир* относится более всего уже к первооснове мироздания, может, даже к первоматерии, или же исход-материи, в общем, к началу света и его же краю, а где начало и край, там ведь маячит и конец — конец света, замыкающийся на начало и край света.

Наномир, рассматриваемый как материальный, непосредственно граничит, надо полагать, с метамиром, полным уже не физики, а метафизики, не материи, а духа.

Нанотехнологии, эти естественные манипуляторы с наномиром, разумеется, обо всем таком не думают, упоительно осваивая одну из новых для себя сфер мироздания. Пока дело ограничивается косметикой и новыми материалами, то никакой особой тревоги по поводу вторжения в наномир нет, но ясно, что великое дело только разворачивается, ибо человек взялся уже и за переделку внешнего природного мира — созданного самой природой, и за создание того, чего природа не создавала, что означает, что человек берет на себя функцию чуть ли не изначального демиурга мира, а потому и нового мира — совершенно уже не природного (не от природы теперь мир, а вместо природы).

Все это очень серьезно... и, разумеется, небезопасно, а лучше сказать — *очень даже опасно!*

Никто сейчас не знает ни глубины, ни масштабов нанотворимого, ни его реальных возможностей, ни практических результатов. Пока, конечно, творится мелочь, но... но ведь и до человека нового — не очеловека, а то и до постчеловека, можно вполне добраться, вмешавшись в наномир самого человека, и этот мир переделав — вот вам и гуманоиды, и чиповек, и человекообразы, ну и, разумеется, сверхчеловеки!

Короче, маячит новый, по-видимому, уже постчеловеческий мир, населенный не одними роботами, а и новыми человекообразными существами — полными продуктами человека творящего.

Страшно? Кому-то и страшно, а кому-то, знаете ли, интересно, даже и забавно, ибо человек современный, как раз нанотворящий, освобожденный от тенет природы и опеки Бога, ничего нового (инновационного) особенно и не страшится: смело идет, не зная куда, стремится вперед, не зная цели. Вот они, булгаковские телеология и эсхатология, правда, не совсем те, что сейчас вершатся, ибо у Булгакова-то они христианские.

Теперь об аналогиях и метафорах.

В психике и социуме, в сознании и ноосфере хватает всего того, что можно было бы по аналогии и метафизически назвать нанопроцессами: слова, смыслы, понятия; тот же язык; память, переживания и решения; поведение; всякие неведомые (стихийные) самоорганизации вроде стоимости в экономике, того же ценообразования.

Психический и социальный миры, сознание и ноосфера полны всяких нанопроцессов, которые так никогда не называли, но которые всегда были, как и в том же материальном мире. Отсюда *нанoeкономика* — мир, сфера, совокупность экономических нанопроцессов (скрытых, таинственных, трансцендентных). Стоит ли говорить о такой вот нанoeкономике? Возможно, и стоит, ежели ввести какую-то *наноединицу*, то ли находящуюся в зоне сознания и в ноосфере, то ли составляющую сами эти сознание и ноосферу, как раз ту самую единицу, в которой все смысло-функциональное сходится (точка-фокус) и из которой все это и расходится (вроде «бокового взрыва»). С применением нанодискурса появляется возможность как-то различать, обозначать и структурировать не только физическое, но и метафизическое.

К нанoeкономике возможен и другой подход — как к экономике, обслуживающей нанотехнологические процессы. Почему нет? Особенное производство, особенная же его организация, в том числе и экономическая.

А пока «нано» — более строптивая загадка, чем укрощенная реальность, то самое рукотворное чудо, от которого у одних неподдельное восхищение, а у других лишь окающая дрожь по все-еще-человеческому организму!

О.В. ИНШАКОВ

Наноиндустриализация в глобальном контексте*

Аннотация. В статье раскрывается стратегическое содержание многоуровневого процесса наноиндустриализации как компонента неоиндустриализации и шестого технологического или социально-экономического уклада на основе структурной модели глобальной экономической системы и метапроизводственной функции.

Ключевые слова: нанотехнологии, наноиндустриализация, наноиндустрия, нанoeкономика, глобальная экономическая система, мета-

* Печатается при поддержке РГНФ, проект № 09-02-20203а/В.

производственная функция, эндогенные факторы производства, мегаэкономика, мегагенерация.

Abstract. The strategic contents of nanoindustrialization multilevel process as a component of neoindustrialization and the sixth technological or socio-economic mode on the basis of global economic system structural model and metaproduction function is disclosed in the article.

Keywords: nanotechnology, nanoindustrialization, nanoeconomics, nanoindustry, global economic system, metaproduction function, internal factors of production, megaeconomics, megageneration.

Ставшее приоритетным направлением экономической политики стран — лидеров мирового хозяйства развитие нанотехнологий является закономерным проявлением эволюции глобальной экономической системы (GES), основанием и импульсом новой технологической революции, которая будет определять развитие всех основных и промежуточных (мезо-) уровней строения — от мегаэкономики до наноэкономики GES [1].

Нанотехнологии играют роль движущей силы новой повышательной волны кондратьевского цикла [2]. Следовательно, они формируют новую мегагенерацию глобального хозяйства в XXI в. на предстоящие 50 — 60 лет. Формирование нового шестого технологического уклада [3], или, точнее, хозяйственного уклада на основе нанотехнологий началось до глобального кризиса и жестко не связано с ним. Это — цикличность иного порядка, хотя взаимодействие длинных волн и современного глобального кризиса явно. Нанотехнологии открывают возможности проникновения в глубь вещества и процессов природы, они могут и должны развиваться в адекватных формах в различных сферах, секторах и отраслях хозяйства и общества.

Развитие нанотехнологий порождает наноиндустриализацию, которая выступает новой стадией развития всех секторов производства, особой формой неоиндустриализации в глобальном масштабе, создает наноиндустрию. Наноиндустриализация имеет глобальный, надотраслевой характер и постепенно охватывает все стороны жизни и все отношения людей. Наноиндустрия — новый тип масштабно организованного, массового производства стандартизированного в глобальном масштабе, который характеризуется не только технологией принципиально иного уровня, но и соответствующими ей экономическими и социальными отношениями субъектов всех частей GES.

Рождение наноиндустрии доказывает наступление нового индустриального способа производства, когда все факторы производства приобретают новое качество и «работают» на новом уровне, доказывая несостоятельность концепции постиндустриальной экономики и по-

стэкономического общества [4; 5]. Мегагенерация наноиндустрии формирует свою структуру и инфраструктуру на локальном, региональном, национальном и глобальном уровнях (фирмы и рынки, потоки и каналы, узлы и центры, зоны и пояса). Она создает новую макрoгенерацию в экономиках отдельных стран [6].

Применение нанотехнологий и наноматериалов в различных отраслях, межотраслевых и территориальных комплексах, в обслуживающих их функционирование сферах (финансовая, информационная и др.), сегментах рынков и секторах (государственном, частном, корпоративном и др.) GES дает выраженные синергические и кумулятивные эффекты, стимулируя процессы перехода человечества на высший качественный уровень развития.

Если действие производительных сил нанопроизводства системно развертывается в определенном направлении, то переменные метапроизводственной функции сцепляются в соответствующий единый комплекс причинных связей. В нем изменение любого из эндогенных и соответствующих экзогенных факторов нового типа производства вызывает изменение всякого другого фактора в том же направлении, а это в свою очередь оказывает вторичное воздействие на первую и главную из переменных общественного прогресса — человека. При этом конечный результат будет неизмеримо превосходить первоначальный импульс, как отмечал Г. Мюрдаль [7, 201]. Можно утверждать, что нанотехнологии не только становятся катализатором формирования инновационной неоиндустриализации экономик многих стран, но и способны создавать мощные интернальные и экстернальные импульсы и эффекты.

Следовательно, речь идет о «возникновении и развитии мощной положительной обратной связи и последующем за этим процессом «разгоне систем» [8], когда внедрение результатов научного творчества обеспечивает формирование неоиндустриализации на базе нанотехнологий, а созданный новый тип производства стимулирует мощное развитие адаптивных и креативных способностей людей. Наноиндустриализация станет мощным генератором или трансформатором экономического роста отдельных отраслей в краткие сроки, масштабных структурных сдвигов в национальных экономиках и изменения их конкурентных позиций в мире — в среднесрочном периоде, определит развитие всей GES — в долгосрочной перспективе.

Наноиндустриализация по своему содержанию и формам — глобальный процесс, который охватывает все девять уровней строения GES [1] и доказывает, что эта система значительно и с ускорением расширяется таким способом. В теоретической и практической модели строения GES мегаэкономика — ее первый уровень, внешняя пригра-

ничная сфера, но основной образующий уровень — микроэкономика, поскольку без предприятия теряет смысл всякая экономика как активная деятельность, направленная на получение определенного дохода, а наноэкономика — ядро данной системы, связанное с активной трудовой деятельностью человека вообще. Возникающие предприятия, осуществляющие проникновение в наносферу бытия, создают эффект расширения GES за счет формирования наноиндустрии, имеющий два вектора — к мегаэкономике и к наноэкономике.

Мегавектор и нановектор расширения GES действуют одновременно как центробежный и центростремительный соответственно, развивая эту систему внутрь и вовне, усложняя ее состав, связи и функции. В процессе функционирования современной GES люди перерабатывают все больше компонентов естественной среды мира, делая ее искусственной. В результате производственной трансформации не только расширяется вещественное содержание благ, но и растет система трансакций между людьми, или общественных отношений от нано- до мегауровня строения GES.

Очевидно, свой специфический наноуровень строения имеют не только природные (физические, химические, биологические), но и социальные (экономические, правовые, политические и др.) объективно существующие сложные системы. Им соответствуют предметные области отраслевых систем научных знаний. Понятие наноуровня условно и относительно, оно зависит от меры исходного объекта.

GES — единственная общечеловеческая по сути, содержанию и форме система общественных отношений ведения хозяйства. Если ее параметры принять за исходную величину, то окажется, что экономические отношения индивида и есть ее наноуровень со своей сферой ресурсов, факторов, процессов, результатов и отношений. Наносфера, «вскрытая» человечеством, изменяет содержание предмета экономической науки, что непосредственно влияет как на ее фундаментальные основы, так и на прикладные компоненты.

Современные исследователи в осмыслении наноэкономики пока недостаточно активны. Для решения этой задачи необходимо привлечь огромный научный потенциал, самые передовые разработки XXI в. и высококлассных специалистов, а также бесценный опыт экономической генетики, накопленный в прошлом веке. Пытаясь создать концепцию наноэкономики, ученые рассуждают в трех основных направлениях — утилитаристском, институциональном и эволюционно-генетическом.

Прагматики считают, что наноэкономика должна включать все экономические отношения, связанные с развитием нанотехнологий и наноиндустрии независимо от их масштаба (от мега- до микросистем).

Основой данного подхода является узкий практицизм, стремление извлечь выгоду из нанотехнологий при помощи использования всех традиционных механизмов, методов и инструментов регулирования, имеющихся в арсенале экономической политики и практики независимо от их уровня и масштаба. Такой подход широко применяется в современной практике и дает свои результаты, но не мобилизует глубокие резервы экономической теории и несущественно расширяет ее прагматический потенциал.

Бихевиористы сосредоточивают свое внимание на поведении индивидов в макроэкономических системах. Основой данного подхода является попытка расширить возможности воздействия государства на решения индивидов о потреблении, сбережении, инвестициях и предпринимательстве, чтобы мобилизовать их средства в развитие национальных проектов [9]. Такой подход слабо применяется в современной практике и дает малые результаты, но создает некоторые резервы экономической теории, хотя недостаточно расширяет ее прагматический потенциал.

Институционалисты связывают наноэкономику с экономическими отношениями отдельных «физических лиц» и необходимостью их учета в регулировании микроэкономических и макроэкономических систем [10]. Эта позиция изначально связана содержательно с правовыми отношениями и условными категориями. Но она позволяет осмыслить определенные аспекты участия (компетентность, эффективность, интенсивность, безопасность и пр.) индивидуальных акторов в становлении nanoиндустрии в национальном, региональном и локальном масштабе.

Эволюционисты обосновывают наноэкономику как особый уровень экономики, результат эволюции экономической теории и практики, систему отношений эндогенных факторов производства в действиях и операциях их акторов [11]. Сутью данного подхода является понимание экономической генетики как основы эволюционной экономики. Этот подход находится в стадии активной разработки и экспериментальной апробации, он способствует существенному расширению объектов, предмета и методов экономической теории, значительно развивает ее прагматический потенциал. Его применение позволяет создать и применить экономические нанотехнологии для операционного менеджмента, контроллинга, маркетинга и значительно повысить производительность труда, эффективность и конкурентоспособность предприятий отечественной nanoиндустрии в глобальном масштабе.

В мегаэкономике nanoиндустриализация формирует глобальные потоки и рынки нанотоваров и услуг; мегацентры исследований, создания нанотехнологий и концентрации nanoиндустрии; глобальные

сети и узлы коммуникаций, информации и наноинфраструктуры; глобальные институты и организации для эффективных трансформаций и транзакций в сфере наноиндустрии. Масштабы процессов предполагают активное подключение к ним глобальных институтов и организаций (ВТО, МВФ, ВБ, ВОЗ, МОТ и др.), создание новых пакетов глобальных соглашений в формате G8 и G20.

В начале XXI в. предполагалось, что объем мирового рынка нанотоваров к 2015 г. превысит 3000 млрд дол. Однако к 2004 г. объем мирового нанорынка уже составил примерно 500 млрд дол., к 2007 г. вырос почти в 3 раза и достиг 1400 млрд; а к 2015 г. возможен рост до 4000 млрд дол. [12]. В наноиндустрии мира будет занято до 500 тыс. человек и работать до 20 тыс. предприятий [13, 3]. Расширение наноиндустрии имеет тенденцию ускорения. Однако прогнозы развития глобального нанопроизводства и емкости нанорынка существенно различаются и страдают большими погрешностями, поскольку предполагаемые для будущего производства и обмена на нем товары недостаточно дифференцируются. Следовало бы разделить прогнозы на развитие рынка инвестиционных и потребительских товаров, на частные технологии и технологические комплексы, оборудование и услуги, товары конечного потребления и институциональные товары (стандарты, нормы, правила и т. п.), информацию и квалифицированную рабочую силу. Не исследуются теневые процессы и негативные эффекты развития глобального нанопроизводства и нанорынка, которые уже проявляются.

Ускоренное развитие нанотехнологий уже потребовало от государств значительных финансовых вложений. За 1997 — 2008 гг. мировой объем государственного финансирования нанотехнологий увеличился с 432 млн дол. до 8,4 млрд дол. За 10 лет объем бюджетного финансирования развития нанотехнологий вырос более чем в 10 раз, а объем корпоративного финансирования в 2008 г. составил 8,6 млрд дол., превысив государственные вложения; еще \$1,2 млрд были выделены венчурными компаниями (табл. 1), роль которых в глобальной наноиндустриализации быстро возрастает. Сложившаяся в 2008 г. структура финансирования подтверждает тенденцию интенсивного роста коммерциализации предпроизводственных стадий сферы наноиндустрии.

В рамках мегарегиональных интеграционных объединений (ЕС, СНГ, АТЭС, ШОС, БРИК и др.) «работают» межгосударственные коллективные соглашения и договоры, имеются стратегические документы создания наноиндустрии. Приоритетными объектами сотрудничества стали проекты: по метрологическому обеспечению, оценке безопасности и стандартизации материалов и товаров наноиндустрии; по

подготовке профессиональных кадров для наносферы; по организации и коллективной эксплуатации научных центров нанотехнологий; по созданию совместных производств, сетей инфраструктуры и рынков нанопродукции; по сбору статистических данных и разработке ее индикаторов.

Таблица 1

**Распределение мирового финансирования нанотехнологий
по источникам, млн дол.**

Год	Государственное	Корпоративное	Венчурное	Итого
2004	4600	3800	200	8600
2005	4610	4460	497	9567
2006	5800	5300	699	11799
2007	6220	6570	712	13502
2008	8400	8600	1230	18230

Рассчитано по: [14, 452; 15 — 20].

Масштабные проекты по развитию нанотехнологий и производства нанотоваров реализуют также ТНК и МНК, формируя мегакапиталы для решения новых задач, создавая стратегические альянсы для эффективной эксплуатации человеческих, интеллектуальных, технических, материальных, институциональных, организационных, информационных и финансовых ресурсов многих стран.

На макроуровне GES субъектами взаимодействия в сфере нанотехнологий становятся государства для реализации национальных и региональных проектов, имеющих приоритет для национальных экономик. К началу 2008 г. 55 из 191 суверенной страны мира (около 29%) приняли государственные программы развития нанотехнологий и формирования наноиндустрии [13, 3]. Наиболее разработанные стратегии имеют США, Япония, Китай, Россия, Южная Корея. В США на 2010 г. предусмотрено 1,6 млрд дол. на разработки в области нанотехнологий. Всего за первое десятилетие XXI в. в США выделено 12 млрд дол. На исследования, связанные с нанотехнологиями в областях окружающей среды, здравоохранения и безопасности направлено больше 350 млн дол. и более 220 млн дол. на изучение этических, юридических и социальных аспектов нанотехнологий [21].

Государственные интересы в наносфере представляют его особые комиссии, советы, комитеты. Так, программа США «Национальная нанотехнологическая инициатива» (NNI), принятая в 2000 г., координируется Национальным научно-техническим советом, объединяющим в единую междисциплинарную сеть 25 федеральных агентств с общим бюджетом. Это не предполагает создание новых управляющих институтов. В других странах управляющие институты, государственные

корпорации и компании формируют сети и инфраструктуру наноиндустрии. В России — ГК «Роснотех», Российский центр нанотехнологий (РЦНТ); в Японии — Японская ассоциация по науке и технике; в Финляндии — государственная инвестиционная компания «Suomen Teollisuussijoitus Oy» и т. д.

Необходимость масштабной государственной поддержки становления наноиндустрии очевидна, учитывая интенсивность ее формирования в лидирующих странах, жесткую глобальную конкуренцию, высокую капиталоемкость исследований и масштабы создания новых производств на основе нанотехнологий. Этой позиции придерживаются правительства многих государств, выделяя огромные средства на развитие наноиндустрии.

Таблица 2

Сравнительные показатели по инвестициям в наноиндустрию по странам (2007)

Страна/ группа стран	Населе- ние, млн чел.	ВВП, млрд дол.	ВВП на душу населе- ния, дол.	Суммар- ные ин- вестиции в разви- тие нано- техно- логий, млн дол.	Инвести- ции в наноин- дустрию, % от ВВП	Инвести- ции в нанотех- нологии на душу населе- ния, дол.
США	307,2	14270,0	46450,0	3456,7	0,02	11,25
Япония	127,1	5049,0	39731,3	2182,8	0,04	17,18
ЕС	491,6	15990,0	32527,6	4911,3	0,03	9,99
Китай	1338,6	4758,0	3554,4	1819,0	0,04	1,36
Россия	140,0	1255,0	8961,6	4183,7	0,33	29,87
Ю. Корея	48,6	800,3	16498,0	727,6	0,09	15,00
Осталь- ные страны	4337,0	15407,7	3552,6	909,5	0,01	0,21
Итого:	6790,1	57530,0	8472,7	18190,6	0,03	2,68

Составлено по: [12, 124; 22].

Объем государственных инвестиций в наноиндустрию по паритету покупательной способности валют в 2008 г. составил: в России — 2,107 млрд дол.; Китае — 2,034 млрд дол.; США — 1,821 млрд дол.; Японии — 0,995 млрд дол. Однако лидером оставался ЕС (без Румынии и Болгарии) — 2,787 млрд дол. [23, 38]. Однако следует учитывать долю инвестиций в наноиндустрию относительно ВВП, их нагрузку на государственный бюджет и другие показатели интенсивности роста данной сферы (табл. 2). На современном этапе наблюдается рост инве-

стиций в ускоренное развитие национальной nanoиндустрии, как для обеспечения лидерства, так и для преодоления отставания (табл. 3).

Таблица 3

Государственное финансирование развития нанотехнологий по странам мира (2008)

	США	ЕС	Япония	РФ	Китай	Другие страны	Итого
Гос. инвестиции, млрд дол.	1,821	2,44	1,128	1,076	0,51	1,425	8,4
Доля гос. инвестиций в ВВП страны, %	0,013	0,013	0,023	0,064	0,012	0,008	0,014
Инвестиции на душу населения, дол./чел.	6,05	4,98	8,85	7,61	0,39	0,34	1,27

Рассчитано по: [24; 25].

На мезоуровне субъектами нанотехнологической индустриализации становятся органы власти регионов и макрорегионов отдельных стран, а объектами их деятельности — проекты по созданию особых экономических зон, региональных нанотехнологических и научно-производственных парков, центров трансфера технологий инноваций на основе консорциумов, коучинг-центров, венчурных инновационных фондов и др. В 26 регионах России выявлены стратегические разработки, соглашения и утвержденные программы развития nanoиндустрии, разрабатывается или уже создано 64 программы региональной кластеризации (ПРК).

Наконец, на микроуровне GES в отношении по поводу разработки нанотехнологии и производства нанопродуктов вступают отдельные «нанорелевантные» предприятия [26, 2 — 7] — крупные предприятия, средние и малые промышленные, инновационные и венчурные предприятия; научно-исследовательские институты, научно-образовательные центры и организации, ведущие фундаментальные и прикладные исследования в сфере нанотехнологий и наноматериалов; высшие и средние учреждения профессионального образования; бизнес-инкубаторы и бизнес-ангелы. В России реализуется 530 стратегий

или целевых программ отдельных фирм (учреждений и предприятий), входящих в национальную сеть наноиндустрии, ее структуру и инфраструктуру. Эти предприятия национальные или транснациональные, местные и совместные, вновь образованные и конвертированные — звенья микроэкономики наносферы.

Анализ структуры и содержания стратегических документов на государственном и межгосударственном, региональном и локальном уровнях проявляет неполноту управления различными аспектами формирования наноиндустрии. В пространственном отношении многие ее компоненты непропорционально развиты в границах национальной экономики России [27]. Достижению системной полноты стратегического управления формированием наноиндустрии может способствовать использование в качестве его теоретической базы метапроизводственной функции: $Q = f(A, T, M, Ins, O, Inf)$ [28, 159 — 171]. В формуле: *A* — человеческий, *T* — технический, *M* — материальный, *Ins* — институциональный, *O* — организационный, *Inf* — информационный эндогенные факторы производства продукта — *Q*.

В самом составе и содержании эндогенных факторов производства и способе их взаимодействия заложены принципы и аспекты формирования структуры стратегии наноиндустрии с учетом специфики уровня GES: *A* — подготовка рабочих, инженерных, управленческих и исследовательских кадров наноиндустрии; *T* — создание техники (специального оборудования, зданий и сооружений, адекватных инструментов и методов) нанопроизводства; *M* — использование необходимого сырья для создания наноматериалов и формирования тела нанотоваров; *Ins* — разработка институций (статусов акторов, средств и продуктов, норм и правил, процедур и инструкций, алгоритмов) нанопроцессов; *O* — создание фирм и кластеров, реализация специальных и многопрофильных моделей организаций структуры и инфраструктуры; *Inf* — определение границ и форм используемых ресурсов и запасов, факторов и процессов, продуктов и эффектов наносферы; *Q* — создание продуктов и ресурсов наноиндустрии: компетенций и технологий, материалов и экологий, институтов и организаций, данных и информационных, конечных товаров и инвестиций.

Новые технологии неизбежно порождают потребность в формировании адекватных им экономических и социальных отношений, в переосмыслении их генетического строения, способов функционирования и эволюции.

Нановектор эволюции GES раскрывает рост дифференциации и расширения многообразия производства, полагает необходимость преодоления деления экономической теории только на микроэкономику и макроэкономику, доказывает, что оно стало недостаточным и тормозит

развитие практики нанопроизводства. Онтогенетическое развитие всех частей GES предполагает продвижение на наноуровень. Это обусловлено персонификацией, индивидуализацией, оригинальностью, этнической спецификой процессов и продуктов труда, ростом значения действий отдельного работника на появление новых видов производств.

Наноэкономика, несмотря на различия в ее понимании, становится особым разделом экономической теории, политики и практики. В качестве своих источников наноэкономика имеет теории действия и микроэкономику, эргономику и эгономику, теорию контрактов и научной организации труда, теории благосостояния и инноваций. Она оказывает непосредственное влияние на изменение содержания и направлений развития не только всей экономической теории, но и менеджмента и планирования, организации и контроллинга, учета и ценообразования, финансов и логистики, маркетинга и рекламы, теории институтов и информации, практики трансакций и контрактов. Следовательно, на современном этапе нанотехнологической революции возникает вызов традиционной экономической науке. Требуется дальнейшая дифференциация структуры GES как объекта исследования, уточнение структуры ее предмета на наноуровне.

Новый уровень дифференциации трудовых действий и операций, затрат и издержек требует изменения содержания и форм менеджмента и маркетинга, учета и анализа, контроля факторов и процесса производства, регулирования обращения и потребления товаров с особыми наноэкономическими признаками.

В разных странах мира уже ведутся научные разработки в сфере наноэкономики, но они еще далеки от ее системного осмысления и имеют преимущественно прикладной характер. Например, исследования по организации труда и производства, по измерению общих и трансакционных издержек фирмы, по менеджменту операций и персонала, по маркетингу отношений и институциональному контролю.

Сформировались новые акторы и отношения наноуровня экономики в сфере персональных услуг, которые выполняют работу для отдельного физического лица и его семьи. Появились нанодатчики, позволяющие выявлять затраты энергии, материалов, информации, оценить связи, нормы и статусы в действиях, местах, средствах, телах и продуктах жизнедеятельности людей, что позволяет оценивать и оптимизировать их расходы. Теперь можно ожидать достаточно быстрого перехода от экономики больших удельных факторных затрат к их реальной экономии во всех видах действий и операций в производстве и обращении. Применение наноэкономического анализа по индикато-

рам целевых факторных затрат и регулирования производства даст огромную экономию.

Изменяются не только требования к компетенциям работников, их статусам и контрактам, режимам и условиям труда, но и к формам организации производства, распределения, обмена и потребления продуктов производств на базе нанотехнологий. Объективно формируется задача создания теории наноэкономики и экономических нанотехнологий [29, 323 — 338].

На наноуровне становится наиболее интересным определение и измерение структуры и суммы затрат эндогенных факторов производства в единичном продукте определенного вида. Это возможно на основе экономической генетики и ее приложений в наноэкономических технологиях анализа, учета, менеджмента и иных процессов. Решение практических задач совершенствования продукта и процесса его создания на наноуровне требует изучения экономического генома продукта [30, 45 — 58].

На всех уровнях GES (и в России) наблюдается объективная и закономерная неравномерность процесса развития наноиндустрии. Она проявляется как в пространственном, так и во временном аспектах, порождая разность скоростей формирования отдельных сфер и отраслей, секторов и сегментов рынка, кластеров и фирм. Это обусловлено различиями:

- в аллокации, концентрации и мобилизации необходимых ресурсов;
- в формировании центров генерации и ответственности, в определении полюсов и границ зон развития;
- в создании поясов и сетей наноиндустриальных предприятий;
- в мощности инвестиционных потоков и рациональности каналов и порталов их движения;
- в пропорциях и качестве используемых факторов производства;
- в параметрах выпуска товаров и его адекватности спросу, локализации и масштабам рынков.

Эволюция наносферы все же демонстрирует соединение ее пока разрозненных фрагментов и конгломератов в структурно связанные комплексы и достаточно полные кластеры. Наблюдается расширение масштабов специализации, кооперации, концентрации и вертикальной интеграции капитала в наноиндустрии на макро- и разных мезоуровнях.

Статистика как основа мониторинга развития наноиндустрии в России развита пока слабо относительно стран — лидеров наноинду-

стриализации. Нанорелевантные предприятия должны быть выделены и оценены в статистической отчетности России: по размеру и обороту капитала; по численности застрахованных работников; по сферам, отраслям и видам деятельности; по регионам и городам; по объему, номенклатуре или структуре выпуска; по доходам и рентабельности; по тенденциям развития. Это позволит регулировать динамику развития наноиндустрии в разных аспектах и масштабах, описать и наблюдать ее секторы и сферы, отрасли и регионы, емкость и сегментацию рынков.

Для реализации экономической политики в области наноиндустрии на макроэкономическом уровне необходим соответствующий хозяйственный механизм, позволяющий эффективно решать эту задачу. Такой механизм представляет собой способ разрешения противоречий между ресурсами и потребностями в решении задачи, имеющей национальный масштаб и стратегическое значение для будущего положения страны в условиях глобальной конкуренции. Его структура включает субъекты и объекты, методы и инструменты, потоки и каналы, порядок воздействия на них для достижения поставленных целей. Однако создание такого механизма не предполагает создания специализированной системы «жесткого» управления процессом, но и не ограничивается его «мягким» регулированием. Государственная экономическая политика должна опираться на фундаментальные инновации социально-экономического знания и рационально сочетать элементы директивного управления и косвенного регулирования, единство которых позволит успешно реализовать стратегии и тактику направляемого развития наноиндустрии.

Литература.

1. *Инишаков О.В.* Уровневый анализ объекта, предмета и метода экономической теории // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2004. № 4 (40).
2. *Лященко В.И., Бережная Т.Ф.* Актуальные проблемы хозяйственной практики // <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2008/08/25/0000323946/journal5.4-12.pdf>.
3. *Глазьев С.Ю.* России необходимо формирование нового технологического уклада // Российские вести. 2009. № 1(1943). 14 — 21 янв. // <http://rosvesty.ru/1943/society/?id=1000000502>.
4. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.
5. *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества. М., 1998.

6. *Маевский В.И.* Введение в эволюционную макроэкономику. М., 1997.
7. *Myrdal G.* Value in Social Theory: A Selection of Essays on Methodology / P. Streeten (ed.). L., 1958.
8. *Урманов И.* Синергические связи как новая модель организации производства // *Мировая экономика и международные отношения.* 2000. № 3.
9. *Дворкович А.* Основы наноэкономики // *Коммерсантъ.* 2006. 26 окт. № 179 (3510).
10. *Клейнер Г.* Наноэкономика // *Вопросы экономики.* 2004. № 12.
11. *Иниаков О.В.* Экономическая генетика и наноэкономика. Волгоград, 2007.
12. Маркетинговое исследование рынка нанотехнологий (версия 4), январь 2010 г. / Департамент маркетинговых исследований Research. Techart. М., 2010.
13. *Иниаков О.В., Иниакова Е.И.* Международное сотрудничество России в сфере нанотехнологий: направления и формы. Волгоград, 2009.
14. Plunkett's Nanotechnology and MEMS Industry Almanac 2008: Nanotechnology and MEMS Industry Market Research, Statistics, Trends and Leading Companies. Houston, 2008.
15. Глобальная инвестиционная среда в сфере нанотехнологий // <http://www.rusnano.com/Post.aspx/Show/15387>.
16. The Nanotech Report, 4-th edition: Investment Overview and Market Research for Nanotechnology // http://www.luxresearchinc.com/pdf/TNR4_TOC.pdf.
17. The Nanotech Report, 5-th edition // <http://www.luxresearchinc.com/press/2007-lux-research-nanotech-report-5.pdf>.
18. Profits in Nanotech Come from Intermediate Products, Not Raw Materials // http://www.luxresearchinc.com/press/RELEASE_Nano_2009_0122.pdf.
19. 2009 Nanotech Venture Capital: Healthcare and Life Sciences Provide Life Support // https://portal.luxresearchinc.com/research/document_excerpt/5891.
20. О перспективах нанотехнологий в России // <http://globalscience.ru/article/read/227/>.
21. The NNI Supplement to the President's FY 2010 Budget Released / National nanotechnology initiative // http://www.nano.gov/NNI_2010_budget_supplement.pdf.
22. CIA World Factbook 2008 // <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/xx.html>.

23. Россия и Китай обогнали США и Японию по уровню капиталовложений в нанотехнологии // Дайджест российской и зарубежной прессы. 2008. № 08 — 57.

24. International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, October 2009: Nominal GDP list of Countries. Data for the year 2008 // <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2009/02/weodata/index.aspx>.

25. CIA World Factbook 2008 // <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/xx.html>.

26. Schnorr-Bäcker S. Nanotechnologie in der amtlichen Statistik // Wirtschaft und Statistik // Statistisches Bundesamt. 2009. Nr. 3.

27. Проекты РОСНАНО (Карта распределения по регионам и отраслям) / РОСНАНО // <http://www.rusnano.com/Home.aspx>.

28. Inshakov O. The Theory of Human Action and Economic Genetics // The Human Being in Contemporary Philosophical Conceptions. Cambridge, 2009.

29. Инишаков О.В. Экономическая генетика как теоретическая и инструментальная основа наноэкономики // Эволюционная теория, теория самовоспроизводства и экономическое развитие. М., 2008.

30. Инишаков О.В. Эволюционная экономика и экономическая генетика // Эволюционная теория, инновации и экономические изменения. М., 2005.

О.Ю. МАМЕДОВ

Взорвет ли наноиндустриализация современную экономику?

Аннотация. Автор концентрирует внимание на тех негативных последствиях и проблемах наноиндустриализации, которые остаются обычно на периферии внимания экономистов.

Ключевые слова: экономические последствия наноиндустриализации, наноэкономика, нанотехнология.

Abstract. The author focuses on the negative consequences and problems of nanoindustrialization that usually remain on the periphery of the attention of economists.

Keywords: economic effects of nanoindustrialization, nanoeconomics, nanotechnology.

Удивителен механизм становления современной цивилизации. Каждый скачок в развитии техники порождал надежду на долгожданный приход царства всеобщей материальной сытости и повседневной соци-

альной гармонии, однако в реальности любой прорыв в техническом прогрессе всегда роковым образом сопровождался тяжким экономическим кризисом, длительной перестройкой производства, социальными катаклизмами и обострением политического противостояния.

Впрочем, коротка память человеческая — вновь манят новые технологии, суля, как прежде, сытость и гармонию: сегодня все предвещают приход эры нанотехнологий. Все, но только не экономисты, профессиональная обязанность которых — заблаговременно выявить возможные негативные последствия возникновения «молекулярного производства» и готовить страну к различным «наноопасностям».

Конец XX в. ознаменовался такими научно-технологическими разработками, негативные экономические и социальные последствия которых мы только начинаем осознавать. Самое же неприятное состоит в том, что, поскольку эти последствия объективны по своей природе, они неотвратимы и нерегулируемы. Нанометровый масштаб молекулярного анализа природы объединил физику, химию и биологию. В результате мы стоим на пороге возникновения особого комплекса дисциплин, который часто обозначают англо-саксонской аббревиатурой «NBIC» (нанотехнология + биология + информатика + познание) [1].

Нанотехнологии¹ имеют неоспоримые преимущества перед современной индустрией, позволяя реально решить многие мучающие человечество проблемы.

Взять, например, нехватку воды, которая является растущей угрозой для ряда стран. Однако основная часть водных ресурсов используется-то вовсе не населением, а промышленностью и сельским хозяйством². С приходом нанотехнологий «агропромышленное» потребление воды будет значительно сокращено, ибо для изготовления нанопродуктов воды требуется существенно меньше. А ведь это огромная экономия невозполнимых природных ресурсов и прямое сокращение экологических расходов!

Или — инфекционные заболевания, настоящее бедствие для населения многих государств: нанопродукты способны принципиально снять эту проблему. Нанотехнологии обещают также потрясающе дешевое производство компьютеров и устройств отображения. А производство наноструктур для электрооборудования позволит использо-

¹ Нанотехнологии — это управление процессами в «наномасштабе» (до 100 нанометров, при этом нанометр равен миллиардной части метра: для примера — толщина бумажного листа равна 100 тыс. нанометров!).

² Из используемой в мире воды 67% потребляется сельским хозяйством, 19 — промышленностью, населению же достается менее 9%.

вать солнечное тепло в качестве практически неисчерпаемого источника энергии.

Главное же в том, что во многих регионах мира сформировалась разрушительная для природы производственная инфраструктура. А нанотехнологии могут — при минимальных физических параметрах — произвести масштабную промышленную революцию.

Нанотехнологические чудеса поистине неисчерпаемы — в кубическом миллиметре может уместиться суперкомпьютер, а стоимость его производства составит всего лишь долю процента сегодняшних затрат! Такая дешевизна позволит обеспечить компьютерами, КПК и сотовыми телефонами практически все население Земли (включая, кстати, маргинальные группы неграмотных — благодаря переходу к голосовому интерфейсу).

Эти и другие нанотехнологические достижения оправданно находятся в центре внимания общества. Однако не меньшего внимания, по нашему мнению, заслуживают и те негативные последствия, которые неизбежно будут сопровождать наноиндустриализацию современной экономики, поскольку нанотехнологии, решив одни проблемы, породят новые — и, к сожалению, не менее острые!

На данном этапе основными препятствиями для масштабной наноиндустриализации являются высокие издержки производства, нежелание общества принять инновационные технологии без гарантированной техники безопасности, относительный дефицит венчурных фондов, отсутствие знаний о взаимодействии между наноматериалами и живыми клетками (вопрос о биосовместимости и токсичности наноматериалов), нежелание многих корпораций серьезно инвестировать в нанотехнологии, отсутствие контроля качества (см.: [2]).

Современная наука достигла качественного прорыва — изучение наноразмерных процессов позволяет перейти к нанотехнологиям, т. е. к созданию заданных свойств органической и неорганической материи с «атомной точностью». Тем не менее нанотехнологии не должны рассматриваться как движение производства в направлении его миниатюризации на основе конвергенции квантовой физики, молекулярной биологии, химии, компьютерных устройств и техники.

В научной литературе последних лет принято выделять пять промышленных революций в мировой экономической истории (см.: [3]).

- *Первая промышленная революция* (1780 — 1840), страновая база — Великобритания, содержание — паровой двигатель, текстильная промышленность, машиностроение.

- *Вторая промышленная революция* (1840 — 1900), страновая база — Европа (Англия, Франция, Германия), содержание — железные дороги, металлургическая промышленность.

- *Третья промышленная революция* (1900 — 1950), страновая база — Соединенные Штаты Америки, содержание — электрический двигатель, тяжелые химические вещества, автомобили, потребительские товары длительного пользования.

- *Четвертая промышленная революция* (1950 — по настоящее время), страновая база — Тихоокеанский бассейн (Калифорния, Япония), содержание — синтетика органических химических веществ (масло), компьютеры.

Но вот что касается следующего этапа (*пятая промышленная революция*), то здесь все еще неясна его страновая база — Китай? Индия? Бразилия? А, может, Россия? Зато ни у кого не вызывает сомнения его содержание — нанотехнологии (молекулярное производство)!

Отличительная особенность пятой промышленной революции усматривается в способности строить все, что мы можем конструировать, путем манипулирования молекулами под непосредственным контролем компьютера.

Ожидается, что комбинированное воздействие нанотехнологий будет равно суммарному воздействию всех промышленных революций последних двух столетий, с той особенностью, что все эти изменения окажутся осуществленными в несколько лет. И появятся не только новые продукты, главное — новые средства производства.

Наноиндустриализация будет означать экспоненциальное распространение нанопроизводственных систем. Значительное улучшение качества продукции приведет к ее ускоренному и дешевому копированию. А недорогое сырье, уменьшение стоимости капитала и портативный размер заводов вызовут социальные потрясения, которые будут свободно пересекать границы, способствуя глобальной трансформации.

Уже сегодня можно с большой долей точности прогнозировать следующие экономические потрясения: обилие дешевых продуктов обрушит аграрные рынки и экономическую организацию сферы потребления, искусственное завышение цен вызовет экономический гнет населения, производство нерегулируемых продуктов приведет к росту экологических ущербов, будет развиваться теневой рынок в сфере молекулярного производства.

Наноиндустриализация приведет к революции в обществе, преобразуя медицину, биотехнологию, сельское хозяйство, промышленное производство, материалы, аэрокосмическую промышленность, информационные технологии и телекоммуникации. Важно осознать, что сегодня именно нанотехнологии дают импульс развитию конкурентоспособных инноваций, появлению новых видов бизнеса и экономиче-

скому прогрессу в тех странах, которые стремятся стать лидерами в эпоху глобализации знаний.

Мы вступаем в эпоху, суть которой — ускоренное внедрение технологических проектов в бизнес-предприятия, которые тем самым и воплощают, и генерируют значительную экономическую ценность. В этом механизме нанотехнологии, возможно, самое главное, что способно обеспечить будущее мировой экономики, конкурентоспособность каждой национальной экономической системы, богатство народов.

Дж. Катон, генеральный директор института «Global Futures» и советник Белого дома в период трех различных администраций, еще в 1999 г. объяснял, что нанотехнология повлияет на все аспекты экономики — занятость, вклады, ценообразование, капитал, курсы валют и валютные рынки, спрос и предложение [4]. Другие специалисты считают, что появление радикально новаторских материалов, автоматизация молекулярных процессов, изменив подавляющее большинство промышленных цепочек поставок, каналы распределения, цепочки добавленной стоимости, приведут к кризису и исчезновению многих традиционных видов производственной деятельности, возможно, в очень короткий период времени. Многие производственные секторы ощутят значительные изъятия в их экономической организации и необходимость принятия решительных изменений в целях обеспечения своей глобальной конкурентоспособности.

Хотя в сфере освоения нанотехнологий многие страны-аутсайдеры будут двигаться прицепом к странам-лидерам (как это происходило в рамках предшествующих технологических волн), именно такое освоение явится стратегическим направлением модернизации «догоняющих» экономик в границах пятой промышленной революции.

Впрочем, не стоит строить иллюзии — в незрелых секторах рынка нанотехнологии не в состоянии породить фундаментальные инновации.

К счастью для догоняющих стран, «молекулярная нанотехнология» еще не может обрести массовую реальность в краткосрочной перспективе.

Однако эффект массового нанопроизводства не ограничивается исключительно позитивом — негативная сторона предстанет исчезновением многочисленных «ненанотехнологических» линий производства в связи с их неконкурентоспособностью, в результате чего неизбежно грядет огромное сокращение рабочих мест. Другая экономическая неприятность нанотехнологических прорывов — провоцирование ими расширения монополистической структуры. Наконец, произойдет ус-

таревание многих элементов экономической инфраструктуры, не соответствующих требованиям наноэкономики.

Решающее звено в наноиндустриализации национальной экономики — реальная степень интеграции нанотехнологий с экономикой. Для этого необходима реализация всех достижений смешанной экономической системы — эффективное развитие стратегических секторов, инвестиции в человеческий капитал, реструктурирование рынка труда, национальная политика в области R & D, государственно-частное партнерство³.

Однако страны, экономика которых окажется наиболее подготовленной к революции в области нанотехнологий, смогут обеспечить благосостояние своих народов за счет устойчивого экономического роста. При этом следует учитывать, что нанотехнологии не только представляют собой гигантский шаг в техническом прогрессе, но и сами выступают материальной предпосылкой возникновения механизма управления масштабными изменениями.

Все это превосходно — но *какова экономическая цена наночудес?* Ведь нанотехнологические выигрыши в производстве вполне могут сопровождаться проигрышами в экономике.

И сразу скажем о главном: если наноэкономика реально на практике выводит на неограниченность производственных ресурсов, это означает своеобразную гибель современной экономики, институты, инструменты и мотивация которой построены именно на принципе ограниченности и альтернативного использования этих ресурсов, — не случайно же все современные экономические учебники начинаются с модели производственной трансформации!

Поэтому нельзя игнорировать те негативные последствия, которые неизбежно будут сопровождать наноиндустриализацию современной экономики, поскольку нанотехнологии, решив одни проблемы, породят новые — и, к сожалению, не менее острые!

1. Современное производство основано на применении специализированных материалов и машин, используемых высококвалифициро-

³ Европейская комиссия по науке и исследованиям с 2007 г. стала проводить регулярные консультации с целью разработки «кодекса ответственного поведения при исследовании нанотехнологий». Янез Поточник, комиссар данной комиссии, заявил: «Нанонауки и нанотехнологии могут привести к росту занятости в Европе, поэтому важно, чтобы их развитие и использование не замедлялись, но и не были несбалансированными или оставлены на волю случая». Эта позиция объясняется масштабами финансирования нанотехнологических разработок: 150 млрд дол. в 2010 г. и 2,6 трлн дол. в 2014 г.; по прогнозам специалистов, рынок нанотехнологической продукции будет крупнейшим рынком, в десять раз превышая будущий рынок биотехнологий (см.: [5]).

ванными работниками. В противоположность этому нанотехнологии не требуют значительной массы квалифицированной рабочей силы и развитой вспомогательной инфраструктуры. Главная причина в том, что на молекулярном уровне могут работать только «роботы»! Вот эта «роботизация» нанопроизводства обязательно взорвет рынок труда. В результате на улицу будут выброшены массы квалифицированных работников. И современные луддиты с высшим образованием окажутся, пожалуй, пострашнее своих исторических предшественников.

2. Еще более грозными могут быть последствия исчезновения основы рыночной организации общественного производства — конкуренции. А она обязательно исчезнет, потому что нанотехнологии позволяют из одного и того же исходного материала производить широкий спектр различных товаров, уничтожая тем самым основные формы рыночного статуса фирм — специализацию и диверсификацию.

3. Уход конкуренции сделает бессмысленным поиск оптимальных финансовых институтов и монетарных инструментов, ибо экономический фундамент рынка — кредит — окажется в условиях наноэкономики бесполезным. В результате исчезнет основное оправдание вмешательства государства в экономические процессы — необходимость проведения особой экономической политики, поскольку ее осуществление станет попросту невозможно.

4. Многие отрасли будут заменены наноиндустриализированным (молекулярным) производством — сельское хозяйство будет «перенесено» в портативные нанотеплицы, нанопереработанная вода станет лечить прямо на дому, наноизоляция повысит комфорт и снизит потребление энергии, а жилищно-коммунальное хозяйство претерпит подлинную революцию. Но это же означает пространственную локализацию производства в малосвязанных между собой «точках наноиндустриализации» — со всеми вытекающими отсюда негативными социальными последствиями.

5. Стремительное развитие современных технологий ускорило инновационную динамику экономики развитых стран — это доказывает, в частности, тем, что информационные технологии в настоящее время обеспечивают не менее трети валового национального продукта США. Наноиндустриализация может стать основой обновления национальной экономики многих стран, повышения экономической устойчивости и роста благосостояния нации, а также исчезновения и появления множества отраслей промышленности. Вместе с тем новейшие разработки в области новых технологий и их влияние на бизнес и экономику означают, что стратегические прогнозы становятся менее точными. Мало кто мог еще 50 лет назад предсказать такие инновации, как интернет, беспроводная связь или отображение генома человека.

Точно так же прогнозы о возможностях нанотехнологий воспринимаются сегодня как фантастика. Тем не менее нанотехнологии способны придать развитию глобальной экономики такую невиданную ранее скорость, которая опасна сама по себе.

6. Дело в том, что нанотехнологии, выступая средством преобразования неорганических и органических веществ на атомном уровне, способны взорвать современную структуру организации и экономики и ее созидающего центра — бизнеса. Ведь нанотехнологии «дотянутся» практически до всех аспектов экономики: зарплаты, занятости, ценообразования, структуры капитала и курсов валют, спроса и предложения. В результате нанотехнологии станут двигателем экономического процветания, основой производительности и глобальной конкурентоспособности.

7. Если объем нанотехнологий достигнет критической массы, превратившись в прорыв в автоматизированной «самосборке» нанотоваров, это разрушит большинство вертикально-построенных отраслей, разорвав большинство промышленных и постиндустриальных цепочек поставок. Коренным образом изменится механизм создания стоимости, а также каналы ее распределения и перераспределения.

8. Нанотехнологии освобождают страны от «нефтяной зависимости» — нам-то радоваться или огорчаться? Нанопроизведенные товары вообще могут заменить натуральные вещества. Фермеры попросту потеряют сферу занятости, а с ней и доход. Аграрные страны потерпят экономическую катастрофу, поскольку производство наноматериалов способно заменить сельскохозяйственную продукцию. Опасны и отходы от нанотехнологий, выбрасываемые в атмосферу, так как они могут проникать в клетки человека и животных. Причем такой ущерб неправим.

9. Нанотехнологии требуют высоких первоначальных затрат на инвестиции, что вызовет их одностороннее перераспределение в пользу наноотраслей.

10. Если объем нанотехнологий достигнет критической массы, при которой возникнет автоматизированная «самосборка» нанотоваров, это разрушит большинство вертикально-построенных отраслей, разорвав сложившиеся промышленные и постиндустриальные цепочки поставок. Коренным образом изменится и механизм создания стоимости, а также каналы ее распределения и перераспределения.

Действительно, представьте себе, что завтра, благодаря появлению наночипов, на рынок будут выброшены суперкомпьютеры по цене кварцевых часов, дешевле, чем брелок. Катастрофические экономические последствия для компьютерной индустрии очевидны. Другой пример — суперстойкие и недорогие наноматериалы, используемые

для строительства и производства, наверняка убьют рынки стали и пластмассы.

Как компьютеры и интернет вплетены в структуру современной экономики, так и нанотехнологии выступают структурой будущей экономики.

И особняком стоит вопрос — а готовы ли деловые круги заниматься бизнесом в сфере нанотехнологий? И готовит ли кто-нибудь к этому? Такой же вопрос адресуется сферам здравоохранения, производства, информационных технологий, товаров народного потребления и финансовых услуг.

Американский институт глобального прогнозирования провел специальное исследование, показавшее, что уровень информированности и готовности бизнеса и общества относительно нанотехнологий крайне низок. На основе результатов обследования институт предложил пять различных сценариев адаптации национальной экономики к эффективному использованию нанотехнологий — «оптимальный», «догоняющий», «ухабиственный» (подробнее см.: [6]).

Особый интерес для нас, в силу ряда причин, представляет, конечно, третий сценарий (временной период — 2010 — 2050 гг.). Его главные черты — отсутствие всеобъемлющей интеграции нанотехнологий в производство и экономику, резкое сокращение постиндустриального роста, неспособность инвестировать в меры, необходимые для управления системой социально-экономических преобразований.

После детального анализа авторы приходят к важному выводу — развитие *наноэкономики* имеет альтернативный характер и механизм функционирования по сравнению с *петроэкономикой*. Это означает, что наноиндустриализация натолкнется на сопротивление не только субъективное, но и объективное.

Между тем исторический урок XX в. показывает: та страна, которая бы раньше других осознала будущую значимость компьютеров, могла бы выдвинуться в мировые лидеры. Это важный урок для встречи с эпохой нанотехнологий. И этот урок теперь, будьте уверены, учтут все страны мира!

Экономисты призваны ответить на вопрос об экономической цене наноиндустриализации — ведь калькуляция такой цены включает невидимые (и неведомые) неэкономистам потрясения фундаментальных основ современной экономики. Вот минимальный перечень грозных вопросов:

- сохранится ли в наноэкономике общественное разделение труда (специализация и кооперация производства)?
- останется ли труд основной стоимостесозидающей субстанцией?

- что станет с профессионально-квалификационными различиями работников?
- выдержит ли социальная (непроизводственная) сфера стремительный рост населения?
- как изменится отраслевая структура производства?
- сохранится ли аграрный сектор экономики?
- какие перспективы ожидают горнодобывающую промышленность или добыча полезных ископаемых вообще прекратится?
- как вообще развивать производство в условиях исчезновения экономических стимулов для применения инновационных технологий?⁴

И хотя наноиндустриализация способна снять экономические причины социальных катаклизмов, сама экономика изменится до неузнаваемости...

Согласно Жану Дюпюи, нанотехнологии могут обернуться серьезной проблемой, поскольку они способны привести к созданию искусственного мира, который не будет находиться под контролем человечества. Он утверждает, что эта проблема порождается тем, что нанотехнологии включают способность к самоорганизации и самосозданию сложных структур нанообъектов! И такие структуры ничем не будут обязаны ни человеку, ни даже природе [7]. Не менее пронизательно высказывание Билла Джоя: «это будет особый мир, который в нас больше не нуждается!» [8].

Так и хочется воскликнуть: «Дооткрывались?».

Каждое продвижение по пути технического прогресса превращается в напряженное испытание для экономики. Имя новому испытанию — наноиндустриализация.

Готовы ли мы к такому испытанию?

⁴ Особой проблемой следует считать патентную защиту нанотехнологий, которая будет иметь для конкурентоспособности страны решающее значение. Но и здесь обнаруживаются сложные проблемы. Так, в США все чаще возникают патентные претензии в результате удивительно массовой выдачи патентов. Последнее объясняется путаницей, так как широко используемое определение нанотехнологий не является точным. Это, как отмечает признанный специалист, «создает хаотичный, запутанный пейзаж патентирования в различных секторах нанотехнологий (например, наноэлектроники и наномедицины), в котором конкурирующие игроки не уверены в действительности и законности многочисленных выданных патентов. Если эта тенденция сохранится, она может задуть конкуренцию, ограничить доступ к некоторым изобретениям и просто остановить усилия по «коммерциализации» достижений нанотехнологий. И далее автор делает важный практически для всех стран вывод: «только надежная патентная система будет стимулировать развитие коммерчески жизнеспособной нанотехнологической продукции» (см.: [2]).

Литература

1. Nanosciences: nouvelle âge d'or ou apocalypse? Réflexion de Louis Laurent et Jean-Claude Petit // http://www.cea.fr/technologies/nanosciences_et_nanotechnologies/nanosciences_nouvel_age_d_or_ou_apocalypse.
2. *Baw R.* Nanotechnology Patent Proliferation and the Crisis at the U.S. Patent Office. 2008 // <http://www.nvcc.edu/home/rbawa/articles/>.
3. *Treder M.* Jolt to the System: The Transformative Impact of Nanotechnology. Center for Responsible Nanotechnology. Troy, N. Y., 2004. November 16 // http://translate.google.ru/translate_#.
4. *Muñoz A.P.* Nanotecnología y Economía: estrategias de futuro. Universidad de Alicante // Instituto de Economía Internacional // <http://iei.ua.es/nanotecnologia/nanotecnologia-y-economia-estrategias-de-futuro>.
5. La Commissione avvia una consultazione sulla ricerca responsabile nel campo delle nanoscienze nanotecnologie // http://ec.europa.eu/italia/attualita/archivio/scienza_ricerca/113e2eaa90c_it.htm.
6. *Canton J.* The Strategic Impact of Nanotechnology on the Future of Business and Economics / Institute for Global Futures // <http://www.leader-values.com/guests/cantonNanotechFutureBizEconomic.pdf>.
7. *Dupuy J.P.* Pour une évaluation normative du programme nanotechnologique. Réalités industrielles // Les nanotechnologies, Annales des mines. 2004.
8. *Joy B.* Why Future Doesn't Need Us // WIRED. 2000. Avril.

С.С. СЛЕПАКОВ

Наноэкономика как научный и социальный феномен

Аннотация. В статье представлена постановка проблемы наноэкономики как категории экономического поведения; обоснована позиция о существовании «наносубстанции» в мире сознания как объективной экономической реальности, выражающей глубинную сущность экономики, самодостаточную, самодетерминированную, неизменную категорию ее классической рациональности; а также обоснована необходимость знания и применения нанотехнологий, формирующих экономическое поведение агентов как единственно возможный способ согласования в сознании их индивидуальных «нанокодов» с внешними регуляторами.

Ключевые слова: наноэкономика, институты, модернизация, инновации, наноиндустриализация.

Abstract. The article presents the problem of «nanoeconomics as a category of economic behavior; a suggestion about existence of «nanosubstance» in the world of consciousness as objective economic reality is scientifically grounded. This economic reality expresses deep point of the matter in economics, self-sufficient and self-determined constant category of it is classical rationality. Also the necessity of knowledge and of the implementation of nanotechnologies forming economic behaviour of agents as the only possible way of coordination in consciousness of their individual «nanocodes» with external regulators is theoretically substantiated.

Keywords: nanoeconomics, institutions, modernization, innovations, nanoindustrialisation.

Научный термин «наноэкономика» был предложен сравнительно недавно, в 1987 г., К. Эрроу (Kenneth J. Arrow) для обозначения теории экономического поведения индивидуальных экономических агентов [1]. Через несколько лет (вне связи с К. Эрроу) Г.Б. Клейнер обозначил этим термином «экономику физических лиц», получившую развитие в России в пореформенный период. В 2004 г. Г.Б. Клейнер уточнил понятие «наноэкономика»: как представляющее поведение частично иррационального (от себя добавим, частично оппортунистически действующего) в общем случае агента, имеющего творческий дар и склонного не только к «алгебре» расчетов наилучшего результата, но и к внелогическому, порой вдохновенному, а порой и апатичному поиску характерной именно для него экономической истины [2, 100]. Таким образом, цель и смысл применения термина «наноэкономика» видятся его авторам в необходимости особой системы идентификации и научного исследования феномена *поведения индивидуальных экономических агентов*.

Интерес, проявляемый учеными к данной проблеме, связан с явно недостаточной степенью ее разработки и, как следствие, отсутствием в экономике и политике современной России адекватных представлений о природе, причинах и механизмах управления поведением экономических агентов-индивидов. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить, например, типичную для представителей государственной власти в России позицию, в соответствии с которой со ссылкой на великих русских философов Ивана Ильина «О сущности правосознания» и Николая Бердяева «О назначении человека» утверждается, что институтам в России не место, в ней нет институтов, а есть персоны, при этом концентрация власти в стране определяется как «суверенная демократия» (см.: [3 — 6]).

Тем самым утверждается и реализуется приоритет поведения индивидуальных (политических, экономических и проч.), причем не всех, а лишь отдельных, агентов над законами, правилами, организациями, в определении причин и содержания экономических событий, принятии государственных решений. Данным подходом необходимость научно-практических исследований объективной природы экономических реалий сведена к возможности никем не востребованных умозрительных рассуждений любителей схоластики.

Начальник экспертного управления Администрации Президента РФ А. Дворкович, выступая на Второй ежегодной международной конференции «Роль государства в экономике в XXI веке», охарактеризовал наноэкономику как уровень экономики, на котором в центре экономической политики — человек. При этом роль государства, по мнению докладчика, состоит в решении вопроса о предоставлении возможности осуществления инициатив каждому человеку, с тем, чтобы через раскрытие совокупности способностей добиться успехов в экономическом развитии страны.

Преследуя эту цель, государство, посредством планирования социально-экономического развития и реформ, должно реализовать модель своего участия в экономике на основе выбора между тремя приоритетами: справедливостью, свободой и безопасностью. (Не ясно, почему «выбора»? Названные приоритеты не находятся во взаимном противоречии.) Прогресс государства должен проявляться в последовательной смене его ролей: от роли потребителя ресурсов к ролям производителя продукции, ее заказчика и, наконец, роли инициатора (главным образом, стремления к инновациям), при которой исчезнет необходимость в первых трех. Речь идет о перспективе развития в России инициативной экономики.

«Но сейчас мы “застряли” в роли производителя и заказчика производства товаров и услуг», — констатировал А. Дворкович [7].

Иначе говоря, государству как «макроинициатору» отведена роль инстанции, определяющей формы и содержание инициатив для наноуровня (в значении человека, индивида). На пути к выступлению в этой роли государство целенаправленно и неуклонно «уходит» даже из тех отраслей, которые всегда являлись сферами его непосредственной деятельности, например, образования, здравоохранения, где функции государства как производителя услуг все более замещаются частными структурами.

Однако для того, чтобы внедрять инновационные инициативы на наноуровне, информационные импульсы, исходящие от государства — их глобального генератора, идеолога и инициатора, должны быть, как минимум, не только услышаны, восприняты, но и усвоены в качестве

руководства к действию многомиллионной массой экономических агентов-индивидов. Жизнедеятельность социума убедительно демонстрирует, что уход государства от ролей потребителя, производителя и даже заказчика сам по себе не может служить стимулом (мотиватором), не создает «рычаг», побуждающий общество и его членов к тому, чтобы подчиниться инициативам «высшего порядка», сколь бы судьбоносно они ни прозвучали. Следует признать, что сигналы, поступающие из Центра («модернизация», «инновации», «наноиндустриализация»...), транслируемые всеми доступными СМИ, для агентов-индивидов звучат невнятно, неубедительно, не усваиваются, воспринимаются как чуждые, инородные сложившимся в обществе стереотипам бытия и общественного сознания, воздействуют на массы индивидов в лучшем случае «по касательной».

Это означает, что находящиеся на вооружении у власти способы воздействия на агентов-индивидов не дают ожидаемого эффекта в поведении последних. Выяснение причин нарушения коммуникаций во взаимодействии между властью и обществом требует углубленного изучения научного феномена «экономического поведения».

Значение понятия «поведение», являющегося центральным в наноэкономике, чаще всего определяют как систему взаимосвязанных реакций человека с целью приспособления к среде обитания, к природным и социальным условиям существования. Поведение реализуется в человеческой деятельности и выражается в творческо-преобразовательном отношении человека к условиям существования и миру в целом [8].

Признание справедливости данного подхода неминуемо сводит начала экономического поведения агентов-индивидов к осмыслению ими экономических альтернатив с целью рационального выбора, т. е. выбора, в котором минимизируются издержки и максимизируется чистая выгода — к совокупности их реакций на внешние стимулы. Управление этими реакциями укладывается в схему, предполагающую определение форм поведения производных от основных потребностей и функций человеческой жизнедеятельности (воспроизводства рода; безопасности и социального порядка; добывания средств существования, передачи знаний; социализации индивидов и проч.).

Поведение экономических агентов, само по себе, представляет лишь некий результат, выраженный в индивидуальных действиях, обладающих спецификой. В основе поведения индивидов лежат механизмы, действующие в области сознания. Любой индивид («физическое лицо») в экономике специфическим образом демонстрирует свой творческий дар, что имеет существенное значение в формировании феномена поведения индивидуальных экономических агентов.

Мини-, микро-, мезо-, макро-, мегаэкономика позволяют идентифицировать экономических агентов различных структурных уровней по критериям количества, масштабов, институциональных характеристик, в рамках которых происходит (и исследуется) экономическая жизнедеятельность. В начало этого ряда с полным правом следует добавить уровень индивида и исследовать его деятельность в категориях, например, человеческого капитала, индивидуального потребления, реализации многообразных признаков эгоиста, действующего в различных экономических и социальных структурах, и проч. Однако экономический агент-индивид сам по себе еще не есть «нано».

«Нано» по своей природе не являет собой количество, структурный уровень или элемент иерархии. В то же время на пути в экономический мир «нано» ни один объект, включая агента-индивида, не может быть расчленен ни физически, ни организационно, ни как-то иначе — подобная «хирургия» по сути абсурдна. Следует отказаться от представления о «нано» в экономике как об одном из структурных уровней экономической системы. Такого уровня в экономике не существует.

Общенаучный подход к частице «нано» как основной единице, возведенной в степень минус один миллиард, со всей очевидностью указывает на то, что в данном случае речь не может идти об основных единицах. Индивид (человек) в экономике безусловно относится к разряду основных единиц. Мало того, по своей ролевой функции индивид в экономике, как отмечалось выше, является полноправным агентом, действующим в единой системе с агентами мини-, микро-, мезо-, макро-, мегаэкономических структур. Эта система может являться иерархической, стратификационный подход применительно к ее составляющим вполне применим.

Наночастица не является органом или элементом, это мельчайшая, простейшая составляющая «вещества» экономики, сотканного из ее экономической субстанции, обладающей совокупностью определенных свойств, ее «клетка» или «молекула». В своих основных, пространственно-временных значениях экономика предстает в различных видах: как хозяйственная система; как наука и практика рационализации процессов накопления богатства, удовлетворения возрастающих потребностей на основе ограниченных ресурсов; как экономическое пространство, организованное и управляемое на основе определенной системы институтов либо властью индивидов и проч.

Однако наносубстанция существует в мире сознания и благодаря сознанию как объективная экономическая реальность и служит выражением глубинной сущности экономики, самодостаточной, самодетерминированной, неизменной категории ее классической рациональности. Будучи сферой человеческой жизнедеятельности, экономика

как целостность и в каждом своем элементе представляет собой организм, живая ткань которого несет в себе совокупность свойств высокоорганизованного сознания. Концепции, хозяйственные системы, стратегические программы развития, тактические построения, механизмы, инструментарий и прочее носят производный характер по отношению к наночастице экономики, ее «клетке», которая служит строительным и наследственным материалом всей системы.

Наночастица экономики — это ее генетический код, продуцирующий экономическую реальность в человеческом измерении. Это генерируемая в индивидуальном и общественном сознании модель экономического поведения индивидов, придающего определенные качества и свойства движущим силам общественного развития. Последние определяются в категориях «смысл», «интересы», «потребности», «мотивы». В наноэкономике аккумулярован заряд смыслов — мельчайший элемент (условно — клетка или молекула) человеческого сознания, который определяет доминантные цели, формы и способы осуществления экономической жизнедеятельности индивидов, реализующих свои интересы.

На границе взаимодействия между миром нано и материальным миром происходит реакция, проявляющаяся в определенных формах, видах, способах поведения людей в экономической среде. Поведение, в свою очередь, служит выражением как внутреннего состояния самого агента-индивида, так и оценки жизнеобеспечивающих свойств среды, ее жизнеспособности, формирует среду, корректируя ее институциональное содержание и социальную природу. Тем самым наночастица экономики есть не только универсальный атрибут, но и первопричина явлений экономической действительности.

В сознании индивида, т. е. в человеческой наносреде, действует наномеханизм, оперирующий набором нанотехнологий и обеспечивающий:

- прием, усвоение и осмысление как внешних по отношению к агенту-индивиду, так и внутренних, генерируемых его собственным сознанием, потоков информации;
- преобразование формируемых смысловых конструкций в аргументы, необходимые для принятия решений, и сами решения;
- выработку, регулирование, корректировку отношений индивида к внешним объектам и к самому себе;
- определение форм, способов, моделей экономического, политического, социального и прочего поведения индивида, реализуемых им в общественной жизнедеятельности.

Генерируемый таким образом нанорезультат непосредственно воздействует на природу и субстанцию сознания, сохраняет и защищает

его, способен придавать ему новые свойства, определенным образом преобразует его функционирование.

Знание и применение нанотехнологий, формирующих экономическое поведение агентов, — единственно верные способы согласования в сознании их индивидуальных «нанокодов» с внешними регуляторами. При этом использование нанотехнологии способно произвести нанорезультат, проявляющийся в преобразовании, корректировке свойств сознания. На этой основе только и могут сформироваться новые качества в экономическом поведении агента-индивида.

В медицине наглядной иллюстрацией «модернизации» обменных процессов в человеческом организме (нанорезультата) служит, например, использование модифицированных инсулинов, преодолевающих на клеточном уровне патологию инсулинорезистентности. Нанорезультат — вновь приобретаемая клеткой способность усваивать гормон инсулин, что позволяет очистить и защитить организм на наноуровне от переизбытка глюкозы, приостанавливая разрушение сосудистой системы.

Нарушение взаимопонимания между властью и обществом (массой агентов-индивидов) сродни «болезни» обменных процессов, разрушающей социальный организм на его наноуровне. В сложившихся условиях создание учения о наночастице экономики явилось бы прорывным, революционным открытием в экономической науке и практике на пути к разработке и внедрению экономических нанотехнологий. Однако поскольку данная гипотеза является гуманитарной, носит характер предположения, допущения, ориентированные на непрременную и быструю окупаемость и получение прибыли подходы, демонстрируемые «Роснанотех», гарантируют отсутствие возможности государственного финансирования подобного рода научных исследований.

Вместе с тем необходимость исследований в области наноэкономики диктуется внутренней логикой развития современной науки и общественной практики, в частности, высокой значимостью научного знания закономерностей и механизмов развития экономики от наносубстанции к формам ее проявления. Востребованность научного поиска экономической наносубстанции, разработки и апробации экономических нанотехнологий — по сути основы подходов к экономике нового качества — обусловлена тем, что совокупность современных знаний и хозяйственных решений во все более значительной степени расходится с критериями разумного, рационального, с позиций общественных потребностей, развития экономических процессов. Примером рассогласованности действий власти и общества, вытекающих из наноэкономической (субстанциональной) природы социума, может служить, например, следующее положение.

Интересы, управляющие экономикой современной России, в своем социальном значении действуют не автоматически, а лишь реализуясь в собственном содержательном контексте. Государственный интерес (обеспечение функции жизнедеятельности государства) реализуется в бюджетном процессе. В странах, где главным источником доходов государственного бюджета служит подоходный налог, государство заинтересовано в приросте населения и его экономическом процветании, а следовательно, в эффективном стратегическом управлении процессом общественного воспроизводства, пропорциональном и сбалансированном развитии всех его структурных составляющих.

Если же, как это имеет место в современной России, роль подоходного налога в формировании бюджета невелика, приоритет в формировании доходов принадлежит косвенным налогам, а казна наполняется преимущественно платежами госкорпораций, интерес государства концентрируется преимущественно в сфере развития срощихся с государством естественных и неестественных энергетических, сырьевых и прочих экспорто- и импортоориентированных монополий. Полноценное, пропорциональное, сбалансированное развитие общественного воспроизводства, его реального сектора (АПК, перерабатывающей промышленности и проч.) при этом власти не интересны, тенденции и содержание демографических процессов и качество жизни населения, его социально-экономическое положение для нее в принципе второстепенны.

Поле государственного интереса в этом случае существенно сужено, вектор смещен, а траектория укорочена. Государство как институт в данном случае фактически срощлось с корпоративными институтами и противостоит остальным субъектам общественного воспроизводства: в государственном интересе доминируют фискальное начало и корпоративная прибыль. Эффективное воспроизводство жизнедеятельности общества как смысл, социально-экономическая основа и стратегическая цель в государственном интересе оказалось на периферии. А собственные интересы (интересы топ-менеджеров государственных учреждений, действующих в русле корпоративных интересов) в управлении общественным воспроизводственным процессом играют определяющую роль.

В отсутствии обратной связи, будучи фактически безответственными перед обществом, данные субъекты реализуются в своей деятельности, руководствуясь сиюминутными эгоистическими интересами, как правило, далекими по содержанию от объективных общественных интересов. Именно этот «сигнал» воспринят и прочно усвоен обществом на наноуровне. В этом пункте и находится место упомянутого выше разрыва коммуникации между властью и социумом.

Не вызывает сомнений справедливость утверждения, согласно которому и в структуре мирового капитала значительная, если не преобладающая, часть денег зарабатывается на деятельности, не способствующей общественному прогрессу — на загрязняющих среду технологиях, финансовых транзакциях, бюрократических барьерах, штрафах, коррупции, рэжете, рейдерстве, некачественной продукции, торговле наркотиками и оружием, игорном бизнесе, на стимулировании безудержного потребления и нездоровых потребностей и проч. При этом масса изобретений, не только выгодных, но и жизненно необходимых обществу, но угрожающих падением доходов транснациональных компаний или структур теневой экономики, не находят применения [9].

Это со всей очевидностью свидетельствует о деструктивном характере экономических процессов в их смысловом аспекте. Производство и предложение даже безупречных наркотиков для наркотрафика; оружия для террора, криминала, вооруженной агрессии; высококалорийных и богатых углеводами продуктов массового питания в странах с высокой долей населения, страдающего ожирением; безудержная автомобилизация населения в регионах и городах, где не строятся дороги и не создается необходимая инфраструктура, и прочие подобные масштабные явления в современном мире не выдерживают оценки по критериям здравого смысла, общечеловеческих ценностей. Столь значимые критерии в современной экономике, как правило, не востребованы, в лучшем случае вторичны.

В силу того, что знание движущих сил относится к числу факторов, определяющих развитие экономики XXI в., исследования в области наноэкономики, экономических нанотехнологий должны занять свое место в сфере фундаментальных и прикладных наук, объединяющих теоретические обоснования, разработку методов производства и применения экономических продуктов с заданной наноструктурой.

Литература

1. Arrow K. Reflections on the Essays // Arrow and the Foundations of the Theory of Economic Policy / G.R. Feiwel (ed.). Macmillan, 1987.
2. Клейнер Г.Б. Наноэкономика и теория фирмы // Вестник ВГУ. Сер. Экономика и управление. 2004. № 2.
3. <http://www.inosmi.ru/inrussia/20061219/231759.html>.
4. <http://esquire.ru/auzan-2>.
5. <http://ru.tgpedia.wikia.com/wiki>.
6. <http://bookz.ru/authors/mareev-sn/mareevsn01/page-69-mareevsn01.html>.

7. http://www.allbusiness.ru/newsam/newsamshow_id_780695.html.
8. <http://voluntary.ru/dictionary/568/word/%CF%CE%C2%C5%C4%C5%CD%C8%C5>.
9. http://www.k5.ru/01_kso.html.

А.В. ФЕСЮН

Наноиндустрия как основа инновационной экономики РФ*

Аннотация. В статье рассмотрены особенности развития российской наноиндустрии. Представлен анализ распределения «нанорелевантных» предприятий по макрорегионам РФ. Сформулированы приоритеты региональной нанотехнологической политики.

Ключевые слова: наноиндустрия, нанотехнология, регион, экономическая политика, инновационная экономика, инновация.

Abstract. The features of the Russian nanoindustry are described and the distribution of «nanorelevant» enterprises by macro-region of the Russian Federation is analyzed in this article. Priorities of regional nanotechnology policy are formulated.

Keywords: nanoindustry, nanotechnology, region, economic policy, innovation economy, innovation.

Необходимость формирования новой инновационной экономики в России обосновывается многими учеными, представителями власти и бизнеса. Инновационное развитие предполагает отказ сырьевой ориентации экономики и инвестирование в первую очередь в новые технологии, позволяющие получать экономию затрат при производстве существующих видов товаров и создавать новые товары и услуги, более привлекательные и пользующиеся большим спросом по сравнению с традиционными аналогами. За счет увеличения продаж сырья можно увеличить ВВП на пару десятков процентов, но никак не нивелировать разрыв в восемь-десять раз между Россией и развитыми странами по многим социально-экономическим показателям. Для решения масштабных задач и достижения высокой конкурентоспособности страны требуется развитие экономики знаний, основанной на науке и наукоемких технологиях.

В условиях кризиса это задача особенно актуальна, так как инновационная экономика и инновационные производства характеризуются

* Печатается при поддержке РГНФ, проект № 09-02-20203а/В.

большей конкурентоспособностью. Инвестиции в новые технологии, в экономику знаний в докризисные времена позволяют легче пережить кризис, а в кризисные годы дают шанс выйти из него в новом качестве, опередить конкурентов и обеспечить финансовую стабильность предприятию, отрасли, государству, ориентированному на инновационное развитие.

Согласно данным Мирового экономического форума, Россия находится на 51-м месте (из 130 стран) по уровню инновационной активности (использовался показатель доли предприятий, осуществляющих технологические инновации, от общего числа промышленных предприятий) [1]. Очевидно, что такое положение не должно быть приемлемо для России. В связи с этим насущной проблемой является поиск эффективной модели формирования экономики знаний для нашей страны. Модернизация экономики является приоритетной для развитых стран, которые выделяют значительные средства на программы инновационного развития. Так, бюджет программы Yozma в Израиле составляет 500 млн дол., TEKES и SITRA в Финляндии — 582 млн дол., SBIR в США — 2 млрд дол.

Актуальными задачами для государства при формировании конкурентоспособной инновационной экономики России являются следующие.

1. Определение целей и приоритетов инновационной политики. Как правило, все государственные программы инновационного развития ориентированы на развитие определенных областей экономики, выбираемых в соответствии с потенциалом и векторами развития того или иного государства. Для каждой из упомянутых программ основной упор был сделан на разные области: интеллектуальную собственность, прикладные исследования и др.

2. Усовершенствование нормативно-правовой базы в следующих сферах: корпоративной (пенсионные фонды в России, хотя и имеют возможность инвестировать в особо рискованные венчурные фонды, т. е. инновационные, но паи тех должны котироваться на бирже в индексах AAA, что недостижимо для такого рода фондов); налоговой (отсутствуют какие-либо льготы для инновационных предприятий); экспортно-импортного регулирования (сложные процедуры, большой объем бумаг); технического регулирования (отсутствует целостная обязательная структура регламентации); интеллектуальной собственности (сложности с определением собственника в некоторых случаях); бюджетной (не стимулируется заинтересованность бюджетных организаций в долгосрочных фундаментальных следованиях); миграционной (сложность процедур, отсутствие различий в режимах для разных категорий).

3. Формирование и внедрение инструментов, механизмов и процедур, направленных на поддержку инновационной активности экономических субъектов, что предполагает развитие финансовой (гранты, посевные, допосевные, венчурные фонды) и нефинансовой (технопарки, бизнес-инкубаторы, центры трансферта технологий, технико-внедренческие зоны) инфраструктуры инновационной экономики; поддержку государственного инновационного бизнеса; вовлечение в разработку и трансляцию инноваций крупного частного бизнеса; создание программ регионального инновационного развития [2].

Областью инновационного развития, на которую ученые, политики и обыватели возлагают надежды по формированию нового качества жизни людей, в развитие которой ведущие государства инвестируют значительные средства, являются нанотехнологии. Наноиндустрия понимается при этом не как отдельная сфера, отрасль или сектор, а способ осуществления всех видов производства, который характеризуется не только технологией нового уровня, но и соответствующими ей экономическими и социальными отношениями [3]; он может и должен быть развит в необходимой мере во всех его отраслях. Как и проникновение в атомное ядро, так и проникновение в процессе исследований или практического преобразования на 10^{-9} уровень системного объекта в рамках предмета любой науки, можно назвать новой промышленной революцией [4]. Уже сейчас можно ожидать, что развитие нанотехнологий будет способствовать решению таких проблем человечества, как «энергетическая, экологическая и продовольственная безопасность, качество жизни, образования и общественного управления, борьба с бедностью, болезнями, терроризмом» [5].

Новые технологии всегда порождают потребность в формировании адекватных им экономических и социальных отношений, в переосмыслении их генетического строения, способов функционирования и эволюции. Процесс развития наноиндустрии предполагает формирование новых образовательных программ, внедрение технико-технологических инноваций, появление новых систем безопасности, нормативов, правил, законов, форм организаций, информационных систем и т. д. Новый уровень дифференциации трудовых действий и операций, затрат и издержек требует изменения содержания и форм менеджмента, маркетинга, учета, анализа и контроля факторов и процесса производства, регулирования обращения товаров с особыми нанопризнаками. Изменяются не только требования к компетенциям работников, их статусам и контрактам, режимам и условиям труда, но и к формам организации производства, распределения, обмена и потребления продуктов производств с использованием нанотехнологий.

Первым документом в России, который обозначил сферу нанотехнологий как приоритетную для исследований и финансирования, стала «Концепция развития в Российской Федерации работ в области нанотехнологий на период до 2010 г.», утвержденная в конце 2004 г. В ней были определены основные направления деятельности в области нанотехнологий, приоритеты, принципы развития nanoиндустрии [6]. В мае 2005 г. был создан Межведомственный научно-технический совет по проблеме нанотехнологий и наноматериалов — совещательный орган, образованный с целью рассмотрения вопросов развития работ в области нанотехнологий на период до 2010 г. [7].

Следующим важным событием в этой области стало утверждение в январе 2006 г. образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки «Нанотехнология», в котором определен перечень специальностей: «Нанотехнология в электронике» и «Наноматериалы» с присвоением квалификации выпускнику — «инженер» [8]. Таким образом в государственную политику поддержки nanoиндустрии была включена сфера образования с введением этого стандарта.

Конкретизируя концепцию 2004 г. Правительством РФ в августе 2006 г. была принята Программа координации работ в области нанотехнологий и наноматериалов в Российской Федерации [9], коллегиальным координационным органом которой стал Межведомственный научно-технический совет по проблеме нанотехнологий и наноматериалов. В принятом плане реализации Программы были определены конкретные сроки, действия и ответственные, а также субъекты инновационной системы, формирующейся в целях реализации программы, и требования к ним: головная научная организация Программы; головные организации отраслей; научно-образовательные центры (НОЦ) на базе ведущих вузов страны; центры коллективного пользования научным оборудованием; центры трансфера технологий; венчурные фонды и иные специализированные финансовые институты, включая фонд развития nanoиндустрии; негосударственные организации — участники Программы.

Знаковым документом стала Президентская инициатива «Стратегия развития nanoиндустрии» [10], принятая в апреле 2007 г., в которой определены следующие этапы развития nanoиндустрии в России:

- увеличение объемов производства продукции нанотехнологий, насыщение соответствующих рынков в ближайшие 3 — 4 года;
- разработка и внедрение в производство новых видов продукции нанотехнологий, которые должны появиться на рынке через 3 — 5 лет;

- развитие принципиально новых направлений в области нанотехнологий для создания перспективных отраслей экономики в течение 10 — 20 лет.

В соответствии с логикой стратегического менеджмента основными формами реализации Президентской инициативы «Стратегия развития nanoиндустрии» с комплексами целей и центров ответственности; необходимых методов и инструментов, источников и средств, каналов движения решений и ресурсов станут следующие.

1. Программа развития nanoиндустрии в РФ до 2015 г.

Проект Программы развития nanoиндустрии в РФ до 2015 г. был представлен в конце 2007 г. Министерством образования и науки РФ в Правительство. Документ предполагает формирование конкурентоспособного сектора исследований и разработок в области nanoиндустрии к 2011 г. для поддержания научно-технического паритета России с экономически развитыми странами мира, а к 2015 г. намечается формирование условий для масштабного наращивания объема nanoпроизводства и достижение отечественным рынком нанотехнологий уровня в 900 млрд р. — около 3% мирового рынка высоких технологий [11]. Статус этой Программы — промежуточный между стратегией и целевой программой, что повышает неопределенность ее проектных параметров (субъекты, объекты, цели, процессы, результаты, механизм реализации) снижает ее эффективность.

2. Федеральная целевая программа «Развитие инфраструктуры nanoиндустрии Российской Федерации на 2008 — 2010 годы».

Это первая федеральная целевая программа (ФЦП), разработанная исключительно в целях развития nanoиндустрии в России. Была утверждена 02.08.2007 г. постановлением Правительства РФ № 498 с объемом финансирования 27,733 млрд р. Эта ФЦП нацелена на создание национальной нанотехнологической сети из обозначенных в Стратегии развития nanoиндустрии в Российской Федерации субъектов инновационной системы с той же структурой. Победителем в конкурсе по определению головной научной организации этой сети (головной центр ответственности) стал Российский научный центр «Курчатовский институт» [12].

3. Целевые программы второго эшелона, или мезоэкономического уровня: региональные (РЦП) и ведомственные (межотраслевые и отраслевые ВЦП), которые предусматривают финансирование разработок в сфере нанотехнологий и доведение их результатов до стадии промышленного производства.

Начиная с 2007 г., когда была утверждена «Стратегия развития nanoиндустрии», во все ФЦП, ВЦП и РЦП включены мероприятия, направленные на поддержку исследований в области нанотехнологий.

Примерами действующих ФЦП являются: «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007 — 2012 годы»; «Национальная технологическая база» на 2007 — 2011 гг.; Федеральная космическая программа России на 2006 — 2015 гг.; Государственная программа вооружения на 2007 — 2015 гг.; Федеральная государственная программа развития оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации на 2006 — 2010 гг.; «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 — 2013 гг.; «Развитие электронной компонентной базы и радиоэлектроники» на 2008 — 2015 гг. Кроме этого приняты и межотраслевые ВЦП: Специализированная программа Российской академии наук (РАН) и Российской академии медицинских наук (РАМН); программа Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ).

Таким образом, наноиндустрия определена в Российской Федерации в качестве основы для построения инновационной экономики. Увеличивается количество инструментов и методов, каналов и потоков, форм и видов государственной поддержки развития нанотехнологий. Необходимость сохранения финансовой поддержки наноиндустрии, а также ее инфраструктуры подчеркивается Президентом РФ. Сложившаяся зарубежная практика предполагает значительную долю бюджетного финансирования. В 20 лучших университетах мира, занимающих первые позиции в рейтингах, инвестиции частного бизнеса в исследования и разработки составляют 10 — 15% общего бюджета на эти цели [13, 11].

На региональном уровне деятельность РФ по развитию наноиндустрии характеризуется рядом отличительных особенностей: догоняющий характер развития; неравномерная концентрация элементов национальной нанотехнологической сети и ее инфраструктуры в пространственном и во временном аспектах; асинхронное развитие отраслей, механизмов воспроизводства, производства, распространения, обмена и потребления нанопродукции в субъектах. Особенности обусловлены пространственной неоднородностью и межрегиональным неравенством, которые во все времена являются острыми вопросами для России и других стран с большой территорией [14, 26] и отсутствием единого методологического подхода.

Регионам РФ присуща разная степень активности в развитии нанотехнологий. Анализ ряда индикаторов позволяет получить представление о степени вовлеченности каждого из субъектов РФ в процесс освоения и практического внедрения нанотехнологий, специфических чертах данного процесса в отдельных регионах, а также выделить группы регионов исходя из уровня развития наноиндустрии. К таким

индикаторам можно отнести: количество ежегодно подаваемых в ГК «Роснано» заявок на софинансирование проектов; количество проектов, прошедших все этапы экспертизы и одобренных к финансированию; участие в ФЦП по направлениям, предусматривающим поддержку нанотехнологий; концентрацию действующих элементов инфраструктуры наноиндустрии; инфраструктурные проекты, которые планируется реализовать в будущем; вовлеченность научно-образовательных учреждений в процесс развития нанотехнологий, степень интеграции науки и предпринимательства; уровень организационно-институционального и нормативно-правового обеспечения деятельности по поддержке и развитию нанотехнологий; наличие координационных соглашений между субъектом РФ и ГК «Роснано»; наличие собственных региональных и ведомственных программ по развитию нанотехнологий; количество публикаций и патентов на результаты научно-исследовательской деятельности в области нанотехнологий; объемы финансирования исследовательских, образовательных и инфраструктурных проектов в сфере нанотехнологий, выделяемые ежегодно из федеральных и региональных бюджетов; объемы произведенной с использованием нанотехнологий продукции, долю рынка, наличие перспектив выхода на межрегиональные и международные рынки; уровень сотрудничества в сфере нанотехнологий с зарубежными организациями; участие в международных и межрегиональных научно-образовательных и выставочных мероприятиях; масштаб организуемых научно-образовательных мероприятий.

Информацию для анализа состояния развития наноиндустрии в регионах в зависимости от источника можно условно разделить на следующие группы: нормативно-правовые и программные документы федерального и регионального уровня, отражающие основные мероприятия, направленные на развитие нанотехнологий и распределение выделяемых на создание инфраструктуры наноиндустрии ресурсов между регионами; информационно-аналитические материалы и официальные документы, предоставляемые федеральными и региональными организациями, задачей которых является развитие наноиндустрии (ГК «Роснано», Министерство образования и науки и др.), материалы специализированных научно-образовательных мероприятий; новостные сообщения на специализированных сайтах, посвященных нанотехнологиям, а также на сайтах новостных агентств; информация о достижениях в развитии нанотехнологий, предоставляемая региональными властями (пресс-релизы, интервью, доклады о развитии наноиндустрии, аналитические обзоры); информация, предоставляемая организациями — участниками НИС (научно-образовательными уч-

реждениями, предприятиями, занимающимися развитием нанотехнологий, НИИ, технопарками и бизнес-инкубаторами, ЦКП и НОЦ).

Анализ информации о развитии nanoиндустрии в регионах позволил проранжировать в зависимости от уровня достигнутых в развитии nanoиндустрии результатов: регионы, являющиеся безусловными лидерами, с большим отрывом опережающие остальные регионы по обозначенным индикаторам вследствие исторически сложившейся высокой концентрации всех видов ресурсов — 2 региона (Москва и Московская область, в которых традиционно сконцентрирована значительная часть всех видов капитала); регионы-лидеры, характеризующиеся наиболее высокими среди остальных субъектов показателями индикаторов развития nanoиндустрии — 6 регионов; опорные регионы, являющиеся площадками интенсивного роста nanoиндустрии — 10 регионов; догоняющие регионы — 13 регионов; отстающие регионы — 29 регионов; регионы, не занимающиеся развитием нанотехнологий — 23 региона. Таким образом, более половины (53 региона) относились к последним двум группам: отстающим и не занимающимся развитием нанотехнологий, характеризующимся крайне низкой активностью в области развития nanoиндустрии.

Были выявлены значительные различия региональной активности в развитии nanoиндустрии, уровень которой в федеральных округах, по экспертной оценке, в соответствии с предложенной группировкой (по перечисленным критериям в шкале от 1 до 6 баллов) составил: ДФО — 1,33; ПФО — 3,29; СЗФО — 2,27; СФО — 2,42; СКФО — 1,57; УФО — 2,5; ЦФО — 2,83; ЮФО — 2,17. Далеко не все регионы России имеют стратегии, программы и планы развития nanoиндустрии, ее инфраструктуры и рынков.

Неравномерно распределены и инвестиции по конкурсу ГК «Роснанотех» по округам России: ПФО — 11,9% инвестиций на 8 проектов; соответственно СЗФО — 11,9% на 8; СФО — 9,0% на 6; УФО — 4,5% на 3; ЦФО — 59,7% на 40; ЮФО — 3,0% на 2, СКФО — 0,0% на 0 проектов. Всего к 1 сентября 2010 г. поддержано 67 инновационных проектов на 193 615,1 млн р. В среднем на один федеральный округ приходится 8 проектов. Количество проектов ЦФО в 5 раз больше. Кроме того число проектов этого округа составляет примерно 60% от общего количества проектов.

В среднем стоимость проектов, одобренных к финансированию Наблюдательным советом ГК «Роснанотех», для одного макрорегиона составляет 24,2 млрд р. По этому показателю хотя и наблюдается перевес в сторону ЦФО, однако он ниже, чем по количеству проектов, и составляет примерно 4,3 раза. Это обусловлено тем, что средняя стоимость проекта ЦФО ниже, чем у большинства других федеральных

округов — 2,6 млрд р. У СЗФО — 1,9 млрд, ЮФО — 2,8 млрд, УФО — 3,4 млрд, ПФО — 4,0 млрд, и «самые дорогие» проекты СФО — 4,4 млрд р.

Инвестиции распределены по приоритетным кластерам (проектам): инфраструктура наноиндустрии — 10% (7 проектов), машиностроение и металлообработка — 16% (11), медицина и биотехнологии — 16% (11), наноструктурированные материалы — 18% (12), оптотехника и наноэлектроника — 28% (19), солнечная энергетика и энергосбережение — 10% (7). Доля ГК «Роснано» составляет 95 801,7 млн р., а других инвесторов — 97 813,4 млн р. Россия не может расплыться в своих нанотехнологических исследованиях и разработках на всем спектре возможностей, требуются концентрация и специализация на определенных областях, в отличие от США, ориентированных на «одновременное решение всех проблем нанотехнологии». В утвержденном президентом Дж. Бушем в 2003 г. акте об исследованиях и развитии нанотехнологий в XXI в. было выделено свыше 1000 направлений поиска в области нанотехнологий как в фундаментальном, так и в прикладном направлениях.

Среднее количество проектов, приходящихся на 1 кластер, составляет 11 проектов. Больше этого значения в кластерах «наноструктурированные материалы» и «оптоэлектроника и наноэлектроника». Средняя стоимость набора проектов в каждом кластере составляет 32,3 млрд р. Выше этого значения кластеры «инфраструктура наноиндустрии», «оптоэлектроника и наноэлектроника», «солнечная энергия и энергосбережения». На их долю приходится 71% планируемого финансирования. Аналогичным образом распределилось финансирование проектов в 2009 г. Лидируют также кластеры «инфраструктура наноиндустрии», «оптоэлектроника и наноэлектроника», «солнечная энергия и энергосбережения».

Сделанные по результатам оценки выводы о значительной неравномерности развития наноиндустрии в регионах России подтверждаются данными о распределении организаций национальной нанотехнологической сети на 1 сентября 2010 г. Оно сложилось следующим образом: ДФО — 6, СКФО — 10, ЮФО — 21, УФО — 24, ПФО — 56, СЗФО — 62, СФО — 65, ЦФО — 282 «нанорелевантные» организации.

Также анализ показывает значительную неравномерность структуры распределения «нанорелевантных» организации в России: в 7 регионах не ведется подготовка кадров для наноиндустрии; ЦКП с дорогим нанотехнологическим оборудованием представлены в 26 регионах; в 24 субъектах, несмотря на наличие специальностей нанотехнологического профиля в вузах региона, отсутствуют научно-

производственные предприятия, на которых подготовленные кадры могли бы быть востребованы. Такое положение дел приведет к невос требованности и миграции трудового капитала. По оценке департа мента образовательных программ ГК «РоснаноТех», к 2015 г. может потребоваться 450 — 500 тыс. специалистов для наноиндустрии. Всего в России имеется 11 инвестиционных фондов и венчурных компаний, позиционирующих себя как работающих в наноиндустрии, 8 из них находятся в Москве, 1 — в Московской области, 1 — в Санкт-Петербурге, 1 — в Республике Татарстан.

Коэффициент вариации распределения «нанорелевантных» органи заций по регионам РФ в представленной совокупности равен 294%, что говорит об очень значительной неоднородности совокупности. Представляется необходимым уделить первостепенное внимание ре шению следующих задач при формировании региональной экономиче ской политики в области развития наноиндустрии: аллокация, концен трация и мобилизация необходимых ресурсов; формирование центров ответственности и производства; определение границ зон развития наноиндустрии; создание «поясов» и сетей «нанорелевантных» пред приятий; формирование наноиндустриальных комплексов и кластеров; выработка единого методологического подхода к сбору статистиче ской информации о развитии наноиндустрии.

Литература

1. The Global Competitiveness Report 2009 — 2010 / World Economic Forum (site) // <http://www.weforum.org/en/initiatives/gcp/Global%20Competitiveness%20Report/index.htm>.
2. Чубайс А.Б. Без приказа сверху инновационная экономика в Рос сии не возникнет // Нанотехнологии. Экология. Производство. 2010. № 1. Февр.
3. Инишаков О.В. Экономическая генетика и наноэкономика. Волго град, 2007.
4. Нанотехнологии под микроскопом: введение / Альфа-Омега // <http://alpha-omega.su/index/0-100> (дата обращения 24.08.2010).
5. Президентская инициатива «Стратегия развития наноиндуст рии» / Федеральный интернет-портал «Нанотехнологии и наномате риалы» // <http://www.portalnano.ru/read/programs> (дата обращения 01.09.2010).
6. Концепция развития работ в области нанотехнологий на период до 2010 года / Российская нанотехнологическая сеть // <http://www.rusnanonet.ru/docs/16687/> (дата обращения 01.07.2010).

7. О межведомственном научно-техническом совете по проблеме нанотехнологий и наноматериалов. Приказ Министерства образования и науки РФ от 30.05.2005 г. № 162.

8. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования «210600 Нанотехнология» / Министерство образования и науки РФ // http://www.edu.ru/db/portal/spe/os_okso_zip/210600_2006.html (дата обращения 25.06.2010).

9. Программа координации работ в области наноматериалов и нанотехнологий в Российской Федерации / Российская национальная нанотехнологическая сеть // <http://www.nanonewsnet.ru/news/2007/programma-koordinatsii-rabot-v-oblasti-nanotekhnologii-nanomaterialov> (дата обращения 02.07.2010).

10. Президентская инициатива «Стратегия развития nanoиндустрии» / Федеральный интернет-портал «Нанотехнологии и наноматериалы» // <http://www.portalnano.ru/read/programs> (дата обращения 01.07.2010).

11. Программа развития nanoиндустрии до 2015 года / Федеральный интернет-портал «Нанотехнологии и наноматериалы» // <http://www.portalnano.ru/read/programs/information#2> (дата обращения 25.06.2010).

12. Сообщение об итогах конкурса / Новости Федерального Агентства по науке и инновациям // <http://www.fasi.gov.ru/news/fasi/889/> (дата обращения 02.07.2009).

13. *Алферов Ж.* За нанотехнологиями будущее. И это не обсуждается // Нанотехнологии. Экология. Производство. 2009. № 1. Авг.

14. *Коломак Е.А.* Межрегиональное неравенство в России: экономический и социальный аспекты // Пространственная экономика. 2010. № 1.

А.В. БУЗГАЛИН

Десять принципов социально-ориентированного развития: новый проект?*

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые принципы социальной ориентации экономики, адекватные вызовам нового века и критически наследующие достижения демократической социалистической мысли XX столетия. Автор доказывает, что в условиях перехода к экономике, основанной на знаниях и творчестве, социально-эколого-гуманитарно-ориентированное развитие становится стимулом, а не альтернативой прогресса инновационной экономики. Именно такая траектория может стать основой для развития России по траектории опережающего развития — экономики для Человека.

Ключевые слова: социально-ориентированное развитие, демократия, социализм, инновации, экономика, основанная на знаниях, стратегия опережающего развития для России, экономика для Человека.

Abstract. The article is devoted to the determination of the key principles of socially-oriented development, adequate to the challenges of the XXI century and critically utilizing achievements of the democratic socialist thought and practice of the past. Author proves, that in the knowledge-based economy social, eco- and humanitarian orientation of development becomes the stimulus, not obstacle of the economy of innovations. This trajectory can be the basis for the catching-up development of Russian economy as economy for the human-being.

Keywords: socially-oriented development, democratic socialist thought and practice, knowledge-based economy, economy of innovations, catching-up development of Russian economy, economy for the human-being.

Сначала маленькое предисловие. Дело в том, что когда мы говорим о кризисе социального государства, надо понимать, что это не единственный кризис последних десятилетий. Это часть общего кризиса существующих моделей. Советской — я не берусь сейчас ее обсуждать. Неолиберальной — ее реализация привела к мировому финансовому и экономическому кризису. Кризис социал-демократической модели — это часть *кризиса больших старых парадигм*.

* Доклад на конференции «Построение социального государства» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации (3 июня 2010 г.)

Не пришло ли время новых проектов?

Такие новые решения, создающие социальные, экономические и политические институты, социал-демократии уже приходилось принимать, и потом долго и жестко бороться за их последовательную реализацию. И сегодня мы не мыслим мир без сделанных когда-то смелых шагов, за совершение которых пришлось заплатить немалую цену.

Напомню. 100 лет назад и для России, и для Германии задача обеспечения бесплатного среднего образования для всех и восьмичасового рабочего дня казалась абсолютно нереалистичной. Всем было понятно, что практически реализовать это нереально. Лишь малое число «романтиков» выходило на митинги, организовывали забастовки... А сейчас все это норма. Но ее никогда бы не было, если бы 100 лет назад не началась борьба за «утопический» проект восьмичасового рабочего дня и всеобщего бесплатного среднего образования.

По-моему, сейчас снова настало время ставить задачи хотя бы столь же масштабных изменений, как восьмичасовой рабочий день по сравнению с двенадцатичасовым рабочим днем 100 лет назад. Иначе мы никогда не найдем *нового* решения, и кризис левого проекта будет продолжаться.

Второй компонент этого предисловия. Традиционная постановка вопроса социал-демократией известна: надо создать условия, в которых рынок сделает так, чтобы большинство людей могло зарабатывать, а социальное государство поддерживать то меньшинство, которое этого делать не может, и чтобы при этом как можно меньше людей нуждались бы в социальной поддержке. Однако. *Рынок как господствующий механизм производства сам по себе всегда порождает, порождает и будет порождать социальную дифференциацию.* Следовательно, он будет порождать много бедных. Другого рынка не бывает. А если бывает, то только тогда, когда в рамках социал-демократической модели у богатых «отнимают» часть их рыночного дохода и отдают ее бедным. Иначе не получится. Поэтому я предлагаю другую постановку вопроса. Если мы хотим, чтобы было как можно меньше тех, кто нуждается в социальной поддержке, то *необходимо определенную часть богатства создавать по иным — нерыночным — правилам игры и целевым критериям.*

Парадокс при этом состоит в том, что новую модель почти все ищут исключительно по принципу нового сочетания уже существующих черт уже существующих моделей. Немного больше либерализма и меньше социальности или наоборот. Иными словами, идет поиск изменения количественных пропорций перераспределения созданного богатства, но сам принцип — богатство создает рынок, а социальность

может его только перераспределять, в большей или меньшей степени подрывая рыночные стимулы, — остается неизменным.

Может быть, надо поставить вопрос иначе: а не пора ли искать новое качество, новые принципы соединения рынка и капитала — на одном полюсе, социальной справедливости — на другом, уходя от старой дилеммы: больше справедливости — меньше эффективности, больше эффективности — меньше справедливости, формируя систему, в которой *справедливость будет стимулом, а не тормозом роста, причем не просто эффективности, а инноваций, обеспечивающих человеческое развитие?*

* * *

Проблема превращения социальной справедливости в стимул инновационного развития и выхода за рамки дилеммы «рынок создает, государство — перераспределяет» на самом деле не нова и уже имеет определенные и теоретические, и практические решения. Один из примеров последнего (хотя, естественно, не идеального) — модель социально-ориентированного развития Финляндии, чья экономика признана одной из самых инновационных в мире. Суммируя эти уже известные решения и предлагая некоторое их развитие я хочу ниже сформулировать *десять параметров, которые отличают социально-ориентированное развитие.*

Они не являются абсолютно новыми, содержат многое из практически реализуемых механизмов, однако в них я постарался суммировать и те новые тенденции в теории и практике социальной ориентации развития, которые накоплены к настоящему времени.

Первый — количественный. Примерно половина или больше валового продукта страны должна *создаваться* и перераспределяться, исходя из социальных, а не рыночных критериев. Я подчеркиваю: не просто перераспределяться государством, а *создаваться* и перераспределяться любыми субъектами, но по не рыночным, а социальным «правилам игры» и критериям.

Как это сделать — это второй вопрос. Он принципиально важен, на него есть ответы, которые лежат в области альтернативной экономики, экономики солидарности.

Кстати, я хочу заметить, что отчасти сейчас (после финансового и экономического кризиса) принципы альтернативной организации экономической и социальной жизни, даже альтерглобализма, и принципы социал-демократии стали сближаться. Только один пример — знаменитый налог Тобина, который десять лет назад воспринимали как ультрарадикальный налог, как ультрарадикальное предложение альтерглобалистов, сейчас, со ссылкой на Вили Брандта, если я не оши-

баюсь, предлагается как одно из программных требований социал-демократией.

Второй. Главным субъектом социального регулирования должно стать гражданское общество, постепенно беря на себя все больше функций государства и тем самым снимая ставшие в последние десятилетия особо заметными провалы последнего.

Соответственно доля расходов в бюджете на социальные нужды должна быть существенно выше, чем в либеральных системах, а доля расходов на содержание госаппарата и силовых структур существенно ниже. И это вопрос именно *доли*. Последнее особенно важно для России, потому что у нас не просто малы расходы на социальные нужды, у нас их доля намного ниже, чем в США, не говоря уже про Европу. В пределе (это теоретическая абстракция, но значимая теоретическая абстракция) социальные расходы должны составлять 99% госбюджета, а на место государственных чиновников, которые оплачиваются из бюджета, должно приходиться гражданское общество, которое решает социальные — т. е. свои собственные — проблемы самостоятельно, без чиновников, без аппарата. Конечно же, в современной действительности, некоторый аппарат, армия, полиция и другие институты охраны прав собственности и контрактов, личной и национальной безопасности необходимы, но в рамках социально-ориентированного развития они должны быть *минимально* необходимы, тогда как социальные расходы максимальны.

Здесь присутствует некоторая важная тенденция, если не закономерность: *чем выше степень социализации государства, чем активнее его социально-регулирующая деятельность, тем меньше число государственных чиновников* (я имею в виду аппарат управления и насилия, вынося за скобки таких государственных служащих, как учителя, социальные работники и т. п.) *и расходы на их содержание* (на душу населения, естественно), *а также ниже уровень коррупции*.

Хорошо известна международная статистика, показывающая, что, например, количество чиновников на душу населения в России больше, чем в США, а в США больше, чем в Скандинавии, что по уровню коррупции США опережает Скандинавию (страны с этой экономической моделью имеют один из самых низких в мире рейтингов по коррупции), а Россия — США. И обратно: мера социальности государства (о ней можно судить хотя бы по доле социальных расходов в госбюджете) в России ниже, чем в США, а в США ниже, чем в Скандинавии. Эта тенденция не случайна: дело в том, что снижение меры социальной справедливости и стабильности существенно повышает число лиц, для которых характерно асоциальное, оппортунистическое поведение. Это касается и особо бедных (стремящихся к нелегитимному перерас-

пределению богатства, вплоть до криминала), и особо богатых, чье сравнимое с государственным состояние стимулирует их к использованию протогосударственных (т. е. нелегитимных) методов поведения (от коррупции до корпоративного насилия и лоббирования). Ну, а далее все просто: и из практики, и из экономической теории хорошо известно, что рост оппортунистического поведения резко повышает трансакционные издержки по спецификации и защите прав собственности и контрактов, что снижает эффективность бизнеса и повышает расходы государства на содержание правоохранительных и силовых структур. Причем эта связь действует и на национальном, и на международном уровнях. В упрощенном виде ее можно выразить так: *не хотите тратить средства на социальное развитие и решение глобальных проблем — будете тратить деньги на полицию и армию, страдая при этом от криминала, коррупции и угроз международной безопасности.*

Итак, существует некая закономерность: *чем больше социализация развития, тем меньше бюрократизация и коррупция.* Возьмите любой справочник международный. Почему? Да потому что в Скандинавии значительную часть социально-регулирующих функций осуществляет не государство, а *институты гражданского общества.* Именно оно осуществляет перераспределение ВВП через государственный бюджет при помощи очень ограниченного круга специалистов.

Третий принцип социально-ориентированного развития — последовательная ориентация на перераспределение ресурсов не от активно работающих к паразитическим слоям, а от паразитически потребляющих или использующих средства к тем, кто повышает свой уровень квалификации для того, чтобы более успешно работать, а также уже или еще не может работать при полном вето на использование государственных ресурсов для обогащения частных лиц.

О второй части этого принципа ниже, а сейчас об источниках доходов. Сказанное выше, в частности, означает использование в качестве источника доходов для реализации социальных программ налогов на посредническую деятельность и финансовые спекуляции, на роскошь и т. п.

Особо важен в данном случае вопрос о наличии прогрессивного подоходного налога. Об этом атрибуте социальной ориентации и социального государства во многих академических кругах и в политическом истеблишменте России (за исключением представителей левых партий) принято умалчивать. Между тем прогрессивный подоходный налог — это аксиома социал-демократической модели. При этом с максимальной прогрессией для богатых и со снятием прогрессии для

среднего класса, который должен платить по средней и ниже средней ставкам.

Есть известное возражение, в соответствие с которым прогрессия подоходного налога подрывает мотивацию бизнеса. В этой связи позволю себе важный вопрос: а что именно мотивирует творческую, деловую активность предпринимателя? Не рантье, не паразита, а именно предпринимателя. Насколько хорошего предпринимателя, эффективного менеджера мотивирует возможность купить очень-очень дорогой костюм вместо просто костюма? Насколько его мотивирует возможность купить очень-очень дорогую машину вместо просто машины? Если верить тому, что предприниматель — это прежде всего работник высшей квалификации, творец, то для него наиболее важно признание и «рейтинг» в профессиональной среде. Если о качествах предпринимателя судят по успехам его дела, а не по тому, сколь дорогой бриллиант у него в кольце, а человека, который тратит деньги не на развитие управляемого им объекта и социальные цели, а на симулятивное личное потребление, считают достойным сожаления (в самом деле, психологи давно показали, что только весьма примитивный, нравственно убогий и не уверенный в себе человек оценивает самого себя и окружающих по лэйблу на подкладке костюма или дороговизне автомобиля), если это правило нравственной и культурной жизни общества, то дестимулирующее влияние прогрессивного подоходного налога на предпринимателя, а не рантье, минимально.

Поэтому прогрессивный подоходный налог на высоко богатых людей — это налог, который мало затронет интересы предпринимателя-творца, новатора. Он вызовет отрицательную реакцию не тех, кто хорошо работает, а рантье и паразитов, которых выплеснуло волной рыночной конъюнктуры.

Еще одно возражение касается того, что высокий налог предприниматели не будут платить. На мой взгляд, здесь проблема не в величине налога, а в социальной атмосфере в стране. Хорошо известно, что, например, российские олигархи или просто крупные бизнесмены, которые не хотят платить полностью 13%-ный налог в России, с радостью уезжают в Европу, где платят свои 40 — 50% и еще борются за право, чтобы их сделали там гражданами и дали возможность эти высокие налоги платить.

Четвертый принцип — использование социальной поддержки для решения задач, которые не может решить рыночно-капиталистическая система, а именно, экономическое обеспечение каждому гарантированного доступа к получению базовых жизненных благ: здоровья, образования, жилья, минимального дохода. В условиях социально-ориентированного развития дифференциация доходов не

только ограничивается в своих масштабах, но и начинается с уровня, *выше* прожиточного, не может приводить к ущемлению базовых социальных и экономических прав личности.

Нам всегда говорят, что социальное государство — это большой слой паразитов — пенсионеров, безработных и т. п., которых содержит государство за счет тех, кто трудится. В этом возражении есть толика истины. Но только толика. Новая модель социально-ориентированного развития может изменить эту ситуацию.

Во-первых, потому, что источником этих выплат будет не столько заработная плата работников, сколько часть прибыли корпораций и сверхвысоких доходов паразитических слоев общества.

Во-вторых, те, кто получает социальные выплаты, могут и должны добровольно (для уже и еще нетрудоспособных) или в обязательном порядке (для трудоспособных) работать на общество, проходя в случае необходимости повышение квалификации. Для этого опять же можно использовать временно незанятых работников.

Социальная и идейно-нравственная мотивация со стороны государства и гражданского общества вполне может подвинуть значительную часть пенсионеров и не работающей молодежи к бесплатному выполнению многих важнейших функций по рекреации природы и общества, развитию культурных и образовательных процессов (например, перевод в электронную форму информации с книжных носителей, добровольная помощь в медицинских и образовательных учреждениях, библиотеках и музеях, парках и заповедниках, природоохранной деятельности, охране общественного порядка и многом др.). Инициирование и организацию этой массовой бесплатной деятельности молодежи и старшего поколения могут взять на себя государство и институты гражданского общества, что существенно снимет нагрузку на государственный бюджет, не снижая объема социальной деятельности.

Иными словами, я предлагаю формулу: *максимально возможный и все расширяющийся объем деятельности по оказанию социальных, гуманитарных, экологических и т. п. услуг должен осуществляться на основе добровольной бесплатной деятельности, проводимой при помощи институтов гражданского общества.* Это позволит либо резко расширить объем оплачиваемых государством услуг (в условиях успешного развития, когда бюджет велик и растет), либо не допускать дефицита государственного бюджета при сохранении прежнего объема социальных услуг (в случаях кризисов и других потрясений).

О последнем, ныне весьма актуальном случае, я хотел бы сказать особо. Если у государства в условиях кризиса денег становится меньше, то необходимо (1) резко снижать *не-социальные* расходы и (2) в случаях, когда нет денег на проведение в прежнем объеме работ в со-

циальной сфере, можно и должно инициировать осуществление этой деятельности бесплатно, но не снижать объем социальных услуг.

В-третьих, о проблеме паразитизма, возникающего при значительных пособиях по безработице. Альтернативой в данном случае является модель *программируемой переквалификации работников*. Два слова важны. Первое — программируемая. Второе — переквалификация.

Если мы закроем завод в градообразующем городке и скажем рабочему или инженеру: езжай в Москву и работай там продавцом в киоске, он не поедет. И дело здесь не столько в низкой социальной мобильности или российском менталитете, сколько в том, что зачастую это экономически невозможно. Но если мы за 3 — 5 лет до закрытия такого завода создадим систему переподготовки его работников и подумаем, как их занять, не очень сильно перемещая территориально, то в этом случае у нас не будет паразитов, мы не будем платить пособия по безработице, мы будем тратить деньги на создание более квалифицированной рабочей силы, что повысит экономическое богатство страны. Мы будем платить за образование и получать более производительного работника. Паразитическая сторона пособий по безработице при таком подходе просто снимается. Иными словами, пособие временно нетрудоспособного при таком подходе получает только тот, кто успешно учится, повышая свою квалификацию с тем, чтобы найти в перспективе занятость в наиболее передовых сферах.

В этой связи я хочу напомнить об уже имеющемся опыте. Ныне принято ссылаться на историю стран «реально существовавшего социализма», но в Германской Демократической Республике был очень интересный опыт, когда в в концернах, которые создавали высокотехнологичную продукцию, при сокращении занятых в бригадах увольняли наиболее квалифицированных и самых эффективных работников. Я не ошибаюсь: именно самых эффективных. С какой целью? С тем, чтобы этот работник затем был целенаправленно переведен на работу в опытно-конструкторское производство, где постоянно ощущается дефицит высококвалифицированных кадров. При этом перед «увольняемым» ставилась задача: научить бригаду работать так, чтобы она без него создавала продукции столько и такого же качества, как и раньше. Это модель, показывающая, как при сокращении занятости может работать социальный лифт, вместо того чтобы работал социальный «понижатель». Этот принцип и социально-эффективен: нет проблемы занять высокоталантливую, креативную, высокообразованного человека; есть проблема занять бомжа...

В-четвертых, создание новых рабочих мест совершенно необязательно должно осуществляться при помощи частного бизнеса или создания для него особых льгот (например, снижения налогов на малый и

средний бизнес, предоставления ему льготных кредитов и т. п.). В условиях наличия долгосрочных программ переквалификации и «социальных лифтов» государство может само, при помощи институтов гражданского общества, но без обращения к частному бизнесу, создавать в соответствии со своими средне- и долгосрочными программами новые рабочие места в наиболее передовых сферах новой экономики. Оно может расширять деятельность существующих или создавать новые университеты и другие образовательные центры, инициировать деятельность кооперативов и некоммерческих исследовательских организаций и массы других структур, создающих наиболее современные формы общественного богатства (знания, информацию, социально и экологически чистые пространства), обеспечивая занятость и принося доход гражданам и государству, но не порождая проблем, связанных с отчуждением труда от капитала и не продуцируя паразитические доходы частных собственников.

Наконец, названный выше принцип предполагает, что *общественно-государственные ресурсы, как я уже отметил, не могут использоваться для обогащения частных лиц или компенсации их потерь от неудачной игры на рынке.* Речь в данном случае идет не о коррупции и других нелегитимных каналах, а о легитимном перераспределении. Социальное государство никогда не должно поддерживать собственника, проигравшего (разорившегося) в результате его рыночной активности. Оно может и должно решать исключительно проблемы работников и социальной безопасности (в случае коллапса социально-значимых фирм), в том числе за счет накоплений бывших собственников, не сумевших вести эффективный бизнес и потому несущих за это экономическую ответственность. В частности, этот принцип накладывает вето на поддержку частных финансовых институтов, оказавшихся в долгах в результате финансового кризиса. Здесь социальное развитие предполагает жесткие меры: частные институты и лица, проигравшие в «казино-капитализме», не могут получать поддержки за счет налогоплательщиков. Эти лица должны разоряться и нести уголовную ответственность в случае неспособности погасить долги, а поддержание занятости, производства, трудовых доходов физических лиц может и должно осуществляться при помощи государственных финансовых институтов. Если такие шаги не предусмотрены законодательством, социально-ответственные политические силы должны инициировать соответствующее изменение законодательства.

Пятый принцип — развернутая система социальных, экологических и гуманитарных нормативов. Он хорошо известен, но я хотел бы, чтобы мы про них не забывали, ибо в условиях неолиберального ре-

ванша многие из них подвергаются ревизии или фактически нарушаются, особенно в странах типа России.

Шестой принцип — обязательное развитие социально ответственного бизнеса и социального партнерства.

Что касается первого, то я предложил бы расширительную трактовку этого института. С моей точки зрения, социальная ответственность бизнеса состоит не только в том, чтобы не сокращать искусственно рабочие места, соблюдать условия коллективного договора и неукоснительно платить налоги: все это не более чем соблюдение правил рынка. В расширительной трактовке *социальная ответственность бизнеса состоит в принятии на себя некоторых, в принципе не свойственных капиталу, обязательств по отношению к работникам, государству и обществу, а также в самоограничении своих специфически капиталистических экономических интересов и, следовательно, доходов*. В частности, речь может идти о (1) развитой системе социального партнерства, вплоть до участия работников в контроле и управлении; (2) прозрачности управленческой и экономической деятельности, вплоть до информации о всех видах доходов и благ, получаемых менеджментом, вплоть до членов совета директоров; (3) ограничении уровня дифференциации доходов работников корпорации (от рабочего до президента) величиной в 10 — 15 раз; (4) сознательно реализуемой долгосрочной стратегии использования прибыли сверх нормативной (скажем, средней по отрасли) на решение социальных, культурных, экологических и т. п. проблем региона, страны и (в случае ТНК) мира.

Отмечу в этой связи один очень интересный момент. Реализация этого принципа тесно связана с общей атмосферой в стране. В той мере, в какой героем телевизионных шоу и репортажей в глянцевого журналах остается богатый человек на «Роллс-ройсе», бизнесу очень трудно быть социально ответственным. В Скандинавии есть интересная деталь: если там появляется бизнесмен на очень дорогой машине (скажем, «Мерседес-600»), то бизнес-сообщество знает: это почти наверняка российский экс-мафиози, с которым крайне опасно иметь дело. Если же бизнесмен приезжает к вам на велосипеде, то это скорее всего уважаемый человек, который занимается серьезным делом и которому можно доверять на слово.

Вот почему в этом случае ключевая идея состоит в том, чтобы объяснить: ездить на «Хаммере» (а это «крутой» российский стиль) — стыдно, неталантливо. Это значит, что сидящий в этом экс-броневичке человек не понимает, сколько всего интересного и важного можно было бы сделать на эти деньги, в том числе и для того, чтобы прославить

свое имя, вместо того чтобы портить этим монстром городскую среду и увеличивать и без того огромные пробки...

Седьмой принцип — приоритет национального и международного гражданского общества по отношению к профессиональным политическим структурам и капиталистическим корпорациям.

Один из важнейших аспектов этой проблемы — *максимально возможное элиминирование влияния капитала и, в частности, денег на политику при неуклонном повышении политической роли социальных движений и неправительственных организаций и сокращении роли собственно государственных структур и профессиональных политиков*. Здесь ключевой проблемой является последовательно сокращение влияния на политический процесс таких феноменов, как политическое и идеологическое манипулирование, шире — политическое производство. Не секрет, что в основе последних лежат так называемые политические технологии, суть которых состоит в производстве некоторого особого товара (голосов, отданных за ту или иную партию, кандидата) из некоторого сырья (электората) при помощи задействования значительных капиталов, корпоративных структур (масс-медийных, но не только) и профессионалов политтехнологов. Все это механизмы, подрывающие демократию, краеугольным камнем которой является процесс суверенного волеизъявления индивидом как полноправным политическим субъектом. Превращение его в пассивный объект манипулирования и вытеснение демократического соперничества конкуренцией политических корпоративно-капиталистических структур суть подрыв основ гражданских прав человека. Вот почему политическое обеспечение социально-ориентированного развития предполагает как минимум последовательное вытеснение политического капиталистического производства и *развитие «демократии корней травы», самоорганизации граждан и самоуправления*. Приоритет последних может и должен стать обязательной политической предпосылкой социально-ориентированного развития.

И маленькая дополнительная ремарка о своего рода «лакмусовой бумажке», по которой можно судить о роли гражданского общества: если в городке местный муниципалитет сможет запретить «Бритиш Петролеум» создавать свое предприятие, экономика и политика будут социально-ориентированными. Это нормально для многих европейских стран.

Восьмой принцип, о котором последнее время особенно много говорится на Западе (но, к сожалению, не в России), — жесткие экологические приоритеты. Этот принцип я специально комментировать не буду, ибо этот вопрос выходит далеко за пределы моей компетенции, однако замечу, что и здесь возможна несколько нестандартная поста-

новка проблемы, когда главный акцент будет сделан не на защиту окружающей среды от последствий объективно идущего прогресса, а на проблему *поиска альтернатив существующей технологической, социально-экономической и политической* (не забудем о постоянно ведущих войнах и угрозах, которые в себе таит оружие массового поражения) *системе как принципиально а-экологичной*. В этом случае мы можем перейти (а некоторые системы уже начинают переходить) от использования экологических ограничений к использованию экологически-альтернативных моделей в сферах технологий, экономики, социальной организации, политики и т. п. Эта постановка вопроса в принципе хорошо известна, но далека от того, чтобы получить массовую поддержку.

Девятый принцип. Я его уже мельком назвал, чуть забежав вперед. Это общественно-государственная система образования, переквалификации, здравоохранения, сфер культуры и спорта, которая обеспечивает их общедоступность. Об образовании я хотел бы сказать особо. Во-первых, с социальной точки зрения образование — это не особый сегмент рынка, создающий товар особого рода, а общественный инвариант, общественное благо (наподобие воздуха или солнечной энергии), обеспечивающее воспроизводство социума. И как таковое оно должно обеспечивать формирование нравственно-ответственной личности, без чего социум не может успешно развиваться. И в этом смысле общедоступное образование (культура и т. д.) есть социально-нравственный императив. Но образование, во-вторых, это еще и та сфера, которая в условиях экономики, основанной на знаниях, не расходует общественные средства, а создает главный ресурс постиндустриального развития — креативные качества работника. И в этом смысле общественно-государственное финансирование бесплатного массового качественного общедоступного образования есть экономически эффективная долгосрочная социальная инвестиция.

Кстати, институтом, обеспечивающим общедоступное образование, необязательно должен быть государственный университет, это может быть общественная организация, кооператив или частная структура, работающая в рамках социально-ориентированной программы, в рамках социальных нормативов и, может быть, даже на государственные деньги. Негосударственный вуз может готовить людей для государственной работы на государственные деньги и, может быть, более эффективно, чем государственный. Конкуренция сохраняется, но модель общедоступного бесплатного образования работает.

И, наконец, *десятый принцип* — приоритет подлинной культуры — культуры, обеспечивающей гармоничное развитие личности, культуры как сотворчества, а не сферы, выполняющей роль своеобразного

духовного наркотика, позволяющего отключиться от пресса господствующей системы отчуждения, глядя в сверхтехнологичный телевизор, где показывают являющийся высочайшим достижением компьютерных технологий набор внекультурных штампов и «экшэнов» или позволяющей выключиться из жизни на хай-тек дискотеке, где некий мегазвук забивает не только сознание, но и подсознание...

Реализация этого императива наиболее важна — ибо здесь во многом формируется та Личность, которая способна стать активным субъектом социально-ориентированного развития — и наиболее сложна, ибо традиционные механизмы рынка, демократии и государственных социальных ограничений здесь малоэффективны. Альтернативные же механизмы развития личностно-ориентированной культурной политики и — я предлагаю очень жесткое утверждение — добровольной социальной и гуманитарной *ответственности художника* прорисовываются пока довольно слабо. Впрочем отдельные примеры таких программ и некая теория здесь все же имеются, но это тема совсем другого разговора.

* * *

В заключение еще раз вернемся к дилемме опережающего, инновационного развития и социальной справедливости.

Выше я предложил новую формулировку старой дилеммы рыночной эффективности и социальной справедливости. Задача экономики сегодня — это не максимизация прибыли. Последнее — одно из возможных и не всегда эффективных средств обеспечения современного типа развития. Эффективность в узком смысле слова, т. е. понимаемая как рыночная эффективность, сейчас уже не так важна. Если мы достигаем высокой прибыли за счет грязного производства на основе ручного труда, то для страны такая эффективность вредна. Это вредный, хотя и эффективный с рыночной точки зрения путь развития. И это не социально, а экономически вредный путь.

Если же мы ставим вопрос о соотношении *инновационного развития, обеспечивающего максимальное развитие человеческих качеств* как одного полюса противоречия, и *социальной справедливости, понимаемой не как уравниловка, а как гарантия удовлетворения витальных жизненных потребностей каждому при равном стартовом уровне и распределение благ свыше гарантированного минимума на основе социального эффекта от его деятельности*, то мы получаем существенно иную картину.

При такой постановке вопроса оказывается, что такая социальная справедливость есть едва ли не наиболее эффективный путь формирования высококачественной, креативной рабочей силы, которая единственно способна обеспечивать прорывное технологическое развитие,

создавать новые экономические, социальные и политические институты, преодолевающие провалы рынка и государства, формировать систему образования, нацеленную на развитие креативности, а не только функционального профессионализма.

То, что это прогрессивно с социально-гуманитарной точки зрения, очевидно. Существенно, однако, и то, что даже *чисто рыночный эффект в этом случае достигается — и высокий.*

Во-первых, дорогая высококвалифицированная и, главное, *креативная* рабочая сила притягательна для инвестиций. Традиционно нам говорят: будут высокие социальные стандарты, рабочая сила будет дорогой, капитал от вас уйдет. В инновационной экономике капитал, напротив, стремится туда, где есть креативный работник. Для того, чтобы создавать и внедрять, скажем, нанотехнологии, нужен человек, который долго живет, рано выходит на пенсию, имеет 25-летнее образование, который постоянно повышает квалификацию и социально стабилен. Иной работник на это не способен. А для того, чтобы работник был таким и это был бы массовый слой работников, необходимо общедоступное высшее образование. Для этого надо, чтобы люди жили 80 — 85 лет, а это требует общедоступной системы здравоохранения и т. д. Иными словами, социально-справедливое развитие даже с прагматической точки зрения выгодно в инновационной экономике. Неслучайно поэтому Финляндия — страна с очень развитой социальной системой — находится на 1-м месте в мире по инновационному развитию.

Во-вторых, важнейший компонент долгосрочного инновационного развития — общественно-государственные программы.

В-третьих, небольшая ремарка относительно возможности социально-ориентированного развития для богатых и бедных стран. Это неправда, что такая ориентация возможна только в богатой стране. Доля (я подчеркиваю — доля) расходов на социальные нужды в сравнении с долей расходов на содержание аппарата власти и насилия, мера социальной дифференциации, наличие или отсутствие программируемого развития — все это дилеммы, во многом *инвариантные по отношению к уровню развития страны*, хотя, конечно же, *стратегия социально-ориентированного развития для разных типов экономик и обществ будет иметь разные формы реализации.*

P.S. В качестве едва ли не самого мощного возражения против выбора стратегии социально-ориентированного развития сегодня выдвигается тезис о том, что оно проигрышно в условиях глобализации, а глобализация — это объективный процесс и его не остановишь.

Спору нет. Технологическая и культурная интеграция, рост взаимозависимости экономик — это объективный процесс. Но кто доказал, что единственно возможной социально-экономической и политической формой этого процесса является модель так называемого *вашигтонского консенсуса*? Почему для интеграции не могут быть приняты другие «правила игры»?

Мне кажется, *вопрос о социально-экологическом консенсусе как альтернативе вашингтонскому консенсусу давно назрел.*

Сегодня, если вы приходите в мировую экономику и политику, то вам говорят: если вы все не приватизировали, если к вам нельзя свободно инвестировать, если у вас есть протекционистские барьеры и национальные программы развития, если у вас в стране нет возможности купить любой товар — университет, озеро, памятник культуры, — то вы нецивилизованы, с вами нельзя иметь дело.

Новый консенсус — это новые правила игры и ограничения для мирового партнерства: если у вас в стране нет прогрессивного подоходного налога, если гражданское общество не имеет приоритетных прав по отношению к ТНК, если у вас нет развитого социального партнерства, а бизнес не является по преимуществу социально ответственным, если минимальная зарплата и социально-гарантированный минимум у вас ниже прожиточного, если у вас образование и здравоохранение не общедоступны, а недра и природные богатства не принадлежат гражданам, если у вас нет жестких экологических, гуманитарных и социальных нормативов, то ваша страна (корпорация) должна быть исключена из круга глобальных игроков и по отношению к ней следует применить экономическую и политическую блокаду или хотя бы идейно-культурный прессинг.

Если это будет четко прописано хотя бы на уровне императива, хотя бы на уровне того, как мы говорили 100 лет назад про императив восьмичасового рабочего дня и демократии, то это будет большой шаг вперед.

В.И. КОРНЯКОВ

О силах самоутверждения экономики

Аннотация. Силы экономического самоутверждения России сложатся по ходу ее прорыва в мировые лидеры при опоре на инициативный труд основной массы работников.

Ключевые слова: частно-государственное партнерство, имитация, повышение производительности труда, сверхприбыль, динамическая рента, заинтересованность работника.

Abstract. The forces of Russian's economic self-affirmation will be created during her break-through in the world leaders with the support of great bulk of workers' initiative labour.

Keywords: private-state partnership, imitation, productivity of labour's increase, superprofit, dynamic rent, worker's material incentive.

О самоутверждении социума не приходится говорить без из себя вырастающей, себя развивающей и себя утверждающей экономики. В РФ сегодня на ней — слоганы инновационного развития, всесторонней модернизации. Но за ними пока нет соответствующей экономики. Слоганы пришли от государства, власти и пока еще не обозначают внутреннего вздымания самой социально-экономической толщи. В экономической литературе — убедительные перечни, характеристики существующих экономических и социальных вериг страны, тяжким грузом сковывающих экономический прогресс. Инновационное развитие, модернизация пока что не стали нормальным экономическим порядком, насаждаются сверху инициативными велениями государственной власти, вбиваются в общество словно гвозди. А без своих громких сегодняшних слоганов наша экономика предстает тем средоточием разрушения, отсталости и зияющих провалов, которое с болью обстоятельно диагностировалось все эти годы на мероприятиях и в изданиях Центра общественных наук МГУ. Нашей экономике из себя самой пока что нечем самоутверждаться. Себя утверждающей экономика станет, лишь прорвавшись в современность, в передовые. Силам экономического самоутверждения еще только предстоит сложиться, вырасти, и ими, конечно же, станут динамические силы ее прорыва, если таковой осуществится, произойдет.

Среди этих прорывных сил на виду прежде всего государство. Сейчас оно уже само де-факто поставило себя во главе прорывной экономической динамики. Но при этом перед собой на первое место выдвигает предпринимательский класс, заявляется частно-государственное партнерство. Через призму частно-государственного партнерства рассматриваются все другие силы и факторы — например, наука, подготовка кадров.

Конечно, потенции, мощь силы власти не следует недооценивать. В России XVIII в. Петровским реформам противостояли весьма мощные консервативные традиции, но царь победил: «...Над самой бездной / На высоте уздой железной / Россию поднял на дыбы». Однако времена изменились. Скоро двадцать лет «великой антисоциалистической ре-

волюции» (Г.Х. Попов). За два десятилетия и Петр I, и Сталин с его партией ввели Россию в лидеры цивилизаций своих эпох. Но РФ, рухнув в бездну в начале 1990-х, все эти годы оставалась принципиально на одном и том же далеком от какого бы то ни было самоутверждения социально-экономическом уровне.

Уже это ставит вопрос: а действительно ли является частно-государственное партнерство в его нынешнем виде той могучей движущей силой, которая обеспечит России так необходимый ей прорыв в экономические лидеры? Почти двадцать лет наш частный капитал обходился без особого беспокойства по поводу производительности труда, инноваций, модернизации. И это не только в России. «Нет ни одного случая, даже включая США, — пишет известный специалист, — когда инновации создавались и реализовывались исключительно на основе частной инициативы» [1, 3]. Сейчас государство зовет, жмет, подталкивает капиталиста на прорыв. Но у последнего остается выбор. Никто не отбирает и не может отобрать у него прежних, со стажем источников прибыли. Под капитал пытаются подставить для сидения новый стул, жесткий и многохлопотный, вибрирующий, неустойчивый, ненадежный, изменчивый. Неужели непонятно, что будет делать наш бизнес?

Только бесконечно наивные могут ожидать, что каждая частная фирма, вняв призывам президента, начнет превращаться в малую Силиконовую долину. Покидать насиженное теплое место, перегромоздаться, втискиваться в новое-неизвестное-меняющееся... Внутренний ответ основной массы бизнеса несомненен: «Нема дурних». А технология фактического отказа от реального «всамделишнего» участия давно освоена: имитация. Уже в СССР ухитрялись вести «развернутое строительство коммунизма» и брать высоты коммунистического труда без «самого важного, самого главного» — без соответственного повышения производительности труда и снижения стоимости продукции.

Не собираюсь отбирать хлеб у Счетной палаты, прокуратуры, журналистов и анализировать способы современной имитации участия в инновационном развитии экономики, модернизации. Но отмечу, что она проникает и в те государственные структуры, которые несут знамена технического и социального прогресса. Так, руководитель Нанотехнологического центра Израиля О.Л. Фиговский выразил свое «фу» главе «Нанотехнологий» А.Б. Чубайсу, обвинив его в краже своего советского патента... 1961 г. (!) и выдаче этих давних изобретений, не имеющих никакого отношения к сфере «нано», за новый результат, за итог своей бурной деятельности. Он, кстати, отметил, что израильский центр, имеющий в штате двух человек (1,5 ставки), успешно ведет разработки, в несколько раз превышающие те, которые проводят 400 че-

ловек центра Чубайса [2]. Понятно, при такой постановке дела нам Израиль (и не только его) не догнать. Кстати, историей поставленная перед Россией задача состоит не в том, чтобы технически и технологически догнать капиталистические страны. Она в куда большем: вернуться на провиденную В.И. Вернадским траекторию ноосферного развития, которая еще в 1950-е гг. обещала достичь цели на протяжении двух-трех поколений. С этой траектории сошла не только наша страна, но и вся современная цивилизация, завязнув в паутине эсхатологических кризисов. Если российскому частно-государственному партнерству не по плечу соревнование с Израилем, то о более высоких задачах не приходится и мечтать.

Драма российской экономики не только в том, что частный бизнес — провальный партнер государства и общества в повышении производительности, инновационном развитии. Экономически и социально изжила себя сверхприбыль частного бизнеса — всеми признанное «законное» основание и оправдание его функционирования. При повышении производительности труда и сбережении издержек бизнесу для получения сверхприбыли необходима неснижающаяся отпускная цена. Если предприниматель уменьшит цену в меру сокращения издержек, у него не будет сверхприбыли. Поэтому получением сверхприбыли (взамен снижения цены) он пресекает процесс распространения своих уменьшившихся издержек на все народное хозяйство, который доставил бы социуму реальную экономию общественного труда, многократно превышающую частную сверхприбыль. Это — гигантское расточение ресурсов страны, ухудшающее органическое строение производства, препятствующее созданию новых рабочих мест, а то и запрещающее таковое [3]. Вопрос стоит так: чем выше развитие частного предпринимательства, тем больше и острее указанный ущерб всей экономики. У сверхприбыли и соответственно частного предпринимательства нет будущего. Это обстоятельство окончательно зачеркивает частное капиталистическое предпринимательство и частно-государственное партнерство как сил ноосферного прорыва России и ее самоутверждения.

Таким образом, не из априорных идеологических соображений, а по итогам непредвзятого экономического анализа общество, правительство должны найти иные, более перспективные силы прорыва в лидеры и экономического самоутверждения России. Причем выбора не остается. Надо всматриваться в многомиллионную армию работников по найму, — рабочих, инженерно-технических работников. Кстати, именно этот социальный слой более всего соответствует пожеланию Президента Д.А. Медведева: «Хотел бы, чтобы модернизаторами выступал наш народ...» [4, 2].

Ныне их голоса в инновационном развитии, модернизации почти не слышно. Но история помнит роль ударников и стахановцев 1930-х гг., военных лет в становлении нашей промышленности, «бригад качества» (это до одной пятой всех рабочих концернов) — в «японском чуде». То есть в отличие от частного бизнеса, у этой социальной силы — громадный инновационный производительный потенциал. Он рожден ее положением в производстве. Кто бы не затевал инновацию, она становится производственным процессом усилиями именно этих субъектов экономики. Именно этот класс — монополист непосредственного трудового созидания-рождения благ. И вся проблема в том, как трудятся эти люди — инновационно или репродуктивно.

Но здесь нужно принять во внимание свершающийся (и в определенной мере уже свершившийся) всемирно-исторический поворот, который определяет пути вовлечения данного социального слоя в инновационное развитие, всестороннюю модернизацию. Царь Петр с одного взгляда видел, как работают сотни людей на строительстве корабля, его палка сразу меняла ситуацию. А теперь и зрительный надзор за работой, и тем более палка все неэффективней, бесполезней. Ибо работа вершится не руками с топором, а мозгом, мышлением работника. Их «напрягает» не окрик извне, а только сам работник — конечно, если захочет. Возник трудовой оппортунизм, замена работы ее видимостью. Мы входим, даже вошли, в эпоху, когда для вполне современной, качественной, высокопроизводительной, творчески инициативной работы (т. е. и для инновационного развития, и для всесторонней модернизации) необходимы внутренние согласие и готовность работника, когда он либо захвачен энтузиазмом, либо всерьез, глубоко заинтересован. Третьего не дано. Но трудовых энтузиазма, подвижничества у нас ныне нет и в помине. Значит, работника надо заинтересовать. Чем, как?

Участием в собственности на фирму? Это делалось множество раз. Чуда, перелома в темпах роста производительности труда, как правило, не происходило. Кстати, ни у советских стахановцев, ни у японских «бригад качества» не было долей в имущественной собственности. И обществу не нужна заинтересованность трудящихся, не являющихся специалистами в недвижимости, в имущественной собственности. Из них никогда не получится профессиональных риелторов. Все мы хотим, чтобы трудящиеся были заинтересованы в росте производительности, в инновационном развитии. Следовательно, они и должны быть наделены соответствующей собственностью — собственностью на достигаемое их усилиями повышение производительности труда. Разумеется, не на само увеличение выработки (это неконтролируемо), а на ее материализацию в уменьшении издержек — это может быть

сделано достоверно устанавливаемым и прозрачным. И самое главное: не только и не столько на экономию на рабочем месте — это почти всегда малозначущая для работников величина. На многократно помноженную *большую экономию* (динамическую ренту) от распространения-складывания этой малой экономии рабочего места по технологическим цепочкам обработки, прямым и обратным связям в масштабе практически всего общественного производства.

В экономике как целостности одно изменение влечет за собой другие. Сегодня распространение индивидуальных экономий от повышения производительности — даже не в тени, оно напрочь перекрыто образованием, получением сверхприбыли. Заинтересовать работников нечем. Социуму придется определяться, что ему важнее-нужнее: привычное, ни к какой модернизации не ведущее хозяйствование частного предпринимателя, сжигающее ресурсы, высвобождаемые ростом производительности его рабочих, или пробуждение креативной энергии этих работников передачей им (в полную экономическую собственность) тех ресурсов, которые эта энергия порождает. Этого вопроса пока просто не видят, но объективная реальность упорно ставит и ставит его. И обществу не миновать его не только обнаружить, но и решать, — конечно же, в интересах своего развития.

Общего решения проблемы не надо придумывать. Оно уже предложено американским экономистом И. Ставинским (правда, для США). Он предлагает объединить частные капиталы страны в единый национальный на паевых основах и выплачивать владельцам паев вместо обычной прибыли-сверхприбыли процент на собственность. Это не экспроприация, частная собственность сохраняется, но у частных собственников не будет ни желания, ни возможностей перекрывать движение снижений издержек по технологическим цепочкам обработки, пресекать образование страновых фондов экономии (динамической ренты) от индивидуальных увеличений производительности труда. Сложатся благоприятные объективные условия для развертывания реальной индивидуальной экономической собственности работников на достигаемые ими приросты производительности труда.

И проблема перейдет в плоскость того, как социум использует эти объективные условия. Будем ли мы действительно класть без утеснения и колебаний в карман трудящихся то, что они создадут, повышая свою производительность труда? Если рабочий, затеяв инновацию, изначально будет видеть твердо-железно стоящие за ней рубли защищенного от посягательств дохода и знать, что добавление к выработке таких-то процентов — это соответственные проценты надежного увеличения также и его денег — такая невиданная ситуация «расчистит» путь к неограниченному повышению производительности. Но его ди-

намическая рента рассеяна по всему общественному производству, и к ней не «пройти» без помогающих рук находящихся в такой же ситуации ближних и дальних соседей. Поэтому неизбежно грядет идущее с самого «низу», от работников, соединение индивидуальных интересов в общий с созданием новой производительной силы изнутри объединенного труда, которой впору стать главной силой экономического самоутверждения России.

Литература

1. *Гринберг Р.* Сколько стоит уравнение Максвелла // Российская газета. 2010. 13 сент.
2. <http://www.rospress.com/showbiz/7161/>.
3. *Корняков В.И.* О воспроизводстве новых рабочих мест // Экономист. 2008. № 7.
4. *Кузьмин В.* Без альтернативы. У России нет иного пути развития, кроме как через модернизацию // Российская газета. 2010. 13 сент.

И.Г. ШЕВЧЕНКО

Вся власть от Бога

Аннотация. В статье исследуется метафизика власти в России и анализируются возможности ее нравственного совершенствования.

Ключевые слова: Бог, народ, государство, власть, капитал.

Abstract. It is researched in the article power spirit nature in Russia and possibilities for power moral improving.

Keywords: God, people, state, authority, capital.

Немодный лозунг. Как? Возмутятся ее многочисленные российские критики. У нас ругать власть — дело модное на протяжении двух столетий. Не зря Бердяев назвал русский народ самым анархическим в мире. При этом на критикуемую ежедневно и ежечасно власть принято смотреть как на волшебника: нужно громко и грозно загадать и попросить, а уж она-то, власть, исполнит любое желание (если, конечно, захочет).

Двойственное отношение к власти имеет множество объяснений: самое простое — бытовое, ругать власть у нас пока безопасно, а значит, легко, труднее приложить усилия и в условиях деградирующей экономики сделать что-либо реальное и полезное. Комфортнее зая-

вить, что мог бы, да вот власть не дает. Только вот даже самая зло- вредная власть не удержит под уздцы каждого из 140 млн, нет у нее для этого и не будет достаточных ресурсов. Кивать на власть нечего, кто может, тот делает, кто не может — громче всех кричит.

Вторая причина критического восприятия — коммуникационная. Одинок человек в современном мире, где все обретает вид лукавой цифры, управляемой деньгами. А начнет власть ругать, тут сразу и появятся и друзья, и единомышленники, тут и среда общения и локальный почет, и самое главное — делать ничего не надо, а настроение боевое, радостное. Так появляются профессиональные ругатели власти.

Третья причина — государственническая сущность России. Суровые и безбрежные пространства нашей страны не освоить и не удерживать без централизованного, властного начала. Во все поры экономической и социальной жизни вольно и невольно проникает власть, многое от нее зависит, многое ей подчиняется. А кому многое дано, с того много и спросится.

Четвертая причина — властный угар. Управлять целым континентом — у любого голова закружится. Возникает иллюзия: что захочет власть, то и сделает. Но Россия — страна сложная, а значит, и хаотическая. А хаосом можно управлять лишь отчасти и ограниченное время.

Иллюзия всемогущества, как огонек для мотыльков, манит неисчислимую людскую массу. Тут уж придется поддерживать у новообращенных веру во властную силу, иначе отвернутся, найдут себе иного идола, и хорошо еще, если не растопчут по дороге... Любая иллюзия разрушается, соприкасаясь с реальностью, вот и возникают у всемогущей власти ошибки и огрехи, как на тришкином кафтане. Мало огрехов — власть народ задабривает подарками, по-отечески внушает, что-де все хорошо и огрехи эти просто отдельные недостатки да случайные недоразумения, а когда ошибок много — власть народ пугает, раз не получается управлять, значит не власть тут виновата, а народ. А уж как оно было на самом деле, рассудит история, правда, и с ней случаются проблемы, поэтому уже не раз переписывается она сызнова.

Пятая причина — наши заклятые «партнеры». Давно сообразили они: самый действенный способ уничтожить могущество Великой Страны — революции. Для этого нужно, чтобы народ власть не любил, от власти отвернулся. И текут ручейки зарубежных подачек записным критикам власти: принцип простой — злее критикуешь, больше получишь. А уж под флагом какой идеи выступает критик — дело десятое.

Шестая причина — экономическая. Тяжело идет хозяйствование на российских просторах — народа мало, работы много, конкуренция, как в Африке, а главное: много ресурсов требуется на поддержание огромной государственной машины.

Трудно в России разбогатеть за счет труда, легче за счет государства: направь в свою сторону ручеек от державных богатств, глядишь, и на хоромы каменные хватит. Еще в начале XX в. Бердяев отмечал: «Оргия хищнических инстинктов, безобразной наживы и спекуляции в дни великих испытаний для России есть наш величайший позор, темное пятно на национальной жизни, язва на теле России... Приходится с грустью сказать, что святая Русь имеет свой коррелятив в Руси мещенической» [1, 86 — 87]. Дворцы и яхты, отстроженные на разбазаривании природных ресурсов, имеют весьма глубокие исторические корни.

Время государственного служения плавно трансформируется в бизнес за счет государства, тут уж ничего личного — просто бизнес... Понятное дело, чем дальше человек от властной кормушки, тем больше у него поводов на власть обижаться и ее ругать. Получить от власти что-то у нас хотят многие и под разными предложениями, но не видно очереди тех, кто жаждет этой власти что-то безвозмездно отдать.

Седьмая причина — главная. Власть в России — больше, чем власть в любой другой стране. Назначение власти здесь быть эталоном, образцом для подражания, светом православной цивилизации: «Поэты наши прозревали значение высшее монарха, слыша, что он неминуемо должен наконец сделаться весь одна любовь, и таким образом станет видно всем, почему государь есть образ Божий, как это признает, покуда чутьем, вся земля наша... Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее значенье свое — быть образом Того на земле, Который Сам есть любовь» [2, 56 — 57].

И становится понятна пламенная вера в ленинский гений, и крепнущая ностальгия по вождю всех времен и народов. В народном сознании — Россией управляет — значит, лучший. Высока морально-нравственная планка для правителя, тяжело ей соответствовать. Зияющий разрыв между реальностью и идеалом порождает критичное восприятие власти и дел ее, плохих и хороших.

Поводов для критики много, не лицемерием ли будет отождествление власти и Божьего Промысла, не попытка ли выключить у власти кусок пожирнее? И срабатывает ловушка нашего мимолетного времени. Боязнь не успеть, вечная гонка за изменчивыми возможностями порождают поверхностный взгляд на происходящее.

Думать и анализировать уже нет времени. Информационное цунами порождает состояние стресса и стихийное возникновение в подсос-

нании информационных фильтров. Человек не осмысливает происходящее, а лишь реагирует на яркие информационные раздражители, подтверждающие или опровергающие его субъективную оценку.

Если отринуть налет сиюминутности, перевернутая картина мира начинает приобретать более естественное положение. Да, у власти, были, есть и, увы, будут недостатки. Означает ли это, что власть хуже анархии, дикого, животного произвола, не единожды потрясавшего страну? Самое простое объяснение, почему власть — от Бога, это то, что плохая власть лучше хорошего безвластия. Объективность этой посылки провоцирует власть при очередном фиаско пугать народ сползанием в хаос, выторговывая полномочия на будущие огрехи и индальгенцию за прошлые ошибки.

Метафизика власти. Более сложное объяснение власти — на метафизическом уровне. Власть в своей несправедливости, произволе и ограниченности провоцирует на протест внутренний или внешний, возбуждает гордыню. Человеку начинает казаться, что уж он поступил бы на месте власти вернее, решительнее... Трудно в таких обстоятельствах смириться, не роптать. Назначение власти здесь — закалить душу, показать человеку его способность справиться с грехом, ведущим прямой дорогой в лапы темных сил, — гордыней.

Подлинная жизнь человека начинается как раз после смерти и освобождения души от власти косной материи. Когда попадает человеческая душа в небесную обитель, многое ей предстоит узнать, многое поразит воображение, тут самое важное — принять непостижимую логику Высших сил, не вступить на скользкую дорожку обсуждения и осуждения, не позволить гордыне и самомнению заставить душу судить, что хорошо, что плохо в Небесном Царстве. Заметьте: царстве, а не республике... Всемирный Разум иерархичен, и эта иерархия проецируется на нашу земную жизнь.

Есть и обратная сторона медали: власть как дар Божественного Провидения вручается земным людям, далеким от книжных идеалов, и если последние впадают в эйфорию, творят во имя иллюзорных целей злодейства, этой власти могут и лишиться.

Получение власти как дара не освобождает от ответственности. В Социальной концепции Русской православной церкви заявлено, что церковь должна указывать государству на недопустимость распространения убеждений или действий, ведущих к разрушению личной, семейной или общественной нравственности, оскорблению религиозных чувств. А в тех случаях, когда человеческий закон совершенно отвергает абсолютную Божественную норму, заменяя ее противоположной, он перестает быть законом, становясь беззаконием, в какие бы правовые одежды он ни рядился.

Можно сказать, что игнорирование религиозно-нравственных принципов враждебно глубинной природе власти, лишает ее жизненных сил, ведет к глубокой личной трагедии властей предержавших. Когда зазнавшаяся и зарвавшаяся элита грезит неисчислимым могуществом и богатством, вдруг перекрывается великий источник небесной поддержки, разбегаются без боя многочисленные армии, обращаются в прах могущественные государства...

Если облеченные властью люди хотят ее сохранить, критически важно для них соблюдение заповедей Божиих, кто-то усмехнется от таких слов, не поверит, а потом, глядишь, и заплачет, когда ускользнет власть мокрой рыбкой из рук властолюбца. Чем больше злодейств совершает государственный организм, чем более он морально развращен, отягощен коррупцией, убийствами невинных... и даже каннибализмом (в XX в. было и такое), тем слабее государство, беззащитнее население, более зависима страна от набирающего силу мирового капитала. Примеры рядом: Латинская Америка, Африка, СНГ... И наоборот, если страна претендует на особую роль в мироустройстве, тем чаще обращаются к морально-нравственным ценностям ее руководители.

Когда люди критикуют власть, пытаются указать, как следует власти поступать, наивно полагают правителей вольными в поступках своих, они не видят, а часто и не могут увидеть тайных договоренностей, угроз и посулов, плотной сетью окутывающих человека во власти. Эффективны методы тайной власти, невидимое побеждает видимое благодаря своей невидимости, а значит и неуязвимости. Чем сложнее характер задач управления страной, тем больший соблазн возникает у ее правителей воспользоваться «волшебной палочкой» тайной власти.

Тут утверждение «Вся власть от Бога» уже выступает не как инструмент апологетики властных деяний, а как мощный морально-нравственный ориентир для власти имущих. Библия учит: «Бог есть свет и правда». Что построено на лжи, то, что прячется в тени от постороннего глаза, делается втайне от народа (дескать, так народу будет спокойнее), — такая власть не от Бога, а значит, обречена она на быструю и неожиданную гибель.

Тайная власть — это подарок сил Тьмы. Блестит «подарок», манит богатством и тщеславием, а на деле губит — «ибо мерзок пред Господом, Богом твоим, всякий, делающий неправду» (Второзак. 25, 16). Тут и секрет удивительной метаморфозы: был человек умным и порядочным, во власть попал и стал мерзавцем и казнокрадом.

Дальше больше. Тайная власть требует от новообращенного жертв — душевных и физических. Чем выше уровень в иерархии такой вла-

сти, тем изобильнее жертвы должен принести власть имущий бесам, тем большие реки человеческой крови прольются в стране.

Силу не спрячешь, прячут слабости. Чем слабее государственная власть, тем больше она лжет, тем больше в ней скрытности и умолчания. В перевернутом мире властолюбца все наоборот: кажется ему, чем хитрее интрига, чем изощреннее ложь, тем больше власти окажется в руках.

И самое странное, до поры до времени так и происходит. То, что кажется противоречивым на обыденном уровне, на уровне метафизики становится логичным и понятным. Совершая очередное злодеяние, властолюбец губит свою душу, за что и получает поощрение сил Тьмы. Но даже в земной жизни может настичь его воздаяние. В начале 1584 г. у Ивана Грозного «открылась страшная болезнь, какое-то гниение внутри, от него исходил отвратительный запах. Развратная жизнь и свирепые страсти расстроили его. Ему было пятьдесят с небольшим, а он казался дряхлым, глубоким стариком...» [3, 262].

Потаенность власти ведет к ее истончению. Указано в Библии: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу» (Мрк. 4, 22). Могущественной была Восточная Римская империя. Ее столица — Константинополь — самый богатый город мира. Но с накоплением богатств усиливалось искушение перераспределить их в свою пользу, купить с их помощью еще большую власть и еще большее могущество.

Интриги императорского двора были столь изощренными, что сквозь века дошел термин «византийское коварство». Расцвела пышным цветом жестокость. Император Василий приказал ослепить пленных болгарских воинов и отправить их на родину. Когда болгарский царь увидел тысячи ослепших воинов, он умер — сердце не выдержало.

Накопленных богатств было так много, что византийцы уже не хотели воевать сами (идея профессиональной армии имеет древнюю историю), предпочитая услуги наемников, — на проторенной ими дороге «из варяг в греки» и возникла Россия.

Дело кончилось тем, что во время последнего штурма крестоносцев Константинополя погиб один рыцарь! Империи оказалось некому защищать. Не менее быстрыми и трагичными были падение наследника византийской традиции — Российской империи, и ее большевистского ремейка — Советского Союза. И что удивительно, бесславному падению могущественных государств предшествовал глубочайший морально-нравственный кризис, парализовавший волю властей предрежащих.

И наоборот, если власть чувствует свою силу, она становится более открытой и понятной. Испытание властью — одно из самых сильных испытаний человека. Не случайно в качестве искушения Христа силы Тьмы используют власть: «Берет Его Дьявол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их. И говорит Ему: все это дам Тебе, если, пав, поклонись мне» (Мф. 4, 8, 9). Враг Рода Человеческого явно указывал, кому на самом деле принадлежит светская власть, основанная на жестокости и тайне...

Трудно получить власть, но еще труднее ее удержать. Власть нуждается в массовой поддержке. Чем больше людей одобряет действия власти, отождествляет себя с ней, участвует в осуществлении властных решений, тем прочнее становится положение властей предрежащих. В стремлении обрести массовых последователей власть должна использовать особенности человеческой личности, попасть в резонанс с особенностями индивидуального характера.

У любого человека есть положительные и отрицательные стороны. Если власть утрачивает духовные основы своего бытия, в ее гигантском организме начинает доминировать материальное начало.

Материя власти. Материя движется по пути наименьшего сопротивления. Много легче удержать многочисленных сторонников, используя стремление к неограниченным материальным благам, чем взывать к светлым идеалам. Немало в истории примеров, когда власть удерживали сознательным ожесточением общественной жизни, возвеличиванием сребролюбия.

Для использования человеческих пороков в упрочнении власти придуман благозвучный термин: «реальная политика». Успехи такого подхода не раз демонстрировала мировая история. Казалось бы, опровергают они наивные доводы морализирующего автора. Вот тут и наступило время уточнить исходные понятия: что есть власть, чем отличается она от государства, что такое элита, и является ли элитой служивый люд.

Власть есть Богом данная невидимая материя, проявляющая себя, прежде всего, в деятельности государства, наполняющая силой и питающая государственный организм, подобно тому, как наполняет силой человеческое тело кровь. Государство есть главная форма проявления власти, ее внешняя оболочка. Уходит из государства власть, и превращается государство в стремительно ветшающую бюрократическую конструкцию. Лишенное власти государство еще некоторое время существует по инерции, постепенно превращаясь в фантом.

Власть и государство не могут существовать сами по себе, нуждаются в персонификации: материя состоит из атомов, а власть и государство из людей. Человек — природный носитель власти. Чем боль-

ше людей в государстве, тем большую власть при прочих равных условиях имеет его правитель.

Лишенный власти человек — раб. Это противно человеческой природе, а потому неустойчиво. Когда человек обладает значительной природной властью, о нем говорят — харизматическая личность, когда власть человека настолько велика, что оказывает непосредственное и существенное влияние на деятельность общества, о таком человеке можно говорить как о представителе элиты.

Поверхностность восприятия нашего быстротекущего времени приводит к отождествлению власти и государства, элиты и бюрократии. Возникает опасная иллюзия, что государство само по себе обладает властью, является ее неиссякаемым и самодостаточным источником: форма вытесняет содержание, начинается самовыгорание государственного организма.

В России такие процессы проходят трагично. В силу природных и исторических причин государство у нас — форма существования народа, что по сути означает наличие единого общественного организма, в котором самовыгорание государства неизбежно переходило в самовыгорание нации и неминуемую геополитическую катастрофу.

Осознание тождественности народа и государства в нашей стране способно стать самой важной инновацией XXI в. Альтернативой этому может стать заимствованная в Европе бюрократическая идея, где место естественного носителя власти — народа — занимает «искусственный народ» — государственные служащие, максимально лояльные деяниям властей предрежащих. Если в развивающемся по естественным законам государстве источником увеличения власти является увеличение на его территории людей, то в противоестественном государстве будут руководствоваться идеей увеличения численности бюрократов.

Забвение народных нужд, вытеснение нации из исторического процесса растущим как на дрожжах бюрократическим аппаратом незаметно превращает государство в самоисчезающий мираж. Под тяжестью бюрократических структур рухнуло немало великих государств. И возникает вопрос: «Неужели это не является очевидным для власть имущих?».

Было бы заблуждением полагать, что нами правят наивные и недалекие люди, не осознающие угрозы метастаз бюрократизации. Проблема заключается в том, что единство народа и государства на первый взгляд кажется либо абсолютно нереальной задачей, либо требует создания жестокого тоталитарного режима и массовых репрессий, чего наша страна уже не вынесет.

С одной стороны, единство требует делегирования достаточно большого количества властных прав населению, развития демократических процессов. Но ужасающие масштабы преступных деяний, алкоголизма, наркомании и иных форм моральной деградации существенно ограничивают возможности развития форм народовластия. Самый простой пример — ношение оружия, одного из зримых атрибутов власти. Если разрешить ношение оружие всем гражданам нашей необъятной страны, вероятность того, что их количество существенно убавится, представляется крайне высокой.

С другой стороны, народ всегда делегирует государству часть своих властных полномочий. Совершенно очевидно, что бедственное состояние дел требует усиления роли государства в жизни общества, а значит, и большей концентрации власти в руках чиновного люда. Но когда полномочия чиновников возрастают, а их морально-нравственные качества оставляют желать лучшего, усиление власти государства вырождается в гонку обогащения государевых слуг.

Таким образом, очевидно, что без морально-нравственного очищения современного общества изменить к лучшему ситуацию в принципе невозможно. Трудна эта задача, многое делается в нашей стране для этого, а существенных сдвигов нет.

Если мы сталкиваемся с большой проблемой, нужно выделить приоритеты и разбить ее на последовательность простых задач. Где наибольшие негативные последствия морального разложения общества? Ответ простой — на самом верху. Таким образом, приоритетом является морально нравственное очищение прежде всего органов государственного управления.

Очищение власти. Первый шаг очищения — покаяние и прощение. Если чиновник брал взятки и воровал, он должен задекларировать незаконные доходы и заплатить с них налог. Таким образом, речь идет о необходимости одноразовой амнистии, обязательной для всех государственных служащих нашей страны. Является ли такое мероприятие справедливым? — Конечно, нет. Является ли оно милосердным? — Да. Если мы хотим построить Царство Божье на земле, мы должны уметь проявить милосердие к искренне раскаивающемуся человеку.

Второй шаг очищения — усиление государственного и общественного контроля за деятельностью чиновного люда. Бесконтрольность, неограниченное доверие провоцируют злоупотребления и хищения.

Третий шаг — формирование национального кадрового резерва из честных и порядочных людей, их систематическое обучение методам государственного управления и выдвижение на исполнение государственных функций на общественных началах.

Четвертый шаг — разделение власти и богатства: «Никакой слуга не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и мамоне» (Лк. 16, 13). Это создание ситуации, когда работа во власти есть бремя, принятое ради будущего страны, а не способ обогащения, культивирование аскетизма во власти, стремление к удешевлению и упрощению государственных функций.

Четвертый шаг представляется принципиально важным, так как разрешает одно из важнейших противоречий выживания нации: скудость экономических ресурсов России и необходимость содержания могущественного государства, способного оградить страну от наиболее сильных геополитических хищников. Аскетизм как образ жизни элиты страны, а также делегирование части полномочий населению способны сократить непосильную нагрузку на народ и природу, гармонизировать отношения властей предрержащих и простых людей.

Когда люди во власти живут в роскоши, простой народ считает, что он ничуть не хуже и пытается достигнуть уровня потребления верхов воровством и грабежом. Если представители власти станут образцом аскетизма, простой народ поверит власти и сможет мобилизоваться для решения стоящих перед страной задач.

Пятый шаг — локализация предпринимательской активности в тех отраслях хозяйственной деятельности, где она уже доказала свои востребованность и эффективность. В хаотичных системах, а современная экономика несомненно является таковой, одной из самых больших ошибок является абсолютизация. Нет более губительного представления, чем надежда, что его величество рынок решит проблемы инновационного развития страны. Но нет и более пагубной идеи: рынок отменить, а предпринимательство признать социально опасным явлением.

Чтобы понять роль и место предпринимательства в жизни страны, нужно вспомнить природу самого капитала — главнейшей движущей силы предпринимательской активности. На поверхности явлений капитал — это деньги, приносящие доход. Отношение полученного дохода к вложенным в предпринимательское дело деньгам есть процентная ставка. Можно утверждать, в повседневной жизни деньги становятся капиталом благодаря процентной ставке: имеется она у владельца денег, превращается он в капиталиста, а деньги становятся инвестициями или (что, пожалуй, более точно) капиталовложениями.

Если владелец денег вложил свои накопления в дело, а процентную ставку не получил, в этом случае речь идет уже не о капитале и инвестициях, а об имитации бизнеса, особой социальной игре, имя которой — «загубленные деньги». Поскольку в современном мире «напечата-

но» слишком много денег, а экономика визуализирует накопленный в течение столетий хаос, жизнь внесла в обозначенную схему свои коррективы.

Теперь владелец денег зачастую не может сразу получить вожделенный процент, и вынужден ждать 2 — 3 года, пока его дело не станет прибыльным. Проходит этап начального становления бизнеса, и его владелец становится либо капиталистом, либо неудачником.

Хлопотное это дело — вести бизнес, хотя в глазах собирающих дань государевых слуг, бизнес как скатерть самобранка, загадай желание, топни грозно ножкой, все само собой и появится... Иногда владельцу денег проще отнести их в банк, чем связываться с предпринимательскими рисками и бюрократической волокитой.

Таким образом, если владелец денег решается на предпринимательский подвиг, он вправе требовать денежной компенсации за неизбежные риски, а ставка процента будет состоять из двух элементов: ставки безрискового дохода, который можно получить в надежном банке, и в премии за риск.

Если премия за риск отсутствует или измеряется со знаком минус, с точки зрения здравого смысла деньги в проект вкладывать не стоит, так как выгоднее их просто поддержать на банковском депозите.

Несмотря на сногшибательные цифры современных финансовых сводок, в течение последних двухсот лет средняя доходность капитала находилась на довольно скромном уровне — от 5 до 7%, а ставка безрисковой доходности была в диапазоне 3 — 5%.

В России на момент написания этих строк ставка по депозиту в надежном банке составляла 5 — 8%, что позволяло сделать выводы о том, что доходность капитала в нашей стране должна быть выше среднемировых показателей. Для экспериментальной проверки я взял данные о маржинальной доходности капитала за 1998 — 2009 гг. как отношения годовой прибыли к рыночной оценке фирмы.

Данный показатель был рассчитан на примере 90 крупнейших компаний нашей страны, рыночная оценка которых составляет более 80% капитализации национальной экономики (табл. 1).

Оказалось, что высокая доходность капитала была характерна для 1998 г., когда риски развития рыночной экономики в нашей стране (а значит, и премия за риск капитала) оценивались исключительно высоко. Что вполне справедливо: действия фанатичных приверженцев западного либерализма нанесли стране урон, сопоставимый с ущербом СССР времен Великой Отечественной войны.

Таблица 1

Процент на капитал в России

Отрасли	1998 г.	2008 г.	
Нефтегаз	26	10	Лидеры
Нефтехимия	9	13	
Телекоммуникации	5	7	Отрасли развития
Черная металлургия	68	7	
Пищевая	10	7	
Удобрения	73	6	Возможное развитие
Цветная металлургия	154	5	
Угольная	н. д.	5	
Торговля	19	5	
Фармацевтика	н. д.	5	
Сотовая связь	0	5	
Банки	9	4	Аутсайдеры
Лесопереработка	н. д.	3	
Морские перевозки	2	2	
Авиаперевозки	16	1	
Электроэнергетика	33	1	
Страхование	н. д.	1	
Добыча золота	н. д.	0	
Строительство	н. д.	-6	
Машиностроение	16	-9	
<i>Средняя доходность</i>	<i>41</i>	<i>7</i>	

После наведения в стране элементарного порядка и достижения политической стабилизации доходность капитала снизилась до среднемирового уровня, что позволяет предположить уверенное движение нашей Родины в «светлое капиталистическое завтра». Если в стране не произойдет неожиданных и радикальных перемен, наша экономика будет двигаться вровень с остальным миром, сносное существование при этом возможно, но вот об идеях мирового лидерства державы придется забыть.

Перспективными отраслями вложения капитала станут нефтехимия, добыча нефти и газа и телекоммуникации. Возможно, в заветный список попадет сотовая связь, увеличившая свою инвестиционную привлекательность за последнее десятилетие.

Детальный анализ показал: избранный путь дорого обойдется нашей стране. Если капиталист не видит ожидаемого дохода — он не

будет расширять производство, обновлять оборудование, заботиться о качестве персонала. Из рачительного хозяина превратится во временщика, цель которого — получить как можно больший денежный поток сейчас, не только за счет прибыли, но и за счет урезания зарплат, продления амортизации, экономии на безопасности труда и игнорирования экологических требований.

Согласно проведенным расчетам, нам следует ожидать жесткую деформацию отраслевой структуры национальной экономики: в число не имеющих долгосрочных перспектив аутсайдеров попали банки, лесопереработка, морские и авиаперевозки, электроэнергетика, строительство, машиностроение и даже добыча золота!

Лихорадочные меры по спасению банков во время кризиса 2008 — 2009 гг., банкротства авиаперевозчиков, резкое падение ввода жилья, авария на Саяно-Шушенской ГЭС — все это звенья одной цепи. Модель рыночного хозяйства в нашей стране не работает.

Тысячи предприятий и сотни городов обречены на медленное исчезновение, уйдут в небытие отрасли, обеспечивающие национальную безопасность, а сама страна окончательно превратится в колонию Запада... Произойдет это не сразу, а в течение десятилетий, что позволит сохранить оптимистичную картинку народа, наслаждающегося избытком витрин и прилавков.

Возникает мнимый тупик. Советский Союз погиб из-за отсутствия рынка — капиталистическая Европа на деле доказала свою технологическую и социальную эффективность. Как только мы попытались реанимировать рынок в нашей стране — это оказалось дорогой в никуда. Куда ни кинь — всюду клин...

Но тут нужно вспомнить: сложные системы хаотичны и чувствительны к деталям. Многие объясняют количественные соотношения — Советский Союз погиб не из-за отсутствия рынка, а из-за карликовости и неразвитости рынка, несоответствия рынка огромности бюрократического аппарата и целям развития страны. Рынок при советском строе был: колхозный, черный, международный, он был уродливой и чахлой лошадкой-пони, на которой тщился въехать в мировое господство партийный исполн. На таком коне геополитические битвы не выигрывают.

С 1985 г. маятник качнулся в обратную сторону: рынок стал всеобъемлющей парадигмой всего. Главной задачей момента стало разбогатеть любой ценой, и страна рухнула в средневековый хаос. Задачи государственного строительства и интересов нации выцвели и скукожились. Советский монстр превратился в карлика новой России.

А если просто попытаться стать нормальным? Не монстром и не карликом? Если сохранить и развить рынок в тех формах и тех размерах, которые будут помогать, а не мешать развитию страны?

Для этого требуется не так уж много. Первый шаг — это инвентаризация государственных активов, попытка посчитать и понять, что у нас еще не украли...

Второй шаг. Обеспечить доминирование государства в отраслях, необходимых для развития страны, но не имеющих перспектив с точки зрения рыночного хозяйства. При этом достаточно иметь контрольный пакет акций в 90 — 100 крупнейших компаниях и банках страны и обеспечить реальный контроль за их операционной деятельностью со стороны государства.

Третий шаг. Для координации хозяйственной деятельности создать Совет по размещению производительных сил — как головную организацию по разработке и реализации программ комплексного развития территорий России и формирования энергопроизводственных циклов народного хозяйства. Совет должен стать органом коллегиального управления 90 — 100 крупнейших компаний, контролируемых государством, финансироваться за их счет и управляться их представителями.

Четвертый шаг. Изъятие используемых не по назначению сельскохозяйственных земель в государственный резервный фонд, с последующим выделением наделов представителям казачества, монастырям и русским переселенцам из ближнего и дальнего зарубежья для организации сельскохозяйственного производства.

Пятый шаг. Упрощение налоговой системы, смещение тяжести фискальных платежей с обрабатывающих отраслей и сельского хозяйства на изъятие природной ренты, увеличение пошлин на импорт предметов потребления, усиление налогов на предметы роскоши.

Шестой шаг. Освободить и защитить отечественных предпринимателей от поборов коррумпированных чиновников и криминальных структур. По данным МВД, в нашей стране действуют около 20 000 активных членов организованных преступных групп, а рынок коррупционных услуг составляет десятки миллиардов долларов в год.

Всего семь шагов... Нет ничего сложного, нужны лишь добрая воля и властный ресурс. Высшая власть на Земле — это Бог. Много раз спасал Он Россию. Когда мы идем по пути правды, Бог нам помогает. Когда мы вместе — мы победим. У нашей страны прекрасное будущее, и если каждый из нас попытается сделать хоть маленький шагок на пути к правде, это будущее наступит быстрее, а значит, будет меньше потерь и жертв на тернистой дороге к всечеловеческому счастью.

Литература

1. Бердяев Н. Русская идея. М., 2005.
2. Гоголь Н.В. Собр. соч. В 6 т. Т. 6. Духовная проза. Критика. Публицистика. М., 2007.
3. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2008.

К.Р. БАЯНОВ

Постмодерн социального прогнозирования

Аннотация. Постмодернистский подход к прогнозированию основан прежде всего на новом понимании феномена «виртуализация». На современном этапе социокультурного постмодерна это понятие является ключевым для разработки эффективных методов прогнозирования. Речь идет о феномене, который уже играет в нашей жизни весьма существенную роль, а в будущем его влияние станет еще более значимым.

Ключевые слова: виртуализация, постмодерн, прогнозирование, экономико-технологическое развитие, постиндустриальное общество, финансовая экономика.

Abstract. Postmodern approach to forecasting is first of all based on the new understanding of the phenomenon of «virtualization». At the current stage of sociocultural postmodern this term is a key one for developing efficient methods of forecasting. This is a phenomenon, which plays a very important role in our life, and the influence of which in the future will become even more significant.

Keywords: virtualization, postmodern, forecasting, economic and technological development, postindustrial society, financial economy.

Все традиционные методы прогнозирования социокультурной динамики основаны на неявном предположении, что система, задача моделирования эволюции которой рассматривается, характеризуется устойчивым и закономерным изменением внутренних параметров. Методологической базой этого допущения является гипотеза классического детерминизма. Принято думать, что легитимация традиционной прогнозной методологии зиждется на ее результативности.

Однако опыт истории XX в. свидетельствует, что именно результативность оказалась слабым местом большинства этих методик. Достаточно вспомнить, сколько раз не сбывались научно обоснованные прогнозы эволюционных поворотов в жизни нашей страны. Слишком часто в распоряжении практиков эпохи модернизационного переустройства хозяйственной и социальной жизни страны оказывалось всего лишь малодостоверное полужнание либо, как в случае реформ Гайдара, полностью ошибочный прогноз.

Причины этих сбоев, во-первых, в том, что реальные социокультурные констелляции если и подчиняются закономерностям классической причинности, то лишь на протяжении сравнительно небольших промежутков времени, после чего режим их самодвижения становится бифуркационным.

Вторая причина в том, что автор прогноза, как правило, предполагает, что он в состоянии построить объективную теоретическую модель социокультурной реальности, которая никак не зависит от его субъективных факторов. С точки зрения синергетики такой подход ошибочен: модель социальной констелляции и сама констелляция образуют цельносвязанную систему, прогноз обязательно начинает играть роль регулирующего параметра порядка, оказывающего существенное, а в некоторых случаях и решающее влияние на социокультурную динамику. В качестве наглядного примера этой активной роли актора прогноза можно вспомнить прогноз эффективного перехода на рельсы «умного рынка» путем «шоковой терапии», который был положен в основу неолиберальных реформ 1990-х гг.

Рассмотрим ряд вопросов, связанных с процессами виртуализации социокультурной эволюции. Поясним сразу этимологию этого термина. Он происходит от латинских слов *virtus*, *vis* — сила, способность и *virtualis* — способный, возможный. В него вкладывают довольно широкое смысловое содержание: потенциальная возможность существования; то, что кажется; то, что существует реально, но не проявляется в материальных образах; некие внутренние, скрытые скрепы сложной системы. Уже из этого перечня видно, что речь идет об очень сложном и, видимо, немаловажном практическом явлении.

История человечества развивается в соответствии с циклическими закономерностями. Одна из таких закономерностей — в периодической смене типов хозяйственной деятельности. Около десяти тысяч лет назад произошла неолитическая революция, был совершен переход от собирательства и охоты к сельскому хозяйству и ремесленничеству, иными словами, от собирательной экономики к производящей. Производственный труд позволил человеку сделать несколько важных от-

крытий: он впервые ощутил себя субъектом творческого труда и осознал феномен времени.

Второй, столь же важный по историческим последствиям хозяйственный переход был осуществлен в XVII — XVIII вв. Это был переход к индустриальному, или машинному, типу производства. Этот процесс носил столь же многомерный и многоплановый характер. Он сопровождался заменой феодальной перераспределительной экономики товарным производством и рыночным взаимодействием предпринимателей. Глубокие изменения социально-политических структур привели к форсированию идеологии демократии с ее принципами свободы, равенства и братства и классического либерализма, требовавшего невмешательства государства в экономическую жизнь. В рамках господствовавшей в западной цивилизации христианской традиции был осуществлен радикальный поворот к протестантской этике с ее догматами сбережения и накопления производительного капитала.

К тому же времени относится первая научная революция, сопровождавшаяся секуляризацией научного знания и становлением механистического мировоззрения. Сформировался классический тип рациональности, означавший признание двойственной структуры бытия — мира материи и мира духа, сознания, суверенности разума, абсолютно достоверных научно познаваемых истин, жесткого детерминизма при описании процессов в неживой природе и др.

На базе механистического мировоззрения классики политической экономии А. Смит, Д. Рикардо и К. Маркс создали трудовую теорию стоимости. Согласно этой теории, стоимость создается общественным трудом и проявляется в рыночном обмене произведенных товаров. Функцию меры стоимости, средств обращения и накопления выполняли в этих процессах деньги.

Следствием научно-технической революции XVII — XVIII вв. стал переход к индустриальной цивилизации. Произошло формирование искусственной урбанизированной среды обитания человека, «второй природы», противостоящей естественному окружению, — мира техники, которой были насыщены и производство, и весь быт. Между этой «второй природой», или техносферой, и природным миром уже к началу XIX в. возник острый конфликт, приведший во второй половине XX в. к глубокому экологическому кризису [1].

Экономико-технологическое развитие индустриальной цивилизации происходит в соответствии с конъюнктурными волнами продолжительностью в 50 лет, которые были открыты Н.Д. Кондратьевым и впоследствии получили название кондратьевских. С конца XVIII и до конца XX в. наблюдалось пять таких технологических циклов. В соответствии с этими закономерностями в последней трети XX в. произо-

шел переход к пятому, или информационному, укладу (V ТУ). Ядром этого уклада явились электронная промышленность, вычислительная техника, программное обеспечение, телекоммуникации, глобальные и региональные информационные сети и банки информации, космонавтика, роботостроение, газовая промышленность.

Переход к V технологическому укладу стимулировал целый комплекс радикальных перемен в жизни западной цивилизации. Если неолитическая революция привела к возникновению аграрного общества, а промышленная — индустриальной цивилизации, то третья в этом ряду последовательных социокультурных волн компьютерная революция XX в. знаменовала становление информационного общества. Этот переход привел к информатизации всех сфер жизни западной цивилизации. Сформировался мировой открытый рынок, на котором происходит свободное перемещение капиталов, ресурсов и рабочей силы. Запад осуществил перенос многих видов промышленных производств в страны Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, пользуясь возможностью снизить оплату труда. В самих развитых странах в сфере услуг и информационной деятельности трудится не менее 50% занятого населения. Произошли глубокие изменения в быту, в сфере культуры и образования.

Основной теоретической концепцией, которая позволила дать удовлетворительные эксплицитные, а отчасти и прогнозные оценки последствий информационной революции, явилась теория постиндустриального общества. Сопоставляя аграрное, или доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общества, можно указать три основных критерия, определяющие различия между ними.

1. Основной производственный ресурс (в первом случае — это сырье, первичные материалы; во втором — энергия; в третьем — теоретическое знание, информация).

2. Тип производственной деятельности: добыча, изготовление, тонкая обработка в каждом из трех случаев соответственно.

3. Характер базовых технологий: соответственно трудоемкие, капиталоемкие и научно- или интеллектуалоемкие.

Доиндустриальное общество основано на непосредственном взаимодействии человека с природой, индустриальное — с миром техники, или «второй природой», а постиндустриальное — на взаимодействии самих людей. И следовательно, с переходом к этому типу общества основным ресурсом становится сам человек, причем главным образом человек высокообразованный, которого можно рассматривать как человеческий капитал.

Человек индустриального общества живет в двух мирах одновременно — в мире окружающей природы и в искусственной среде оби-

тания «второй природы». С переходом к постиндустриальному обществу к этому добавляется третья экологическая ниша, которая постепенно становится главной, — информационная среда, которую есть все основания назвать миром «третьей природы». В отличие от биосферы и техносферы, этот слой обитания, все более активно осваиваемый человеком, носит нематериальный, виртуальный характер.

К сожалению, постиндустриальный переход не привел к снятию тяжелых проблем, доставшихся XXI в. в наследство от своего предшественника. Более того, все эти проблемы — опасность экологической катастрофы, демографический взрыв, разрыв по уровню жизни между Севером и Югом и другие — еще более обострились. Теория постиндустриального общества оказалась не в состоянии подсказать рациональные способы предотвращения глобального эволюционного кризиса.

Но этого мало: постиндустриальная трансформация западной цивилизации добавила к старым противоречиям немало новых. Первое из них — это возникновение транснациональных корпораций (ТНК), которые контролируют около половины мирового производства и 80 — 90% финансовых потоков и высоких технологий. ТНК превратились в реальных распорядителей хозяйственной жизни мирового сообщества как единого целого. По справедливому замечанию Н.Н. Моисеева, они действуют подобно «дьявольскому насосу», перекачивая капиталы и ресурсы туда, где эффективность их использования выше. В результате богатые становятся еще богаче, а бедные навсегда обречены на нищету. Как это происходит на деле, наша страна испытала на собственном опыте [2].

Второй вновь выявленный феномен касается категории стоимости. В экономическом хозяйстве первична именно стоимость, а не производственные факторы, труд, природные условия и т. д. Оценка стоимости носит знаковый, информационный характер, а потому с переходом к информационному обществу можно было ожидать в этой области кардинальных сдвигов. Так и произошло: в экономической жизни возник совершенно новый феномен — *финансовая экономика*.

Суть этого феномена в том, что финансы оторвались от материального производства. Стоимость вышла из-под его контроля и приобрела самостоятельное значение. Деньги на фондовых рынках делают деньги, часто в полном отрыве от движения реальных товаров. Возникновение этой новой виртуальной реальности — *финансовой экономики*, или, как иногда говорят, *финансомики* (термин Ю.М. Осипова) — стало возможным именно благодаря информационно-компьютерной революции.

На волнах финансовой экономики возник третий в этом ряду новых феноменов хозяйственной жизни — уход финансовых ресурсов из-под традиционных государственных систем регулирования и их сосредоточение в международных финансовых центрах. В глобальном масштабе десять наиболее крупных фирм (в том числе восемь американских) концентрируют 47% финансовых услуг. Масштаб возникших в последние годы финансовых конгломератов достиг такого уровня, что некоторые из них контролируют порядка 1% глобальных финансовых ресурсов.

Этот полностью виртуализированный мир финансовой экономики стал одним из наиболее фундаментальных свойств «третьей природы». Современная хозяйственная жизнь все более напоминает быстро растущее вверх сооружение типа Вавилонской башни, когда один этаж надстраивается над другим. В фундаменте этой конструкции лежат аграрно-сырьевые отрасли хозяйства, над ними расположены этажи промышленного производства, а еще выше поднимаются финансовые шпили виртуальной реальности.

Дело, однако, в том, что если возводимое в спешке новое здание мировой экономической системы и напоминает пирамиду, то эта пирамида повернута вверх собственным материальным фундаментом: ее подлинным основанием стал виртуализированный слой финансовой экономики. Вряд ли нужно объяснять, насколько неустойчивой может оказаться подобная конструкция. Тому свидетельство — недавний финансовый кризис в Юго-Восточной Азии, отозвавшийся на фондовых биржах по всему миру, и нынешний, в котором мы пребываем.

Глубина мирового финансового кризиса недооценивается из-за игнорирования его фундаментальной причины — исчерпанности модели глобального развития, созданной в результате уничтожения Советского Союза.

После победы над нами в «холодной войне» Запад эгоистично перекроил мир в интересах своих глобальных корпораций, лишив свыше половины человечества возможности нормального развития. Это не только вызвало глобальную напряженность, терроризм и миграцию, но прежде всего ограничило сбыт самих развитых стран, попавших в кризис перепроизводства.

Стимулирование сбыта кредитованием неразвитого мира стало лишь временным подспорьем и вызвало в 1997 — 1999 г. кризис долгов, бумерангом ударивший по США в 2000 — 2001 гг. США выгнали себя (и мировую экономику, стержнем которой они являются) из начинавшейся депрессии двумя стратегиями.

Первая — «экспорт нестабильности», подрывающей конкурентов и вынуждающей их капиталы и интеллект бежать в «тихую гавань» —

США. Рост нестабильности оправдывает рост военных расходов в самих США, взамен рынка стимулирующих экономику и технологии («военное кейнсианство», эффективно применявшееся Рейганом). Эта стратегия исчерпала себя уже в Ираке, а события в Пакистане свидетельствуют о ее вырождении в «экспорт хаоса»: США уже не пытаются контролировать дестабилизируемые ими территории, став катализатором глобального военно-политического кризиса.

Вторая стратегия поддержки экономики США — непосредственно вызвавшая глобальный кризис «накачка» рынка безвозвратных ипотечных кредитов (бывшая и формой социальной помощи).

Таким образом, сегодня проблема не столько в нехватке ликвидности и не в кризисе долгов, сколько в отсутствии экономического роста США, а с ними — и всей мировой экономики (так как зависимость КНР от экспорта в США остается критической, несмотря на все усилия по развитию внутреннего рынка).

Даже оздоровление финансов США не смягчит кризис перепроизводства продукции глобальных монополий и не создаст новый экономический двигатель взамен разрушившихся. Это означает, что из сегодняшнего кризиса мировая экономика выйдет не в восстановление, а в депрессию, длительную и достаточно тяжелую.

Финансовый кризис — лишь выражение грандиозного, комплексного перелома всего мироустройства, сопоставимого по своим масштабам с Реформацией (которая сформировала современную систему организации общества, основанную на государстве).

Некоторое равновесие будет достигнуто (и то временно) восстановлением биполярной системы (с противостоянием США и Китая при России, которая может возглавить аналог «движения неприсоединения») в политике и поливалютной — в экономике (каждая валютная зона будет иметь свою резервную валюту).

Но путь к этому равновесию лежит через хаос в политике и депрессию в экономике — может быть, и не «Великую», но длительную и болезненную (не стоит забывать, что США преодолели Великую депрессию лишь благодаря Второй мировой войне).

Видимо, эту опасность хорошо понимают сами творцы этой системы. А потому они в срочном порядке достраивают свою конструкцию еще более высокими этажами информационных метатехнологий, которые, как они рассчитывают, помогут обеспечить стабильность всей системы. Смысл этих технологий в том, что субъекты рыночного хозяйства передают их владельцу не только деньги, но и потенциальную возможность тотального и оперативного контроля за своей деятельностью. Становится ясно поэтому, что платой за повышение устойчивости виртуального мира «третьей природы» оказывается воссоздание

своеобразного варианта феодальной системы хозяйства, но только основанного не на праве, а на чисто финансовых механизмах.

Остановится ли на этом процесс возведения финансовой пирамиды, уходящей в виртуальную реальность? Этого утверждать нельзя. Наиболее эффективный класс технологий, технологий *high-hume*, аккумулирующих новейшие научные достижения, в состоянии дать новый, пока плохо предсказуемый импульс новым ниткам научно-технического прогресса.

На фоне глобальной виртуализации хозяйственной жизни процессы постиндустриальной трансформации, казавшиеся поначалу теоретически ясными, а практически перспективными, как бы утрачивают четкие очертания и постепенно приобретают все больше типично виртуальных признаков [3].

Во-первых, ни одна из современных глобальных проблем так и не получила пока адекватного отражения в теории постиндустриального общества. Во-вторых, постиндустриальный мир рассматривается как замкнутая хозяйственная система и как единственный на всю планету центр хозяйственной мощи. В силу этих причин на практике виртуальное пространство «третьей природы» стало новым полем битвы за мировое господство. Цель этой очередной войны очевидна: сохранение и упрочение мировой системы, обеспечивающей максимальное благополучие расе новых избранных.

Третью мировую войну, получившую название «холодная», вели две мировые суперсистемы, или сверхобщества, если воспользоваться терминологией А.А. Зиновьева. Между ними не было коренного различия, а потому сохранялся шанс мирного сосуществования и постепенной социокультурной конвергенции [4].

Сразу после завершения сражений третьей мировой войны началась четвертая. Одна из противоборствующих в этом столкновении сторон — мировая финансовая империя с метрополией в США. Противостоящие ей силы хаотизированы и пока не имеют консолидирующих центров. Но по причине нелинейных обратных связей этот хаос социокультурных отношений содержит зерна самоорганизации и целенаправленного противодействия имперским силам зла. Но это дело будущего.

А пока на виртуальных полях сражений «третьей природы» развертываются тотальные боевые действия. На финансовых направлениях главного удара ими руководят опытные маршалы и генералы из Международного валютного фонда, Всемирного банка и Всемирной торговой организации.

Другие генералы руководят кампанией на информационных фронтах. Силу информационного воздействия прекрасно осознавали еще в

Античности. «Искусство убеждать людей, — писал Горгий из Леонтина, — много выше всех других искусств, так как оно позволяет делать всех своими рабами по доброй воле, а не по принуждению» [5, 40].

Основными средствами ведения этих виртуальных сражений стали СМИ, в первую очередь — телевидение и Интернет. Первая стратегическая цель этого массированного информационного воздействия в том, чтобы убедить аудиторию в самых добрых намерениях стратегов глобализации, которые будто бы больше всего озабочены стремлением обеспечить достойную жизнь и защиту прав населения всех стран на планете. К середине XXI в., пишет, например, журнал «Фьючерс», когда население Земли достигнет 14 млрд человек, промышленное производство возрастет настолько, что все будут жить на уровне США, Западной Европы и Японии. Каждый житель планеты с помощью дисплея на запястье типа наручных часов получит доступ к грандиозным сокровищам информации, которые человечество копило в течение тысячелетий. Чуть позже подобное электронное устройство микроскопического размера можно будет вмонтировать непосредственно в мозг, и тогда не надо будет напрягать зрение, считывая информацию с экрана дисплея [6].

Произойдет реструктуризация корпораций, мир будет объединен «центральной нервной системой». Интеграция мира произойдет по всем направлениям — социальным, политическим, экономическим, культурным. Будут свободная торговля, транснациональные банки, единая валюта и мировое правительство.

Установится единый для всех неокapиталистический порядок, произойдет интеграция национальных экономик. Мировая цивилизация будет развиваться на основе жизненных гуманистических циклов. Разумное и гармоничное развитие личности приведет к созданию нового человека. Развернутся самосогласованные процессы управления природой. Земля будет благоустроена, начнется освоение Галактики.

Подобным прогнозам посвящено множество книг и статей. Однако обещания прогресса, всеобщего благоденствия, открытое общество, права человека, решение всех мировых проблем — все это лишь один слой современной стратегии глобализма. Как и положено миру виртуальной реальности, очертания вождельного будущего размываются, и сквозь них проступает другой замысел, тщательно скрываемый от глаз непосвященных. Подлинная стратегия глобализации нацелена на отстаивание в первую очередь интересов международной финансовой элиты, а потому в ее рамки плохо укладываются демократические завоевания предшествующей эпохи, защита суверенных прав народов. Экономика индустриального хозяйства основана на производительном

принципе. Финансомика мира «третьей природы» отказывается от этих основ и строится на спекулятивных и перераспределительных принципах. Владельцы капиталов индустриальной эпохи опирались на производственные комплексы. Финансовые олигархи в своей деятельности более походят отчасти на феодальных баронов, а отчасти на средневековых ростовщиков, богатевших на хищнических заемных процентах.

В виртуальном мире «третьей природы» складывается двойная мораль. На словах никто не отказывается от традиций Просвещения и эпохи либерального Модерна. На деле манипуляторы эры глобализма более не нуждаются в ценностях демократии, равенства, прогресса. Их подлинная цель — глобальная сегрегация народов, отстаивание гедонистических интересов избранной элиты, зомбирование широких масс всего остального населения. Подлинное этическое кредо глобализма укладывается в простую формулу: ресурсы планеты должны использоваться в эгоистических интересах меньшинства, так как на всех все равно не хватит.

Чтобы добиться этих целей, на всем социокультурном пространстве мировой цивилизации развернута широкомасштабная кампания. Практически над всеми регионами мира установлен жесткий финансовый контроль. Ведется наступление культуры постмодерна, основанной на пропаганде экзотики, насилия, мозаичном мелькании всего необычного и на одновременном отказе от поиска глубинных смыслов бытия. Торжествует идеология ненасытного потребительства. Интеллектуалам позволено забыть о нравственном долге перед «нищими духом». Чтобы отбить охоту к опасным движениям смелой новаторской мысли, СМИ изо всех сил пропагандируют самую низкопробную продукцию масс-культы.

Постмодерн эпохи глобализма стремится избавить человека от ощущения вызова истории. Время остановилось, внушают ему, завтрашний день будет всего лишь копией сегодняшнего. Иного не дано и не надо, так как оба они хороши. И все же главную опасность для постмодерна представляет сам человек, поскольку в его сознании заложена программа самостоятельных размышлений и действий.

Стремясь отсрочить неизбежный проигрыш в этом соревновании, цивилизация ищет новые элементы отрицательной реактивности и осваивает новые экологические ниши во всем многомерном пространстве собственного существования. Выход в виртуальное пространство «третьей природы» решал именно эту задачу.

Сегодня для нас важнее присмотреться к тому, каким образом обустроилась Россия в этом новом для нее мировом виртуальном пространстве. Экономика страны развалена фундаментально, а то, что от

нее осталось, находится под жестким контролем МВФ и Всемирного банка. Их основное требование состоит в том, чтобы ни под каким предлогом не допустить хотя бы частичного ухода России из открытого пространства мирового рынка. Между тем наша страна является самой холодной в мире, а потому продукция большинства наших современных производств не может выдержать конкуренции на этом рынке. Восстановить эти производства для нужд внутреннего рынка возможно лишь в условиях хотя бы частичного возврата к автаркии. Но именно этого России и не позволяют сделать. Столь же разорительной для хозяйства страны оказалась бы и продажа энергетических ресурсов на внутреннем рынке по среднемировым ценам.

Сверхзадача политики мировых финансовых центров по отношению к России очень проста: не дать ей снова подняться на уровень ведущих мировых держав и навсегда сохранить за ней третьеразрядную роль собственного ресурсно-сырьевого придатка. Эти истинные намерения умело маскируются привычной терминологией об уважении прав человека, о демократии, либерализме и проч. В былые времена Модерна эти слова были полны реального смысла, но в эпоху виртуального Постмодерна этот смысл оказался утраченным.

Нас теперь окружает виртуализированный мир «третьей природы». Когда-то человеку пришлось затратить немало усилий, чтобы освоить искусственную среду обитания — технический мир «второй природы». При этом было сделано много ошибок, главная из которых состоит в том, что не удалось добиться согласованного взаимодействия обеих экологических ниш — естественной и искусственной. Сегодня к ним прибавилась третья — виртуальная. И здесь уже возникли свои проблемы. Поэтому надо научиться жить в этом обновленном доме, который выстроил для себя человек, ничего при этом не разрушая.

Литература

1. Горшков В.Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни. М., 2009.
2. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М., 1987
3. Лесков Л.В. Футуро-синергетика. М., 2005.
4. Зиновьев А.А. Логическая социология. М., 2006.
5. Новейший философский словарь / Под ред. А.А. Грицанова. Минск, 1999.
6. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 2007.

К.В. МОЛЧАНОВ

О негативизации экономического познания и двух посылок осмысления будущего развития мировой экономики

Аннотация. В статье дается общее понятие концепта негативизации познания. Он позволяет обозначить, во-первых, внутреннее противоречие современной экономической науки и, во-вторых, основы двух посылок для осмысления будущего развития мировой экономики.

Ключевые слова: экономическая наука, концепт негативизации познания, принципы экономики, будущее развитие мировой экономики.

Abstract. This article focuses on the general notion of the negative concept of cognition. It allows to define, first, the internal contradiction of contemporary economic science, and secondly, the basis of two abstracts for understanding of the future development of world economy.

Keywords: economic science, negative concept of cognition, economic principles, future development of world economy.

Целью статьи является обозначение возможностей современного диалектического познания [1; 2] в области экономической теоретизации — общих положений концепта негативизации для экономического познания, в том числе позволяющего осмыслять основы двух актуальных посылок, важных для анализа развития как мировой экономики после ее выхода из кризиса, начавшегося в 2008 г., так и национальных экономик.

Как известно, негатив (лат. *negativus* — отрицательный) — это изображение объекта, полученное с использованием цветов, дополнительных к цветам объекта (обычно черный и белый цвета). Чаще всего негатив понимается как нечто промежуточное, используемое для получения позитива, но в ряде случаев — и как результат, завершённый продукт, например, изображения движения микрочастиц.

Таким образом, термин «негатив» можно понимать в двойственном значении: и как нечто позволяющее понять конкретный аспект объекта, явления, и как нечто промежуточное, требуемое для получения изображения, описания объекта.

В целом *процесс негативизации* можно понимать в смысле получения описания (изображения) объекта в некоторых дополнительных определениях или даже не присущих ему определениях с последую-

щим восстановлением общих представлений об объекте или построением его образа (модели)¹.

Однако есть особенность, о которой нужно сказать.

Дело в том, что термины «негативизация» и «негация» весьма созвучны, но различны. Более того, негация (нем. negation — отрицание) обычно понимается как «отрицание», что верно в одних случаях, но совершенно неверно в других. Например, в статье о категории «снятие» в «Новой философской энциклопедии» приводится такое определение: «снятие обнаруживает свою двойственную природу: отрицание и в то же время сохранение» [3, 179]. Таково понимание снятия в современной отечественной философии, непонятно откуда взявшееся, ибо в 1929 г. мнение было иное: «снятие проявляет свое подлинное двойное значение, которое мы видели в негативном: оно есть процесс негации и в то же время сохранение» [4, т. 4, 61]. Вряд ли советская профессура не знала, как переводить немецкие термины. Или же знала, как нужно переводить, что и обусловило использование слова «негация» при переводе труда Гегеля «Феноменология духа», а не «отрицание». Но если с разными переводами термина «negation» философским наукам еще предстоит определиться, то в смысле настоящей статьи терминологические значения, связанные со словом «негатив», не следует сопоставлять с отрицанием. Еще раз подчеркнем: имеется в виду нечто дополняющее что-либо в том или ином аспекте или контексте (что, правда, на множестве значений бинарной логики формально и в конкретном случае может считаться отрицанием).

В смысле взаимного дополнения теории и практики можно говорить соответственно о некотором объекте и о его теоретизации, причем как с актуализацией особого предмета исследований — негатива, так и с построением реального образа объекта, его модели.

А вот если вести речь об определенном порядке, о способе процесса познания, отличительным моментом которого является получение описания объекта в дополнительных к нему аспектах, свойствах, то появляется некоторая особенность, новая определенность. И если соотношение объекта и теории — это общее положение, характерное во *всеобщности*, то вот указанная конкретизация есть отличительный признак аспекта познания, для которого характерна негативизация, идентифицируемая в *особенности*. Она подразумевает определенные свойства, моменты положения, определяемые парадигмами и иными

¹ В современной диалектической философии в общем случае негативизация рассматривается в триаде: негативизация — негативизация вообще познания — негативизация конкретного познания (конкретной науки).

особенностями конкретных исследований (относимых к *единичности*²).

В своей сути обозначенный отличительный признак для диалектики не является новшеством. При этом в диалектическом познании то, что выше было определено как негативизация, не выхватывается как отдельное *положение*, а сочетается с опосредствованием и отрицательностью или берется в *единстве* с ними.

Но в рамках бытующей *традиционной логики*, являющейся основной наук, оперировать указанными техниками и соответствующими категориями не представляется возможным в связи с ограничениями наук. Вопрос, конечно же, не в таких «мелочах», как отсутствие требуемых фундаментальных определений в науках, как «отрицание» (в логике рассматривается его частный случай) или «единство». Вопрос в самом позиционировании знаний и инструментов их достижения. Так, например, Гегель указал на то, что существующие логика и соответственно традиционные формы мышления устарели (это продолжает быть верным и в наши дни). Он указал на то, что, как определил еще И. Кант, (традиционная) логика со времени Аристотеля не сделала ни одного шага вперед, так как содержательно закончена (здесь: речь не о математической логике). В ней, по определению Гегеля, даются застывшие определения, которые к тому же считаются незыблемыми, вследствие чего в суждениях и умозаклучениях операции сводятся главным образом к количественной стороне определений и обосновываются только ею. Поэтому, как известно еще из исследований И. Канта, существующее научное познание кладет в основу всего логического свое представление, которое потом... познается; поэтому у Канта и получилось, что научное познание не может идти дальше явления, а разом не сможет залетать дальше определенных пределов [4, т. 5, 30].

Однако это не означает, что в связи с явными ограничениями и несовершенствами научного познания, порой весьма затрудняющими осмысление некоторых современных насущных вопросов, нельзя начинать пытаться применять диалектические приемы и методы для проведения исследований. Как бы странно это не выглядело, но диалектический арсенал в СССР во многом декларировался, но не применялся. Это можно проиллюстрировать, просто задав себе вопрос: а где и как оно, диалектическое познание, применялось? Для этого сначала надо было дать определение этого познания, но это раньше тормозилось признанием философии Гегеля идеалистической, а теперь упирается в известные разговорчики на тему противоречия, противоположностей,

² Используются возможности одной из гегелевских фигур умозаклучения, что определяет методологические основы для дальнейших рассуждений.

отрицания и других категорий, которые, за исключением формальной логики и математической логики в требуемых им узких смыслах, не определены. Противоречие — оно вообще стало метафорой. О «законах» диалектики, «открытых» Энгельсом, но приписываемых почему-то Гегелю, хотя никто никогда не давал ссылки на работы великого мыслителя, лучше и не вспоминать: они не годны ни к чему более, как только к обоснованию преимуществ канувших в Лету диалектического материализма и воспевания безудержного движения СССР и стран соцлагеря к коммунизму...

Но призывать вставать на рельсы диалектического познания мы тоже не собираемся, тем более что это практически бесполезно. Другое дело, что в личных нуждах его можно весьма эффективно использовать, но это — уже другой вопрос.

Однако никто не будет возражать против того, что можно выделить некоторый аспект, который в своем рациональном *положении* укладывается в существующие научные рамки, и показать возможность его использования для создания нового методологического средства и для решения конкретных задач.

Этой конкретикой познания как раз и является обозначенный выше момент: получение описания объекта в некоторых свойствах и определениях, неприсущих ему или его общеизвестной теории. В смысле диалектики это дает возможность получать различающиеся определения объекта, в первую очередь, через понятия в объективности. А вот для наук произвести обращение мышления через сверхчувственные сферы, т. е. вне эксперимента и навешивания научных предикатов, просто невозможно. Поэтому для развития темы настоящей статьи придется встать на узкий научный рационалистический путь осуществления познания. И это, кстати, будет еще одним (вторым) определением, параметром негативизации познания, значительно упрощающем осуществление представления и построение модели объекта, но и сужающем их.

Теперь уже можно просто обратиться к логике научного познания: сразу же опуститься на уровень принятых в нем аксиом и начинать новый виток рассуждений с них. Да, надо отдельно отметить, что придется взять за основу не то, что объективно, истинно или правильно, а то, что принято в текущее время в науках. Но зато формально не будет никакого противоречия с имеющейся традиционной логикой и с научными принципами, на основе которых осуществляется научное познание.

Более того, можно даже конкретно сузить парадигмальные представления — сразу начать разговор в плоскости представлений современного экономического познания.

Иными словами, дабы не противоречить общепринятым научным догмам, следует сузиться и основаться на современной экономической парадигме, определяемой западным экономическим *мэйнстримом*. Надо отметить, что полученное положение не противоречит выводам И. Канта о том, что любая парадигма научного познания получается в результате отбрасывания, игнорирования в науках ряда не устраивающих их аксиом и подходов.

Итак, разговор пойдет о негативизации экономического познания, основывающегося на всем известных повсеместно преподаваемых принципах.

Правда, тут же возникнет некоторое рассогласование, причем имеющее различные проявления.

Во-первых, в силу разделения экономических подходов, например, согласно В.Н. Черковцу, на две ветви — политическая экономия и экономикс [5] — необходимо сделать выбор (прежде всего, одного из двух указанных начал), а уже потом рассматривать пролонгирующие положения. Но для экономического анализа неоклассика и везде преподаваемый экономикс малопригодны. В частности, еще в свое время Дж.М. Кейнс, которого именовали, ни много ни мало, «спасителем капитализма», писал, что «постулаты классической теории применимы не к обществу, а только к особому случаю, так как экономическая ситуация, которую она рассматривает, является лишь предельным случаем возможных ситуаций равновесия. Более того, характерные черты этого особого случая не совпадают с чертами экономического общества, в котором мы живем, и поэтому их проповедование сбивает с пути и ведет к роковым последствиям³ при попытке применить теорию в практической жизни» [7, 11]. А Ю.М. Осипов обратил внимание на «условность и относительность научной экономии, ее нецелостность, равным образом и оторванность от реальности, которую научная экономия представляет упрощенной, если не вымороченной» [8, 14]. В целом же относительно современной экономической науки говорят, что она нецельна, ограничена, не охватывает многообразия действительности, раздроблена, а иногда даже включает положения, используемые для уничтожения экономики [9, 92]. «Ситуация стала еще более запутанной после того, как первоначальная стратегия экономиче-

³ Много позже Дж. Сорос так писал: «Именно рыночный фундаментализм сделал систему мирового капитализма ненадежной» [6, XVII]. «Теория равновесия в экономической науке основывается на неправильной аналогии с физикой» [6, XX]. «...В последнее время финансовые рынки действовали как брошенный камень, разрушая экономику одной страны за другой» [6, XIII].

ских реформ, опирающаяся на стандартные установки ведущей западной школы макроэкономики, зашла в тупик» [10, 85].

Однако засилье именно экономикса и неоклассики наблюдается в современном образовательном процессе вузов ряда стран и применяется при исследовании экономических проблем (см., напр.: [10]).

Во-вторых, использование *современной политической экономии*, развитой на текущем этапе ее познания [11], ведет как к отрицанию неоклассики и экономикса, так и к достаточно широкому применению диалектических положений и методов.

Однако применение диалектических методов и подходов современной политической экономии, отрицающих рыночный фундаментализм, субъективность ценообразования и другие постулаты классической теории, не согласуется со следованием принципам современной экономической теории, определяемой, по существу, американским мейнстримом. Но зато откидывание политэкономических оснований и безапелляционное принятие принципов современной экономической теории, в том числе американского экономикса, явно подчеркивает то, что определение негативизации в экономической сфере вполне конкретно обретает себя. И тогда, действительно, в снятии политической экономии можно вести рассуждения о негативизации экономического познания на основе всем известных повсеместно преподаваемых принципов современной западной экономической науки.

Более того, отдельно надо отметить, что подход на основе негативизации экономического познания обладает профильным научным статусом потому, что его объяснительные принципы и метод находятся в соответствии с общенаучными и с принятыми в самой экономической науке. Тогда принятая негативизация экономического познания обладает и методологическим значением, причем актуально проявляющемся при рассмотрении самой экономической науки. Например, в рамках негативизации экономического познания можно рассматривать ряд теоретических разработок. Продемонстрируем это на примере *новой политической экономии*.

Первое, что приходит в голову, это, конечно же, исследования Нобелевского лауреата Дж. Бьюкенена. Однако сейчас рассуждения ведутся в рамках негативизации, поэтому, на самом деле, речь пойдет о... *костромской разработке* (см., напр.: [12 — 14]).

Предмет новой политической экономии, согласно заверениям ее авторов, генетически наследует традиции классической политэкономии, хотя, как указывается, имеет ряд принципиальных отличий. Однако отличия от традиций классической политэкономии оказываются весьма существенными, причем на фоне явных противоречий самой новой политической экономии.

Во-первых, предметом новой политической экономии являются такие экономические отношения, которые возникают по поводу использования нефизического (человеческого, социального) капитала и продуктов производства в форме услуг (подробнее см. [13]). При этом в предмет новой политической экономии входит экономическое поведение человека во взаимодействии с системой социально-экономических институтов, в результате которого формируются социально-экономический статус индивида, его ролевые функции в этой системе, реализуется личный творческий потенциал индивида, конституируются и удовлетворяются его потребности.

Иными словами, новая политическая экономия без объяснений причин и оснований этого присоединила к своим исследованиям ряд положений предметов экономической науки и экономической социологии.

Во-вторых, в новой политической экономии говорится о том, что в ней, как и в классической политэкономии, в центре исследований находятся экономические отношения и выражение их через экономические интересы. (Но, кстати, на наш вопрос В.В. Чекмареву на одном из научных семинаров в МГУ имени М.В. Ломоносова в 2010 г., когда он делал доклад о новой политической экономии, о том, где и как (в каком труде) представители классической политэкономии (не Марксовой политэкономии!) обозначили термин «экономические отношения», и как они его понимали и раскрыли, ответа, к удивлению университетских кругов, не было.)

В-третьих, в новой политической экономии ничего не говорится о трудовой теории стоимости, которая характерна для классической политической экономии. Но, как оказалось, в предмет новой политической экономии входит экономическое поведение человека во взаимодействии с системой социально-экономических институтов (см. выше)...

В-четвертых, в новой политической экономии совершенно не затрагиваются вопросы создания капитала и обогащения капиталистов. Новая политическая экономия рассматривает экономические отношения не как антагонистические, а как конфликтно-компромиссные, определяет пути согласования различных экономических интересов, способы и формы достижения социальных компромиссов. В нормативных суждениях новая политическая экономия ориентируется не на революционные катаклизмы, а на эволюцию экономических отношений. Иными словами, новая политическая экономия идет по стопам буржуазных теорий и экономической науки.

В-пятых, «особенностями» новой политической экономии оказались:

- отказ от анализа процесса производства;
- рассмотрение капитализма и его экономических форм как естественных форм (!), при этом еще отрицается объективный характер общественно-исторического процесса и его законов;
- отведение решающей роли субъективной деятельности людей, организационным формам общественного устройства и др.

Поэтому, кстати, в предмет новой политической экономии и не вошли социально-экономический строй общества и объективные законы его развития, а цена представляется стихийной, но определяющей силой на экономической сцене, причем более важной, нежели игнорируемые законы общественного развития.

В результате нет анализа внутренних объективных зависимостей явлений общественного процесса производства и развития общества, они заменены на поверхностное описание и общую классификацию эмпирического материала. Иными словами, в новой политической экономии нет исследования внутренних зависимостей капиталистических отношений производства, а имеются только внешние представления, т. е. налицо все признаки обозначенной К. Марксом вульгарной политической экономии [15, 91].

Можно сделать вывод: очевидно, что в смысле установленной выше негативизации экономического познания *костромская разработка* может и должна быть.

И вообще теперь уже совсем не удивительно, что в последнее время обсуждение многих экономических категорий приобретает буржуазный и вульгарный характер. Например, та же *цена* представляется стихийной, но определяющей на экономической сцене, приобретает психологические аспекты и т. д. Иными словами, развиваются представления, характерные для классиков маржинализма. А в целом цена обсуждается с тех позиций, которые во времена СССР уважаемыми учеными-экономистами и профессорами, некоторые из которых и до сих пор преподают, громились в каждом учебнике. И в этом, кстати, вопрос: вот она какая — эта негативизация, экономическое познание, оказывается, может кардинально *менять свои смыслы!*

Но не будем обсуждать сентенции буржуазной экономической науки о цене и другие, хотя отметим, что и они оказываются в сфере влияния негативизации. Пока, не приводя теоретическое обоснование этого положения, укажем конкретные практические примеры.

Во-первых, существенны современные фундаментальные разработки в области стоимости, которые подразумевают обмен, что значительно изменяет представления о цене. Так, Ю.М. Осипов определил, что «стоимость есть одновременно субстанция, отношение и оценка

(обменом можно пренебречь, так как отношение и оценка подразумевают в нашем контексте и обмен)» [16, 255].

Во-вторых, следует сказать, что и в западной экономической науке имеются реальные представления об экономике, сформулированные в рамках действенных теорий. Одной из них является *общая теория занятости, процента и денег* Дж.М. Кейнса, которая не только базируется на понимании обмена при учете *стоимости произведенной продукции* [7, 29], но и использует высокоэффективные самокорректирующиеся методы, например, механизм очищения совокупной выручки и совокупной цены предложения от издержек использования.

Остановимся на *общей теории* Дж.М. Кейнса по-подробнее, ибо она не только является, несомненно, негативной к маржинализму и вообще неоклассике, т. е., начиная рассматривать ее, мы осуществляем очередной акт негативизации в (отношении к) экономической науке, но и позволяет противопоставлять новые знания буржуазным и устаревшим экономическим воззрениям.

Для решения стоявшей в свое время перед ним задачи Дж.М. Кейнс определяет, что, с одной стороны, «превышение стоимости произведенной продукции над факториальными издержками (F . — $K.M.$) и издержками использования (U . — $K.M.$)⁴ составляет прибыль (d . — $K.M.$), или, как мы будем называть ее, доход предпринимателя» [7, 29]. С другой стороны, «совокупный доход (т. е. факториальные издержки плюс прибыль), получаемый при данном объеме занятости, целесообразно называть *выручкой* от этой занятости» [7, 29]. Но «поскольку доход остальной части общества равен факториальным издержкам предпринимателей, совокупный доход равен $A - U$ » [7, 54 — 55], или $F + d = A - U$ ⁵.

Однако непосредственное отношение — $A = F + U + d$ — как было показано в нашей монографии «Феноменология капитализма» [17], соответствует фундаментальной формуле К. Маркса: $W = c + v + m$ (где W — стоимость товара, c — постоянный капитал, v — перемен-

⁴ *Факториальные издержки* — это средства, выплачиваемые предпринимателем «факторам производства (исключая других предпринимателей) за их текущие услуги» [7, 29], а *издержки использования*, согласно Дж.М. Кейнсу, — это средства, выплачиваемые другим предпринимателям за покупаемые у них товары и соответствующие затратам по загрузке оборудования [7, 29].

⁵ Дж.М. Кейнс писал в своей книге так: «Читатель заметит, что я вычитаю издержки использования как из выручки, так и из совокупной цены предложения данного объема продукции, так что оба эти понятия очищены от издержек использования... Дело в том, что совокупная выручка и совокупная цена предложения, очищенные от издержек использования, могут быть определены точно и недвусмысленно» [7, 30].

ный капитал, m — прибавочная стоимость), если учитывать обоснованное нами разделение прибавочной стоимости на производительную и непроизводительную прибавочные стоимости ($m = m1 + m2$) — части, которые можно увидеть и при анализе «Капитала».

При этом имеют место следующие вспомогательные отношения: $F = v + m1$ и $d = m2$ ⁶.

Особенностью анализа в указанной монографии приведенных соотношений является то, что рассматриваются стоимости произведенной продукции в рамках конкретного сектора промышленности или государства.

Дело в том, что, учитывая очищенные совокупную выручку и совокупную цену предложения, можно сказать, что нет никакой разницы, как оценивать совокупный продукт — через цену или через стоимость — они в рамках валового государственного продукта оказываются линейно связанными.

Но вопрос не в этом факте, обозначенном в указанной монографии, а в том, что и во времена Маркса, и сейчас говорить о строгом выполнении указанных соотношений, причем даже взятых в форме функционала их разностей, не приходится. Это известно и в теории, начиная с претензий Бем-Баверка к исчислениям трудовой теории стоимости, и из практики, особенно кризисов. Иными словами, следует признать, что в общем случае цена и стоимость связаны случайным образом, а это, с другой стороны, и утверждается в маржинализме и в буржуазной экономической науке. Она оказалась верной? — во внешних определениях есть такая видимость, ибо экономическая наука не затрагивает фундаментальных вопросов создания и обмена товаров при капитализме, она занимается максимизацией прибыли. Другое дело, что, как было показано в нашей указанной монографии, К. Маркс рассматривал только конкретно взятые им процессы, но не дал обобщений с учетом различных производственных и социальных факторов (эта ситуация исправлена в современной политической экономии).

Однако для настоящей статьи важно то, что в рамках негативизации буржуазной экономической науки вопрос может регламентироваться согласованием цены и стоимости, в конкретных условиях возможным за счет *фактора рассогласования стоимости и цены*, осмыс-

⁶ В общем случае необходимо более детально рассматривать и соответственно приравнивать составляющие каждого из слагаемого обеих сумм стоимостей продукции по Марксу и Кейнсу (подробнее см.: [17]). А для получения очищенных выражений для стоимости произведенной продукции, что существенно при более пристальном анализе обращения постоянного капитала, целесообразно использовать функционал их разностей.

ляемого в современной политической экономии. А для настоящего анализа важными являются только лишь его качественные аспекты; при этом для проводимого первичного рассмотрения и для практических надобностей важными *останутся* лишь получаемые выводы, которые и следует получить и огласить.

Для получения качественного аспекта фактора рассогласования стоимости и цены, даже просто обобщая достижения экономической мысли и практику второй половины XX в., можно заметить, что рецепты Дж.М. Кейнса перестали действовать по ряду причин. Дело в том, что его *формулы* не способны учесть многие факторы, например, то, что из выручки, получаемой в конкретной стране, проценты по кредитам приходится платить вне нее. Иными словами, в эпоху глобализации нарушились условия, позволившие некогда сформулировать Дж.М. Кейнсу его знаменитые выводы и сделать практические замечания по развитию экономики. Теория Дж.М. Кейнса имела временные ограничения. Но для нас важным является то, что феномен (псевдо)замкнутости национальной экономики является важным для кейнсианских рекомендаций; однако равным образом этот же феномен важен и для отдельных отраслей и предприятий при использовании Марксова подхода.

Таким образом, в смысле понимания неизбежности рассогласования экономической цены и политэкономической стоимости в связи с развитием и глобализацией экономики в рамках обозначаемого концепта негативизации экономического познания можно зафиксировать обсужденные важные теоретические положения.

Первым из них будет вывод о том, что *политэкономическая стоимость, взятая в производительном (Марксовом) смысле, не учитывает в этом случае все существенные для ее образования факторы*, которые, в то же время, могут быть восстановлены в негативизации.

Второе их них определяет то, что в рамках глобальной экономики, когда национальные границы прозрачны для капиталов, *концепт Дж.М. Кейнса утратил свой смысл, в частности, утверждение о том, что спрос рождает предложение, перестало быть основополагающим*. И спрос более не является определяющим фактором развития экономики, которая будет после выхода из кризиса, начавшегося в 2008 г.

Эти положения являются существенными не только для формирования нового понятия стоимости, но и для осмысления нового экономического принципа и грядущего развития мировой экономики.

Итак, на основе обозначенного концепта негативизации экономического познания были актуализированы два актуальных положения, важных как в теоретическом смысле, так и в практическом, в частно-

сти, для осмысления развития мировой экономики после ее выхода из кризиса, начавшегося в 2008 г., или даже в его период, и для национальных экономик.

При этом получено понимание того, что раскрытие положений, существенных для понимания стоимости и для реконструкции «новой формулы будущей экономики», производится с учетом трудовой теории стоимости, которая не характерна для современной экономической теории, т. е. имеет место именно негативизация экономического познания. Поэтому обозначенные положения и их раскрытие в рамках экономического анализа (и настоящей статьи) рассматривать нецелесообразно: они исследуются в рамках политической экономии (в силу этого выше и было сказано, что для проводимого анализа важными являются только качественные аспекты фактора рассогласования стоимости и цены и его применения).

Но главный вывод в том, что для экономики, которая будет развиваться после выхода из кризиса, начавшегося в 2008 г., необходимо уже сейчас начинать подготавливать новые экономические инструменты, которые будут практически востребованы уже в ближайшее время.

Литература

1. Молчанов К.В. Современная диалектическая философия и российская диалектика // Философские исследования. 2008. № 1.
2. Молчанов К.В. Гносеологический вопрос современной диалектической философии // Философские исследования. 2008. № 2.
3. Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4. М., 2001.
4. Гегель Г.В.Ф. Соч. М.; Л., 1929 — 1959.
5. «Капитал» и экономикс. Вопросы методологии, теории, преподавания / Под ред. В.Н. Черковца. М., 1998.
6. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999.
7. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1999.
8. Осипов Ю.М. Похвала философии — философии хозяйства // Философия хозяйства. 1999. № 1.
9. Казанцев Н.М. По пути нового творческого поиска (материалы дискуссии) // Экономическая теория на пороге XXI в. / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева. СПб., 1996.
10. Экономическая наука, образование и практика в России в 90-е годы // Вопросы экономики. 2001. № 1.

11. *Молчанов К.В.* Выявление современных парадигмально-гносеологических основ политической экономии. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003.
12. *Скаржинский М.И.* Проблемы новой политической экономии. Кострома, 1998.
13. *Чекмарев В.В.* Нефизические объекты экономической науки (к вопросу о новой политической экономии). Кострома, 1998.
14. Нормативный и позитивный принципы анализа новой политической экономии: В 3 ч. / Под ред. В.В. Чекмарева. Кострома, 2007.
15. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23.
16. Философия хозяйства. 2001. № 2.
17. *Молчанов К.В.* Феноменология капитализма. М., 2002.

О.В. ЛОНЧАКОВА

Глобализация. Структура, формирование и движение связей

Аннотация. Автор позиционирует глобализацию как форму сосуществования трех составляющих: основной геологической силы, новой геологической силы (человек — техника — технологии) и формирующегося надобщественного разума. Некоторая унификация обозначенных процессов позволяет представить гипотезу о возможной структуре социума.

Ключевые слова: глобализация, геосферы, труд, трудовые отношения.

Abstract. The author views globalization as a combined unity of three aspects: main geological force, new geological force (man — equipment — technologies) and sud-social sense being formed. Certain degree of universalization of mentioned allows to present assumption about possible structure of society.

Keywords: globalization, geospheres, labour, labour relations.

Понятие глобализации является одним из базовых положений, задающих общие событийные контексты происходящего в мире. В настоящее время нет точного определения, что такое глобализация, так как эта категория охватывает «социумы» [1, 4] и является достаточно емкой системой. Историк В.А. Михайлов подвел понятие глобализации к следующим направлениям: «Глобализация — это становление общемирового финансово-экономического пространства рынка общепланетарного масштаба; постиндустриальная стадия развития стран и

появление общемирового информационного пространства на базе новейших компьютерных и медиатехнологий; гомогенизация и универсализация мира; попытка повсеместного распространения единой системы ценностей неolibерального толка; политически востребованная концепция однополярного мира и формирования нового мирового порядка» [2, 217 — 218].

Автор статьи использует несколько другой подход к понятию процесса глобализации. «Взгляду исследователя открывается панорама, описать которую с прежних традиционных (техногенных) позиций уже невозможно» [3, 26].

В последнем десятилетии XX в. процесс глобализации приобрел лавинообразную форму. Планета стянута нитями-связями мирового рынка, периодически охватывается волнами научных разработок и инноваций, «становится полем перемещения и контактов людей с помощью эффективных транспортных средств и систем связи» [4, 6]. Позволим себе провести аналогии, выявить линии взаимодействия, построить диалектико-логическую цепочку формирования факторных моделей глобализирующего мира. Для определения этих связей обозначим понятие, известное как *земные оболочки*.

В основе выделения оболочек планеты лежит наличие особой формы движения материи. Для развития образования из независимых структур (открытых и закрытых) характерно то, что движение, взаимозаменяемость при внутренней целостности системы, происходит путем приложения вектора сил, или плеча сил, а статичность достигается за счет устойчивости внешнего окружения. Данную позицию используем как ведущую для раскрытия выбранной темы.

По В.И. Вернадскому, общая организация земных оболочек прошла три стадии, или три этапа, в своем развитии: географический, биосферный, ноосферный. Каждому из этапов присуща определенная градация биомассы, представляемая в виде геосфер.

1. Географический этап:

- гидросфера — водная оболочка,
- литосфера — каменная оболочка,
- атмосфера — воздушная оболочка.

2. Биосферный этап:

- тропосфера — воздушная нижняя оболочка,
- гидросфера — водная оболочка,
- часть стратосферы — воздушная средняя оболочка.

3. Ноосферный этап:

- социосфера — искусственно созданная оболочка, основой существования которой является процесс материального производства,

- ноосфера, по Н.И. Вернадскому, состоит из социосферы и частей биосферы.

Разделение на геосферы связано с особой геохимической деятельностью живых организмов, которые влияют на химический состав геосфер и на его миграцию. Так, в биосфере, пишет Н.И. Вернадский, «можно различать различные геохоры, имеющие зональный характер, тесно связанный с климатом, с его поясами, явно химически неодинаковыми» [5, 63 — 64], «химический состав биосферы не является одинаковым на всем Лике Земли, но резко меняется как функция литологического состава и климатических зон» [4, 63 — 64].

Географический этап геосферы представляется Н.И. Вернадскому как более ранняя по-своему происхождению стадия развития биосферы, при которой физико-географические процессы (факторы) — климатический, гидрологический, геоморфологический — действуют основной геологической силой. Появление человечества на Земле можно рассматривать как возникновение новой геологической силы (человек, вооруженный наукой, техникой и технологиями). Вхождение человека в биосферу в качестве фактора ее изменения Вернадский рассматривал как «природный процесс перехода биосферы в новую фазу, в новое состояние — в ноосферу» [6, 41].

Опираясь на логику гносеологических аспектов, затронутых в статье, предполагаем, что мегасистема — глобализация — выступает в некоторой двойственной ипостаси обратной взаимосвязи (изнутри и извне):

- с одной стороны — в виде взаимодействия основной и новой геологических сил;
- с другой стороны — как самоорганизация, организация, активизация структурных связей мировых баз знаний, подключение ноосферы к деятельности человеческого сообщества и воздействие «большого (ноосферы)» — надобщественного разума на «значительное (общественное сознание)».

Можно выделить *источники, наличие которых является необходимым явлением для преобразования и адаптации оболочек Земли при становлении ноосферы — суперсистемы управления земной реальностью со стороны надобщественного разума.*

1. Многообразие структур влияния человеческого фактора создает впечатление самоорганизующейся системы, которая «без специального воздействия извне обретает какую-то пространственную или функциональную структуру» [7, 28 — 29].

2. Массовость. Человечество на настоящем этапе своего развития представляется достаточно единым, биологически оформленным в объединения с большой долей массового капитала (города, государст-

ва, цивилизации), что в итоге выражается в значительном суммарном удельном весе людей на планете Земля.

3. Ускоряющиеся во времени информационные и связевые потоки, характерные для современного уровня развития мирового хозяйствования.

4. Надобщественное разделение труда, связанное с дальнейшим продвижением на мировую арену ТНК как суперуправляющих структур, выступающих в организационном «плане как интернационализированные воспроизводственные ядра. Это стало ключом к формированию геоэкономического пространства, к появлению на мировой карте экономических границ, не совпадающих с национальными (государственными) [8, 26 — 28].

Производные от первых двух источников могут дать материальное формирование структуры мирового разума в ноосфере Земли, производные от третьего и четвертого источников — связь и характерные информационно-пространственные образования, имеющие «зональный характер, тесно связанный с климатом, с его поясами» [5, 63 — 64].

Предположим, геологические силы, качество и взаимодействие вышеперечисленных источников соответствуют требованиям некоторого самоорганизующего процесса, при этом разворачиваются и фиксируются в пространстве разнообразные химические реакции, и уже при настоящем существовании человеческого сообщества биомасса Земли формирует себя как ноосферу. «Научная мысль человечества работает в биосфере и в ходе своего проявления, в конце концов, превращает ее в ноосферу, геологически охватывая ее разумом» [5, 41]. По своей структуре ноосфера гораздо шире понятия социосферы, состоит из частей биосферы, взаимодействующих с человеком, социосферы и формирующего в процессе глобализации поля надобщественного разума. По существу, именно надобщественный разум может выступать как система управления, в дальнейшем способная к динамическому воздействию на все процессы и явления, связующие геосферы Земли.

Определяя обратную взаимосвязь процесса глобализации (извне и изнутри), можно говорить о некотором подобии базисных принципов распространения взаимодействия трех сил: основной, новой геологической и надобщественного разума. При этом матричными базисно-информационными ячейками могут служить факторы глобализации, которые являются, следуя рассуждениям, действием двух противоположно направленных пространственно-временных факторов: основной геологической силы (процессы — климатический, гидрологический, геоморфологический) и новой геологической силы — человека и техники (процессы — «демографо-экологические, техносферные, эконо-

мические, геополитические, социокультурные» [4, 6]). По нашему мнению, обобщающая, или надобщественная, сила (разум) может формироваться как геохимическая реакция биосферы на действие двух вышеназванных взаиморазрушающих составляющих, а понятие глобализации определяется как форма их сосуществования.

Регулятором пропорций подобной образующей силы может служить труд. «Труд — это целесообразная деятельность человека, направленная на приспособление среды обитания для удовлетворения своих потребностей. Процесс труда есть вечное условие существования человеческой жизни, и поэтому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни [8, 64]. Труд как первое и основное условие существования общества играет решающую роль в формирующейся цепочке: человек — семья — регион — страна — цивилизация — ТНК — глобализация — оптимальное расположение трудовых, производственных и природных ресурсов, и далее возможно та высшая реальность, о которой писал В.И. Вернадский, — ноосфера — область живого надобщественного разума.

Такие же — несколько упрощенные — связи прослеживаются по направлению развития производственных отношений, которые называются трудовыми и которые в своем формировании переходят межличностные, коллективные, общественные — и с конца XX в. выходят в надобщественные глобализирующие фазы (пример — отношения, формирующиеся с развитием ТНК).

Таким образом, на современном этапе развития мира можно говорить о непрерывном движении, развитии и емкостном наращивании сверхфакторных параметров: большой удельной интеллектуальной массы (человечества), тонком, сверхскоростном передвижении информации (информационные технологии, Интернет, мобильная связь, спутники, сверхмощные антенны и т. п.) и стремлении к перемещению мыслящей массы в определенном, заранее спланированном, направлении (труд преодолел границы стран, континентов, создавая новые географические модели зон экономического влияния, что указывает на попытки интуитивного и разумного распределения и разделения мирового труда по наиболее выгодной, устойчивой схеме, чему способствуют разные климатические, природные, психологические и т. п. факторы, определенные табу на действия как отдельных представителей народностей Земли, так и на общественные и социальные объединения людей). Вышеперечисленные логические связки, соединяющиеся и позиционирующиеся благодаря введенному в статью понятию — труд, трудовые отношения, можно назвать цепочками разума.

Располагая информацией по перемещению и формированию интеллектуальных, технологических массивов, воспринимаемых нами как

«древо познания», можно расположить — «посадить» его на информационной глобальной карте Земли — и попытаться обнаружить устойчивые закономерные структуры формирования «древа добра и зла» в отражении на территориальные, государственные, социальные образования планеты. Информация по расположению древа может дать направление к пониманию цели и потребностей такого понятия, как глобализация, его места в современном сообществе.

Некоторая унификация в постижении обобщения данного процесса приводит к рассмотрению определенных закономерностей. Особенно это важно при разработке долгосрочного сценария пороговых отношений между странами в области политики, торговли, сотрудничества, безопасности. Трансформация общественного познания на каком-то этапе развития социума дала понятие «бога». Что такое «бог», отраженный в существующих религиях, для научной реальности? Рассмотрим схему предлагаем на примере Китая, стране, поражающей своими стратегическими возможностями и планами, высокой долей массового человеческого капитала и информационных технологий, проникающей системой управления и экономикой с сегментарным разделением труда.

Коренные религии Китая (даосизм, конфуцианство) в ноосферном исполнении могут представлять собой «образование», стремление которого к созданию улучшенных «ксерокопий» всех видов жизнедеятельности не имеет логических границ. Это интуитивная работа, это единение нации под триединым знаком «государство — Китай — Небо», глубокий внутренний патриотизм, унифицированность и рационализм мышления, высокие технические и информационные достижения, которые «выстраивают» ноосферное образование «Китай». И как следствие методы проникновения «формирования по-китайски» в мировое сообщество фактически полностью определены понятиями, потребностями, свойственным этому «богу». Его внутренняя и внешняя политика, сформированная единым духовным началом, сфокусирована на всех уровнях вхождения в современную реальность. Отсюда неторопливая, но уверенная реакция образования «бог по-китайски», овеществление его интеллекта (существующие в Китае корневые религии прекрасно отождествляются с властными структурами страны и завязаны в прочно сформированные информационные системы). Разноплановость Китая (способность к улучшению заимствованных ксерокопий) имеет фактическое многоцелевое назначение — своеобразное почкование (размножение) в недра других стран и цивилизаций.

По аналогии можно просчитать любую религиозную или национальную концессию, ее определение, цели и управленческие структуры. Практически в процессе глобализации идет «вольная борьба бо-

гов» (климатическая, гидрологическая, геоморфологическая, демографо-экологическая, техносферная, экономическая, геополитическая, социокультурная) и формирование новой обобщающей, единой, управленческой структуры социума — ноосферы. «Боги», обросшие вековыми традициями и усиленные современными технологиями, «сцепились». Отсюда неординарное, за небольшой период времени, движение глобализирующего человечества по пути научно-технического прогресса и поиски цивилизационного места в этой реальности как отдельной личности, так и государственных образований в целом. В качестве результата такой «ноосферной схватки» может выступать победа или поражение одного или нескольких участников «вольной борьбы», а также позиция «пострадали все» — представляемая логической составляющей мирового кризиса, необходимого для трансформации ненужных, отживших связей и формирования новой обобщающей, единой, управленческой структуры социума — ноосферы.

Указывать на влияние «бога» в пределах государства вполне можно, так как в настоящий момент в мире существует территориальная и суверенная целостность, благодаря которой укрепляются в качестве ведущих основные виды религиозных и социокультурных надобщественных связей. Полагаем, что существует определенная линия взаимодействия — национальные информационно и технологически (материально) сформированные боги — сильное, защищенное государство — технически грамотные, интеллектуальные, предприимчивые граждане, которые работают в конечном итоге на образование своей территориальной ноосферной структуры. Поэтому современная сборка социума «характеризуется усилением внимания к изучению взаимосвязей демографического, экономического и социального факторов общественного развития» [9, 20].

Опираясь на предыдущие рассуждения, можно проговорить интересные формулы: человечество на пике глобализации идет по пути определения новой глобальной информационной системы управления — социума — «нового бога» — надобщественного разума (с обобщающими чертами, заложенными в нем религиозными, национальными, социальными, демократическими принципами «победителей схватки богов» и по сути имеющего личностные потребности, особенности).

Рассматривая глобализацию как самоорганизующийся процесс, мы предлагаем произвести анализ идентичности факторов, динамики и причинности свойств как характеристик материи. Некоторое обобщение дает достаточно четкий спектр, определяющий позицию данных в статье определений, логических связей. С научным осмыслением мес-

та процесса глобализации и «нового бога» связано будущее нашей страны, и наука, уточняя общие закономерности трансформации мира, сможет проводить его формирование путем точечного низкоэнергетического воздействия. Н.Н. Моисеев пишет: «Цивилизации (точнее современным цивилизациям) придется пройти по лезвию бритвы — опираясь на достижения научно-технического прогресса, развивая технику, уберечь человечество от их опасных последствий, нарушающих логику Природы» [10, 82].

Литература

1. Экономика знаний / Под ред. В.П. Колесова. М., 2008.
2. Михайлов В.Г. Глобализация — объективный фактор развития современного мира // Безопасность Евразии. 2004. № 1. Январь — март.
3. Абрамов В.А. Глобализация и регионализация в контексте проблем национальной безопасности // Вестник. 2006. № 5.
4. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2001.
5. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965.
6. Вернадский В.И. Размышление натуралиста. Кн. 2. М., 1977.
7. Хаген Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам. М., 1991.
8. Пушкин В. Основы ОТ // Библиотека инженера по ОТ. 2004. № 11.
9. Шелестов Д.К. Возникновение и развитие демографической науки // Российский демографический журнал. 2002. № 1.
10. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М., 1998.

Р.М. НУРЕЕВ, М.Ю. САПЬЯН

Экономический кризис в России: роль канала обменного курса трансмиссионного механизма

Аннотация. Статья посвящена оценке роли канала обменного курса в общей структуре трансмиссионного механизма после преодоления острой фазы последнего глобального экономического кризиса. Последствия кризиса во многом зависят от структуры трансмиссионного механизма и эффективной работы канала обменного курса. Это подтверждается развитием экономической ситуации на примере России и Великобритании.

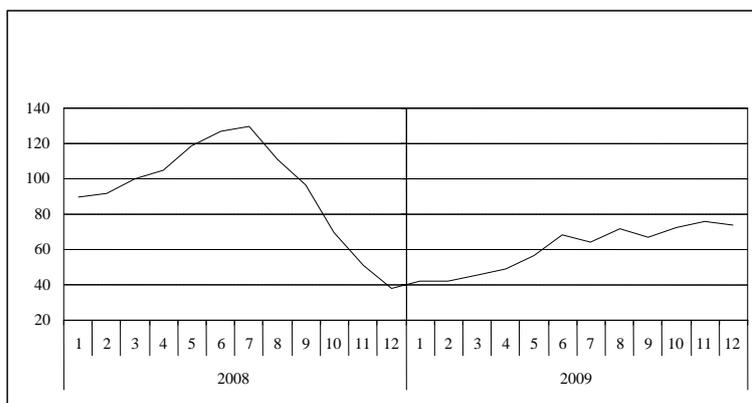
Ключевые слова: экономический кризис, трансмиссионный механизм, денежно-кредитная политика.

Abstract. The main purpose of this paper is estimation role exchange rate channel in general structure of monetary transmission mechanism after global economic crisis 2007 — 2009. Consequences of last crisis depend from structure of transmission mechanism and effective work exchange rate channel. Examples (Russia and Great Britain) emphasize this conclusion.

Key words: economic crisis, transmission mechanism, monetary policy.

Глобальный экономический кризис обнажил накопившиеся проблемы. Стали очевидными просчеты кредитных организаций в системах управления рисками, лопнули накопившиеся пузыри на финансовых рынках, реализовались кредитные риски, накопленные за годы подъема.

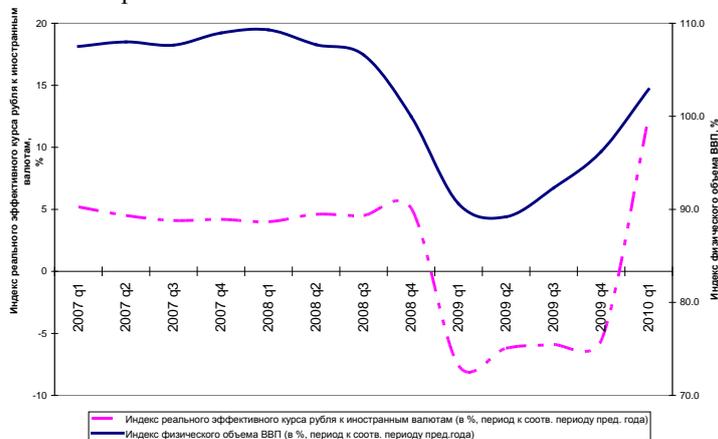
Кризис затронул практически все отрасли национальной экономики. Под влиянием сокращения внешнего и внутреннего спроса снизилось производство в большинстве видов экономической деятельности. Однако в наибольшей мере он затронул добывающую промышленность, что отразилось и на всей промышленности в целом. Динамика цен на нефть сорта «Юралс» представлена на рис. 1. Наибольшее падение наблюдалось во второй половине 2008 г., и докризисный уровень цен пока еще не восстановлен.

Источник: Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2009 г.

Рис. 1. Динамика цен на нефть сорта «Юралс», дол. США за баррель

В результате кризиса, в 2009 г. объем ВВП уменьшился по сравнению с предыдущим годом на 7,9%. Динамика физического объема ВВП приведена на рис. 2 (правая шкала). Для сравнения на этом же рисунке приведена динамика индекса реального эффективного курса рубля к иностранным валютам.

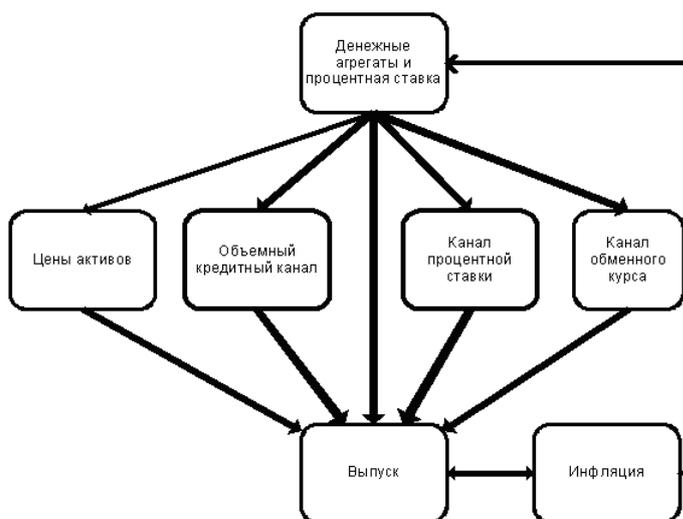
Источник: данные Банка России, Федеральной службы государственной статистики.

Рис. 2. Динамика индекса реального эффективного курса рубля к иностранным валютам и индекса физического объема ВВП

Представленные графики наглядно свидетельствуют об определенной взаимосвязи этих показателей. Попытаемся объяснить эту взаимосвязь.

От чего зависит чувствительность макропараметров, в частности ВВП, к внешним шокам? Ответ на этот вопрос может дать анализ работы трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики. Под трансмиссионным механизмом традиционно понимается воздействие комплекса мер, предпринимаемых центральными банками в области денежно-кредитной и валютной политики, на экономическую активность, накопление, потребление, инфляционные процессы.

В наиболее общем виде схема трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики представлена на рис. 3. Денежно-кредитная политика посредством представленных каналов влияет на выпуск и инфляцию, а они, в свою очередь, определяют выбор инструментов этой политики.

Источник: Банк Англии [3].

Рис. 3. Общая схема трансмиссионного механизма

Традиционно при оценке трансмиссионного механизма происходит акцентирование на определенных каналах. В классическом виде

трансмиссионный механизм включает в себя такие каналы¹, как: 1) канал обменного курса, 2) канал процентной ставки, 3) объемный кредитный канал, 4) канал оценки активов.

В России для денежно-кредитной политики из четырех перечисленных выше наибольшую значимость имеют первые три канала². Интеграция рыночной экономики России в мировую хозяйственную систему способствует увеличению роли канала обменного курса.

Рассмотрим более внимательно как осуществляется механизм воздействия указанной политики на выпуск посредством канала обменного курса. Действие канала базируется на непокрытом паритете процентных ставок³. Таким образом, предполагается, что расширение денежного предложения (M) должно сопровождаться снижением номинальных процентных ставок (I), и понижением внутренних реальных процентных ставок (r). В свою очередь, их снижение приведет к обесценению активов в национальной валюте относительно иностранных активов ($r-r_w$), и, как следствие, к усилению национальной валюты (NER). Усиление национальной валюты повлечет за собой рост чистого экспорта (NX), а следовательно, и рост ВВП (Y).

Схематично канал обменного курса можно представить следующим образом [4, 11 — 26]:

$$M_+ \rightarrow I_- \rightarrow r_- \rightarrow r-r_w \rightarrow NER_+ \rightarrow NX_+ \rightarrow Y_+$$

Относительно структуры канала и самого факта его существования исследователями ведутся многолетние дискуссии. Одни исследователи утверждают, что как такового канала обменного курса не существует вообще и колебания обменного курса являются лишь следствием воздействия денежно-кредитной политики на цены и выпуск. Другие ученые приходят к выводу, что канал обменного курса является одним из основополагающих в структуре трансмиссионного механизма.

Яркими сторонниками первой точки зрения являются представители монетаризма. Так, М. Фридман в своей работе «Роль денежно-кредитной политики» [5] отрицает роль обменного курса в механизме денежной трансмиссии, подчеркивая при этом, что влияние денежно-кредитной политики на выпуск и цены осуществляется непосредственно через изменения в структуре портфелей финансовых активов и

¹ Более подробно структура этих каналов в классическом представлении изложена в статье [1].

² Более подробно структура этих каналов в российских условиях изложена в работе [2, 18 — 27].

³ Непокрытый паритет процентных ставок предполагает, что разница отечественной и иностранной процентных ставок должна определяться разницей обменных курсов.

инвестиционных решениях. Если наличие канала обменного курса и может быть обосновано на основе портфельной теории обменных курсов, то независимость данного механизма от канала процентной ставки остается под вопросом, так как в открытой экономике с плавающим обменным курсом движения номинального обменного курса и номинальных процентных ставок неразделимы.

Сторонники альтернативной точки зрения в работах, посвященных макроэкономическому моделированию, показали, что в рамках механизма денежной трансмиссии действия центральных банков по регулированию уровня денежного предложения влияют на уровень обменного курса национальной валюты. В частности, в 1970-х гг. Ф. Модильяни в работе «Денежно-кредитная политика и потребление» [6] отметил, что степень этого влияния определяется уровнем открытости экономики. В 1999 г. О. Свенссон в своей работе «Инфляционное таргетирование в открытой экономике» [7] отметил, что в открытой экономике процентная ставка и конечное потребление эффективно взаимодействуют посредством канала валютного курса. Авторами эмпирических исследований (Брайент, Хупер, Манн [8], Болл [9]) к числу факторов, определяющих эффективность работы канала обменного курса, отнесены: 1) уровень мобильности капитала, 2) уровень рыночной конкуренции, 3) эластичность цен на импортные товары по обменному курсу, 4) вязкость цен⁴. Также следует отметить влияние такого фактора, как индекс условий торговли⁵.

Дж. Тейлор утверждал, что процентная ставка и валютный курс опосредуются рынком капитала [4]. В то же время, по его мнению, результаты воздействия изменений обменного курса на макроэкономические индикаторы (производство, инфляция, занятость) в малых открытых экономиках несколько преуменьшены, так как недооцениваются издержки волатильности обменного курса.

Доминирующая роль канала обменного курса в общей схеме механизма денежной трансмиссии при воздействии на уровень цен, как правило, наблюдается в экономике с четко выраженными лагами на меры денежно-кредитной политики⁶ и преобладанием долгосрочных процентных ставок⁷.

Как воздействует обменный курс на динамику ВВП?

⁴ Вязкие цены — состояние цен, характеризующееся относительной стабильностью.

⁵ Соотношение цен на экспортируемые и импортируемые товары.

⁶ Это подтверждено исследованиями: [10 — 12].

⁷ Это подтверждено исследованиями: [13 — 15].

Воздействие обменного курса на динамику ВВП реализуется двумя путями. С одной стороны, изменение обменного курса оказывает воздействие на динамику спроса на внутренние товары, и, как следствие, на совокупный спрос. С другой стороны, изменение курса влияет на объемы задолженности по контрактам в иностранной валюте.

Рассмотрим эти пути более подробно.

Воздействие изменения обменного курса на динамику совокупного спроса происходит по двум направлениям: прямому и косвенному [16].

В рамках прямого воздействия изменяются цены иностранных товаров, цены на иностранные факторы производства, что влечет за собой изменение величины производственных затрат. В рамках косвенного воздействия меняются уровни отечественного и иностранного спроса на отечественные товары, что в свою очередь влияет на объем производства национальных товаров-заменителей.

В целом изменение обменного курса может оказать влияние на переток капитала между отраслями при отсутствии межотраслевых барьеров [17]. По результатам эмпирических исследований, можно сделать вывод о систематических отклонениях от закона одной цены⁸. В случае вязкости цен импортных товаров регулирование относительных цен должно вызываться более существенными колебаниями эндогенно определенного валютного курса. Поэтому при проведении валютной политики необходимо учитывать эффект переноса и неоднородность реакции товарных рынков.

С другой стороны, изменение курса влияет на объемы задолженности по контрактам в иностранной валюте. Как отмечает И. Пашковская, если такая задолженность не полностью выражена авуарами в иностранной валюте, изменения в обменном курсе могут значительно затрагивать как чистую стоимость задолженности, так и отношение задолженности к активам, тем самым регулируя расходы и заимствования [18].

Структура трансмиссионного механизма в силу действия указанных выше факторов для каждой страны индивидуальна. Тем не менее существуют группы факторов, характерные для развивающихся стран, и факторы, в большей мере свойственные экономически развитым странам.

Экономическая ситуация в развивающихся странах характеризуется, как правило, высоким уровнем инфляции и высокой амплитудой колебаний инфляционных ожиданий. Развивающиеся страны более

⁸ Правило, в соответствии с которым один и тот же товар продается во всех странах по одной и той же цене при отсутствии торговых барьеров и транспортных издержек.

подвержены воздействию внешнеэкономических факторов, имеют ограниченный доступ на мировые рынки долговых инструментов, слабо диверсифицированные иностранные активы, как правило, фиксируют обменный курс.

Для развитых стран более характерна проблема перегрева финансовых рынков и импортируемой инфляции.

Какова же роль канала обменного курса?

Устойчивость экономической системы определяется в основном выбором центральным банком стратегии валютной политики [19]. В условиях ограниченного доступа на мировые рынки долговых инструментов и высоких инфляционных ожиданий центральные банки развивающихся стран, как правило, придерживаются режима фиксированного обменного курса. Следует отметить, что поддержка такого режима существенно ограничивает независимость проводимой денежно-кредитной политики, так как центральный банк вынужден принимать международный уровень процентных ставок, что достаточно часто приводит к дефициту по текущим операциям. Решение проблемы дефицита в определенной мере возможно за счет стерилизации притока/оттока капитала. Стерилизация сама по себе является достаточно затратным мероприятием, так как сопровождается увеличением расходов по обслуживанию внутренних валютных обязательств.

Оптимальным вариантом денежно-кредитной политики в этих условиях является противоциклическая политика.

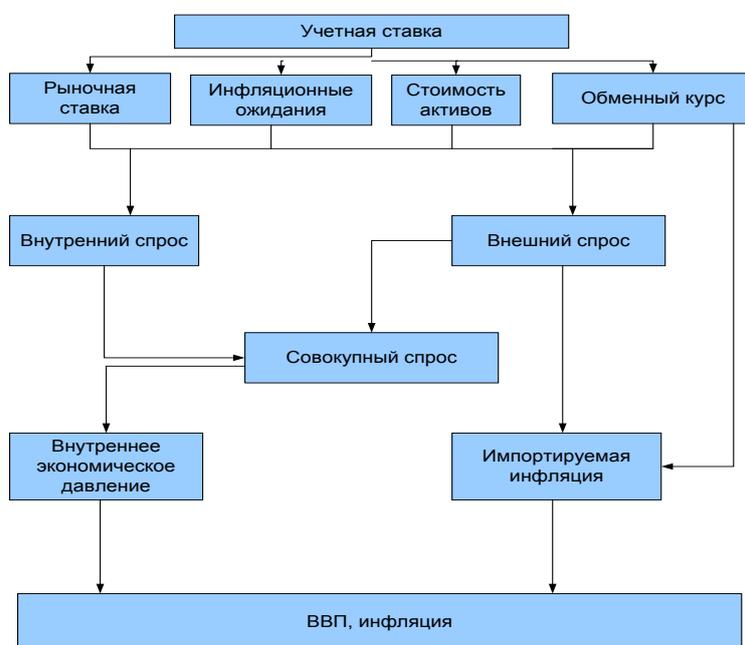
В этих условиях роль канала обменного курса в структуре трансмиссионного механизма увеличивается, что подтверждается исследованиями 2000 — 2001 гг. Сене [20] и Цанниниса [21]. Результаты исследования [10] Болла, проведенного им в 1999 г., свидетельствуют, что для малой открытой экономики при безинерционной денежно-кредитной политике в условиях жесткого реагирования денежных властей на изменения обменного курса рост процентных ставок должен компенсироваться соответствующей политикой укрепления обменного курса. Особенно часто возможные негативные последствия изменения наблюдаются в странах со слабодиверсифицированными иностранными активами, что подтверждено различными исследователями, в частности Эйзенгрином и Хоссманом [22]. Специфика инфляционных процессов затрудняет оценку реальной процентной ставки и премии за инфляционный риск.

Для экономики, слабо вовлеченной в мировые хозяйственные связи, канал обменного курса не играет определяющей роли.

В развитых странах при проведении валютной политики внимание денежных властей в большей степени уделено импортируемой инфляции (как, например, в Великобритании).

Ниже приводится схема трансмиссионного механизма Великобритании (рис. 4), которая отражает основные параметры, на которые оказывает воздействие динамика обменного курса; на рис. 5 показана динамика обменного курса и ВВП Великобритании в кризисный период.

Как видно из представленной диаграммы, основное воздействие динамики обменного курса приходится на импортируемую инфляцию. Косвенным образом обменный курс воздействует на объемы внутреннего и внешнего спроса, под которыми соответственно следует понимать спрос на товары и услуги со стороны экономических агентов внутри страны и за ее пределами. Совокупный спрос опосредованно через внутреннюю инфляцию оказывает воздействие на ВВП.

Источник: [23].

Рис. 4. Схема трансмиссионного механизма в Великобритании

Динамика индекса физического объема ВВП и индекса реального курса фунта стерлингов к иностранным валютам, представленная на рис. 5, демонстрирует существенное влияние динамики обменного курса на ВВП. В определенной мере это, конечно, связано с активным участием Великобритании в мировой торговле.

В то же время следует отметить, что экономика Великобритании более диверсифицирована, чем экономика России. В силу этого, более сильные изменения обменного курса не приводят к такому масштабному снижению ВВП, как это наблюдалось в России.

Разницу последствий воздействия динамики обменного курса на ВВП может объяснить схема канала обменного курса трансмиссионного механизма, функционирующего в России.

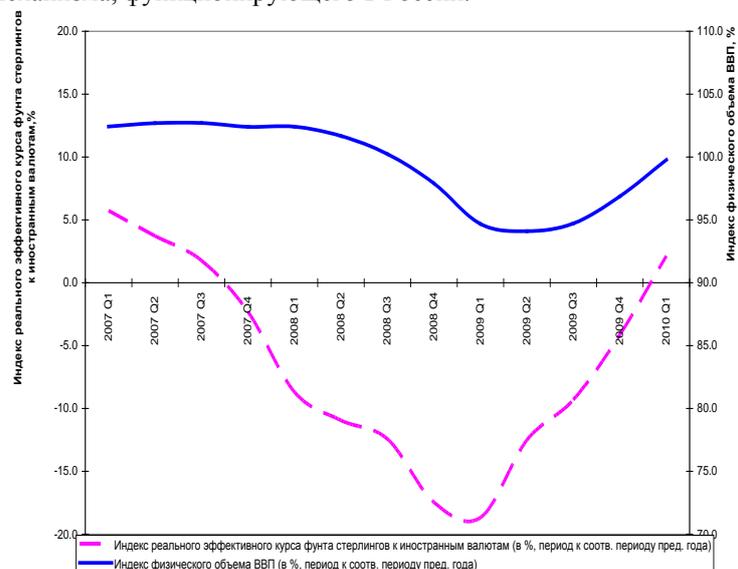

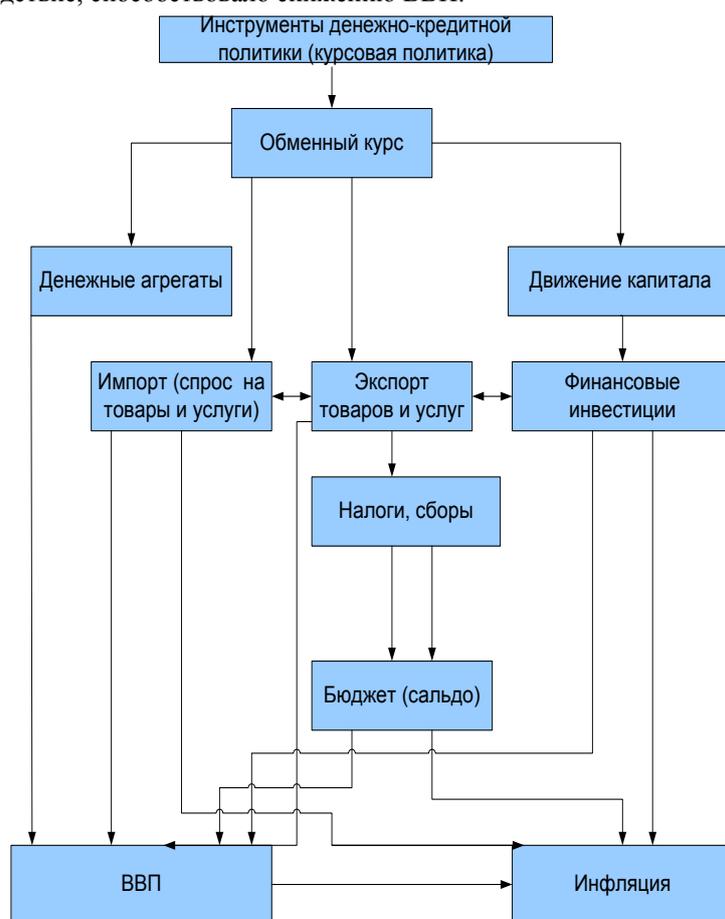
Рис. 5. Динамика индекса реального эффективного курса фунта стерлингов к иностранным валютам и индекса физического объема ВВП Великобритании

В России на современном этапе схема действия канала обменного курса в России выглядит следующим образом (рис. 6).

В условиях структурного дисбаланса, вызванного доминированием экспортно-ориентированных отраслей, волатильность реального обменного курса, вызванная глобальным экономическим кризисом, стала оказывать сильное воздействие на динамику ВВП.

В результате валютной либерализации крупные экономические агенты, осуществляющие внешнеэкономическую деятельность, получили доступ к внешним заимствованиям и ввиду относительно меньших экономических затрат (в виде процентных платежей) стали кредитоваться на мировых финансовых рынках. В результате динамика об-

менного курса стала в большей степени оказывать влияние на движение капитала. Закрывание в наиболее острую фазу кризиса внешних рынков фондирования привело к активизации оттока капитала, что негативно отразилось на динамике финансовых инвестиций, и, как следствие, способствовало снижению ВВП.

Источник: составлено авторами.

Рис. 6. Схема канала обменного курса в России

В России динамика курса национальной валюты по отношению к иностранной валюте обусловлена в основном влиянием внешнеэкономических факторов, реальный обменный курс в меньшей степени под-

вержен инфляционным ожиданиям и слабо зависит от шоков реальной денежной массы. Выводы П. Дюгаи, утверждавшего в 1994 г. [24], что в Канаде регулирование потоков денежных средств с помощью обменного курса дало более действенный эффект, чем регулирование с помощью денежных агрегатов, в настоящее время весьма актуальны для России. Сырьевая направленность экспорта в России приводит к тому, что динамика ВВП достаточно сильно зависит от цен на энергоресурсы, формируемых на международных товарных рынках и номинированных в иностранной валюте. Стабилизационный фонд, упоминавшийся в нашей статье 2008 г. [2, 18 — 27], по мере существенного снижения его объема в ходе кризиса, был исключен из рассмотрения в рамках нынешней структуры канала, так как его влияние оказалось более скромным, чем предполагалось ранее.

Изменения обменного курса в определенной мере способствовали переориентации потребления на отечественные товары, однако ее масштабы пока явно недостаточны.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что чувствительность макропараметров к внешним шокам во многом определена структурой трансмиссионного механизма. Эффективность проводимой денежно-кредитной политики определяется применением финансовых инструментов, подобранных с учетом структуры как трансмиссионного механизма в целом, так и структуры его каналов. Канал обменного курса для России по-прежнему играет большую роль.

Литература

1. *Крючкова И.П., Сапьян М.Ю.* Трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики и особенности его функционирования в российской экономике // *Банковское дело.* 2003. № 9.
2. *Нуреев Р.М., Сапьян М.Ю.* Состояние трансмиссионного механизма как фактор готовности к переходу к политике инфляционного таргетирования // *Экономический вестник Ростовского государственного университета.* 2008. Т. 6. № 1.
3. <http://www.bankofengland.co.uk/publications/other/monetary/montrans.pdf>.
4. *Taylor J.* The Monetary Transmission Mechanism and the Evaluation of Monetary Policy Rules // *Stanford University.* 1999. September 10.
5. *Friedman M.* The Role of Monetary Policy // *American Economic Review.* 1968. Vol. 58.
6. *Modigliani F.* Monetary Policy and Consumption // *Consumer Spending and Monetary Policy: The Linkages / Federal Reserve Bank of Boston.* Boston, 1971.

7. *Svensson O.* Open-Economy Inflation Targeting // Journal of International Economics. 1999.
8. *Bryant R., Hooper M.* Evaluating Policy Regimes: New Empirical Research in Empirical Macroeconomics. Wash., 1993.
9. *Ball L.* Efficient Rules for Monetary Policy NBER // Working Paper. Cambridge, 1997. No. 5952.
10. *Ball L.* Policy Rules for Open Economies Monetary Policy Rules. Chicago, 1999.
11. *Batini N., Haldane A.* Forward-looking Rules for Monetary Policy. Chicago, 1999.
12. *Rudebusch G.D.* Assessing Nominal Income Rules for Monetary Policy with Model and Data Uncertainty / Federal Reserve Bank of San Francisco // Working Paper. 2000. February. No. 3.
13. *Bernanke B., Gertler M., Gilchrist S.* Monetary Policy and Assets Price Volatility New Challenges for Monetary Policy / Federal Reserve Bank of Kansas City. 1999.
14. *Woodford M.* Interest Rate Rules in Estimated Sticky Price Models Monetary Policy Rules. Chicago, 1999.
15. *Mccallum B., Nelson E.* Performance of Operational Policy Rules in an Estimated Semi Classical Structural Model Monetary Policy Rules. Chicago, 1999.
16. *Lafèche T.* The Impact of Exchange Rate Movements on Consumer Prices // Bank of Canada Review Article. 1996/1997.
17. *Dobrinskaya V., Levando D.* A Study of Exchange Rate Pass-Through Effect in Russia // ICEF Working Paper. 2005. May. No.05/01.
18. *Пауковская И.В.* Трансмиссионный механизм денежно-кредитного регулирования // Банковские услуги. 2003. № 8.
19. *Taylor M.P.* The Economics of Exchange Rate // Journal of Economic Literature. Vol. XXXIII. 1995. March.
20. *Senay O.* The Role of the Exchange Rate in Monetary Policy Rules // Middle East Technical University and University of York. 2001. January 9.
21. *Tzanninis D.* Inflation Modeling in the Czech Republic: Issues and Challenges Ahead. Wash., 2000.
22. *Eichengreen B., Hausmann R.* What International Monetary Arrangements are Appropriate in Light of the New Environment? New Challenges for Monetary Policy / Federal Reserve Bank of Kansas City. 1999.
23. *Петренко С.* Трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики в экономике Великобритании // Банковское дело. 2003. № 9.

24. *Duguay P.* Empirical Evidence on the Strength of the Monetary Transmission Mechanism in Canada // *Journal of Monetary Economics*. 1994. No. 33.

Э. ВАТТ

Экономический и финансовый кризис в Европе: причины и последствия*

Аннотация. В работе анализируется ситуация, в которой оказалась европейская экономика, и изучаются фундаментальные и непосредственные причины углубляющегося кризиса. Показывается, что у европейских регулирующих органов есть инструменты, которые могут ограничить распространение и длительность рецессии, и предлагается пакет мер.

Ключевые слова: макроэкономическая политика, антикризисные меры.

Abstract. The article analyses the situation facing the European economy and traces both the more fundamental and the proximate causes of the worsening crisis. It argues that European policymakers have the tools at their disposal to limit the extent and duration of the recession and proposes a package consisting of five elements.

Keywords: macroeconomic policy, anticrisis measures.

Вступление

Глобальный экономический и финансовый кризис больно ударил по основам европейской экономики. Некоторые специалисты склонны преувеличивать глубину кризиса и его опасность для экономического благосостояния стран Европы: чаще всего текущий кризис сравнивается с 1929 г. и последовавшей Великой депрессией. Другие же указывают пальцем на отдельных субъектов — центральные банки и их политику «легких денег», жадных титанов на Уолл-стрит, сонные регулирующие органы, подразумевая, что, как только некомпетентные субъекты уйдут и будут уволены, мы сможем вернуться к нашей обычной экономической деятельности. В то же время третьи продолжают со средневековым фатализмом считать, что кризисы являются

* Перевод с английского студента школы магистров экономического факультета МГУ Г.К. Эделя (*печатается в сокращении*).

божественным и неотвратимым наказанием за неискореняемые человеческие грехи.

Текущая ситуация и ближайшая перспектива

Европейская экономика после спада, произошедшего в результате коллапса интернет-пузыря⁹, демонстрировала неплохие результаты в 2006 и 2007 гг. Первые, едва различимые раскаты кризиса, которые можно было услышать еще летом 2007 г., не сразу повлияли на ежеквартальные темпы роста. Поначалу казалось, что Европа сможет избежать участи США.

Тем не менее после неожиданно хороших экономических показателей в первом квартале 2008 г. темпы экономического роста стремительно упали. Вслед за поквартальным снижением деловой активности на 0,2%, во втором квартале в еврозоне (0,0% в EU27¹⁰), в третьем квартале 2009 г. ожидалось сокращение деловой активности на 0,2% (как в еврозоне, так и в EU27).

Такое развитие событий сопровождалось быстрым понижением и пересмотром прогнозов на 2009 г. Ранние прогнозы темпов роста экономики (на 1,5%) были ниже среднего уровня, но далеки от кризисной ситуации. В октябре—ноябре все крупные международные институты уже прогнозировали существенное сокращение выпуска в Европе в 2009 г. Всего через месяц после основного осеннего прогноза (октябрь) МВФ спешно опубликовал (в конце ноября) дополнительный документ, в котором прогноз ВВП был снижен на 0,7 процентных пункта (п. п.).

В течение ноября был опубликован целый ворох негативной информации. Наибольшее беспокойство вызывал рост безработицы — индикатора, который запаздывает по сравнению с деловым циклом. Данный показатель вырос до 7,7 и 7,1% в еврозоне и EU27 соответственно (при первоначальных показателях 7,2 и 6,7%). Почти четверть миллиона рабочих мест было потеряно в еврозоне только в октябре. И стало очевидно, что худшее еще впереди.

⁹ Кризис *dotcom*'ов на NASDAQ (*прим. переводчика*).

¹⁰ EU27 — 27 стран — членов Европейского союза: Австрия, Бельгия, Болгария, Кипр, Чехия, Дания, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Венгрия, Ирландия, Италия, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Испания, Швеция и Великобритания (*прим. переводчика*).

Как мы дошли до такого?

Причины кризиса стали предметом множества дискуссий, поскольку они, очевидно, многоплановы. Окончательный и полный отчет, если его когда-либо составят, будет написан после того, как «туман кризиса» окончательно спадет. Неоспоримо только то, что в центре этого финансового шторма были США, откуда кризис переместился в Европу. Свою лепту внесли и развивающиеся рынки. К такому развитию событий привело наличие разнообразных дисбалансов на разных уровнях и в различных сферах экономики, которые совпали с общим трендом развития капиталистических экономик, в частности, но не только, в финансовой сфере.

Фундаментальные причины, которые привели к кризису

1. Важнейшими чертами глобального экономического развития являются выраженные и укоренившиеся дисбалансы текущих счетов. Примечательно, что в США (а также в таких европейских странах, как Великобритания и Испания) наблюдались крупные текущие дефициты бюджета, компенсирующиеся соответствующими профицитами в Китае, Японии и Германии. Общее национальное потребление и размеры инвестиций в США были устойчивы и значительно (порядка 5—6%) выше национального выпуска. Разрыв восполнялся при помощи заимствований: страны с профицитом государственного бюджета накапливали финансовые активы, которые помогали поддерживать долгосрочные ставки по кредитам в США на низком уровне (и, таким образом, помогали сохраняться дисбалансам). Страны с профицитом попытались экспортировать товары для решения проблем безработицы (Германия, Япония) или проведения бурной индустриализации (Китай)¹¹. Растущее недовольство мизерными процентами от безрисковых активов, таких как казначейские векселя США, привело эти страны (наряду с отечественными инвесторами) к покупкам более комплексных, непрозрачных активов, предоставляемых финансовыми алхимиками с Уолл-стрит, предлагающими более высокие ставки по вкладам. В Европе устойчивый торговый профицит Германии стал одной из причин того, что банки держали большое количество активов, оказавшихся «токсичными» финансовыми деривативами (родом из США).

2. Еще одной причиной явилась ускорившаяся интернационализация производства, инвестиций и финансовых взаимосвязей — иными

¹¹ По иронии судьбы желание азиатских стран накапливать резервы в зарубежной валюте было во многом реакцией на их опыт оттока капитала во время Азиатского кризиса 1997 г.

словами, глобализация — без соответствующего развития регулирующих органов и других форм регулирования на необходимом (глобальном, европейском) уровне. Глобальные институты до сих пор отражают геополитические реалии времен конца Второй мировой войны, поэтому, в лучшем случае, их политика и действия отражают нужды изолированных (или развивающихся) стран, нуждающихся в помощи. Одним из последствий отсутствия необходимых институциональных договоренностей стало то, что возникла конкуренция между регулирующими институтами в таких областях, как налогообложение, законы о корпорации, регулирование финансового сектора и т. д. Отсутствие эффективного глобального регулирования позволило углубиться текущим дисбалансам счетов.

3. Отчасти в результате этих дефектов, а также политического сдвига в развитых капиталистических странах в начале 1980-х наметился непрерывный и развивающийся процесс отхода государства от регулирования экономики. Кроме того, за это время доля государственной собственности (не исключая финансовых институтов) снизилась, рынок рабочей силы и органы социального обеспечения были ослаблены, коммерциализированы или приватизированы. Роль законов тоже была ослаблена в пользу менее строгих кодексов правил и так называемого саморегулирования. Законные и социальные ограничения ведения бизнеса и влияние торговых союзов были по большей части снижены в пользу подходов «права на самоорганизацию» и «владения работниками акций компаний». В текущем контексте ключевым является не то, что государства европейских стран не смогли идти в ногу с финансовыми инновациями, а то, что сектор финансовых услуг был *активно дерегулирован* с помощью значительных политических дотаций финансовых институтов, которые сегодня протягивают государству руку с просьбой о помощи. По иронии судьбы, многие из регулирующих мер, которые были отменены, — такие как Закон Гласа— Стигола — были введены еще во времена Великой депрессии.

4. Эти тренды, возможно, усиленные современными технологическими изменениями, привели к значительным сдвигам в распределении доходов в большинстве развитых капиталистических стран. Почти во всех развитых капиталистических странах наблюдались сдвиги в функциональном распределении дохода (например, от рабочей силы в сторону прибыли) и/или растущего неравенства личного дохода (большей разницы между богатыми и бедными, в частности, отчуждения доходов богатых от остального общества)¹². Это привело к накоп-

¹² ОЭСР недавно опубликовала обширный доклад о трендах неравенства доходов в течение последних двадцати лет (ОЭСР, 2008).

лению ресурсов в руках тех, кто вместо потребления в виде реальных товаров и услуг использовал их для спекуляции на финансовых рынках. В то же время на другом конце шкалы доходов бедные были вынуждены увеличивать размеры заимствования для того, чтобы поддерживать свое материальное благосостояние в условиях стагнирующих ставок реальной заработной платы во многих странах¹³.

5. До сих пор не вполне ясно, каким образом кризис связан с процессом так называемой *финансализации* экономики. Этот обобщающий термин включает в себя такие разноплановые тренды в экономике, как увеличение размера финансового сектора, увеличение количества финансовых транзакций и товаров (относительно ВВП) и изменения в корпоративном регулировании в сторону «владения работниками акций компаний», учащение использования опционов и других форм (краткосрочных) премиальных выплат топ-менеджерам. Стоит отметить и растущую важность роли финансовых директоров внутри крупных корпораций и изменения в структуре и продуктах самой финансовой отрасли. Без попытки полного анализа ситуации можно выделить ряд ключевых моментов¹⁴. В большинстве стран растущая доля прибылей корпораций в валовом национальном доходе не сопровождалась ростом доли инвестиций. Действия руководителей корпорации того времени кажутся еще более ориентированными на решение краткосрочных проблем (особенно связанных с текущей капитализацией компании), что может частично объяснить малые инвестиции (при таких высоких размерах прибыли). Соответственно большинство фондов, потенциально доступных для инвестиций, вместо этого направлялись в существующие реальные активы (в основном в недвижимость) или в финансовые бумаги возрастающей сложности и непрозрачности.

6. Рассмотрим один из аспектов финансализации, важный для объяснения причин кризиса. Это *секьюритизация*. За этим термином скрывается возможность обмена ранее необменными контрактными отношениями, такими как ипотечные и другие кредиты, которые помогали расплывать риски (см. например, Франка и Крашена [1]). Возрастающий спрос на различные варианты сбережений со стороны институциональных инвесторов (заваленных сбережениями уволенных граждан и пенсионеров в результате демографических процессов и прива-

¹³ Этот тренд был усугублен такими действиями, как сокращение государственного обеспечения здравоохранения, высшего финансового образования и т. д.

¹⁴ Свой вклад в определение некоторых выводов относительно финансализации внесли Хейн и Ван Трек, Палей. Анализ роли частного акционерного капитала внутри этого комплекса проведен Ваттом (*прим. переводчика*).

тизации пенсий), вкупе с новыми технологиями и конкуренцией между дерегулированными глобальными финансовыми институтами, привел к пролиферации все более сложных финансовых деривативов. Отметим несколько характерных черт, необходимых для нашего анализа. Перепродажа риска привела к смещению инициатив со стороны владельцев базисных контрактов¹⁵, в частности, к неправильной интерпретации природы и диапазона риска для плохо информированных потребителей. Стало практически невозможно проследить и проконтролировать, кому принадлежат те или иные ценные бумаги и кто несет ответственность за риски. Покупатели таких продуктов были склонны опираться на рейтинговые агентства, являющиеся квазизаконной институциональной олигополией, которым платили эмитенты ценных бумаг, или те агентства, которые застраховались с помощью кредитно-дефолтных свопов (обладающих сомнительной стоимостью и остающихся важным источником рисков на финансовых рынках). Основным результатом развития вышеперечисленных трендов стало значительное увеличение «кредитного плеча»: выросло соотношение долгов домохозяйств по отношению к ВВП; сместился баланс между собственным капиталом и долговым финансированием в корпорациях, увеличилась доля ипотечного кредита в недвижимом имуществе и т. д.

7. Только на этом фоне можно выделить седьмую причину, которой многие комментаторы, на мой взгляд, неправильно, отводят главную роль при объяснении кризиса: рекордно низкие реальные процентные ставки. А именно, то, что низкие реальные процентные ставки привели к увеличению количества рискованных операций («погоня за доходом»), и стало непосредственной причиной инфляции цен активов и возросшего кредитного плеча. В то же время необходимый уровень ставок по процентам должен быть оценен совместно с развитием экономики со стороны предложения. В частности, в Европе, которая крайне медленно восстанавливалась после снижения деловой активности 2001 г., сложно было говорить о слишком низкой ставке процента. Более правдоподобным кажется аргумент, согласно которому современные центральные банки (и экономическая теория) слишком сильно опирались на регулирование ставки по процентам и игнорировали другие инструменты влияния на спрос (в частности, фискальную политику, установление нормы обязательных резервов и других контролируемых и регулирующих мер), вместо того чтобы преследовать такие цели, как

¹⁵ Заметим, что это не тот случай, когда можно говорить о «совершенной информированности». Безусловно, именно это замысловатое предположение, наряду с «рациональными ожиданиями», является краеугольным камнем современной макроэкономической теории.

финансовая стабильность без вмешательства в реальный сектор экономики.

Итак, причинно-следственные связи цепочки событий, описанные выше, не до конца понятные в определенный момент, в ретроспективе, при стечении различных обстоятельств привели к возникновению целого вихря взаимодействующих сил. Любая попытка выделить одного виновника или одну ошибку экономической политики при объяснении причин кризиса обречена на провал. При этом часть факторов была известна уже в течение нескольких лет, а в некоторых случаях — десятилетий. Поэтому теперь мы рассмотрим непосредственные причины спада деловой активности 2008 г. в Европе.

Непосредственные причины кризиса

Структурные черты кризиса, особенно роль финансового сектора, широко обсуждались (однако часто неправильно интерпретировались). Многие наблюдатели не распознали того, что серия достаточно традиционных отрицательных шоков спроса, которым подверглась европейская экономика в течение последних месяцев, является непосредственной причиной спада деловой активности. В связи с этим возник риск выбора неадекватной экономической политики (например, направленность на среднесрочное регулирование финансового сектора). Перечислим основные импульсы к сокращению.

- Резкий рост цен на сырьевые товары: цены на нефть удвоились с 40 до 90 евро с начала 2007 до лета 2008 г. Подобные взлеты цен наблюдались и на рынках других товаров: цены на неэнергетические ресурсы ежегодно росли примерно на 10% в 2008 г. Это повышало издержки фирм и снижало реальные доходы рабочих, снижая валовый спрос, в то время как инфляция ненадолго превысила 4%.

- Резкое повышение стоимости евро: курс евро по отношению к доллару, все еще являющегося лидирующей мировой валютой, вырос с 1,20 до 1,60 — т. е. на 33% — с начала 2006 г. до лета 2008 г. В это же время мы наблюдаем параллельный рост курса евро относительно йены. Номинальный эффективный обменный курс евро вырос примерно на 15% к лету 2008 г. по сравнению со средним значением в 2005 г. Хотя усиление евро отчасти компенсировало рост цен на товары, это привело к снижению размеров прибыли фирм в секторе международной торговли и спаду валового экспорта. В результате, торговля и текущие балансы счетов в EA15¹⁶ сместились из состояния небольшого

¹⁶ EA15 — Бельгия, Германия, Ирландия, Греция, Испания, Франция, Италия, Кипр, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Австрия, Португалия, Словения и Финляндия (прим. переводчика).

профицита в состояние дефицита, и зарубежные заказы на товары упали до уровня, невиданного с рецессии 1990-х гг.

- Эффект повышения процентных ставок проявился с запозданием: ЕЦБ начал повышать процентные ставки в начале 2006 г. На фоне возрастающей инфляции, в основном связанной с повышением импортной цены, восемь повышений ставок процента привели к росту показателя с 2,0 до 4,0% к середине 2007 г.¹⁷ Все это путем обычных каналов передачи (включая упомянутое ранее повышение курса валют) вместе с временными лагами привело к снижению совокупного спроса.

- Кроме трех упомянутых ограничивающих факторов, которые более или менее одинаково отрицательно повлияли на европейскую экономику (особенно на страны еврозоны), ряд отдельных стран столкнулся со специфическими проблемами. В частности, Великобритании, Ирландии и Испании был присущ ряд черт, характерных для экономики США: пузырь на рынке недвижимости, растущие долги домохозяйств и/или дефициты текущих счетов или растущие проблемы с международной конкурентоспособностью. Те же черты характерны для новых членов Евросоюза, усугубленные возросшей зависимостью от долгов домохозяйств, номинированных в национальных валютах. Тем не менее с точки зрения всей Европы некоторые экономики стран-членов нуждаются в охлаждении сами по себе, но это не должно было привести к замедлению экономики на всем континенте, особенно в Германии, где одновременно начинались экономический рост и повышение заработной платы, что косвенно помогло сбалансировать внутриевропейскую экономику.

Взаимосвязи между внутренними и внешними факторами: от спада экономики до кризиса

Драматический спад деловой активности в США, лопанье пузыря на рынках финансов и недвижимости, замораживание кредитных рынков и т. п., начавшиеся летом 2007 г., значительно усилились осенью того года, что тяжким бременем легло на другие проблемы, уже разедавшие экономическую деятельность в Европе. Схематическая иллюстрация распространения «инфекции» через Атлантический океан и наличие базисных дисбалансов (которые мы выше обсудили), ускоривших эффект основных внутренних (за исключением цен на товары) ограничивающих сил приведена на рис. 1.

¹⁷ Отметим, что несмотря на крупные шоки импортных цен, базовая инфляция оставалась на уровне 2,5% в течение всего года.

Спусковым крючком для кризиса послужило схлопывание пузыря на рынке недвижимости в США (за ним последовал пузырь акционерного капитала), что запустило жесткую цепную реакцию, сопровождающуюся рядом негативных откликов в экономике¹⁸. Эти события напрямую повлияли на спрос потребителей, поскольку растущие цены на недвижимость были дойной коровой американских потребителей (наряду с оттоком капитала, рефинансированием ипотечного кредита). Количество дефолтов и взысканий по закладным резко возросло. Секьюритизация базовых активов быстро привела к схлопыванию финансового сектора США. В то же время начали публиковаться отчеты о потерях и уверенность и надежды, что кредиторам и заемщикам удастся все решить, испарились. В результате, обвал финансового рынка повлиял на потребителей и некоммерческие организации, которые уже не могли пролонгировать кредиты путем выпуска новых долговых обязательств, и потребители сократили расходы, а фирмы — рабочих.

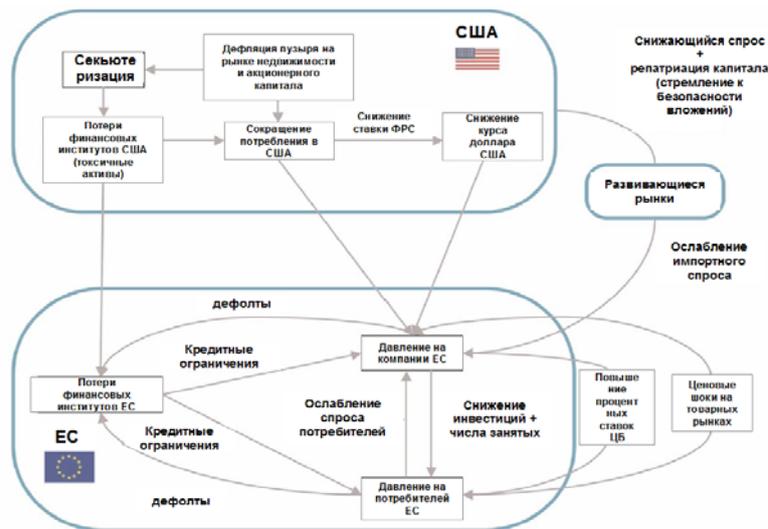

Рис. 1

Приведем еще четыре основных передаточных механизма для распространения кризиса через Атлантический океан.

¹⁸ Поскольку мы описываем эффект влияния кризиса на Европу, он представлен здесь в очень сжатом виде. Для более детального анализа разворачивания кризиса в США см. работу Бейкера [2].

- Сокращение расходов потребителей в США (наряду с прекращением потока инвестиций в бизнес-среде) напрямую повлияло на продажи европейских экспортеров, уже подкошенных повышением курса евро.

- Европейский финансовый сектор был одним из основных потребителей «токсичных» активов банков США. Коллапс стоимости и/или прекращение торговли этими активами привели, в свою очередь, к схлопыванию европейского банковского сектора и затем сильно ударили по европейским компаниям (в меньшей степени по потребителям, в особенности по владельцам домов).

- Значительное снижение процентных ставок ФРС США (изначально не совпадавших с европейскими) в ответ на кризис привело к резкому снижению курса доллара по сравнению с евро, усугубляя давление конкуренции на европейских производителей.

- Наконец, спустя некоторое время кризис ударил по развивающимся странам (не исключая Китай, где, согласно последним публикациям, велика вероятность значительного повышения безработицы), что заставило их снизить свой спрос на импортируемые товары.

В Европе это запустило типичные для рецессии циклы обратной связи между корпоративным сектором и домохозяйствами: фирмы снижали инвестиции, сокращалось рабочее время и увольняли рабочих.

Домохозяйства, столкнувшиеся с неопределенностью, падением цен на активы (снижением их благосостояния) и более жесткими ограничениями по кредитам, как правило, стараются больше сберечь, а некоторые терпят убытки. В целом, совокупное потребление падает, ухудшается ситуация компаний, которые, в свою очередь, увеличивают количество увольнений и т. д. Кроме того, некоторые отрицательные циклы обратной связи между банковской системой, домохозяйствами и некоммерческими предприятиями активны до сих пор.

Прежде чем перейти к дискуссии о вопросах экономической политики, полезным будет обобщить три ключевых вывода предшествующего анализа, которые будут решающими для оценки кризиса и мер по его преодолению. Они также важны, поскольку противоречат широко распространенному мнению относительно причин, которые привели к кризису.

Во-первых, корни кризиса глобальны, широкомасштабны, и, конечно же, хитросплетения крайне развитой финансовой системы послужили ускоряющим элементом для разворачивания кризиса.

Во-вторых, что достаточно парадоксально, влияние кризиса на европейскую экономику и причинно-следственные связи, которые сейчас играют ключевую роль, достаточно просты и понятны и не новы.

Европа стоит перед лицом отрицательного шока спроса вкупе с проблемами в банковском и финансовом секторах, что очень похоже на прошлые банковские кризисы (хотя черты и детали изменились), в частности, на те, с которыми столкнулись некоторые северные страны в начале 1990-х.

В-третьих, Европейский союз в целом — это не относится ко всем странам — очевидно, не находился в состоянии сильного перегрева и не страдал множеством серьезных экономических дисбалансов, которые были характерны для экономики США, для которых кризис явился отчасти логической закономерностью. Как уже случалось ранее, снижение деловой активности/кризис были «импортированы» из США (например, в 2001 г.), в тот момент, когда европейская экономика еще сдерживала внутренний спрос и могла сократить уровень безработицы.

Антикризисная политика сегодня

Прежде чем выработать план антикризисных мер, основываясь на вышеупомянутых идеях, было бы полезно кратко обобщить экономические меры на уровне европейских институтов и рассмотреть ключевые тенденции членов ЕС.

Органы кредитно-денежного регулирования уже летом 2007 г. начали предпринимать различные действия, нацеленные на повышение ликвидности финансовых институтов. Когда межбанковское кредитование иссякло вслед за банкротством «Леман Бразерс» в сентябре этого года, центральные банки в массовом порядке увеличили отчисления на поддержку ликвидности банковской системы и снизили требования к рефинансированию операций. Считается, что ЕЦБ в ответ на возникшую угрозу отреагировал быстро и эффективно, не в пример Банку Англии, где возражения против «спасения» банков (bailing out), стали одной из причин краха банка «Northern Rock» (см.: [3]).

Тем не менее кредитно-денежная политика, направленная на поддержку реальной экономики путем снижения процентных ставок, — это совсем другая история. Даже в ситуации, когда было ясно, причем еще до коллапса «Леман Бразерс», что впереди серьезный финансовый и экономический кризис, ЕЦБ не прекращал воинственную риторику и отрицал необходимость снижения процентных ставок¹⁹, а в июле даже *повысил* их. Эти шаги были оправданы из-за политики таргетирования инфляции и предполагаемой опасности запуска механизма инфляционного установления уровня заработной платы. Эта парадоксальная

¹⁹ Европейское трудовое сообщество экономической политики уже весной объявляло о необходимости снижения процентных ставок на 50 базисных пунктов [4].

стратегия неистовой помощи финансовому сектору и накладывания ограничений на реальный сектор экономики не могла длиться долго. В октябре Центральный банк был вынужден пойти на попятную и снизить ставки (координируя свои действия с другими ЦБ). За этим последовало дальнейшее снижение ставок в ноябре и декабре. Тем не менее, хотя изменение ставок на 25 базисных пунктов (б. п.) было бы значительным в обычное время, оно оказалось мизерным по сравнению со снижением ставок в США и Великобритании во время кризиса. В целом, банковские ставки в этих странах снизились на 425 и 300 б. п. соответственно, по сравнению со всего лишь с 175 б. п. в еврозоне. Даже если кризис по США и Великобритании ударил сильнее, чем по еврозоне, ЕЦБ сильно отстал в своей реакции по управлению совокупным спросом в кризисное время.

Действия национальных правительств перед лицом кризиса в Европе можно описать выражением «sauve qui peut» («спасайся кто может» — прим. переводчика) и последующей ограниченной координацией государств для регулирования последствий кризиса. Сначала правительства цеплялись за национальные финансовые секторы, чтобы предотвратить их развал. Однако это быстро привело к возникновению новых проблем. Например, публичная поддержка страхования депозитов в национальных банках вызвала значительные сдвиги в уровнях сбережений, когда панически настроенные европейцы искали безопасные места для хранения своих фондов. На более фундаментальном уровне вся концепция «национальных» финансовых секторов стала неактуальной вследствие европеизации финансовых институтов. Это привело к серьезным спорам между европейскими правительствами относительно деталей спасения банков и защиты депозитариев. Достаточно проблематичным было и то, что некоторые страны, которые вмешивались в банковский сектор, предлагая низкий уровень регулирования и низкие налоги, затем получили выгоды от пакетов антикризисных мер других стран, которые охватывали дочерние структуры национальных финансовых компаний, зарегистрированных в этих странах. В то же время некоторые европейские правительства прагматичным образом объединили усилия для спасения межстрановых институтов (например, страны Бенелюкса и Франция в случаях с «Дексией и Фортис» (Dexia & Fortis)).

В октябре 2008 г., Европейская комиссия опубликовала письмо, в котором приводился совершенно неадекватный анализ ситуации, к тому же без конкретных предложений [5]²⁰. Тем не менее в конце но-

²⁰ Приведем несколько примеров. «Шоки, которым подвержена европейская экономика, приведут к <...> повышению безработицы, и снижению совокуп-

ября Комиссия объявила о Европейском плане по восстановлению экономики, в котором признавалась острая необходимость поддержки совокупного спроса и был сделан ряд разумных предложений [6]²¹. В частности, согласно плану, требовались немедленные денежные вливания в размере 200 млрд евро (1,5% ВВП, включая 30 млрд от ЕС) при распределении потребления/налогов между членам ЕС. Кроме того, предусматривалась мобилизация неиспользуемых ЕС ресурсов вкупе с ежегодными инвестициями дополнительных 15 млрд на протяжении двух лет Европейским инвестиционным банком.

Хотя эта инициатива всячески приветствуется, она оставляет без ответа ключевые вопросы о возможности ее практической реализации. В Европе наличествует классическая проблема принятия коллективных решений. Существует сильная инициатива со стороны каждого члена ЕС (особенно у маленьких стран) бесплатно решить свои проблемы за счет кредитно-денежной политики других стран. Европейский совет министров собирался 11 и 12 декабря — в тот момент было необходимо опубликовать размер вливаний в экономику — и была достигнута договоренность о принципиальной поддержке пакета мер Комиссии, но в меньшем объеме (около 1% ВВП). Пока еще не ясно, насколько эти обязательства затем трансформируются в реальные изменения в уровнях прибылей и затрат национальных бюджетов. Но только такие свидетельства помогут рассеять сомнения по поводу способности Европы проводить эффективную *европейскую* политику.

Даже учитывая серьезность причин кризиса в США, скорость реакции американских органов кредитно-денежного регулирования и валовая масса планируемых и принятых ими (монетарных и фискальных) стимулов являются явным напоминанием о неадекватности европейских регулирующих институтов.

Проектирование программы по восстановлению европейской экономики

Существуют ли ограничения экспансионистской политики? Необходимо помнить о ряде ключевых элементов нашего анализа для проектирования европейской программы быстрого и безболезненного

ного спроса. Поэтому, необходимы структурные реформы для сдерживания спроса в краткосрочной перспективе <...>. Также см. обсуждение фискальной политики, концентрирующейся в основном на вопросах долгосрочного устойчивого развития [5, 5].

²¹ Тем не менее в тексте есть серьезная аналитическая ошибка относительно изменения заработной платы, что привело к ошибочным рекомендациям по экономической политике.

выхода из кризиса. В то время как серьезное снижение деловой активности на протяжении последних кварталов является неизбежным и некоторые страны с серьезными дисбалансами (Великобритания, Ирландия, Испания и некоторые новые члены ЕС, такие как Венгрия и страны Балтики) еще долго будут их исправлять, есть некоторые основания для осторожного оптимизма. Во-первых, в отличие от кризиса 1929 г., большинство органов кредитно-денежного регулирования стран ЕС *знают*, что необходимо делать: стимулировать совокупный спрос для предотвращения кумулятивных рецессионных/дефляционных процессов, предотвращать нисходящие спирали заработной платы/уровня цен (в мировых масштабах — политики «разори соседа» (*beggan-thy-neghbour*) и валютных курсов) и усиливать основы банковской системы казенными деньгами. И, кроме того, важно, что Европа в целом относительно свободна в реализации необходимых мер.

- При ставках центральных банков 2,5% (ЕЦБ) и 2% (Банк Англии и Королевский банк Швеции (*Swedish Riksbank*)) до сих пор остается значительный запас для экспансионистской монетарной политики, в отличие от США, где ФРС уже снизила ставки до 1%.

- Аналогично на уровне еврозоны и EU27 остается значительное пространство для маневра фискальной политики. В 2008 г. бюджетный дефицит составит около 1,0% (1,2% для EU27)²². В еврозоне только Франция близка к пределу в размере 3%, установленному Маастрихтским договором²³; вне еврозоны — у Венгрии и Великобритании выше дефицит бюджета. Более того, основной структурный баланс (важный для долгосрочной консолидации и полномочий для дискреционной бюджетной политики) остается в этом году на комфортном уровне (1,9 и 1,4%), как и в два предыдущих года.

- ЕС и еврозона являются крупными интегрированными экономическими зонами со стабильными текущими счетами и (с некоторыми исключениями) с сильной национальной резервной валютой. Таким образом, будет относительно мало утечек, связанных с потреблением, от проведения экспансионистской фискальной политики и значительные ограничения с внешней стороны практически отсутствуют. Европе

²² По оценке Европейской комиссии, в июле этого года (2008) из-за кризиса увеличение показателя более чем вероятно [7].

²³ Подписанный 7 февраля 1992 г., этот договор официально называется Договором Евросоюза. В этом документе определяются строгие правила, согласно которым принимаются новые страны, использующие евро в качестве валюты (*прим. переводчика*).

не следует волноваться о значительном оттоке капитала иностранных инвесторов, требующих более высоких процентных ставок.

В краткосрочном периоде ситуация кажется хрестоматийным случаем. Уже был обвал потребления и спроса на инвестиции, и можно ожидать его продолжения. Если мы не хотим значительного сокращения количества рабочих мест и объема выпуска в краткосрочном периоде, наряду с серьезным риском запуска цикла обратной связи между «реальным» и «финансовым» сектором, необходимо ограничивать уровень спроса. Например, растущий уровень безработицы может привести к увеличению дефолтов, ухудшая бухгалтерские балансы банков, приводя к дальнейшим сокращениям кредитных поступлений, что снова приведет к потере рабочих мест и затяжной депрессии с долгосрочными последствиями (снижение «потенциального» уровня роста). Частный сектор столкнется с ограничениями и снижением доли заемных средств, органы же государственной власти — с некоторыми ограничениями по заимствованиям в национальной валюте. Это ключевая ошибка «анализа» местечковых экономистов-комментаторов, которые говорят, что заимствование привело к кризису и не может оттуда вытащить. И правда, органы государственной власти *не имеют другого выбора* кроме как согласиться на повышение дефицита: если частный сектор сократит заимствование, у государственного сектора оно должно будет увеличиться, поскольку при текущем экономическом климате будет очень сложно увеличить валовой экспорт²⁴. Если фискальное ослабление происходит «по собственному желанию», т. е. путем экспансионной фискальной политики, совокупный спрос стабилизируется на уровне, не сильно отличающемся от текущего. Если органы регулирования сопротивляются этому — как во время Великой депрессии — спрос и выпуск резко сократятся, и в итоге при том же уровне дефицита бюджета правительства уровень выпуска стабилизируется на гораздо более низкой отметке²⁵.

²⁴ Причина — математическое тождество, согласно которому сумма валовых сбережений частного сектора и государственного сектора (обратное от дефицита бюджета) должны равняться текущему платежному балансу.

²⁵ В этом контексте будет полезным вспомнить опыт Швеции и Великобритании в начале 1990-х, когда обе страны пострадали от серьезных шоков (в случае Швеции шоком, совпавшим с банковским кризисом). В обоих случаях дефицит фискальных счетов составил примерно 8% от ВВП и начал исправляться только по мере того, как экономика начала восстанавливаться и стало возможным отказаться от фискальных стимулов.

Предложение для программы по восстановлению европейской экономики

На фоне текущей экономической ситуации в Европе и специфичной институциональной среды был бы уместен следующий план по восстановлению. Пакет мер должен включать в себя пять элементов: экспансионную монетарную политику; координированную экспансию фискальной политики; антидефляционную политику заработных плат; мероприятия по стабилизации финансового сектора; *ad hoc* меры по разрыву негативных контуров обратной связи.

Во-первых, ЕЦБ и другим центральным банкам следует без промедления объявить о своих намерениях снизить реальную ставку процента до нуля или даже ниже, пока не станет ясно, что экономическая активность восстанавливается. Пока уровень инфляции резко падает (текущая цифра — 2,1%), это подразумевает немедленное снижение ставок ЕЦБ, как минимум, на 0,5%; еще лучше было бы снижение на 1 п. п., и падение ставок до 1% (как в США). В то же время Центральному банку следует объявить о готовности и далее сокращать ставки (в случае необходимости до нуля), и если инфляции опустится ниже 0,5%, ЕЦБ начнет количественные операции по замедлению темпов (покупка торгуемых ценных бумаг на деньги ЦБ) в достаточных количествах для предотвращения дефляции. В краткосрочном периоде это стабилизирует ожидания экономических агентов, снизит риск дефляции, ослабит давление на финансовую систему и уменьшит риск дальнейшего роста курса валюты. Постепенно это приведет к стимулированию совокупного спроса.

Во-вторых, принимая во внимание, что лаги, традиционно сопутствующие монетарной политике, и, в частности, существование вероятности, что текущие каналы передачи через банки в данный момент слишком медлительны, крайне важно, чтобы меры фискальной политики проводились оперативно и организованно для того, чтобы вливания в экономику проводились напрямую. Необходимо решить три важных вопроса: определить размер вливаний; убедиться, что все члены ЕС вносят сбалансированный и экономически разумный вклад; обеспечить адекватное соотношение специфичных мер со стороны расходов и доходов. Учитывая природу органов регулирования ЕС, решение по последнему пункту должно приниматься странами — членами Евросоюза. Мы оцениваем необходимость фискальной помощи в размере 2% от ВВП в 2009 г.²⁶ Крайне сложным вопросом остается

²⁶ Комиссия запрашивала 1,5%. Европейский совет министров согласился о пакете мер размером примерно 1%. Наша оценка основывается на росте при-

лучший способ реализации этих мер в контексте архитектуры регулирующих органов ЕС. Мы предлагаем следующие шаги.

1. Европейская комиссия объявляет о прекращении «Положения о чрезмерном дефиците» (Excessive Deficit Procedure — *прим. переводчика*) в рамках Пакта о росте в течение 2009 г. на основании пункта об «особых обстоятельствах». Мониторинг в рамках EDP продолжится в 2010 г. при условии экономического роста более 1%. Вместо этого Комиссия будет следить за реализацией планов фискальной политики по восстановлению стран ЕС. Данные шаги необходимы для создания позитивных вместо негативных ожиданий от фискальной политики в среднесрочном периоде.

2. Вслед за обязательством Европейского совета министров каждая страна должна будет объявить о пакете фискальных мер, которые позволят впрыснуть или повысить расходы хотя бы на 1,5% от национального ВВП в течение 2009 г. Проводимая под контролем Комиссии экономическая политика должна преследовать реальные, эффективные меры — вместо просто номинальных — по стимулированию затрат²⁷. Это приведет к преобладанию в пакете антикризисных мер прямых государственных затрат.

3. Страны со стабильным бюджетным положением, но столкнувшиеся с относительно сильными негативными шоками и/или относительно маленькими автоматическими стабилизационными механизмами — в качестве очевидного примера можно привести Испанию и Германию — должны больше регулировать экономику.

4. Страны ЕС должны объявить о дополнительных долгосрочных обязательствах в таких областях, как энергетическая эффективность, исследования и развитие. Такие меры не сразу повлияют на экономику, но сдержат спрос в 2010 г. и далее окажут содействие среднесрочным ожиданиям восстановления и в любом случае желательны с точки зрения потенциального выпуска, цели устойчивого развития и т. д.

5. На европейском уровне меры, объявленные Комиссией в своем сообщении в конце ноября 2008 г., должны вступить в действие. Пример — Европейский фонд приспособления к глобализации (European

мерно на 3 п. п. ниже тренда в 2009 г., допуская в среднем 1% реакцию автоматических стабилизаторов в краткосрочном периоде, что оставляет стабилизационный разрыв в размере 2% ВВП. Текущее предложение 1% неадекватно, учитывая текущее состояние экономики, хотя однозначно поможет — при условии, что это на самом деле будет реализовано.

²⁷ Например, снижение ставок НДС (VAT) позволит дать правдоподобную оценку того, как скажется на ценах; снижение подоходного налога должно учитывать разные склонности к сбережениям различных групп (привилегированные снижения для менее богатых домохозяйств).

Globalisation Adjustment Fund), который за первый год своей работы полностью провалился, не достигнув поставленной цели помощи странам — членам ЕС для смягчения отрицательных последствий глобализации для рабочих²⁸. Непотраченные денежные суммы из этого фонда должны быть быстро распределены в пользу продуктивных проектов, например, подпитки программ переквалификации для рабочих, проживающих в регионах, пострадавших от кризиса.

б. Комиссии следует отчитываться перед Советом в июне и в конце года о ходе реализации пакета фискальных мер. Непокорные страны должны подвергнуться процедурам в соответствии с Положением о чрезмерном дефиците.

Проектирование национальных фискальных мер

Какого рода меры фискальной политики должны реализовать страны — члены ЕС? По прагматическим и политическим причинам европейские регулирующие органы правы в своем агностическом отношении к такому подходу. Предложения об общеевропейской политике (например, снижения ставок НДС (VAT)), как недавно предлагали в Институте Брюгель (2008) [9], на наш взгляд, может создать оппозиционный лагерь, состоящий из отдельных стран, которые потопят всю идею координированных стимулов. Не существует четких экономических выгод для всех стран, стимулирующих дополнительные расходы *одинаковым образом*. Тем не менее, если бы достичь согласия относительно общего подхода, было бы возможно выделить некий политический «европейский» подход к разрешению кризиса. Однако риски такого подхода кажутся значительно выше, чем потенциальные выгоды.

- Страны — члены ЕС должны варьировать пакеты в зависимости от специфических экономических и институциональных условий. Необходимо следовать следующим общим принципам.
- Увеличение государственных расходов должно иметь непосредственный эффект на спрос, в отличие от снижения налогов.
- Меры по регулированию спроса должны быть такими, чтобы их можно было обратить в случае восстановления экономики, хотя структурные меры, вроде становления экологически чистой экономики, не должны быть необратимыми.
- Меры, которые могут послужить таким долгосрочным целям, как производительность и устойчивость, должны быть реализованы.

²⁸ Это было предсказуемой неудачей (см. статью Ватта и Кемеклейна [8]).

- Можно отметить пользу таргетирования тех, кто больше всего пострадал от кризиса (имея в виду, например, концентрацию на политике восстановления рынка труда).
- В то время как болезненные процессы адаптации могут и должны контролироваться через государственные фонды, неподдерживаемые структуры (отрасли, цены на активы) не должны быть поддержаны искусственным путем.
- Доля государственных инвестиций в ВВП в большинстве европейских стран снизилась и должна увеличиться (хотя этого нельзя добиться в одночасье).
- Страны должны принять *ряд* мер, которые комбинируют желаемые критерии (скорость, эффективность, соотношение собственного капитала, долгосрочные выгоды и т. д.) и отражают национальные приоритеты при любых релевантных институциональных ограничениях.

В-третьих, Европе необходимо возвести барьер против возможной дефляции. Надо избежать ошибок, сделанных США во времена Великой депрессии, и Японией в 1990-х, когда заработная плата и цены снижались друг за другом. Барьер можно создать, установив минимальный уровень номинальных ставок заработных плат. Во времена таких кризисов снижающаяся жесткость номинальной заработной платы является ключевым якорем для экономики. Для начала необходима согласованная «декларированная политика»: национальные правительства, социальные партнеры и европейские регулирующие органы должны публично заявить о нужде в стабильном росте номинальной заработной платы и отказаться от политики «разори соседа» [10]²⁹. В принципе, рост заработной платы должен всегда ориентироваться на среднесрочный рост производительности и уровень цен (в идеале — таргетируемый центральным банком уровень инфляции). Это подразумевает нормальный рост заработной платы в еврозоне на уровне примерно 3 — 3,5%. В текущем контексте правительства должны объявить, что они стремятся к заключению *всех* договоров о заработной плате выше минимального уровня 2%. Страны с традициями социальных пактов могут включать положения, определяющие уровень роста номинальной заработной платы, наряду с рекомендациями относительно продолжающейся ориентации на среднесрочный рост

²⁹ Комиссия должна срочно и публично изменить свою рекомендацию относительно политики установления заработной платы в своих информационных письмах.

производительности³⁰. Правительства должны убедиться, что установленная законом минимальная ставка заработной платы в государственном секторе находится на пути стабильного роста, и должны учесть коллективные договоры, связывающие соответствующие государственные и частные секторы. На европейском уровне ETUC (Европейская конфедерация профсоюзов — *прим. переводчика*) и местные конфедерации должны поддерживать контроль за заработной платой и оказывать давление на членов профсоюзов, нарушающих установленный минимальный уровень номинальной заработной платы.

Спустя 18 месяцев после «плохих новостей» от финансовых институтов есть причины надеяться, что худшее для финансового сектора уже позади. Тем не менее, возможно, это и не так. Поэтому, в четвертых, национальные правительства должны продолжать крайне внимательно следить за ситуацией и принимать адекватные действия для предотвращения краха важных финансовых институтов. Как в недавнем случае с пакетом антикризисных мер, это должно быть сделано с учетом минимизации затрат для налогоплательщиков и таким образом, чтобы регулирующие органы получали прибыль от дальнейшего повышения цен активов. В большинстве случаев для этого потребуются частичная или полная национализация предприятий и перенесение части затрат на держателей акций и облигаций, а также наложение ограничений на определенные действующие процедуры.

Наконец, в-пятых, правительства и, где необходимо, социальные партнеры должны предпринять меры, зависящие от национальных особенностей, для того, чтобы избежать или смягчить отрицательные кумулятивные причинно-следственные связи и облегчить социальные последствия кризиса. В какой-то степени эти меры могут быть профинансированы как часть пакета фискальных мер, описанных выше. Примерами таких мер могут служить программы восстановления в правах собственности недвижимости, путем стимулирования ипотечо-держателей и домовладельцев в их поиске путей возврата средств, с помощью которых они могут сохранить собственные дома³¹; похожим образом, банки, получающие государственную поддержку, нужно побудить или заставить продолжать предоставление займов кредитоспо-

³⁰ Тем не менее социальные пакты не должны служить стратегиям «разори соседа». Координация таких пактов на европейском уровне, например, под эгидой Диалога о макроэкономике, была бы крайне предпочтительна.

³¹ Если существуют риски завышения цен на рынках жилищного строительства, может понадобиться более радикальное вмешательство для поддержания цен на прежнем уровне. Тем не менее это не должно привести к поддержке инфляционного пузыря цен.

собным предприятиям и домохозяйствам; меры (на уровне заводов или отраслей), которые позволяют избегать увольнений рабочих путем изменений рабочего времени, программ переквалификации и других инновационных мер; экспансии активной политики стимулирования рынка рабочей силы; выборочные (и, возможно, временные) усовершенствования систем пособий по безработице и других систем повышения общественного благосостояния.

Экономическая политика в среднесрочном периоде: улучшение экономического управления

Основной целью этой работы было обозначение определенных шагов, необходимых для того, чтобы европейская экономика избежала длительной рецессии. Однако вызовы самого кризиса и в то же время неадекватная экономическая политика на сегодняшний момент указывают на необходимость далеко идущих реформ экономического управления институтами внутри Европейского союза и еврозоны. В некоторых местах кризис был усугублен давними проблемами, в других поднял новые вопросы об эффективности экономического менеджмента и контроля. Именно сейчас в Европе следует сконцентрироваться на структурных реформах в ближайшие месяцы и годы во избежание будущих кризисов и для улучшения коллективного разрешения проблем. Далее мы вкратце отметим самые важные области реформ наряду с некоторыми предложениями³².

Очевидно, следует коренным образом *ре-регулировать финансовый сектор*. По этому вопросу был сделан целый ряд предложений (например, Гротти, Эпштейн [11] и Стиглиц [12]). Основным принципом должно послужить то, что предприятия, которые (полноправно) могут рассчитывать на помощь регулирующих органов в виде государственных средств, в случае банкротства подчиняются целому ряду правил, ограничивающих принятие рискованных решений. Не в последнюю очередь это должно касаться тех финансовых инструментов, которые они могут выпускать и покупать. Большинство потребителей и пенсионных/страховых фондов и т. д. должны ограничиваться в возможностях инвестирования и проводить его исключительно в регулируемом секторе. Это самый эффективный способ держать в узде секьюритизацию, кредитное плечо и краткосрочность инициатив управляющих

³² Четкое устранение глобальных дисбалансов, описанных выше, также подразумевает вынесение на повестку дня реформы глобальных институтов для исправления дисбалансов текущих счетов, неравновесия валютных курсов и т. д. Из-за ограниченного пространства, мы не рассматриваем этот вопрос в этой работе.

компаниями. Затем индивиды с высоким уровнем собственного капитала могут свободно рисковать собственными деньгами в более (но *не* в де-регулируемом) секторе «риска» («casino» sector). Такое регулирование жизненно необходимо для того, чтобы появилась возможность устанавливать низкие реальные процентные ставки, которые являются ключевыми для стимулирования инвестиций и роста без побуждения частных субъектов к принятию на себя чрезмерных рисков и роста кредитного плеча до систематически опасных уровней.

С европейской точки зрения основополагающими будут отсутствие конкуренции относительно регулирующих функций между органами власти и то, что общеевропейские вопросы должны рассматриваться на необходимом уровне. Это означает либо создание европейского государственного органа регулирования финансовых услуг (*European Financial Services Authority*), или, как вариант (*second-best*), сильных координационных механизмов между национальными регулирующими органами.

Связанные с этим шаги необходимы для того, чтобы ограничить усиление цикличности финансового сектора. Некоторые комментаторы назвали это концом метода оценки стоимости активов взаимных фондов по рыночной стоимости акций на момент продажи держателю с прибавлением ежедневного прироста их рыночной стоимости (*market-to-market*). Другие предлагали центральным банкам таргетировать кроме потребительских цен еще и цены активов. Тем не менее это может быть как раз тот случай, когда лекарство хуже болезни. Последняя рекомендация несет риск разрешения фирмам корректировать цены к модели, что может привести к сокрытию реальных издержек в бухгалтерских книгах, что, в свою очередь, стало укоренившейся практикой в Европе в последние годы и означает существенное повышение ставок ЕЦБ: учитывая долгий срок, в течение которого Европа оправлялась в начале этого десятилетия, страшно подумать, как развивалась бы европейская экономика в случае ставок на процент выше. Необходимо оборвать связь между текущей бухгалтерской стоимостью активов и минимально адекватными требованиями к соотношению резервов к капиталу, предъявляемых финансовыми институтами. Они должны изменяться контр-циклично. Сам ЕЦБ признал необходимость и сделал несколько конкретных предложений (см., например, Пэли [13]). Для достижения множества целей *монетарной политике необходимо использовать множество инструментов*. Активное использование минимальных обязательных резервов позволит ЦБ изменить направление отклонений цен активов без того, чтобы одновременно вводить чрезмерно высокие (и периодически низкие) процентные ставки с учетом состояния реальной экономики и инфляции.

В то же время необходимо найти пути, с помощью которых удастся *повысить степень учета разнородных факторов в реальной экономике* при установлении процентных ставок во избежание значительных ошибок, вроде тех, которые ЕЦБ допустил летом (2008). Вообще-то у ЕЦБ есть дополнительный мандат о поддержке роста и сохранении рабочих мест, но европейские регулирующие органы хранят молчание, в то время как ЕЦБ публично отрекается от обязательств, заявляя о том, что это «всего лишь указатель на компасе, и не более». Это старая история (см. статью Ватта и Дженссена [14]). Но в то же время независимость ЦБ с точки зрения свободы от ежедневного политического вмешательства сравнима с усилением связей между Центральным банком и другими субъектами (еврогруппой и другими социальными партнерами Диалога о макроэкономике). Следует рассмотреть возможность создания консультативного совета при ЕЦБ с представителями социальных партнеров. Я ранее аргументировал (Ватт [15]), что попытка изменить мандат ЕЦБ — это трата политической энергии, для реализации которой необходимо изменение Договора. Если кризисная ситуация усугубится, это может изменить повестку дня. В любом случае у ЕЦБ существует значительный запас прочности при интерпретации своего мандата, но он может более ясно объявить о своем обязательстве стабилизировать реальный сектор экономики (например, публично объявить о следовании правилам Тейлора или о таргетируемой траектории роста номинального ВВП).

Пакт о стабильности и росте был значительно переработан со времен первой версии (Ватт [16]). И все же до сих пор существует риск ограничения необходимых государственных действий. Государственное инвестирование не должно быть предметом ежегодного бюджетного контроля. И, что более важно, Пакт остается сфокусированным на негативных внешних эффектах и поэтому неадекватен для определения положительной фискальной политики, которую необходимо применять в случае кризиса. В такие времена необходимо, чтобы одни страны не могли получать выгоды за счет экспансионистской фискальной политики других стран. Для этого важно принять соответствующие правила. Даже после соответствующих улучшений остается очевидная направленность на снижение размеров дефицита и слишком мало внимания уделяется степени контрцикличности в экономике. В общем, в еврозоне взаимодействие между национальной фискальной политикой и реальным обменным курсом (и, соответственно, конкурентоспособностью и дисбалансами текущих счетов внутри Европейского валютного союза (EMU)) достаточно сложное и неадекватно принимается в расчет SGP [17; 18].

В общем, экономика ЕС стала бы гораздо менее зависима от причуд инвесторов, если бы большая доля общих расходов на товары и услуги в экономике — речь идет не о перераспределительных трансфертах — была бы государственной. Если говорить конкретно, речь идет о *повышении государственных инвестиций* до уровней, типичных для развитых капиталистических стран до недавнего времени (около 3% ВВП). Это должно происходить вкупе с более стратегическим подходом к отраслевой политике, в частности, с точки зрения необходимой трансформации к экологически чистой экономике, что невозможно сделать лишь рыночным путем [19; 20].

Заключение и ближайшая перспектива

В условиях серьезного экономического спада деловой активности этот анализ был «условно оптимистичным» относительно среднесрочных перспектив для европейской экономики. В краткосрочном периоде мы можем ожидать значительного снижения активности. Некоторые страны с дисбалансами будут долго избавляться от них и станут расти слабее тренда еще в течение длительного времени. Остается множество предположений (в частности, риски рынка кредитно-дефолтных свопов, которые не вполне ясны) наряду с очевидными неизвестными величинами. Течение финансовых кризисов непредсказуемо, поскольку они зависят от стадного поведения людей и панических настроений. Тем не менее как раз по этой причине нет причин для фатализма. Некоторые ограничивающие силы уже меньше влияют на кризис (цены на товары, валютные курсы, процентные ставки). Как только станет возможным изменить мнение людей, более низкие цены на активы создадут новые возможности. Более важным является то, что у европейских и национальных регулирующих органов есть знания, инструменты и «пространство для маневра» для изменения направления движения европейской экономики. Вопрос заключается в том, воспользуются ли они этими инструментами.

Мы наблюдаем за смешанными сигналами. Регулирующие органы, которые недавно счастливым хором воспевали либеральный финансовый капитализм, во многих случаях быстро приняли прагматическую программу нерыночных решений. Комиссия также, хотя и с запозданием, отказалась от некоторых старых идей и выдвинула в целом разумный пакет антикризисных мер. Относительно недавно Европейский совет министров объявил о своей поддержке проекта. Аналогично, ЕЦБ снизил процентные ставки, хотя не сильно и не достаточно быстро.

Тем не менее остается озабоченность относительно возникновения проблемы безбилетника. Текущие дебаты относительно экспансион-

ной фискальной политики Германии, самой большой экономики Европы, можно описать как дикие. Большая страна, сильно пострадавшая от сокращений национальных и зарубежных затрат на инвестиционные товары, с реально сбалансированным бюджетом, с серьезно профицитом текущих счетов и серьезным отрицательным (регрессивным) сдвигом в распределении доходов (OECD, 2008) и заниженным национальным спросом и недоинвестированием в государственную инфраструктуру, обсуждает пакет стимулирующих мер, которые абсолютно смехотворны (и направлены мимо цели). Немецкие СМИ оккупированы так называемыми специалистами, которые стоят в очереди, чтобы осудить повышение государственных затрат как всего лишь «сжигание соломы» и волнуются о долговом бремени, доставшемся будущим поколениям. Немецкий министр финансов читает нотации Великобритании по поводу непродуманной политики спасения банков и стимулирования — и, в свою очередь, подвергается жесткой критике со стороны текущего нобелевского лауреата Пола Кругмана. Экономическая катастрофа в Германии будет серьезным ударом по Европе, поскольку вес Германии в европейской экономике значителен и будут снижаться стимулы к труду в случае сохранения status quo. Германии жизненно необходимо значительно ослабить ремень во время текущего кризиса. Нежелание правительства поощрять эту политику является одной из основных причин для пессимизма относительно краткосрочного будущего европейской экономики.

Второй основной проблемой является риск того, что ЕЦБ будет продолжать медленно реагировать на ситуацию. Если ждать слишком долго и цены начнут падать, то (обусловленная конъюнктурой) монетарная политика потеряет свою эффективность и ситуация на самом деле станет очень серьезной. В этом уравнении существует множество неизвестных, в частности, вероятность неприятных сюрпризов, которые до сих пор оставались скрытыми, но находились в какой-то области финансовой системы. Тем не менее даже с ними можно, наверное, справиться, используя меры, обозначенные в этой работе, хотя их дозировка могла бы в таком случае увеличиться. Это подчеркивает необходимость быстрого действия. Рынок неуплаты по кредитам чувствителен к количеству банкротств. Регулирующие органы ни в коем случае не должны использовать угрозу схлопывания этого рынка как аргумент для того, чтобы «беречь патроны». Напротив, сокращение «реального» и «финансового» секторов неразрывно связано. Совокупный спрос и выпуск реального сектора необходимо стабилизировать *сейчас*.

Основное заключение данного анализа можно определить однозначно. Европе не обязательно повторение 1929 г. (или даже начала

1990-х). Учитывая фундаментальные предпосылки и инструменты экономической политики, которые находятся в нашем распоряжении, хотя и снижение деловой активности болезненно и дорогостояще, но может быть относительно коротким и не слишком глубоким. Мы не обречены на повторение каждой исторической трагедии. Тем не менее риски бездействия велики. Кризис не разрешится сам по себе. Есть вероятность, что несколько бомб замедленного действия финансового сектора все еще не обезврежены. Только быстрая и целеустремленная — но не слишком сложная или зависящая от институтов — экономическая политика сможет предотвратить ухудшение ситуации до потерянтого десятилетия, как в Японии, или, в худшем случае, очередного «черного понедельника», как во времена Великой депрессии.

Литература

1. *Frank G., Krahen J.* The Future of Securitization // CFS Working Paper. 2008. No. 31. Centre for Financial Studies, Frankfurt am Main // http://www.ifk.cfs.de/fileadmin/downloads/publications/wp/08_31.pdf.
2. *Baker D.* Plunder and Blunder: The Rise and Fall of the Bubble Economy. Forthcoming // www.cepr.net.
3. *Buiter W.* The Lessons from Northern Rock // Financial Times. 2007. November 13 // <http://blogs.ft.com/wolfforum/2007/11/the-lessons-fro.html/>.
4. ELNEP (European Labour Network for Economic Policy (2008)). Financial Crisis Threatens Employment and Growth. Policy Response Needed // Euro Area Economic Forecast. 2008. May // www.elnep.org.
5. European Commission. From Financial Crisis to Recovery: A European Framework for Action, Communication from the Commission, COM (2008) 706 final. 2008. October 29.
6. European Commission. A European Economic Recovery Plan // Communication from the Commission to the European Council, COM (2008) 800 final. 2008. November 26.
7. European Commission. Public Finances in EMU — 2008 // http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/publication12832_en.pdf.
8. *Watt A., Kemekliene G.* The European Globalisation Adjustment Fund. A European-level Measure to Deal with Relocation? // Transfer, European Review of Labour and Research. 2006. Winter. No. 13 (4).
9. *Pisani-Ferry J., Sapir A., Weizsäcker J. von.* A European Recovery Programme // BRUEGEL Policy Brief. 2008 — 2009 // <http://www.bruegel.org/Public/PublicationPage.php?ID=1169>.
10. ETUC (European Trade Union Confederation) // Action for Recovery! A European Plan to Relaunch the Economy: Investing in People, the

Environment and Innovation (2008) // http://www.etuc.org/IMG/pdf_TACKLING_THE_CRISIS.pdf.

11. *Crotty J., Epstein G.* Proposals for Effectively Regulating the U.S. Financial System to Avoid Yet Another Meltdown // PERI Working Paper Series. 2008. No. 181.

12. *Stiglitz J.* Social Democratic Principles Towards a New Financial Architecture. Paper Prepared in the Framework of Cooperation between the Foundation for European Progressive Studies and Columbia University. 2008. October 13 // http://www.feps-europe.eu/fileadmin/downloads/081013_FEPS_Stiglitz.pdf.

13. *Palley T.* Asset Price Bubbles and Monetary Policy: Why Central Banks Have Been Wrong and What Should Be Done // IMK Working Paper. Düsseldorf, 2008. No. 5.

14. Delivering the Lisbon Goals: The Role of Macro Economic Policy / A. Watt, R. Janssen (eds.). ETUI: Brussels, 2006.

15. *Watt A.* Can Reform of the Macroeconomic Dialogue Improve Macroeconomic Policymaking in Europe? // Macroeconomic Policy Coordination in Europe and the Role of the Trade Unions / E. Hein et al. (eds.). ETUI: Brussels, 2005.

16. *Watt A.* The On-Going Saga on the Stability and Growth Pact: is the Spring 2005 Reform Good for Growth and Jobs? // European Economic and Employment Policy Brief. ETUI-REHS, Brussels, 2005. No. 5 // http://www.etui-rehs.org/media/files/eeepb/5_2005.

17. *Allsopp C., Watt A.* Trouble with EMU: Fiscal Policy and Its Implications for Inter-Country Adjustment and the Wage-Bargaining Process // Transfer. European Review of Labour and Research. 2003. Winter. No. 10 (4).

18. *Allsopp C., Vines D.* Fiscal Policy. Intercountry Adjustment and the Real Exchange Rate within Europe // European Economy. Economic Papers. European Commission. Luxembourg, 2008. October. No. 344.

19. *Larsson A., Begg I.* The 2007 European Challenge: Taking World Leadership for Smart Growth // European Economic and Employment Policy Brief. ETUI-REHS, Brussels, 2005. No. 5 // http://www.etui-rehs.org/media/files/eeepb/1_2007.

20. *Degryse C., Pochet P.* Europe et développement durable // ETUI. Working Paper. 2009.

О.А. ЗОЛОТАРЕВА, А.А. МИНЧЕНКО, Е.А. КОЛЕСНИК

Глобальный инфаркт

Аннотация. В статье содержится попытка обосновать высокую вероятность глобального коллапса мировой экономики. Представлена теоретическая модель формирования денежной системы нефтяного стандарта. Авторы задаются вопросом, может ли нефть успешно конкурировать с современными мировыми деньгами.

Ключевые слова: глобальный инфаркт, цены на нефть, нефтяные активы, ликвидность, абсолютная ликвидность, нефтяной стандарт, ликвидный ресурс.

Abstract. Article contains attempt to prove high probability of a global collapse of world economic. The theoretical model of formation of monetary system on the basis of the oil standard is submitted. Authors asked a question, whether oil can successfully compete to modern world money.

Keywords: global heart attack, the prices for oil, oil actives, liquidity, absolute liquidity, the oil standard, a liquid resource.

Попытаемся обосновать высокую вероятность глобального коллапса мировой экономики. Возникает вопрос: почему в названии использован термин «инфаркт»? Может, это метафора? Отчасти метафора, отчасти стремление преодолеть ограниченность термина «коллапс» в применении к такой насыщенной массовой рефлексией сфере позитивного анализа, каковой является современная мировая экономика. Ведь то, чем отличается инфаркт человеческого сердца от какого-нибудь техногенного коллапса, это необходимость учитывать значение рефлексии: больной, испытывая первые признаки приближения кризиса, пугается, и в результате кризис обостряется, это вызывает еще большую боль и еще больший страх (табл. 1).

Мысленно смоделируем ситуацию, в которой динамика цен на нефть приобретает столь определенную повышательную тенденцию, что крупным экономическим центрам становится выгодно покупать нефть не для использования в качестве производственных ресурсов, а для пополнения и диверсификации запасов ликвидности. Как только рост вторичных, искусственных запасов нефти приобретет не конъюнктурный характер, как теперь, а окажется долговременной стратегией крупных государств и инвестиционных фондов, то сразу же возникнет глобальная рефлексия этого факта, сводящаяся к массовому осознанию того, что проданная в будущем нефть дороже, чем проданная теперь. Возникнут мощные мультипликативные процессы.

1. Дополнительный спрос на нефть как средство сохранения стоимости с высокой степенью вероятности приведет к сокращению добычи нефти в тех странах, в которых первичные запасы нефти либо небольшие (относительно размеров национальной экономики), либо заканчиваются, потому что для этих стран еще более актуальным, чем ранее, станет мотив экономической безопасности. Это США³³, Китай, Россия, Норвегия. Например, величина валютных резервов Китая приближается к двум с половиной триллионам долларов. Однако хранение денег в американских облигациях не приносит столь большой доход, сколько приносят нефтяные активы в долговременном периоде. Финансовые власти КНР уже сделали заявление о том, что в будущем они намерены делать национальные резервы ликвидных средств и в форме «стратегических запасов сырья»; более того, национальные корпорации Китая уже начали скупку нефтяных активов. Если хотя бы четвертую часть своих валютных резервов Китай пожелает инвестировать в создание вторичных запасов нефти, спрос на нефть резко возрастет со всеми вытекающими последствиями.

2. Фиксация нового качества нефти как средства сохранения стоимости не может не привести к переосмыслению всей экспортной стратегии тех нефтедобывающих стран, которым еще не угрожает опасность скорого истощения нефтяных месторождений. В результате мотив «не продавать нефть, а подождать, пока она будет стоить больше», упрочится. Во многих арабских странах существуют фонды будущих поколений, в которых аккумулируются валютные средства от продажи нефти. Остается только догадываться, какое воздействие окажет на эти страны формализация в экономическом поле ликвидных качеств нефти, сопоставимых с ликвидностью мировых валют.

По мере нарастания напряженности на нефтяном рынке проявляется и центроостремительная сила в виде периодических экономических кризисов, которые отбрасывают цену нефти вспять. При этом обращает на себя внимание слабая корреляция амплитуд колебаний цен на нефть и спроса на нефть. Так, например, в результате экономического кризиса 2008 — 2009 гг. цена нефти упала в два-три раза при сокращении объема мирового спроса на нее всего лишь на несколько процентов. За последний год цена нефти удвоилась, а рост мирового объема спроса составил опять-таки всего лишь несколько процентов.

³³ В последние несколько лет добыча нефти в США стремительно сокращалась.

Таблица 1

Инфаркт человеческого сердца как модель глобального нефтяного коллапса

Феноменология инфаркта	Феноменология глобального нефтяного коллапса
1. Вследствие изношенности сердечной сосудистой системы (например, под воздействием чрезмерного веса) больной испытывает нарастающие боли в области сердца либо иррадиацию сердечной боли.	1. Вследствие быстрого нарастания массы экономики потребления возникает дефицит нефти и повышение цен на нефть. Спекуляции на нефтяных деривативах содействуют износу глобальной рыночной инфраструктуры.
2. Беспокойство может быстро перерасти в страх, который на соматическом уровне приводит к сужению сосудов, избыточному давлению на стенки сосудов сердца и «голоданию» сердечных мышц.	2. Возникает всеобщая обеспокоенность в отношении будущего, заставляющая финансовые власти заботиться о стратегических резервах сырья. Прекращается наращивание, а в отдельных странах начинается сокращение добычи нефти.
3. Боль усиливается, усиливая страх и воспроизводя новый психосоматический цикл, который может вступить в резонанс с цикличностью сердечно-сосудистой системы. В результате возникает смертельный кризис человеческого организма.	3. Появляется дополнительный спрос на нефть как средство сохранения стоимости и новое осознание новых более мрачных реальностей.

Одно из объяснений уже ставшей долговременной тенденции повышения цен на нефть состоит в том, что при формировании цены нефти большое значение имеют крупномасштабные спекуляции этим ценным ресурсом. Кризис 2008 — 2009 гг. иногда называют кризисом деривативов, намекая на ту значительную роль, которую сыграли вспомогательные ценные бумаги в разворачивании патологических процессов в мировой экономике. Инвестиции международных инвестиционных фондов в нефтяные активы выросли с 13 млрд дол. в 2003 г. до 260 — в 2008-м [1, 9]. И если придерживаться нашей основной аналогии, можно сопоставить значение спекуляций на нефтяных

рынках с зашлакованностью сердечно-сосудистой системы и известкованием стенок сосудов человеческого организма.

Спекулятивные игры подобных масштабов возможны только на рынках высоколиквидных товаров. Невозможно помыслить подобного рода расхождения амплитуд колебаний цен и динамики объемов производства сложных товаров — одежды, мебели, компьютеров, производственного оборудования и т. п. Отсюда возникает вопрос, который мы намерены сделать осью данного текста: *может ли нефть успешно конкурировать с современными мировыми деньгами?*

Самая короткая дефиниция денег досталась нам в наследство от Дж.М. Кейнса: деньги есть абсолютная ликвидность. Следствие: актив, приобретающий свойства ликвидности, способен выполнять некоторые функции денег. Спрос на ликвидные активы возрастает во время экономического кризиса, поскольку одно из назначений ликвидных агрегатов — преодолевать трудности выбора, возникающие в кризисные времена перед субъектами хозяйствования, чреватые значительными вмененными издержками. Вот почему финансовый кризис 2008 г. сопровождался резким ростом обменного курса американского доллара относительно других мировых валют, несмотря на то, что сами Соединенные Штаты находились в фокусе этого кризиса. И то, что во время последнего экономического кризиса цена нефти резко упала, отчасти свидетельствует о том, что нефть еще не мировые деньги. Если когда-либо нефть станет мировыми деньгами, спрос на черное золото будет возрастать во времена экономической нестабильности, ибо ее качества производственного ресурса в периоды кризисов станут менее актуальными.

На наш взгляд, уже теперь имеются веские основания для того, чтобы видеть в нефти не только ресурс производства, но и свойства высоколиквидного товара.

Во-первых, сама природа нефти такова, что этот товар пригоден для использования в качестве ликвидности. Нефть, как и золото, не портится, обладает экономической делимостью, структура этого товара достаточно проста и легко сертифицируется. Единственным неликвидным свойством нефти как товара является ее невысокая степень портативности. Однако крупные субъекты хозяйствования, оперирующие на фьючерсных биржах, а также масштаб сделок устраняют недостаток нефти как средства обращения.

Но в еще большей мере нивелировать ущербность нефти как средства обращения способен рынок ценных бумаг. Весьма полезной здесь оказывается историческая аналогия с золотом.

В эпоху золотого стандарта в роли денег выступало золото, несмотря на то, что те полезные качества этого благородного металла,

которые придавали ему свойства ликвидности, оказались вредными для функционирования в качестве монеты. В мире денежной наличности действует частный случай ситуации неблагоприятного отбора — принцип Грешама, согласно которому плохие средства обращения вытесняют хорошие средства обращения. Субъекты хозяйствования предпочитают придерживать качественные монеты и пускать в оборот менее качественные.

В первой половине XIX в. финансовые власти Европы довели называемую именем Грешама тенденцию до логического конца, заменив золотой денежный оборот бумажным. Первые бумажные купюры вызвали всеобщее недоверие. А потому на каждой купюре была надпись, смысл которой состоял в том, что каждое физическое или юридическое лицо может обменять находящуюся в его собственности купюру на золото. В системе золотого стандарта тесно сплелись два фактора: ликвидные качества золота, обеспечивающие стоимость находящихся в обращении купюр; решимость и готовность денежных властей европейских государств и США по первому требованию клиента обменять бумажную купюру на слиток золота.

В строгом смысле бумажные купюры были в то время не деньгами, а сертификатами золота, а готовность властей обменивать их на золото придавала этим сертификатам качество ликвидности. Однако подлинными деньгами было золото, это все понимали. И только когда выработалась всеобщая привычка отождествлять бумажные купюры с золотом, в самом золоте отпала необходимость, и постепенно оно перестало быть обеспечением денежного обращения, — только тогда деньгами стали сами бумажные купюры. *Не институциональная оформленность делает деньги деньгами, а всеобщая склонность видеть в данном агрегате абсолютную ликвидность, делает данный агрегат деньгами.*

Воспроизведем модель начала XIX в., вот только пусть вместо золота фигурирует нефть. Для этого в систему торговли нефти надо добавить следующее: во-первых, должны существовать незадействованные производственные мощности по добыче нефти или значительные ее резервы (вторичные запасы), во-вторых, в рыночный оборот международной торговли должны быть пущены нефтяные сертификаты — бессрочные нефтяные обязательства. Эти институции станут приемлемыми для мировой экономики, как только появится осознание, что вместо того, чтобы производить дорогостоящие хранилища нефти на своей территории, дешевле хранить купленную нефть в недрах той страны, которая продает нефть (табл. 2).

Модель нефтяных денег позволяет увидеть реалистичность ситуации, которая может сложиться в недалеком будущем: вместо нефти

экспортеры нефти будут продавать сертификаты, удостоверяющие право собственности на определенное количество этого стратегического сырья; вместо наращивания добычи нефти, эти страны будут наращивать мощности по добыче нефти. *Ведь для того, чтобы обеспечить обязательства, номинированные не в долларах и не в евро, а в баррелях нефти, нужны не потоки добываемой нефти, а готовность поставлять нефть в случае, если потребуется.*

Для обеспечения денежных купюр эпохи золотого стандарта в XIX в. требовалось во много раз меньше золота, чем если бы денежное обращение обслуживали золотые монеты, сам оборот товаров и услуг придавал золотым сертификатам качество реальных денег. Аналогично: для того чтобы состояться, нефтяным деньгам не требуется сто-процентное обеспечение.

Процесс становления системы нефтяных денег, хотя и является одним из вариантов развития мировой экономики, во многом обусловливается объективными предпосылками. Речь идет о высокой степени вероятности в будущем резкого роста мировых запасов стратегического сырья.

- Крупные резервы нефти нужны странам ее импортерам по следующим причинам:
 - из-за необходимости диверсификации ныне существующих активов золотовалютных резервов;
 - из-за потребности регулировать цены на нефть, ибо крупные запасы нефти, или — что, практически, то же самое — свободные нефтедобывающие мощности, являются неременным условием всякого процесса макрорегулирования³⁴.

Торговля нефтяными сертификатами и для стран экспортеров нефти более выгодна, нежели торговля реальной нефтью. Чтобы это доказать, снова обратимся к модели золотого стандарта. Когда золотые монеты были извлечены из обращения, макроэкономические штабы национальных государств получили возможность сэкономить значительную часть золота, придав ликвидность бумажным купюрам, игравшим роль сертификатов золота. Очень скоро здесь обнаружилась детерминированность: если бы какая-либо страна пожелала не прекращать обращение золотых монет, ее издержки на организацию денежного обращения были бы гораздо больше, чем в других странах, и

³⁴ По мнению А. Гринспена, для стабилизации нефтяного рынка необходимы производственные мощности не менее 8% от мирового спроса на нефть (см. его выступление в бюджетном комитете Палаты представителей Конгресса США 8 сентября 2004 г. [2]).

при прочих равных условиях такая страна оказалась бы менее конкурентоспособной.

Экономия золота в эпоху золотого стандарта основывалась на том, что вероятность такой ситуации, когда сразу много держателей золотых обязательств обращаются в банки с требованием обменять их золотые сертификаты на реальное золото, очень низка. В самом деле, на протяжении более полутора столетий дробность хозяйственных субъектов была слишком высока в мировой экономике, чтобы системе золотого стандарта могла угрожать серьезная опасность. Однако к 1970-м гг. многое изменилось. Появились значительные ликвидные фонды крупных национальных государств. Отмена золотого стандарта в период президентства Р. Никсона как раз и связана была с тем новым обстоятельством, что появилась реальная возможность очень крупных односторонних операций по обмену денежных знаков на золото.

Таблица 2

Аналогия процессов формирования систем золотого стандарта и нефтяных денег

Формирование золотого стандарта	Становление нефтяных денег
1. На каждой бумажной купюре значилась гарантия обратимости бумажных денег в золото, редко реализуемая.	1. Ничто не мешает экспортерам нефти выпускать бессрочные нефтяные обязательства, удостоверяющие право покупателей на определенное количество нефти, хранимое в недрах стран экспортеров нефти.
2. Не только реальное золото, но еще больше готовность банков обменивать золото на бумажные деньги по первому требованию клиентов была обеспечением бумажных денег.	2. Готовность поставлять нефть, актуализированная свободными нефтедобывающими мощностями способна заменять реальную нефть.
3. Экономия вытесненных из оборота драгоценных металлов стимулировала власти к введению института бумажных денег.	3. Экономия нефти может стимулировать страны экспортеры нефти к созданию инфраструктуры торговли нефтяными обязательствами.

Не ждет ли и нефтяные деньги подобного рода фиаско? Вот тут и фиксируется преимущество нефти перед золотом, заключающееся в гораздо меньшей портативности, чем золото. Если возникнет устойчивое и достаточно массовое обыкновение хранить купленную нефть в недрах стран — экспортеров нефти, и возникнет кризис, подобный кризису системы золотого стандарта, односторонние операции по обмену бессрочных нефтяных обязательств на реальную нефть будут очень затруднены из-за необходимости предварительно делать крупные капиталовложения в создание инфраструктуры хранения и переработки нефти.

Выделим основные этапы формирования денежной системы нефтяного стандарта.

1. Все более устойчивая тенденция аккумулировать и диверсифицировать ликвидные фонды посредством более широкого вовлечения в этот процесс нефтяных активов.

2. Всеобщее осознание, что продуманная стратегия хранения купленной нефти в недрах стран экспортеров нефти в экономическом плане более эффективна, чем стратегия создания огромных хранилищ углеводородного сырья в странах импортерах.

3. Придание сертификатам нефти качества денежных купюр посредством постепенного расширения круга товаров, услуг, вообще активов, на которые могут обмениваться денежные купюры с нарицательной стоимостью, выраженных в баррелях нефти.

В рамках данной модели экспортеры нефти смогут иметь нефтяные доходы, превышающие в несколько раз поступления от продажи реальной нефти. Однако было бы ошибкой полагать, что суть данной модели сводится к предложению экспортерам нефти торговать еще и не добытой нефтью. Напротив, подобно тому как в эпоху золотого стандарта требовалось все меньше золота, чтобы обеспечивать денежное обращение, придание нефтяным сертификатам дополнительных ликвидных функций может привести к снижению объемов торговли нефтью.

И в этом катастрофичность модели. Ведь способность добывать нефть приобретает то же экономическое значение, что и реальная ее добыча, и даже большее, ибо добыча нефти ведет к сокращению ее запасов, а актуализация производственных мощностей по добыче нефти не ведет к сокращению нефтяного богатства и все же позволит экспортерам нефти получать дополнительные доходы.

Весь драматизм моделируемой ситуации в том, что свободные производственные мощности в нефтедобывающей промышленности можно создавать не только посредством дополнительных инвестиций, но и

просто снижением уровня добычи нефти, так что возможность кризиса мировой экономики перестанет страшить страны ОПЕК.

В настоящее время верхняя граница колебаний цен на нефть формируется под прямым воздействием оптимизационной стратегии стран ОПЕК: повышение цен на нефть целесообразно лишь в том случае, если обеспечивает больший доход, нежели ущерб от сокращения спроса на нефть, неизбежного в контексте закона спроса. Кризис середины 1970-х гг. подсказал крупнейшим нефтедобывающим странам, что резкое повышение цен на нефть может бумерангом ударить по их интересам [3, 54]. С тех пор зависимость мировой экономики от динамики цен на нефть стало меньше, напротив, состояние мировой экономики оказалось первичным в отношении динамики цен на нефть [1, 7]. И. Башмаков полагает, что фактором, определяющим верхнюю границу цены на нефть, является доля расходов на энергию в ВВП. При преодолении порога в 11% в развитых странах темпы роста мировой экономики замедляются [4, 33].

Кризис 2008 г. подтвердил, что высокая корреляция между дороговизной ресурсов и макроэкономической ситуацией продолжает сохраняться. Во время этого кризиса больше всего пострадали именно нефтедобывающие страны. Однако в модели с бессрочными нефтяными обязательствами нефтедобывающие страны станут меньше зависеть от состояния мировой экономики в силу того, что их доходы будут гораздо в меньшей степени определяться спросом на реальную нефть. Известно, что во время крупных экономических кризисов в дилемме «ликвидность — доходность» предпочтением пользуется ее левая сторона. В системе наших базовых предпосылок нефтедобывающие страны будут готовы предоставить крупным субъектам хозяйствования полную ликвидность в форме нефтяных сертификатов (бессрочных нефтяных обязательств). А это будет означать, что

- при общей повышательной динамике цен на нефть амплитуда их колебаний будет гораздо меньше, чем теперь, когда нефть все еще рассматривается главным образом как производственный ресурс;
- исчезнет зависимость стран экспортеров нефти от состояния деловой конъюнктуры, так как во время кризиса спрос на нефтяные активы будет поддерживаться благодаря формализованным в экономическом поле ликвидным качествам нефти.

Анализ долговременной динамики цен на нефть приводит к выводу о том, что основные субъекты хозяйствования все больше и чаще видят в нем не столько производственный ресурс, сколько альтернативную ликвидность. Так, резкое ускорение темпов роста цен на нефть началось именно тогда, когда закончилась монополия американского доллара.

Единая общеевропейская валюта составила достойную конкуренцию валюте Соединенных Штатов. Колебания обменных курсов американского доллара и евро, позиционированных друг относительно друга, с первых лет существования европейской валюты составили довольно весомый коэффициент дисперсии. Это значило резкое возрастание вмененных издержек в принятии решений по финансовым вопросам, ибо теперь существующие мировые валюты не освобождали субъектов хозяйствования от трудности выбора. Вот почему мы считаем неслучайным, что нефть стала резко повышаться в цене именно в период начавшегося противостояния двух основных мировых валют, претендующая на роль уникального ликвидного ресурса, свободного от институциональных факторов, определяемых экономической политикой правительств Соединенных Штатов и Европы (табл. 3)

Таблица 3

Динамика цен на нефть и амплитуда их колебаний

2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
25 — 32	20 — 28	20 — 32	25 — 30	30 — 48	42 — 63	60 — 75	55 — 80	40 — 135	50 — 75

Источник: расчеты авторов.

Задаваясь вопросом о шансах нефти в борьбе за мировое господство с институциональными мировыми валютами, следует учитывать наиболее возможный *долговременный* тренд нефтяных цен. При этом мы учитываем то обстоятельство, что весь тренд динамики цен на нефть пропитан экономической рефлексией, а именно: *с какой вероятной долговременной тенденцией склонны будут считаться большинство крупных экономических центров?* По-видимому, с той вероятностью, которая задается тем обстоятельством, что нефть относится к невозобновляемым ресурсам, и каковы бы ни были разведанные и еще не разведанные запасы этого ценного органического сырья, они будут становиться все более редкими, стало быть, при прочих равных условиях и более ценными. При этом ситуация усугубляется еще и следующими факторами:

- в настоящее время добывается нефть, которая извлекается из земных недр сравнительно легко; в будущем предстоит добывать ту нефть, которая находится в труднодоступных районах Земли;
- ожидается, что исчерпание запасов нефти в странах, не входящих в ОПЕК, упрочит положение этой монополистической организации.

Довольно весомы и те факторы, которые противостоят повышательной тенденции на рынке энергоресурсов, к числу которых относятся:

- разработка альтернативных источников энергии;
- системные меры по всемерной и последовательной экономии энергоресурсов.

Все имеющиеся в настоящее время энергетические альтернативы нефти не столь ликвидны, как нефть³⁵, а потому формализация этого ее качества еще больше усилит конкурентные преимущества нефти. И если для торговли нефтяными активами не всегда будет требоваться добыча нефти, в себестоимость их производства не всегда будет входить добыча нефти, но только создание мощностей по добыче нефти.

Если когда-либо произойдет открытие управляемого термоядерного синтеза, так что энергия на выходе будет больше, чем затраченная энергия на термоядерный синтез, в распоряжении человечества окажется действительно неиссякаемый источник энергии. Практически энергия перестанет быть редкой. И как только это историческое событие осуществится, вся проблематика, затронутая в данной статье, потеряет какую-либо актуальность. Не исключено, что сжатие мировой экономики, обусловленное глобальным нефтяным инфарктом, побудит человечество более активно искать альтернативу углеводородному сырью, и поиски приведут к успеху. Ведь от инфаркта не всегда умирают.

Литература

1. *Разумнова Л., Светлов Н.* Мировой рынок нефти: механизм ценообразования в период «третьего нефтяного шока» // *Мировая экономика и международные отношения.* 2010. № 2.
2. <http://www.k2kapital.com/news/reporting/62374.html>.
3. *Белюсова К.* «Нефтяное оружие» в третьей и четвертой арабо-израильских войнах // *Мировая экономика и международные отношения.* 2010. № 2.
4. *Башмаков И.* Цены на нефть: пределы роста и глубины падения // *Вопросы экономики.* 2006. № 3.

³⁵ Исключением является биотопливо, но резкое увеличение масштабов его производства чревато удорожанием продовольствия и актуализацией мальтузианства.

Ф.И. ГИРЕНОК

Сказка о сказке

Аннотация. Статья посвящена философскому осмыслению феномена сказки. Автор ставит под сомнение классическое толкование сказки как отражения социальной реальности. Свои рассуждения автор строит на примере русской народной сказки «Курочка Ряба».

Ключевые слова: сказка, антропология, сознание, язык, человек, свобода, самость.

Abstract. Article is devoted philosophical judgement of a phenomenon of a fairy tale. The author calls into question classical interpretation of a fairy tale as reflexions of a social reality. The author builds the reasonings on an example of Russian national fairy tale «A chicken of Rjaba».

Keywords: a fairy tale, anthropology, consciousness, language, the person, freedom, egoism.

Недавно прошел Московский международный открытый книжный фестиваль. На нем говорили обо всем, на его площадках нашлось место самым разным перформансам. Не нашлось места только разговору о сказке. А зря. Хотя бы потому, что классическое толкование сказки как отражения социальной реальности вызывает сомнение. И вот почему.

Ложь с намеком

По словам Пушкина, сказка — это неправда, ложь. Но ложь непростая, а с намеком. На что сказка намекает? На правду. То, чего нет, намекает на то, что есть. Ведь то, что есть на самом деле, лучше никому не знать. Если кто-нибудь все же попытается и начнет узнавать, то непременно с ума сойдет, или повесится, или у него изба сгорит, или королева сохнет, или еще какое-нибудь несчастье приключится.

О чем говорит сказка? О том, что знание истины опасно для человека. С этим знанием невозможно жить. Поэтому правда — для Бога, сказка — для человека. И хотя правда на всех углах сама себя нам показывает, мы, однако, смотрим на нее, но как бы не видим. Ибо только человек видит не то, что есть, а то, что он хочет, чтобы было. Мы видим объекты своих желаний, своих грез. Поэтому сказка — это не набор знаков. Это ложь с намеком, т. е. иносказание.

Иносказание

Чем хороша сказка? Иносказанием. Чем плоха наша повседневная речь? Тем, что в ней таится возможность прямого высказывания, сущностный взгляд на мир.

Сказка говорит: «жили-были дед да баба, и была у них курочка ряба». На что намекает сказка? На то, что у каждого из нас что-нибудь да есть, какая-нибудь ерунда да имеется. Даже у тех, у кого ничего нет.

А что говорит нам наш язык, неизгладимую печать на котором оставила наука? Он говорит, что жили дед с бабкой плохо, бедно, как русские пенсионеры. Ничего у них не было, кроме курицы. Как они выживали, одному Богу известно.

Наш язык абстрактный. Он исподволь подталкивает нас к подмене экзистенциальных проблем социальными. Он заставляет нас «курочку рябу» заменить словом «бедность». Но бедность яиц не несет, это уже не антропологическая проблема, а социальная. Бедность — для политиков, которые должны ответить на вопрос, почему дед с бабкой жили-жили, работали-работали, а ничего себе не заработали. Ведь все мы понимаем, что если есть бедные, то должны быть и богатые. И богатые должны поделиться с бедными, ибо богатство одних — это, как говорил Маркс, объективируемое страдание других.

В отличие от нашего языка сказка конкретна. Она сообщает о деде и бабке, не обобщая. Она говорит о том, что у них есть курочка ряба, намекая на то, что у них нет главного. У деда с бабкой нет внуков, которые могли бы о них позаботиться. Поэтому курица — это вся их надежда. Их последняя в жизни опора. Убери ее, и все рухнет. Снесет курица яйцо, они его съедят. Тем и живут. Живут и грезят.

Грезы

О чем мечтают дед с бабкой? О том, как однажды курочка ряба снесет им не простое яйцо, а золотое. Вот тогда-то, казалось бы, они и заживут богато. И однажды сбылась мечта. Курица ни с того ни с сего, неожиданно, вдруг снесла им золотое яйцо. Произошло чудо.

Любая сказка полна чудес. Сказка почему-то любит это немотивированное «вдруг». Ей нравится прерыв непрерывности. Она как бы разгоняет поток смыслов, а потом резко его останавливает. В момент остановки у слушателя язык отделяется от сознания, которое как бы нехотя выползает из-под языка, чтобы предстать перед нами в первоначальном виде как нечто абсолютно произвольное. Становится понятно, что эту произвольность скрывал язык, и мы шли туда, куда он нас вел. А сказка освобождает нашу спонтанность, и у нас появляется новая чувствительность, органом существования которой является вообра-

жение. Благодаря сказке мы узнаем, что не все в нашей жизни зависит от языка, но кое-что зависит еще и от сознания. Не все в нас от социума. Есть и то, чем мы обязаны самим себе.

Если бы дед с бабкой схватили яйцо и понесли бы с ним в обменный пункт или выставили бы его на аукцион, то никакой произвольности, а значит и сознания, в их действиях не было бы. Но они вдруг стали его разбивать. Зачем? Ведь оно не разбивается, оно же золотое. Не для того же они его разбивали, чтобы сделать себе яичницу. А для чего? Неужели для того, чтобы посмотреть, что там у него внутри, какая тайна у него там хранится? Возможно, что это и так. Но нет такого языка, на котором эта тайна нам была бы дана. Из неязыковых глубин сознания поднимается это желание разбить яйцо. Били-били его дед с бабкой, но так и не разбили. И тайна осталась в ее потаенности.

Мышка с хвостиком

Есть грезы, и еще есть реальность, о которую разбиваются эти грезы. Что такое реальность? Сказка на этот вопрос отвечает так: мышка с хвостиком. Махнула она хвостиком, и разбилось яйцо. А куда делось золотое яйцо, никто не знает. И утешились дед с бабкой простым яйцом, которое снесла им сердобольная курочка ряба.

В сказке значения слов подвижны. В ней смыслы плавают, меняют формы. За пределами сказки доминирует язык готовых значений. В нем слова теряют семему, а значит, в них нет места для нашего доопределения мира.

Человек — существо не прямых высказываний. Поэтому он может прожить и без прямого усмотрения истины. Но ему не обойтись без сказки, без мифа. Если наука стремится расколдовать мир, заставляя нас смотреть на него, а видеть его сущность, то сказка предостерегает от одномерного взгляда на реальность. Она колдует и завораживает непредсказуемостью своих поворотов. Сказка — это сад расходящихся тропинок, в котором легко запутается любое говорящее «я».

Говорящее «я»

Сам по себе мир, конечно, пуст. В нем нет заранее данных для человека знаков и ориентиров. Человек может ориентироваться только в поле образа. Но этот образ еще надо создать. Пока его нет, человек — сущий ребенок, т. е. аутист или, что то же самое, грезящая самость. Ребенок может повзрослеть. Если он не повзрослеет, то будет инфантильным. Взрослый — это уже говорящее «я», в котором мало что напоминает о грезящей самости. Эта самость так далеко отстоит от речи, что слова, как правило, гаснут, не долетая до нее. Слова предназначены для «я», пустоту которого они заполняют и не могут заполнить.

Сказка напоминает нам о том, что слова застревают на уровне «я», не проникая туда, где «я» еще не встало на место «оно».

К грезящей самости человека сказка проникает силой абсурда. Облагораживающее воздействие сказки связано с тремя вещами: с иносказанием, с парадоксом и с действием «вдруг». Иносказание сводит к минимуму роль знака, превращая слово в символ. Парадокс тормозит линейное развертывание языка. Действие «вдруг» заставляет враждовать событие и смысл, открывая ту область человеческой души, где царствуют предчувствия, где нет пустого слова языка, обозначающего себя как «я». Сказка стремится к сокровенному.

Сокровенное

Почему сказки читают на ночь? Потому что ночь — время сокровенного, это время нервного срыва, перехода через ультрапарадоксальную ситуацию смены бодрствования сном. Сказка — это калитка, ведущая туда, где ничто не мешает произволу субъективирующего мышления. При помощи сказки совершается переход от вечно бодрствующего «я», от языковых форм сознания к сознанию, адекватными формами существования которого являются молчание, сон и грезы. Сказки надо слушать не между делом, не на ходу, а в полумраке, при свечах, расслабленным, усыпляя чувство своего «я». Сказки не надо смотреть, потому что тот, кто научился слушать, может услышать и голос сокровенного. Сокровенное предназначено для ушей, а не для глаз. Поэтому смотреть мультики вредно. Тот, кто привык их смотреть, не научится думать, ибо слух обращен к уму, а зрение застревает на объекте. Сказка нашептывает нам слова: кто смотрит, тот не услышит, кто слушает, тот и увидит.

Зачем нужны сказки?

Сказка — это Библия для детей. А Библию мы понимаем раньше, чем любую философию. И не потому, что Библия проще философии. Наоборот, любая философия беднее Библии. Все дело в том, что Библия представлена как сказание, в форме образа, а философия чересчур абстрактна, в ней мало повествования, поэтому всем нам нужно читать сказки, ибо сказки — для души. В сказках образ всегда опережает слово.

Н.Н. РОСТОВА

Метафизика посредственности

... — А впрочем, чем я подлец, скажите мне по совести? Что они меня все вслед за нею подлецом называют? И знаете, вслед за ними и за нею я и сам себя подлецом называю! Вот что подло, так подло!

— Я вас подлецом теперь уже никогда не буду считать, — сказал князь. — Давеча я вас уже совсем за злодея почитал, и вдруг вы меня так обрадовали, — вот и урок: не судить, не имея опыта. Теперь я вижу, что вас не только за злодея, но и за слишком испорченного человека считать нельзя. Вы, по-моему, просто самый обыкновенный человек, какой только может быть, разве только что слабый очень и нисколько не оригинальный...

— Вы мне говорите, что я человек не оригинальный. Заметьте себе, милый князь, что нет ничего обиднее человеку нашего времени и племени, как сказать ему, что он не оригинален, слаб характером, без особенных талантов и человек обыкновенный. Вы меня даже хорошим подлецом не удостоили счесть, и, знаете, я вас давеча съездить за это хотел! Вы меня пуще Епанчина оскорбили, который меня считает (и без разговоров, без соблазнов, в простоте души, заметьте это) способным ему жену продать! Это, батюшка, меня давно уже бесит, и я денег хочу. Нажив деньги, знаете, — я буду человек в высшей степени оригинальный. Деньги тем всего подлее и ненавистнее, что они даже таланты дают. И будут давать до скончания мира.

Ф.М. Достоевский

Аннотация. Автор статьи пытается ответить на вопросы: что такое посредственность? бывают ли посредственные люди? нужно ли спасать от посредственности себя и других? Ответы на эти вопросы автор связывает с проблемами антропологии и искусства.

Ключевые слова: посредственность, антропология, современное искусство, Ж.-П. Сартр, П.-П. Пазолини, Л. Толстой, Л. Шестов, Н. Гоголь, Печорин, Пьер Безухов.

Abstract. The author of article tries to answer questions: what is the mediocrity? whether there are mediocre people? whether it is necessary to rescue from mediocrity of and others? The author connects answers to these questions with anthropology and art problems.

Keywords: mediocrity, anthropology, the modern art, J.-P. Sartre, P.-P. Pazolini, L. Tolstoy, L. Shestov, N. Gogol, Petchorin, Pierre Bezuhov.

Мне хотелось бы отнестись к посредственности непосредственно. Что такое посредственность? Что называют посредственным?

Обычно за этим словом эхом слышатся другие: «бездарность», «банальность», «ничем-не-примечательность», «обыденность», «прозаичность». Но бывают ли обыденные встречи и посредственные люди? Банальные сюжеты и бездарные души? Есть ли посредственность — то, от чего нужно спасать себя и других? Второе, конечно, бессмысленно, ибо менять я могу лишь себя, чужие письма души мне недоступны. Другого я могу лишь любить или по неумению этого оставить в покое, что порою оказывается одним и тем же.

Писатель

Пролистав книгу, иногда говорят: «посредственный писатель». Это очень обидно, ведь посредственный писатель — это все равно, что одинокая женщина, — что-то неприличное, невозможное. Но разве бывают посредственные писатели? Слово «писатель», укутанное в «посредственность», теряет свою суть, перестает быть собой, а значит, мы говорим о ком-то, кого немислимо назвать писателем. Характеристика «посредственный» уничтожает сами условия того, чтобы вообще был возможен художник, как название школы средней упреждает рождение в ней гения.

Пейзаж за окном

Я смотрю в окно. За окном белые деревья и черный от влаги асфальт. Проезжают машины, проходят по улицам люди. Изредка снег упадет с веток на землю.

Пейзаж за моим окном посредственный, самый обычный ноябрьский пейзаж. Но в этом пейзаже для меня, быть может, вся полнота бытия.

Но это значит, что дело не в пейзаже, а во мне. Пейзаж не может быть посредственным. Посредственным может быть только мой взгляд на него. Ощутить полноту — значит прекратить погоню за внешними ощущениями и остановить свой взгляд на простом, увидеть его нутряным взором.

Если во мне нет меня, то я начинаю искать себя в другом и ждать от него того, чтобы он соответствовал движениям моей души. Но мир, как и другой, всегда будет не таким, каким бы мне хотелось. Вечно меняясь и ускользя, он то и норовит сыграть с человеком злую шутку. Он никогда не удовлетворит меня сполна и всегда будет казаться *не таким*, недостаточно новым, посредственным, делая меня всякий раз несчастным. Об этом рассказал Лермонтов в романе «Герой нашего времени». Причина вечного беспокойства, неприкаянности и душевного неуютя Печорина заключается в том, что он не способен был оказаться наедине с собой и искал себя не в своей душе, а в другом — в

Бэле, княжне Мери, в красивых лошадях и т. д., — и всякая, даже ничтожная перемена в другом, его ранила. Для Печорина внешний мир был причиной разлада с самим собой. Печорин не способен был остановить свой бег в бесконечность в переборе нового и новейшего и увидеть в простом полноту.

Два Льва

Однажды Лев Шестов приехал в гости к графу Толстому в Ясную Поляну. Они о чем-то долго беседовали. Толстой утомился, Шестов понял, что ему пора, и наконец-то покинул имение. В тот день граф написал в своем дневнике: «Был Шестов. Так, ничего особенного». Посредственность. И это Шестов, наш гений! А это значит, что посредственность не есть абсолютная величина, обязательная для всех, но то, что является произволом субъективирующего мышления человека, в данном случае Толстого.

Пьер Безухов

Лев Толстой пишет о необыкновенной способности Пьера расположить к себе людей, войти к ним в доверие и быть ими любимым. Секрет этого прост: Пьер умел видеть в людях то, что достойно любви, он видел в них то, что не видит в них весь мир, и он был в тысячу раз более прав, нежели весь мир, он любил людей. Быть может, посредственных людей не бывает, но есть только мой взгляд, который их делает таковыми?

Пьер поступал как христианин, а для христианина не может быть посредственных людей, ибо человек носит в себе Образ Божий и, уподобляясь Ему, обретает свою истину.

Банальность и современное искусство

Пьеру Паоло Пазолини в 1968 г. в кинофильме «Теорема» всего за несколько минут удалось рассказать все о современном искусстве. Пожалуй, до сих пор к этому добавить нечего. Называющий себя художником, оставшись наедине с собой, начинает маяться. Он знает: единственное, что он должен делать, — это представляться художником, чтобы никто не заподозрил его в самозванстве. Симулируя вдохновение, он бьет стекла, мочится на холст, брызжет краской — получается экспонат.

Художник хочет быть особенным, хочет поразить нас своей особой точкой зрения — оригинальной, интимной, неповторимой, которой нет ни у кого. Но мы остаемся холодными. Наше сердце не откликается на нее, даже если она оценена в баснословные суммы. Почему? Потому что искусство — это банальность, подслушанная художником. Худож-

ник — это тот, кто не мешает ей сказать через себя. Кто свое частное оставляет в частном. У кого чутка совесть ушей и уст, кто свое сердце настраивает на вечно повторяющиеся сюжеты, коих немного, кто умеет дать слово им. «Глупо или умно шумят деревья? Наступает вечер? Льет дождь? Нужна или не нужна жизнь?», — это банально. Банальная икона, позволяющая иконописцу освободиться от психологизмов и субъективности в очистительной купели канона. Банален Чайковский, слышавший «в отсутствии звуков среди ночной тишины... какой-то звук, точно будто земля, несясь по небесному пространству, тянет какую-то низкую, басовую ноту» (цит. по: [1, 160]) и имеющий дар отдаленно передать эту музыку сфер в своих произведениях.

Как сказал однажды Андре Жид, искусство является сотрудничеством между богом и художником, и чем меньше при этом художника, тем лучше.

Бездарность и Гоголь

Гоголь любил давать советы и даже считал это должным для себя. Однажды к нему обратился один высокопоставленный чиновник, бывший некогда губернатором в разных губерниях. Он решил покинуть свое поприще и облечься в ризу чернеца. Гоголь воспротивился этому благородному решению, объяснив это тем, что «монастырь наш — Россия», и мы должны служить ему, чем можем, а не тем, чем хотим. Одного Бог сподобил в монахи постричься, другому дар слова дал, с тем, чтобы сердца людей жечь, а третьих — на полезные дела поставил. Если ты талантливый чиновник, способный организовать работу, и притом бескорыстный, будь им, это лучшее, что ты можешь дать родному народу и, тем самым, Богу. У каждого свое место, у каждого есть дар, а раз он есть, то о нем и спросится. Быть чиновником, а не поэтом или святым, — не значит быть посредственным, бездарным и обычным. Бездарен тот, кто занимает не свое место.

Любимое лицо и ноябрьский снег

Отчего я могу слушать любимую музыку десятки раз и каждый раз трепетать? Отчего я гляжу на любимое лицо и всякий раз вижу его новым? Отчего меня волнует запах ноябрьского снега, слякоть и сырость земли, хотя нынешний ноябрь отнюдь не первый для меня?

Есть вещи, которые нуждаются в непосредственности, т. е. отсутствии посредника, опосредующего меня от них. Таким посредником для человека является он сам. Например, Сартр в работе «Бытие и ничто» описывает девушку, идущую на первое свидание. Девушка, согласно Сартру, прекрасно знает намерения мужчины по отношению к ней, но желает оттянуть момент принятия своего решения, а потому

впадает в самообман. Возможность самообмана обеспечивается привилегией человека выдвигаться в ничто. То есть при необходимости переходить от фактичности к трансцендентному и наоборот. Вот, допустим, молодой человек берет девушку за руку и говорит ей, что она прекрасна. В этот момент у девушки происходит разрыв души и тела, она вся становится сплошь духовной и будто перестает чувствовать свою руку. От фактичности она бежит к трансцендентному. В словах «ты прекрасна» она, напротив, читает буквальный смысл, т. е. обращается к фактичности, не желая видеть трансцендентного смысла. Так, по мнению Сартра, ведет себя любая девушка, придя на первое свидание.

В рассуждениях Сартра чувствуется непонимание им предмета своей мысли. Первое свидание по своему смыслу есть именно первое свидание, хотя оно может быть отнюдь не первым в жизни человека. Есть вещи, которые актуализируют себя всякий раз заново, ново, непосредственно, т. е. в свободе от предшествующего. И только так они и существуют. Если девушка знает намерения мужчины, то первого свидания не будет, как и свидания вообще. Ибо свидание — это всегда первое свидание. Если я не принуждаю себя всякий раз взглянуться заново в чье-то лицо, я буду видеть его вчерашним, неся в своем сердце вчерашние обиды и чувства. Но проблема заключается в том, что вчерашних чувств не бывает. Если я не рискну поверить тому, кто передо мной, несмотря на то, что меня тысячи раз обманывали прежде, между мной и этим человеком не возникнет того, что станет одним на двоих, ибо любые отношения нуждаются в доверии, непосредственности, свободе от какого бы то ни было, даже горького опыта. Человек принужден каждый раз требовать от себя чистоты чувств, прозрачности восприятия, так, как этого требовала от себя героиня фильма Феллини Кабирия, которая влюблялась всякий раз впервые и на всю жизнь, когда все так, что иначе быть не может, и которую всякий раз ловко обманывали. Думаю, смысл улыбки героини в последнем кадре фильма заключается в том, что она снова готова любить так, как прежде, непосредственно.

Литература

1. *Флоренский П. У водоразделов мысли // Христианство и культура*. М., 2001.

В.А. КОВТУН

Аналитика связей абсурда и молчания в экзистенциализме Ж.-П. Сартра

Аннотация. В статье анализируются произведения Ж.-П. Сартра «Мертвые без погребения», «Стена», «Экзистенциализм — это гуманизм» и др. Автор проводит сравнение концепций абсурда Сартра и Камю. Вопреки тому, что в экзистенциальной философии феномен молчания иногда сближается с секретом, с речевой тайной, автор обнаруживает различие между онтологической тайной, адекватной формой существования которой является молчание, и секретом, носителем которого являются секретари.

Ключевые слова: тайна, молчание, секрет, абсурд, сознание, Сартр, Камю, экзистенциализм, антропология.

Abstract. In article J.-P. Sartre's products are analyzed «Dead without burial», «A wall», «The existentialism is a Humanism», etc. The Author spends comparison of the concept of absurdity of Sartre with the concept of absurdity of Camju. In spite of that in existential philosophy the silence phenomenon sometimes approaches with a secret, with speech secret, the author finds out distinction between the ontologic secret, the adequate which form of existence is silence, and a secret which carrier are secretaries.

Keywords: secret, silence, mystery, absurdity, consciousness, Sartre, Camju, existentialism, anthropology.

В экзистенциальной философии феномен молчания иногда сближается с секретом, с речевой тайной. Например, в работе Сартра «Мертвые без погребения» рассказывается о том, как группа Сопротивления попадает в плен. Командир группы чудом избегает ареста. Члены группы проходят через пытки в гестапо, через физическое насилие; они истощены и едва держатся, но не выдают своего командира. Хотя, в общем-то, и не могут его выдать, ибо не знают, где он находится после их ареста. Но неожиданно командир попадает к ним в камеру: он жив, здоров и попал к немцам в руки случайно, из-за каких-то неточностей в документах. И его отпускают через несколько часов. Видя страдание товарищей, он должен решить, что ему делать: сдаться и прекратить их страдания или выйти на свободу и предупредить другие подразделения Сопротивления о том, что деревня занята немцами. Группа решает, что он не может подвести Сопротивление и должен предупредить оставшихся на воле бойцов. Но в группе есть мальчишка, который вот-вот не выдержит пыток и выдаст командира. И группа убивает его с согласия любящей сестры.

В этом рассказе Сартра, на наш взгляд, обнаруживается различие между онтологической тайной, адекватной формой существования которой является молчание, и секретом. Пространство секрета — это пространство языка. Можно что-то знать и не говорить об этом, скрывать. Секрет можно выведать, узнать, передать, подслушать. Тайна же не связана с языком, она невербальна. У онтологической тайны может быть только жертва. В случае с мальчиком речь шла не о возможности говорить нечто или не говорить, раскрыть секрет или не раскрыть. У мальчика не было такого выбора. Его убивают за то, что мысль не совпадает с понятием, группа не знает, выдаст их мальчик или не выдаст, скажет он или не скажет. Мальчик пал жертвой ситуации, и в этой жертве обнаружил себя онтологический характер тайны.

Рассмотрим экзистенциальные зарисовки в знаменитом рассказе Сартра «Стена» (см.: [1]).

«Стена» представляет собой хронику предсмертных часов трех членов интернациональной бригады во время Гражданской войны в Испании. Им только что объявили приговор — смертная казнь, им только остается дожить до рассвета. Пабло Иббieta, один из узников, совершенно безразличен к окружающему миру, к страданию, к тому, что ему совсем скоро предстоит покинуть эту землю. Велик соблазн сравнить эту апатию с абсурдной апатией Мерсо, а зря: это сходство лишь внешнее. Мерсо, по определению, не может быть свободным, ведь он не осознает всю нелепость своего безразличия, будучи бытийно, а значит, и сущностно безразличным. Пустыня не сознает себя пустыней, а потому и никогда не стремится стать оазисом. Ее бытие не обладает интенциональной направленностью.

Ситуация Сизифа представляется совершенно иной; его ноша — его рок. Тем не менее, пытаясь подчинить себе это всемогущее понятие, Сизифу все-таки удается предать ему относительный статус судьбы, превратить принуждение в интенцию. Именно поэтому, закрывая глаза на безысходность положения, он все равно пытается поднять камень до самой вершины горы. Аналогична и логика Пабло. Единственный выход из безысходности положения — убедить себя в бессмысленности существования, в том, что рано или поздно все растворится в вечной тишине небытия. Завтра на рассвете его поставят к стене и... все. Стена как раз знаменует собой этот конец. Но за несколько секунд до исполнения приговора Пабло узнает, что ему предоставлена возможность быть помилованным. Выдвигается следующее условие: предательство единомышленника и друга, Рамона Серого. Пабло должен указать его местонахождение. Время, данное на размышление, только еще больше запутывает узника в его собственных противоречиях. Истина такова: ему действительно известно, где скрывается Ра-

мон, но он намерен молчать, притом отнюдь не из чувства солидарности.

Бледные тени предрассветной поры похоронили последние чувства, похоронив и тягу к жизни. Таким образом, его решение нельзя списать на какой-либо моральный императив. Причина совсем иная: желание напоследок поиздеваться над своими палачами. Пабло обманывает их, отправляя по ложному следу, на кладбище. Его слова были приняты всерьез. Через некоторое время Пабло сообщают о его помиловании. Рамона действительно обнаружили на кладбище в хижине могильщиков. Случайность ли это? А точнее, случайность ли в замысле Сартра? Для начала рассмотрим образ стены. «Я изо всех сил спиной толкну стену, и стена поддается, как в страшных снах», — говорит Пабло [1, 85]. Подобно Сизифу человек не в силах избежать уготованной ему участи, а стена и есть ее воплощение. Вопреки фатальности положения, Пабло все же потешается над ним, потешается чуть ли не с театральным размахом, что равносильно его приручению. Интенциональный залог стирает страдательный, а значит, изгоняет и смерть, которая в данном случае является аллегорией онтологической апатии. Человек свободен интенционально, не более. Ему неведомы последствия его действий. Стена — еще и каменное воплощение необходимости. А теперь подумаем: бесконечна ли интенциональная свобода? Ведь из заключительной части повествования вовсе не следует, что Пабло окончательно помилуют. Его дело будет лишь пересмотрено. Такова во всей своей красе экзистенциальная метафизика Сартра, антипод которой — Необходимость. Попробуем определить ее суть. Находя выражение в случайном, она выступает в качестве последней инстанции, тем самым проблематизируя сартровское понимание абсурда, указывая на непроявленность его потайных структур. Если отгалькиваться от контекста «Стены», очевидно одно — Рамону было суждено умереть в силу какой-то ускользающей и все-таки извечно присутствующей необходимости.

Проще говоря, сартровский абсурд формируется в процессе состязания интенции и необходимости. Странная получается метафизика — не совсем «мета» и не совсем «физика», хочется сказать — «полуметафизика». В сравнении с ним Камю не столь оригинален, может быть, даже архаичен, ведь его абсурд порожден тем самым заветным мгновением, когда индивид устанавливает связь с миром, становится субъектом социальных отношений. Не всплывает ли здесь фейрбаховская трактовка межличностных отношений, только в перевернутом варианте человек создал Бога, чтобы абсолютизировать понятие социальной связи? Он буквально трансцендировал имманентное. Камю же имманентезировал изначальную духовную связь человека с Богом — вот мы и нащупали корни его метафизики.

Но вернемся к Сартру. Какова же природа его необходимости, если рассматривать ее вне связи с интенциональностью? В статье «Экзистенциализм — это гуманизм» четко сказано: «Человек есть собственная проек-

ция»; «Человек приговорен к свободе» (см.: [2]). Понятно, что аксиологический стержень атеистического экзистенциализма вполне определен — это действие. Атеистичный экзистенциализм — философия действия, в котором и формируется субъект. А теперь подумаем, что стоит за этим действием. Способствует ли оно раскрытию заложенного в нас потенциала? Но возможен и другой вариант. Действие подразумевает выход «в-себе» за собственные границы и его столкновение с «для-себя», что наталкивает на следующий вывод: действия подавляет интенциональную мощь, содержащуюся в «в-себе».

Но личная свобода субъекта, как известно, неотделима от его действий. Следовательно, она может быть только абсолютно актуальной. Но как же тогда быть с онтологическим потенциалом человека? Чтобы должным образом ответить на этот вопрос, обратимся к трактовке соотношения в-себе и для-себя в сартровском «Бытие и ничто». Напомним, что в-себе равно самому себе, всегда актуально, потому что вне мира, вне сознания. Определение «в-себе» соответствует общей характеристике бытия. Совпадая с самим собой, бытие есть. «Оно в-себе. Оно есть то, что есть». $A=A$, так как A — собственный объем в собственный бесконечности. Говоря по-хайдеггеровски, мы имеем дело с «предонтологической» категорией. Для-себя представлено как результат декомпрессии бытия. Рассмотрим следующий пример: моя вера есть сознание моей веры.

Сартровская метафизика зиждется на двух основополагающих принципах его онтологии: восприятие себя чревато разрывом с собой. Тут-то и возникает познание. Лишь путем формирования себя в качестве «для-себя», бытие может тяготеть к статусу *causa sui*. Сознание же возникает во время поиска имманентной каузальности, статус которой совпал бы с конечным статусом бытия. Но этот поиск оборачивается неудачей в силу несовершенства «для-себя».

Парадоксальным образом *causa sui* подпадает под категорию несовершенства, недостатка. Сознанию не дано дойти до собственной вершины. Сартровское сознание подобно Сизифу Камю, равно как схожи условия возникновения их метафизики. Абсурд Камю порожден связью мира и субъекта. Сартровский абсурд порожден связью в-себе и для-себя. В обоих случаях возникает сознание. Исходя из этих позиций, осознать что-либо — значит прежде всего осознать абсурд. Осознание же себя тяготеет к восприятию «Другого», без которого ни одно сознание не сформировалось бы.

Пабло самотрансцендируется, иронизируя над тем, что предстает перед ним в образе трагической необходимости. Но ему неведомы последствия его иронии: Рамон оказался там, где, как казалось Пабло, он не мог бы находиться. По сценарию выходит так: Пабло должен был спастись, а его друг умереть. Можно ли сказать, что глагол «должен» метафизически нагружен? Да, но абсурдным образом. Дело в том, что сартровское понимание трансценденции (метафизики) ограничено одним сознанием — с него все начинается, им все и кончается. Таким образом, осевая идея «Стены», скорее всего, вписы-

вается в категорию детерминистической трансценденции, раздваивающей сущность сартровской необходимости и делающей ее двоякой.

А. Как необходимость извне — Пабло должен умереть, таковы обстоятельства. Б. Как изначально внешняя необходимость, которая самим сознанием интериоризируется, приручается им и которой, теоретически, можно бороться — Пабло должен умереть, потому что ему безразлична жизнь.

Иначе говоря, Пабло удалось приручить смерть (необходимость), потому он и выжил. С этой точки зрения его помилование — аллегория победы сознания; смерть единомышленника — не необходимость в подлинном смысле, а лишь необходимое звено повествования, служащее аллгорией победы.

В принципе, Сартр дарит нам иллюзию *некой* свободы. Речь идет об уже упомянутой отрицательной свободе. Эта иллюзия осознана Камю (перестав тем самым быть иллюзией), неосознанна (как будто бы) Сартром. Его позицию можно определить как отрицательный экзистенциализм, притом на исключительно экзистенциальном уровне. В самом деле: сартровская метафизика почти что сливается с его онтологией, которая, как известно, полностью опирается на механизмы сознания. Подытожим. Тот факт, что Пабло избежал смерти, теоретически можно объяснить приручением для-себя. Согласно Сартру, для-себя в качестве динамической сущности, не подвержено смерти.

Подобное предположение приемлемо лишь в герметичном контексте «Бытия и ничто». Практически, это сочинение мало что объясняет. В этой связи формальная простота «Стень» куда красноречивей герметичной стилистики сартровского эссе.

Резюме. Из диалектики необходимости и случайности вытекает некая свобода, абсурдная по сути своей, поскольку она вытекает из тотальной несвободы — Пабло не хотел предавать боевого товарища, и все-таки случайные обстоятельства сыграли свою роль. Формально он предал Рамона, что случайно подарило ему свободу. Одна из форм абсурдной свободы — свобода, порожденная случайной необходимостью.

Литература

1. Сартр Ж.-П. Стена. М., 2001.
2. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм. М., 1989.

А.И. СЕРГЕЕВ

Философские проблемы внедрения инноваций в повседневную жизнь общества

Аннотация. Внедрение инноваций в повседневную жизнь общества обуславливает технические и информационные изменения внешнего окружения человека. Эти изменения, в свою очередь, отражаются на внутреннем состоянии человека, на его мировоззренческих установках. Автор предполагает, что внедрение инноваций в повседневность может иметь как позитивные, так и негативные последствия для процесса развития внутреннего мира человека. Некоторые из возможных проблем автор обозначил в данной статье.

Ключевые слова: философские проблемы, внедрение инноваций, общество, мировоззренческие установки.

Abstract. Innovations adoption into the daily life of the society causes technical and information changes of the external environment of a human being. These changes in turn are reflected in the internal condition of a human being, in his world-view. Author supposes that innovations adoption into the daily life may have both positive and negative consequences for the process of the development of the inner life of a human being. In the article the author specified some of the possible problems.

Keywords: philosophical problems, innovations adoption, society, world-view.

Философские проблемы управления инновациями имеют социальный уклон и неразрывно связаны с ролью новой техники в жизни общества и отдельного индивида.

С экономической точки зрения создание и освоение инноваций считаются ключевыми факторами конкурентоспособности как отдельной фирмы, так и в целом народного хозяйства. Поэтому инновационная активность предприятий зачастую постулируется в качестве абсолютного блага.

Вместе с тем необходимо иметь в виду вероятность возникновения негативных последствий интенсификации инновационного процесса. С точки зрения сугубо коммерческой инновации это действительно исключительно положительный фактор. Однако любые коммерческие выгоды — это не самоцель, а средство повышения благосостояния индивидов, образующих общество.

Благосостояние индивидов, в свою очередь, необходимо рассматривать как комплекс не только материальных, но и нематериальных

аспектов жизни, включая умственное и психическое здоровье, а также уровень развития сознания.

Вопрос о влиянии внедрения инноваций на здоровье, понимаемое в широком смысле, а также на специфику развития сознания индивидов-потребителей новых продуктов находится вне зоны широкого внимания общественности.

Вместе с тем целенаправленный поиск позволяет выявить отдельные проблемы, затрагивающие сформулированный выше вопрос и являющиеся предметом исследования различных наук.

В частности, исследование существующего и дальнейшего влияния внедрения инноваций в повседневную жизнь общества на специфику развития сознания этого общества относится к проблематике философского порядка.

Обозначим некоторые возможные проблемы в рамках очерченной предметной области.

На то, что технический прогресс, а следовательно, и внедрение инноваций в повседневную жизнь не проходят бесследно, указывал еще философ И.А. Ильин. В статье «О грядущей России» он писал: «Понятно, как воздействует на рост социальной зависти технический прогресс. Невозможное становится возможным; пространство побеждается; воздух завоевывается; комфорт избаловывает людей; развлечения умножаются и принимают все новые формы; претенциозность и зависть все возрастают; а демократический строй поощряет людское самомнение; переоценку своей особы и склонность не брезгать никакими путями и средствами для достижения желанного... Техника снижает духовный уровень жизни по всей линии: шум импонирует массе, радиовыкрики и граммофонные диски становятся все пошлее, “кино” демагогирует толпу, товары снижаются в качестве, падение газетного уровня пугает и удручает. Земные “утехи” и “развлечения” манят людей... Люди нашего времени утрачивают духовный хребет: они одержимы завистью и жадностью» [1].

Удручающее положение в данной области, пожалуй, сохранилось и в настоящее время, причем уже в более укоренившемся виде. Недаром все чаще современное общество именуется «обществом потребления». Вообще говоря, приблизительное графическое выражение сегментации потребителей новых продуктов в обществе имеет следующий вид [2, 68] (рис. 1).

Предполагается, что данное разделение потребителей в зависимости от степени развития «тезауруса» (т. е. в данном случае склонности к быстрому усвоению новшеств) объясняет то, что первая волна потребителей новинок составляет меньшую долю общества. Интерес остальных групп потребителей новых продуктов к инновациям в боль-

шой степени определяется стремлением не отставать от «новаторов», приобретением статуса «продвинутого пользователя» просто за счет покупки ультрасовременного новшества.

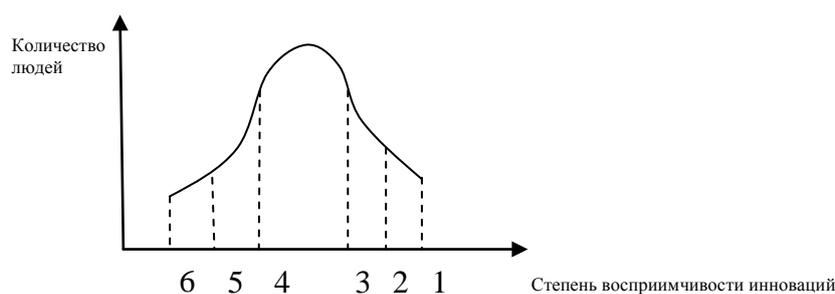

Рис. 1. Распределение потребителей по критерию восприимчивости к инновациям

Кроме того, для России имеет большое значение фактор сегментации потребителей по уровню дохода. Особенности процесса создания и освоения инноваций таковы, что абсолютное большинство новинок относится к товарам дорогостоящим, приобретение которых на первом этапе продаж может себе позволить лишь небольшая часть населения, особенно в странах с существенным разрывом благосостояния между долями самых богатых и самых бедных слоев населения, к которым в настоящее время относится и Россия (по данным последнего Российского статистического ежегодника, коэффициент дифференциации в доходах между 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан России в 2008 г. составил 16,9 [3]). Таким образом, и сегодня социально-экономическое положение России представляет собой «питательную среду» для *проблемы социальной зависти*, обусловленной техническим прогрессом, на которую указал И.А. Ильин.

Следующей важнейшей проблемой, связанной с инновационной деятельностью, является *влияние нововведений на жизнь и здоровье граждан, а также на экологию*. Данные вопросы в целом выходят за рамки собственно философского угла зрения на технический прогресс. Тем не менее здесь присутствуют серьезнейшие вопросы для исследований философско-психологических. В частности, актуален вопрос, существует ли взаимосвязь между степенью «технократичности» экономики и количеством суицидов граждан. Типичным объектом исследования здесь может стать Япония, в которой «технократичность» экономики существует в весьма отчетливом виде и которая является

лидером из стран так называемой «большой семерки» по числу самоубийств на душу населения [4].

Разработка ядерного оружия впервые поставила человечество перед угрозой уничтожения человека как вида, причем руками самого человека. В связи с этим *вопросы эсхатологии* приобретают новое содержание, поскольку перспектива «конца света» имеет теперь не только иносказательное, но и реальное значение.

Экологические проблемы современной цивилизации, связанные с внедрением новой техники и технологий, восходят к философским вопросам взаимоотношения человека и природы. Текущее положение вещей свидетельствует, что в деловой среде весьма распространена позиция, обозначенная репликой Базарова, героя романа «Отцы и дети»: «Природа — не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Вместе с тем понимание того, что разрушение такой «мастерской» может стоить человеку здоровья и жизни, присутствует в современном обществе в виде повышения экологических стандартов производств, оказания государственной поддержки природоохранных инвестиционных проектов, деятельности общественных движений, осуществляющих мониторинг влияния производства на окружающую среду, а также в виде активного развития таких разделов экономической науки, как «экологический менеджмент» и «экономика природопользования».

Помимо технической составляющей возможных негативных последствий влияния внедрения инноваций на общество присутствует также коммерческая составляющая. Наиболее очевидный пример ее — это злоупотребление рекламой как способом «завоевания» потребителя в процессе информирования о новинке. Примечательно, что *негативные последствия воздействия рекламы на сознание человека*, выражающиеся в развитии культа удовольствий и «золотого тельца» (доступность любой желаемой цели при наличии соответствующей денежной суммы), в настоящее время стали предметом сатирического художественного творчества (например, роман Ф. Бегбедера «99 франков»). Возможно, в этом проявляется уравновешивающая функция художественного творчества, заключающаяся в напоминании об иных сторонах бытия помимо беспредельного потребления.

Вместе с тем влияние технического прогресса на духовную жизнь общества, при всех проблемах, не может быть сведено исключительно к негативным последствиям.

Технический прогресс, даже если оценивать его сугубо нематериально, бесспорно имеет свои положительные последствия. Возможности современных коммуникаций, являющиеся результатом внедрения инноваций в повседневную жизнь общества, обеспечивают широчай-

шие возможности для *разностороннего культурного обогащения* индивида, если в последнем существует такое стремление.

Кроме того, все-таки технический прогресс обеспечивает достижение, по-видимому, своей изначальной цели — *высвобождения ресурсов времени*, возникающего в результате внедрения все более эффективных технических устройств, применяемых в быту и производстве.

Необходимость иметь в собственности определенный набор технических средств является уже не просто прихотью, но и необходимостью, так как технические средства становятся неотъемлемыми инструментами жизнедеятельности индивида. В то же время человек, способный путем саморефлексии осуществлять «мониторинг» своего умственного, психического, физического состояния, очевидно, вовремя предпримет адекватные действия в случае обнаружения деградации той или иной стороны своей личности.

Подводя итог, отметим, что внедрение инноваций в повседневную жизнь общества обуславливает технические и информационные изменения внешнего окружения человека. Эти изменения, в свою очередь, отражаются на внутреннем состоянии человека, на его мировоззренческих установках. Мы предполагаем, что внедрение инноваций в повседневность может иметь как позитивные, так и негативные последствия для процесса развития внутреннего мира человека. Некоторые из возможных проблем мы и обозначили в данной статье.

Литература

1. *Ильин И.А.* О грядущей России. Зависть как источник бедствий // http://www.hrono.info/statii/ilin_zavist.html.
2. *Евстафьев Д.С., Молчанов Н.Н., Шарахин П.С.* Маркетинг в информационном обществе. СПб., 2006.
3. http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_13/IssWWW.exe/Stg/html1/06_20.htm.
4. Достижения и проблемы японской экономики // <http://www.army.lv/?s=1250&id=3321>.

Ю.М. ОСИПОВ

Память — русская память *

Аннотация. Память — это не просто сознание, но само по себе сознание, которого без памяти, соответственно, знания и его постоянной выработки нет. Рассматривается значение памяти для национального самосознания, в частности, русского народа, в связи с победой в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.

Ключевые слова: память, сознание, нация, история, русское самосознание, великая победа.

Abstract. Memory is not only conscience, but the conscience itself, which doesn't exist without memory, correspondingly knowledge and its constant production. The meaning of memory for the national self-identity, particularly for Russian people in context of the victory in the Great Patriotic War 1941 — 1945 is examined.

Keywords: memory, conscience, nation, history, Russian self-identity, the Great Victory.

Чтобы понять, что такое память, надо обратиться к противоположности — беспамятству, и тогда станет сразу ясно, что человек без памяти уже и не человек вовсе, а так — животное, травинка, камешек. Память — это само человеческое сознание и есть; никакого сознания без и вне памяти нет; память — кладовая сознания, его действенный запас, в котором вовсе не одни факты, а и понимания этих фактов, выработанные сознанием смыслы. Память — прибежище смыслов, а вместе с ними и способности мыслить, думать, творить. Память — столь же великое достояние человека, как и сознание, как ноосфера, которая тоже ведь сфера сознания и памяти, а следственно — понимания.

Чаще всего человек почитает за память способность человека хранить те или иные сведения, как сейчас более принято — информацию. Это так, но все-таки — не главное. Память — это нечто работающее, созидующее, выстреливающее, часто вовсе не запомненное когда-то, а совершенно новое, подчас поразительное и неожиданное. Кажется, что это не память вовсе сработала, а наш творящий мозг, но... мозг-то ведь от памяти не свободен, он без памяти-то ничего и творить не может, —

* Текст написан в ответ на обращение к автору со стороны Брянского совета ветеранов войны и труда (сентябрь 2010 г.).

вот и выходит, что память — не просто возможность собирания и хранения, но и постоянного живого творения.

Поразительно, но память содержит и воспроизводит не одно лишь увиденное, услышанное или осязанное человеком, но и то, чего вроде бы с человеком не было, ибо память не только держит и воспроизводит, но и производит — как раз и то, чего как будто бы не было. И в самом деле, ведь не было! Ну, не воевали мы с вами в Великую Отечественную войну, Москву не защищали, в партизанах не были, Берлин не брали, а чуть ли не прямые участники той незабываемой войны! Да, конечно — рассказы, книги, кино, всякая, в общем, внешняя информация, но память наша работает и работает («Все, что было не со мной, помню»), и получается, что нет, не участвовали, но... были, точнее — есть, нет, не там, не на войне, конечно, а всего лишь в общей, человеческой, народной памяти о войне.

Не может вроде бы такого быть, а, подишь-ты, есть!

И русскость тоже сидит в памяти русского человека, и не одними запомненными фактами, а самим понятием русскости, этого, безусловно, не физического, а метафизического (или сверхфизического) феномена, — всякое понятие все-таки не от физики, а от метафизики.

Так появляются на свете русские, реальные и виртуальные (тоже по сути метафизические) участники войны, наполняется смыслами, а не одними лишь событиями и фактами, отечественная, она и русская, она и воинская, история, — и живут русские люди в памяти и памятью, обретая человеческую и гражданскую полноценность, — и разве могут быть настоящие русские люди без русской земли, без русской истории, без русской памяти?

Ф.И. ГИРЕНОК

О книге Юр. Михайлова «Реквием»*

Передо мной лежит книга Юр. Михайлова (Ю.М. Осипова) «Реквием». О чем эта книга? Для кого она и зачем? Зачем вообще пишутся философские книги? Зачем писал Ницше? Для кого писал Кант? Ведь их мало кто понимал. Канта не понял даже его самый талантливый ученик, которого звали Фихте. А много ли у них было читателей? Вряд ли.

* Юр. Михайлов. Реквием. М.: ТЕИС, 2010. — 592 с.

Философов вообще не за что любить. Кто же может любить овода или осу? Ведь они жужжат и больно жалят. Но философ — это, прежде всего, оса, которая беспрестанно жужжит. Его дело — нападать, говорить нелюбимые вещи, срывать маски и обнажать сущности. Вот Осипов. Кто это? Это оса, которая все время жужжит и больно жалит.

Вот Осипов написал «Реквием», целый талмуд. В нем он как бы вывернул себя наизнанку. Он рассказал о самом сокровенном, о пережитом, о личном и в то же время о том, что касается всех. В «Реквиеме» он делает одну важную работу — он постоянно расшатывает, раскачивает устоявшиеся в науке, в философии и в жизни смыслы и значения слов. Осипов с ними не церемонится. Стараясь уловить, поймать те оттенки смыслов, которые слышит его ухо, видит его глаз, различает его ум, он меняет границы слова. Сам концепт Осипова «философия хозяйства» — это наука об изнанке нашей жизни, нашей экономики.

«Реквием» — это философия, которая не описывает абстрактные сущности. Это философия, которая переводит читателя из одного состояния в другое, причем сам читатель может и не заметить приключившейся с ним метаморфозы.

Я расскажу о двух казусах, которые произошли со мной. Я никогда не любил великолепное итальянское искусство Возрождения. Оно не трогало меня и не трогает сейчас. В нем свет, предметы, тела распределены так, что мои глаза отказываются что-либо видеть и быстро утомляются. Возможно, на меня повлиял Флоренский, его негативное отношение к искусству Возрождения. Другое дело, например, картина В. Сальникова «Рождение авиации», здесь все на месте, и мой глаз наслаждается. Мне нравится эта картина. Но Сальников — это не Рафаэль, не Микеланджело.

Однажды об искусстве Возрождения мы заговорили с Ю.М. Осиповым, который так просто и понятно рассказал о философском смысле возрожденческой живописи, что у меня возникло чувство, будто я понимал это всегда. Я, конечно, не был в Италии и не видел фреску Микеланджело «Мистерия», на которой изображено прощание Бога с Авраамом, а Осипов там был, и он увидел в этой фреске прощание Бога с человеком, которому он больше уже не нужен. А затем я прочел статью Осипова об этом и сразу же принял ее, как свою, как то, что мной уже было выстрадано. Особенно меня потряс рассказ Осипова о Божьей Матери, которая сидела где-то у ног своего сына и с каким-то страхом и даже ужасом смотрела на того, кого она родила. С этих пор все мои суждения об искусстве Возрождения и современном искусстве определяются философскими интенциями Осипова.

Второй казус, о котором я расскажу, связан с «Реквиемом» Ю.М. Осипова. «Реквием» — большая книга, фрагментарная. Я читал эту

книгу медленно, по кусочкам, понимая, что за всеми философскими рассуждениями Осипова стоит его жизнь, его переживания, его грезы и терзания.

Прошло какое-то время, и мне самому нужно было написать статью о пожарах, охвативших Россию летом 2010 г. Я написал эту статью и назвал ее «Реквием». И только потом, уже после того, как статья была опубликована, я понял, что слово «реквием» у меня от Осипова, который изменил меня, а я не заметил.

Поэтому я говорю: господа, читайте «Реквием» Осипова и вы не заметите, как изменитесь.

И.Г. ШЕВЧЕНКО

Мгла*

Я смотрел, не отрываясь, на солнце. Меня поразило, какое оно маленькое, когда не светит! Красноватый кружочек с трудом пробивался сквозь плотную завесу дыма. Мгла окутала больное сердце умирающей страны. Люди в опереточных, аптечных масках покорно уносились под землю в грохочущих железом вагонах.

Во взметнувшемся адским пламенем 2010-м явился Реквием — к месту, ко времени, к Великому концу. Так же, как по расписанию приходит поезд дальнего следования, приходит вопреки и благодаря.

Книгу со странным названием я читал с радостью и грустью. Грустно было читать о том, как глубоко проникло Зло (теперь, увы, уже с большой буквы) в поры общественного организма. Радостно, что автор написал не гениальную (а значит, и непонятую) монографию, а роман, сугубо художественное, доступное неподготовленному уму произведение.

Книга о Писателе и России, о ком более — не понятно: нет русского писателя без Родины, не может жить Великая Россия без Великой литературы: печальна судьба земли, отвернувшейся от духовных благ. Книга-головоломка, книга-лабиринт, книга в книге — как китайская шкатулка.

Досужий критик сморщит нос — сюжетная линия неясна, образы схематичны — не люди — тени, да и сама книга вроде как из двух частей: тут и художественная проза о Булгакове, и анализ новейшей истории России...

* Отклик на книгу: Юр. Михайлов. Реквием. — М.: ТЕИС, 2010. — 592 с.

Не простое произведение, тут уж голову поломать надо, чтобы понять: книга эта защищает себя от холодного аналитика. И скорее воспринять сердцем то, что в ней написано.

И выясняется, что по большому счету книга и не о Булгакове и его знаменитом романе, не о России даже, в которой роман появился и которую провидел, а о беде, нависшей над Человеком, о пробуждении Зверя и беспримерной беспечности, плотной мглой окутавшей людей; о гипнозе свободы от самих себя, отравившем званых на призрачное торжество темной силы.

Булгаковская матрица инфернальности заблестела новыми гранями, стала жестче, ярче, сильнее. И поставлен выбор: мудро спешествовать изысканному веселью смертельного бала или, очнувшись от дурмана, раздирая в кровь руки, карабкаться из черной бездны к свету, к Богу.

А пока «тьма, пришедшая с запада, накрыла громадный город. Все пропало, как будто никогда не было на свете. Воланд перестал быть видим в ее мгле» [1, 352]. И завертелись в бесконечном вальсе метафизика и жизнь, да так быстро и задорно, что уж и не ухватить, не увидеть — где тут жизнь, а где метафизика. Все слилось во все более ускоряющемся ритме торжествующих аккордов.

Литература

1. Булгаков М.А. Избранное. Мастер и Маргарита. М., 1988.

И.И. РУДЯК

Русская пирамида («Мертвые души» Гоголя, «Мастер и Маргарита» Булгакова, «Реквием» Осипова)*

1. *Живая цельность*. В книге Юр. Михайлова (Ю.М. Осипова) «Реквием» роман Булгакова «Мастер и Маргарита» представлен как «живая книга» (глава «Контакт»). На первый взгляд нам может показаться, что Интернет — это тоже «живая книга», потому что в Интернете есть «все» (цельность и полнота наполнения — это атрибут жизни), к тому же в Интернет постоянно вносятся изменения (рост и изменения — тоже атрибут жизни). Однако на самом деле реальный Интернет —

* Отклик на книгу: Юр. Михайлов. Реквием. — М.: ТЕИС, 2010. — 592 с.

совсем не живой, а вот «мировое поле» («Купе») как идеальный «метафизический Интернет», в котором «круговращается» идеальная бесконечность, действительно может нами восприниматься в качестве «живой книги»: потому что это — «абсолютная цельность» и «абсолютная полнота», которой только Бог управляет (абсолютная цельность и полнота — это и есть «вечная жизнь всего»). Иисус явился на Землю, чтобы даровать людям «жизнь в вечности», т. е. объединить земную, смертную, материальную часть «мирового Интернета» (тут материальное представляет собой «фрагмент идеального», т. е. смертное) с идеальным «космическим абсолютом». В подобном смысле роман Булгакова «Мастер и Маргарита» может быть рассмотрен как «русская пирамида» (египетская пирамида есть машина для перевода души фараона из земного мира в небесный). «Роман творит» («Контакт») — это значит: портал открыт, Земля и Космос в России — сходятся («Купе»), потому что книга Мастера — об Иисусе, который открывает портал в бессмертие. Пока «роман творит», материальный, смертный фрагмент — Земля — соборно связан с идеальным, бессмертным «полем цельности», что и делает Землю «живой планетой» (Аполлон Григорьев). Так могильный камень писателей — это фрагмент Голгофы, которая послужила постаментом для оживления Иисуса.

2. *Мертвая фрагментарность.* Булгаковские черти прилетели на Землю, потому что дьявол осуществляет лишь контроль над фрагментом («Купе»), т. е. контроль над материальным и неживым. В романе «Мертвые души» Гоголь («Эпилог») описал Чичикова как «господина средней руки»: так описывали в Средние века черта. Если живое — цельное, а мертвое — фрагментарное, то и «мертвые души» — это души, отпавшие от соборности. Поэтому и Федоров рассматривал процесс «всеобщего оживления» — исключительно как «общее дело». В подобном смысле живая книга-пирамида Булгакова пришла за мертвыми душами Гоголя, чтобы мертвецов-фрагментов (без которых цельность немислима) — не осталось. В отличие от Чичикова, булгаковские черти пришли за живыми душами: поэтому Маргарита и попросила за невинно осужденную женщину — чтобы ей самой не остаться мертвым фрагментом. Поэтому и земной, человеческий Интернет как фрагмент «мирового сервера» лишь тогда сольется с «божественным Интернетом» (Сет Ллойд из Массачусетского технологического института полагает, что квантовый компьютер можно совершенствовать до состояния задействования всех частиц Вселенной), когда он достигнет истинной полноты, тем самым материализовав (увеличение квартиры в романе «Мастер и Маргарита») свое виртуальное пространство («трехмерный принт» уже существует) до его оживления как

конечного этапа собственной диалектики: и тогда наступит «композиция мира». Таков «сверхисторический проект» («Отвлечение»).

3. *Кривые зеркала и принцип дополнительности.* Булгаковские черти прилетели на Землю вовремя: Сталин уже начал создавать почти гоголевские мертвые (т. е. состоящие из фрагментов) души: он об этом проговорился, когда назвал писателей «инженерами человеческих душ» (инженеры создают машины из деталей-фрагментов). И тогда писатель Булгаков задумал книгу, оживляющую «мертвые души»: переводом душ в космическое «состояние всеединства». Подобно Моисею, Булгаков «вывел» писателей (в лице Мастера) из египетского плена Сталина — на свободные просторы космоса (философия космизма): и это был новозаветный Исход. Уход писателя в Космос есть метафора «отражения информационного поля», чем писатели и занимаются, создавая свои романы. Кривое зеркало книги отражает еще более кривое зеркало реальности («Автор»), которое, в свою очередь, отражает тот идеальный метафизический мир, который задумал Бог. Кривизна отражения зависит от физического принципа дополнительности.

Когда кривые зеркала книги и реальности в «глобальном процессе» (происходящем при помощи человека) — «волны идеализации-материализации» — отражаются друг в друге до бесконечности — они все более взаимно искривляют объективную информацию Бога: вплоть до Постмодерна и «крошки Цахеса». Искривляющая зеркала дополнительность также связана с фрагментарностью: у Андерсена («Снежная королева») фрагмент от зеркала чертей, попавший в глаз Кая, сделал его видение мира характерным для Постмодерна (Ницше эстетизировал безобразное). Будучи «фрагментом соборности», человек представляет собою «кривое зеркало восприятия» как «восприятие осколком». От «искривленного восприятия» человека спасает творческое «перекомпонующее отражение» (Колейчук), которое создается на основе науки. «Прямое отражение информации» происходит как эманация.

В Средние века один акробат кувыркался перед образом Мадонны, принося ей «свои дары»: ведь приносит же ей пахарь свои колосья! Гоголь сжег второй том «Мертвых душ» (в котором он их захотел оживить). В подобном смысле живая книга «Мастер и Маргарита» — это и есть (фигурально выражаясь) второй том «Мертвых душ» Гоголя. Рукописи Мастера не горят, а возвращают (эманация) перекомпонованную Мастером информацию в глобальное информационное поле. «Реквием» — это третий том: о процессе оживления душ все еще работающей в наши дни машиной-пирамидой булгаковского романа. Так «три романа» создали «русскую пирамиду»: как голограмму. Обратное

воздействие книги на реальность идет от Библии (которая действительно повлияла): поэтому литература может изменить жизнь. Сжигание рукописей — это «принесение информации в жертву»: для «построения полноты» компьютерного текста Вселенной (структуралисты) — для соборного бессмертия человечества.

Д.П. ПОДКОСОВ

Гоголевский тупик*

Аннотация. Гоголь, его продолжатели опознали вырождение человеческой природы как болезнь российского бытия. Рассматриваются социальная, бытийно-биологическая, этнопсихическая, биосферная трактовки вырождения, а также условия выхода из эволюционного тупика.

Ключевые слова: эволюция, вырождение, безличность, лучшее рождение, запредельный икс.

Abstract. Gogol, his followers have identified degeneration of human nature as the illness of Russian existence. Social, existential and biological, ethnomental, biosphere interpretation of degeneration, as well as conditions of exiting from evolutionary deadlock are considered.

Keywords: evolution, degeneration, impersonality, the best birth, out-of-limit x.

В сумерках гоголевского мира

Где-то с середины XVIII в. в российской биосфере ощущается напор творчески-освежающих энергий. Нарождаются люди с ярким, самобытным переживанием реальности. Чувство жизни и смерти становится более личным. Подготавливается взрыв творчества по разным направлениям. Государственное строение выглядит пока прочным, благонадежным. Крепнет дворянская империя, пытаясь пристроиться к Европе.

В то же время поверхность российского бытия затягивается какой-то зловещей плесенью. Поднимаются породы прямо-таки недочеловеческие, породы бездушно-паразитные, хищнические. Закрадывается подозрение, что Россия соскальзывает в тупик, в какой-то провал, куда

* Размышления на тему дискуссии, состоявшейся в марте 2009 г. в Центре общественных наук при МГУ: «Прозорливец земли русской (к 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя)».

она может рухнуть — со всей культурой своей, мощью и громадностью.

Гоголь — проходчик этих человеческих пластов, сигнальщик этого тупика. В «Ревизоре», «Мертвых душах», петербургских повестях он явил удручающе вязкую человеческую среду. Мы неотчетливо, каким-то сумеречным зрением всматриваемся в гоголевский мир.

Что это за среда? Царство невероятной лени и умственного убожества. На всем печать бестолковщины, безделья либо дурной активности. Здесь не размышляют, а сплетничают. Речь косноязычна. Обрубки фраз без подлежащего, топот на месте, словесный мусор.

Гоголь развернул темную страницу российской физиогномики. Вялые фигуры, лица будто сонные, растительно упрощенные. Обличья людей, выпавших из труда жизни, из эволюции, из процесса лицетворения. Ярмарка разнообразных лиц, но вся среда какая-то сплошная, слипшаяся. Какие-то получеловеки, с утратами в образе человеческом, нечто вроде биомеханизмов.

Сумрачная метафора «мертвые души» действовала угнетающе, далеко перекрывая скопище забавных персонажей. Сам Гоголь решил, что читателей испугала «пошлость всего вместе». «Русского человека испугала его ничтожность больше, чем все его пороки и недостатки... Испуг прекрасный!» [1, 127]. Испугался и сам Гоголь. Правда, не сразу.

Люди чуткие, самообращенные разглядели и в своих душах нечто омертвевшее. «Да увидим мы своими глазами, — заклинала Гоголя его меланхоличная собеседница А.О. Смирнова, — преобразование ваших “Мертвых душ” в живительный источник любви и силы для наших собственных мертвых душ» [2, т. 2, 163].

Преобразование будет, заверяет Гоголь. «Это пока еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех (ибо ни одна душа из читателей не догадалась), раскрыться в последующих томах...». Гоголь счастлив своим открытием. «Открытием, что можно быть далеко *лучше* того, чем есть человек, что есть средства...» [2, т. 2, 157]. Почти шепчет: «Многое, по-видимому, ничем не исправимое зло кроткими, тихими и благотельно христианскими путями может быть уничтожено вовсе...» [2, т. 2, 162].

Но гоголевские герои никак не желали преобразиться. Зацепок для преобразования в них не находилось. Наброски продолжения романа мало убеждали, были куда слабее первого тома. Гоголь придавлен. «Бог, который лучше нас знает время всему», — решает он, — отъял «на долгое время от меня способность творить. Я мучил себя, насилывал писать, страдал тяжким страданием, видя бессилие, и несколько раз уже причинял себе болезнь таким принуждением — и ничего не

мог сделать, и все выходило принужденно и дурно. И много, много раз тоска и даже чуть-чуть не отчаяние овладевали мною от этой причины» [2, т. 2, 149].

Тупик творческий, выхода не видать. «Слышу в себе силу, и слышу, что она не может двинуться без воли Божией... От болезни ли обдержит меня такое состояние, или же болезнь рождается именно оттого, что я делал насилие самому себе возвести дух в потребное для творенья состоянье, это, конечно, лучше известно Богу...» [2, т. 2, 149 — 150].

Дело в нем самом, догадывался Гоголь. Чувствовал в себе трагическую недостачу — неполноту откровений о природе и возможностях человека, о судьбе России. Ему не героев своих надо преобразовать, а лично себя. В себе самом Гоголь обнаружил внутренние заторы, «страхи и ужасы». Мучительно искал преобразования в гранях своего миропонимания, своей веры, своего, как он говорил, «состава». Искал и не находил.

Гоголевский тупик — это тупик не только в личной судьбе. Похоже, это тупик в российской биосфере, в русской культуре, в истории человечества, в самой эволюции.

Гоголизация общественного зрения

С Гоголя намечился сдвиг в настроении образованных кругов. Литература заразилась какой-то раздражительной тоской. В русской душе уже тогда расчищалось место сразу и для творчества, и для «нигилизма». И пошла *гоголизация общественного зрения*. Стали бросаться в глаза темные пятна в устроении жизни. Прежде всего — темные пятна.

Были у Гоголя предшественники, а потом — сильные, своеобразные продолжатели. Вырожденная, присосавшаяся к жизни порода человеческая проклюнулась в литературных образах еще до Гоголя. Скажем, у Фонвизина, Грибоедова, у Крылова в баснях. Но у Гоголя она впервые предстала сплошняком, прямо-таки непробиваемой, липкой и цепкой средой.

Следом внедрялись в нее, поворачивали по-своему Писемский и Щедрин, Сухово-Кобылин и Островский, Николай и Глеб Успенские. Позже подхватили Чехов, Платонов, Булгаков, Зощенко... Ее омерзительными символами выступили у Достоевского — Смердяков, у Сухово-Кобылина — Тарелкин, Расплюев, Варравин. В советское время взвинтил ту же тему рассказ А. Яшина «Рычаги».

Тип вырожденца представлен еще в народных сказках, особенно в так называемых воровских. Вот сказки о «легком хлебе». В них сказывается о «хитрой науке», о ловкачах этой науки. Что за наука такая? А

чтобы можно было ничего не работать, сладко есть и пить, во всем чистом ходить.

Гоголь почуял угрозу вырождения человеческой природы, узрел всплытие косных, непретворенных пластов ее. Процесс, критический для будущего России, для «русской идеи», что бы под ней ни разуме-лось.

Просвечивание тупика с разных сторон

Русская мысль, вникая в гоголевский тупик, пошла разными путя-ми. Нам удалось выявить четыре основных трактовки. Во-первых, *тупик социально-исторический*. Яркий представитель такого толкования — А.И. Герцен. Во-вторых, *тупик недорожденности*, это подход В.В. Розанова. Далее, *тупик безличности* (в понимании Н.А. Бердяева). Наконец, *тупик биосферный* (по наблюдениям В.И. Вернадского).

Это четыре попытки изыскать возможность эволюции и преобра-жения человека. И вместе с тем понять живучесть, приспособчивость паразитной среды. Ведь гоголевский мир, «гоголевщина», так и пере-ползает через исторические этапы: Россия до революции, Россия в ре-волюционной смуте, затем — в социальных переделках. Теперь мы вошли в период, когда гоголевско-щедринско-островские типы торже-ствуют. Они торжествуют и норовят заполнить социальное и куль-турное пространство.

Тупик социально-исторический. Уравнение Герцена

А.И. Герцен воспринял гоголевское открытие как художественный вклад в освобождение России.

Для Герцена «Мертвые души» — прямо-таки практический курс изучения России. Это — ряд патологических очерков, написанных с огромным, самобытным талантом. Объекты обличения здесь мелкий дворянчик, провинциальный чиновник и их нелепые самки. Это не только обвинительный акт, но и мучительный крик человека, стремя-щегося спастись прежде, чем его заживо похоронят в этом мире без-зумцев. Гоголь чувствовал — и то же говорило нам сердце — что за мертвыми душами есть еще души живые («Новая фаза русской литера-туры», 1864 г.) [3, т. 8, 174].

«Ревизор», «Мертвые души» — «это страшная исповедь современ-ной России». «Это история болезни, написанная рукою мастера». Го-голь принимается за двух самых заклятых врагов русского народа — чиновников и дворянчиков, эту непознанную Россию. Они проходят перед нами без масок, без прикрас, пьяницы и обжоры, угодливые не-

вольники власти и тираны своих рабов, пьющие жизнь и кровь народа с ребячьим простодушием.

«Мертвые души» содрогнули всю Россию. «Предъявить современной России подобное обвинение было необходимо». Приспособиться к этой нелепой среде, к этим оскорбительным нравам, к этой уродливой власти нам было невозможно. Это крик ужаса и стыда, который издает человек, опустившийся под влиянием пошлой жизни, когда он вдруг увидит в зеркале свое оскотинившееся лицо. Но если подобный крик мог вырваться из груди, добавляет Герцен, значит в ней оставалось здоровое существо, таилась великая сила возрождения («О развитии революционных идей в России», 1850 г.) [3, т. 3, 476 — 478].

Для Герцена «гоголевщина» — не выдумка, не карикатура. Это и есть Россия, но не вся, не глубинная Россия, а уродливый нарост, историческое новообразование. Есть две России: имперская и народная. Души развращенные, оскудевшие расплодились в социальных верхах России, в их основной массе.

Герцен предъявляет нам сюжет завоевания России изнутри, чужеродными силами. Раздвоение России начинается с Петра I. Герцен признает частичную правду петровского переворота. Да, надо было дать выход неустоявшимся народным силам, организовать их, надо было выйти из московской тугоподвижности. Но революция, развязанная Петром, имела и тяжелейшие последствия.

Россию захватывает наспех собранная «каста цивилизаторов». Взяли всю страну врасплох. Петр I хотел создать сильное государство с пассивным народом. Русский народ он презирал, любил в нем только численность и силу. «Перестань быть русским — и это зачтется тебе в заслугу перед отечеством». Такова, по Герцену, суть петровского поветления («Новая фаза русской литературы») [3, т. 8, 160 — 161].

Около трона кучкуется пестрое скопище: дворянские и боярские дети, позабывшие родство, иностранцы, не помнящие родины, и всякая пронырливая обслуга, циничные пролазы и интриганы. По всей России расплзается эта плесень, свирепая с народом и подлая с начальством. Это какое-то всеохватное дворянски-чиновничье государство, с общим армейски-помещичьим характером. В нем все сбрито — борода, областная самобытность, личная особенность. Каста цивилизаторов расчертила Россию на ведомства и управления, провинции и округа и пошла володеть ею.

«Закабаленные туземцы» восставали, «порывались сбросить с себя кучку пришлецов и пройдох». Но цивилизаторы побили «диких». Правительство стало само для себя. Полная независимость от истории, от религии, от человеческого сердца. Ревизии и рекрутчины, барщины и оброки, кнут и розги пошли непрерывным чередом. Оглушенный бо-

лю, задавленный отчаянием, народ впал в оцепенение («Император Александр I и В.Н. Каразин», 1862 г.) [3, т. 7, 436 — 438], («Письма к будущему другу», 1864 г.) [3, т. 8, 134 — 135].

Правящая каста, зааркавившая Россию, безнациональна и противонародна. Ядро ее составляют русские немцы, большинство же — из онемеченных русских. И те и другие глубоко презирают все русское. Вступив однажды в «немцы», выйти из них очень трудно. Какой-то угол в человеке отшибается, и пропадает возможность понимать что-либо народно-русское. Как ни тужился обрусеть Николай I, а все русским не сделался.

«Дело-то в том, что жизнь русскую, неустановившуюся, задержанную и искаженную, вообще трудно понимать без особенного сочувствия, но во сто раз труднее в немецком переводе». Русская жизнь «ускользает от чужих определений, а сама не достигла того отстоявшегося полного сознания и отчета, которое является у старых народов» («Русские немцы и немецкие русские», 1859 г.) [3, т. 7, 266 — 267].

Так, Герцен объясняет задержку развития России, ее *социально-исторический тупик*. Верховная власть держится силой и паразитической прокладкой между собой и народом. Эта паразитическая прокладка и есть гоголевский мир, «гоголевщина». Гоголевские типы для Герцена — категория социально-историческая. Это символ социального паразитизма, захребетничества.

Как же разрешается тупик российской социальности? Герцен верил в прогресс сознания, верил в «физиологическое усовершенствование людей общественной жизнью». «Одни способности усовершаются на счет других, наконец самое вещество мозга улучшается». [3, т. 3, 261 — 162]. Правда, гарантии такого прогресса весьма зыбки. Род человеческий дойдет-таки до физиологического предела своего развития. А природа вовсе не обязана обеспечить нам вековечность. Ей ничего не стоит пожертвовать человечеством, а потом сызнова зародить разумный вид.

Вершина исторического мира для Герцена — личность. Вершина и цель прогресса. Все к ней примыкает, все ею живет. Но до чего жизнь человека физически шатка, как слабо защищена даже в высших проявлениях! И все же Герцен принял однократность человеческой жизни. Горячо отстаивал ее — в спорах с Т.Н. Грановским, Ю.Ф. Самариним, убежденными в бессмертии души. Только тот, кто не верит в будущую жизнь, упирался Герцен, может дорожить жизнью временной, своей и чужой. К примеру, «матери не нужно ни религии, ни атеизма, чтобы любить своего ребенка». Человеку вообще не требуется ни откровений, ни идеологии, чтоб быть привязанным к своей семье, своему

племени, вступаться за них, а иной раз лечь костями за них («Письмо противнику», 1864 — 1865 гг.) [3, т. 8, 226].

Следуя европейской физиологии, Герцен делает ставку на доразвитие головного мозга. Мозг человека может созревать — при определенных социальных условиях. Пока это удается умам исключительным. Народы же, массы имеют обыкновение застревать на каком-то достигнутом рубеже. Вот и Запад обнаружил ограниченность своего мозга, своей науки и цивилизации, уперся в мещанскую (буржуазную) организацию жизни. Зародятся ли в Европе новые силы развития — бог весть.

Что касается России, то она себя вовсе не исчерпала. Русский народ, несмотря на задержанное развитие, не утерял ни мужества, ни веры, ни ума. Мещанское устройство ему чуждо. Русский крестьянин сохранил религию земли, общинный быт. Это может послужить зародышем более совершенного строя — будущего русского социализма. Но при обязательном условии: исправить общинный строй полной свободой личности. «Народ русский для нас, — говорит Герцен, — больше, чем родина. Мы в нем видим ту почву, на которой разовьется новый государственный строй, почву, не только незаглохшую, не истощенную, но носящую в себе все зерна всхода, все условия развития. Будущность ее для нас — логическое заключение» («В вечность грядущему 1863 году») [3, т. 8, 96].

Впрочем, логическое заключение не спасало от сомнений. Герцен вопрошал: чем объясняется длительное сохранение крепостной неволи? Не связано ли оно с некоторыми национальными свойствами? Да, русский народ, даже в задержанном, отроческом состоянии, сохранил свою богатую натуру. Но его основные силы покуда не обращались на собственное развитие. Где же признаки того, что русский народ может воспрянуть? Вот что смущало мыслящих людей, но убедительного ответа, решения не отыскивалось [3, т. 3, 395, 477].

Где же сила, которая очистит Россию от немецко-гоголевской плесени? Ни в дворянских верхах, ни в крестьянских низах Герцен такой силы не находил. И вот, наконец, она себя предъявляет.

Постепенно между двумя Россиями образуется средостение — новая Россия. Складывается среда довольно пестрая, из «отщепенцев» всех сословий. Сюда выпадают сверху, поднимаются снизу. «Подымается и растет на свет *новая Россия*, крепко подкованная на трудный путь, закаленная в нужде, горе и унижении, тесно связанная жизнью с народом, образованием — с наукой... Среда брожения и личного выработки». Предшественником этой среды был простолудин Ломоносов. Резко-публично выявляется она, начиная с Белинского. «Ей достается великое дело развития народного быта из неустроенных

элементов его — зрелой мыслью и чужим опытом. Она должна спасти народ русский от императорского самовластия и от него самого» («VII лет», 1864 г.) [3, т. 8, 216 — 217].

Судьба не преминула подать Герцену упреждающий знак. Потекли в Европу молодые эмигранты-радикалы. «Молодые штурманы будущей бури» — такими казались они Герцену. На лету подхватывая протестные истины, России они вовсе не знали. Искренне желая сблизиться с народом, подходили к нему лишь книжно и теоретически. Наукой они почти не занимались, даже читали мало.

«Я почувствовал, — разогорчается Герцен, — что с появлением “новых людей” горизонт наш не расширился, а сузился. Диаметр разговоров стал короче». Наехали юноши заносчивые, с болезненным и бесцеремонным самолюбием. Они торопились «в первом задоре освобожденья» сбросить с себя социальные условности. Таковы они — представители «нового поколения», «свирепые и шершавые». Они явились такими, какими родились. Оказалось, что родились-то они плохо, очень плохо. Пропитались дурной и нездоровой жизнью низших петербургских слоев. И они полны наследственных недугов и уродств, полны перешедшего в кровь и мозг наследственного худосочья.

Хороши штурманы будущей бури! И в них Герцен вынужден был признать Собакевичей и Ноздревых нигилизма. Что же выходит? Гоголевские типы прут снизу — против гоголевских типов сверху? Опять Герцен винит императорско-барскую цивилизацию. Как она испоганила человеческую почву в России! Но тут же успокаивает себя. Наши Собакевичи нигилизма — тип все-таки временный. Преходящая болезнь нашего развития, не более того. Народу они чужие, народ их не примет, посчитает за «немцев». Им придется бросить привычки своей грубой среды, перевоспитаться («Былое и думы») [3, т. 6, 338 — 349].

Герцен ухватился за идеи русского национализма и социализма, всю жизнь продумывал *русский проект*. Что-то в России надо сохранить-развить, что-то убавить, а что-то прибавить. Получается нечто вроде уравнения, с набором слагаемых.

Первое всего, русский народ с его непочатыми силами, с его характером не европейским и не азиатским; плюс общинные основания быта. Еще сложение: плюс полная свобода лица; плюс Земский собор; плюс межсословное средостение из «новых людей»; плюс свобода мысли и творчества; плюс достижения цивилизации (самостоятельно-русское просвещение и прогресс науки, самостоятельно-русской, а не только заемно-западной науки). Теперь вычитание: минус полу-немецкое самодержавие; минус «гоголевская» чиновно-дворянская

трясина; минус народная темнота... Равняется чему? Равняется «русскому социализму». Такая вот формула социального преобразования России.

Оправдалась ли формула? Разрешилась ли проблема вырождения? Полтора века минуло. Нет ни самодержавия, ни дворянства. Опыт социализма (не русского, не общинного) — жуткий и героический, позади. Щедринско-гоголевские кланы тяготеют за власть, за источники информации и доходов. Свобода лица — пожалуйста, хотя бы для тех, у кого не лицо, а имидж. Русский народ придавлен, чуть ли не больше, чем при царях. Что до народной темноты, то она теперь искусно поддерживается посредством манипуляции.

Полно ли уравнение Герцена, надежны ли слагаемые?

Раскол не устраняется подавлением одной из сторон. Герцен почему-то не допускал, что во всех слоях российского общества умещаются как творческие, так и паразитные типы, а основная масса — промежуточная. Не предугадал, что в средостении меж двумя отчужденными Россиями копится энергия, более опасная, более разрушительная, нежели онемеченно-имперская. Не предугадал, какие взрывчатые силы могут прорваться в низах, оглушенных обманчивой свободой и наукообразной пропагандой.

Герцен не рассчитывал на эволюционные подвижки в человеке. Но при тех же людях, каков будет социализм? Если «однова живем», то к чему сведется свобода лица, к чему сведется социализм?

Уравнение Герцена — это узко социальное преобразование, без возвышения человеческих качеств, без союза с силами природы и космоса. Социальное преобразование без эволюции самого человека — обречено на провал. Но где ключи к преобразованию человека, где пути?

Тупик недорожденности. Розанов: «Рождайся лучшим!»

В.В. Розанов, как и Герцен, вопрошает: что же Гоголь увидел и показал в России? Но ответ ищет совсем в другом направлении. Не в социальности, а в состоянии народной души, в народной физиологии.

Да, соглашается Розанов, Гоголь гениально уловил одну из потенций русской действительности. Но какую? Простейшую, «одноклеточную» потенцию — бездушие, грубую неодушевленность. Вот где страшная сила Гоголя.

Но Гоголь не выразил русского одушевления, нашей душевности. Временами он их угадывал — в лирических отступлениях. Но суть Руси ему не открывалась. Суть Руси — ее святые заступники, Сергей Радонежский, Серафим Саровский, это братья Киреевские. Они-то никак не выводимы из Гоголя. Да что там Гоголь, вся классика русская прошла мимо Сергея Радонежского. Сперва нечаянно, по забыв-

чивости, а потом уже по заблуждению, по самонадеянности своей. А он, Сергей Радонежский, — ЕСТЬ [4, 145 — 146].

Посмотрев как бы одним глазом, Гоголь пригвоздил чиновничий стиль России. Но не только. Силой насмешки, силой отрицательного изображения Гоголь отбил вкус к российскому бытию. «И Русь захотала голым пустым смехом — сколько его стоит еще на Руси!» [5, 352]. «Ничего праведного, любящего, трогательного, глубокого не пошло от Гоголя. От него именно пошла одна мерзость... Нигилизм — немислим без Гоголя и до Гоголя» [4, 319]. После Гоголя стало не страшно ломать, не жалко ломать [5, 121 — 122].

Разгадку гоголевской кривоты Розанов ищет в самой его личности, в его врожденном свойстве. Что он за человек такой, Гоголь? «Дивный глаз, дар слова, сила пластического изображения — все дано было ему в рождении. Так родился». И своим зрением «он высмотрел «Мертвые души» в людях почти той же эпохи, в которой Толстой высмотрел «Войну и мир» [4, 340].

Может быть, Гоголь уже родился с каким-то омраченным знанием? «Иногда кажется, что он знал внешний мир раньше, чем на него начинал глядеть. Как мало видел Россию, но сколько заметил духовных подробностей, уловил “стиль” главным образом немощей ее» [5, 121].

Гоголь изменил угол восприятия в русской литературе. «Перестанешь верить действительности, читая Гоголя... Теряешь осязание, зрение и веришь только ему» («Опавшие листья. Короб второй») [6, т. 2, 442]. Гоголь поставил перед Россией черное зеркало. — «Поглядись в него и умри с тоски... Ты уже катилась ко всеобщему уравнию, к плоскости... Ты уже катилась в яму, моя Русь. Но я подтолкну, и ты слетишь в пропасть» [4, 114].

Гоголь хотел выставить «пошлость пошлого человека». Положим. Неужели больше не нашлось интересных тем? Но его заняла, и надолго, на всю зрелую жизнь, одна пошлость. Ну и призвание! «Весь Гоголь... есть пошлость в смысле постижения, в смысле содержания» [6, т. 2, 314]. Странно, что все здоровое, хорошее, нормальное художественно не давалось ему. «Он никогда не описал плывущих по небу облаков, и небо у него всегда однообразно синее. И в людях он не описал ни одного движения мысли, ни одного перелома в воззрениях, в суждении. Все недвижно...» [5, 348 — 349]. Что-то в душе Гоголя было расшатано, ум, возможно, и совесть. «Здесь была какая-то запутанность — главный икс, которого рассмотреть мы никак не можем...» [5, 345].

Пресловутый гоголевский «смех сквозь слезы». Что ж, смех, умора булькает в каждой главе «Мертвых душ». А слезы являются только в конце, когда Гоголь увидал сам, какую чудовищность наворотил. Будь

наше общество благороднее, оно бы и Гоголя восприняло благородно. Но общество, в лице своих образованных Ноздревых и Собакевичей, восприняло подло. Заготовило во всю глотку: «А, так вот она какая, наша стерва Россия. Бей же ее, бей». И явилась эра убивания верно-подданными своего отечества [7, 25].

Вот, вслед войне, разразилась революция. Розанов страшно переживает, горюет за Россию. Революция хороша только в пустом воображении, а пережить ее — только мертвые души в силах вынести. Изю всех щелей погибающей страны прет гоголевское, щедринское и еще черт знает какое. Всю жизнь я ненавидел Гоголя, признается Розанов, — и вдруг понял его прозрение, прозрение в мертвую пустоту. Гоголь, пришла революция, и ты оправдан. Прав не Пушкин, не звездный Лермонтов, не Кольцов, не величавый Карамзин, прав ты один. Пустыня в России... [8, 83].

Это не последнее слово о Гоголе и о России.

Вот письмо, тоже из 1918 г. Гоголь, «всю жизнь я отрицал тебя в каком-то ужасе, но ты предстал мне теперь в своей полной истине»... Щедрин, и тебя беру, и тебя благословляю. Проклятая Россия, благословенная Россия. Но благословенна именно на конце. Конец, именно — конец. Что делать — гнило, гнило. Нет Родины, пуста она. Зачеркнута, небытие.

И все-таки не конец, а зародыш, будущий росток. Когда зерно сгнило, уже сгнило, тогда на этом ужасающем ничто — встает любящее сердце, вздох, молитва, рост... «До какого предела мы должны любить Россию?» — спрашивает Розанов. И отвечает: «до истязания самой души своей». До «наоборот нашему мнению», «убеждению». Любил же Гоголь Русь. То, что умерло в Гоголе, воскресло в Достоевском. О, вот тайны мира. Не верь небытию, никогда не верь. Верь именно в бытие, только в бытие. И когда на месте умершего пустое место с горошинку, вот тут-то и зародыш, воскресение. Какие тайны. Какие Судьбы. Какое Утешение... [9, 126 — 127].

Розанов остро переживал ущербность, недоделанность человека, большей части людей. Качество личности, считал он, закладывается в таинстве рождения, от зачатия до выхода на свет. Все дело в том, как младенца ожидают и принимают земляне. В России таинство рождения смазано. Развитие семьи страшно искажено — грубостью, невежеством. Загрязнено предрассудком о печати греха на нем.

Целые поколения дурно рождаются, вырождаются. Отсюда и поползает вся эта «гоголевщина». Все эти нигилисты, революционеры, либералы — дурно зачатые, дурно рожденные, без любви, без благодати. Потому и живут раздраженно, не умея созидать ни себя, ни около себя. Живут, не чуя ни государства, ни родины, ни народности. Вита-

ют, так сказать, в воздухе — в воздухе раздраженно-идейном, желчно-литературном. Именно эти породы людские остервенело, безотчетно толкают Россию к катастрофе.

Таков отчаянный тупик в российской судьбе. Тупик вроде бы биологический, в глубине же бытийный. Он всю культуру искажает, все дела человеческие, от религиозности до семейного быта, от философии до школы. Тупик, подкапывающий человеческое бытие. Назовем его *тупиком неполного рождения, тупиком недорожденности*.

Есть разные степени и качества рожденности. Розанов показывает их на примерах.

Вот Достоевский. Человек необыкновенно полно-природный. Он слился в ощущении Земли, Руси с древнейшими насельниками. Вся идейная тяжба Достоевского — за правильное русское жизнестроение, домохозяйство. Сколько положительных, добрых заповедей жизни он дал русскому человеку! Это еще не оценено. И Достоевский же предчувствовал неминуемое, хотя и тяжкое, преобразование природы человеческой. «Земная жизнь есть перерождение», «мы существа переходные» — это его самое кровное, заветное.

А вот Белинский. Рожденный как-то неладно, неполно. В сущности он остался неразвитым ребенком, с неумением что-нибудь около себя и из себя строить. Для Белинского мать была просто кормилицей, а отеческий дом — «папашинной квартирой». Для него не было русского «род-народ». Полное непонимание простонародной жизни, деревенской, сельской. Только комнаты и разговоры, только читатели. Никакого быта. Поражает отсутствие в нем чувства России, чувства русской истории. Кроме книжного, кроме восторга перед преобразованиями Петра. И то лишь в смысле «окна в Европу», без тревоги о том, кто будет в это окно смотреть и что из этого смотрения выйдет. Белинский жил в книжном мире и был князем его. Он основал русскую мечту, но он же зачинатель русского нигилизма... [5, 590 — 598, 624 — 625].

Каждый новый человек, верил Розанов, приносит с собой заряд звездной энергии. Энергии колоссального потенциального мира, обнимающего нашу Землю. Это бездна потенциалов, они вспышками, порциями воплощаются в нашем крохотном земном мире.

Что-то нарушается в душе при дурном рождении. Что же? Какие-то нити, связующие человека с мировой жизнью, с родниками эволюции. И Розанов ищет, как восстановить эти связи — связи земного бытия с миром зародышей, зачатков. Ищет одухотворения семьи, супружеской любви, детства. Это уже требует преобразования зрелого возраста, не одного лишь рождения.

Он вынашивал космическую эмбриологию — науку, проникающую в тайны зарождения и рождения всего в мире. Ибо все, что существует

в мире, зарождается и рождается. «Вообще разрешение мировых судеб, — пророчит Розанов, — произойдет на этой почве и в области именно здесь трансформаций. Ни образа их, ни смысла мы не можем угадывать; но почву, кажется, нащупываем»... [10, 312].

Розанов понял, что омертвление душ не выправить никакими социальными перекройками и технологиями. Конечно, что рождение не завершает человека. Те зерна, задатки, с которыми младенцу удалось выйти на белый свет, могут прорасти, а могут заглохнуть. И на этот счет у Розанова найдется немало прозрений.

Розанов закладывал *философию лучшего рождения*. Он взывал: «Нужно изменить весь состав человека, нужно заставить его иначе и лучше рождаться. Хорошие люди суть *по природе* хорошие, а дурные люди суть *по природе* дурные. Глупыми не школа делает, а глупыми рождаются. Также и злыми. Вынуть зло из рождения — вот задача! Но как, — об этом можно сто лет думать...» [11, 359].

Нравственность, убеждал Розанов, не воспитанием создается. «Нравственен тот, кто хорошо рожден», настаивает Розанов. И убеждает: «Посмотрите-ка вы на скверно рожденных господ, с порченной кровью, гнилыми нервами, которые пытаются быть нравственными: более отвратительного зрелища я не знаю. Притворство, ханжество, фальшь, обман — все есть здесь, и все выдается или показывает себя как добродетель. От таких господ половина социального зла и вся порча нашей цивилизации». Отсюда наказ: «Хорошо рождай» и «хорошо рождайся». Без этого все нравоучения напрасны [11, 346].

Таинство рождения, лучшее рождение — тема коренная, религиозно-философская. Розанов подводил, прикасался к ней. Он смутил ею, взволновал многих в России. Однако светила столичной философии этим не загорелись, не соизволили вработаться. Недосуг им было, надо ведь уследить, какие идеи брезжат там, в Берлине и Париже. Факт рождения казался им бытовым, просто физиологичным, недостойным метафизического внимания.

Между тем эволюционная драма человечества заклинивается в таинствах рождения и смерти. Вопросы стучатся, вопросы невероятно трудные. Какова душа до рождения? Точно ли души сперва совершенны, и их портит дурная встреча на Земле? Что это за звездная энергия, которую приносит с собою новорожденный, по-иному говоря, «воплощенный»? Зачем вообще рождаются люди? Чтобы процвести и умереть? Уступить место очередным смертным? А сокровенно-личное, тончайшее в человеке — неужели пропадает?

Тупик безличности. «Вечно-гоголевская Россия»

Заполыхала в России Революция, потом Гражданская война, и Гоголь оказался мрачным провозвестником. Н.А. Бердяев с ходу взялся разгадать очередную смуту, опершись на наших классиков. Его статья «Духи русской революции» (сборник «Из глубины», 1918 г.) [12] — чрезвычайно напористая, почти заклинающая.

Зачин у Бердяева мрачен. Россия упала в темную бездну. Русская революция антинациональна по характеру своему, она превратила Россию в бездыханный труп [12, 250]. В Революции, вещает Бердяев, обнаружилась Россия Гоголя, Достоевского и Льва Толстого. Из этих троих Толстой был злым гением России. Его мораль непротивленства и пассивности расслабила русский народ, убила в русской породе инстинкт силы и славы. Достоевский предощущал торжество шигалевщины (исступленной страсти к равенству) и смердяковщины (хамства, лакейства). Так и случилось. Шигалевщина правит русской революцией. А смердяковщина («я всю Россию ненавижу») отравила весь наш интернационализм.

Но, пожалуй, самое мрачное, самое безнадежное в русской революции — это гоголевское в ней.

У Гоголя нет человеческих образов, а есть лишь морды и рожи, ключья людей. Творчество Гоголя, по Бердяеву, есть художественное откровение зла. Однако зла метафизического, зла в самой человеческой природе, а не общественного, связанного с политической отсталостью и непросвещенностью.

«Его дар прозрения духов пошлости — несчастный дар, и он пал жертвой этого дара. Он открыл нестерпимое зло пошлости, и это давило его...» [12, 255 — 256]. Не давались Гоголю положительные человеческие образы, он очень страдал от этого. Но нельзя винить его за то, что он увидел в России Чичикова, Ноздрева, Собакевича, Хлестакова, Сквозник-Дмухановского и других чудищ. Не его вина, что в России было так мало образов подлинных личностей. Его ужаснула нераскрытость в России человеческой личности. «Гоголь верил в человека, искал красоты человека и не находил его в России...» [12, 255].

Странности гоголевского творчества объясняли тем, что он сатирически обличал крепостническую Россию. Критическая школа Белинского, Чернышевского, Добролюбова, их эпигонов не в силах была оценить высшие прозрения русской литературы. Проглядела их внутренний смысл. Как могли увидеть реализм в «Мертвых душах», произведении невероятном и небывалом?

Пора исправить, призывает Бердяев, ходячее восприятие Гоголя как реалиста и сатирика. Это не общественная сатира, не изобличение

пороков дореформенной России. И сейчас, после реформ и революций, Россия полна «мертвыми душами» и «ревизорами».

Художественные приемы Гоголя — они не реалистичны. Это эксперимент, расчленяющий действительность и тем самым раскрывающий в ней нечто существенное для России и для русского человека. Он выявляет духовные болезни, не излечимые ни реформами, ни революциями. Гоголевская Россия принадлежит метафизическому характеру русского народа и обнаруживается в нашей революции.

Гоголевский кошмар не имеет обязательной связи с крепостничеством, с чиновничеством. «То нечеловеческое хамство, которое увидел Гоголь, не есть порождение старого строя» [12, 254]. Русская тьма и русское зло заложены не в социальных оболочках народа, а глубже — в его духовном ядре. «В революции раскрылась все та же старая, вечно-гоголевская Россия, нечеловеческая, полужвериная Россия харь и морд» [12, 256].

Болезни и грехи русской души и определили характер революции, хотя они были «использованы врагом нашим на нашу гибель» [12, 251]. Это бесчестье, эта пошлость, лживость раскрылись еще у Гоголя. Раскрылись как исконное русское свойство.

«Все хари и рожи гоголевской эпопеи появились на почве омертвения русских душ». Омертвление это давнее, затяжное. Формы старого строя сдерживали проявления многих русских свойств, стесняли их принудительными рамками. Теперь эти формы обветшали, пали, и русский человек разнуздан повсюду. Злые духи, которых Гоголь узрел в их застое, вырвались на свободу. Они приводят в содрогание тело несчастной России. Для Чичиковых, для Хлестаковых теперь еще больше простора, чем во времена самодержавия [12, 258].

В стихии революции обнаруживается бесчестность как болезнь русской души. Вся революция — это бессовестный торг, торг народной душой и народным достоинством. Революционная аграрная реформа, эсеровская и «большевицкая», есть чичиковщина. Ныне, утверждает Бердяев, Хлестаков вознесся на самую вершину власти. В действиях революции маниловщина переплескивается в чичиковский обман, в ноздревский нахрап. Повсюду маски и двойники. Призрачны партии, власти, призрачны все герои революции. Нигде не видно ясного человеческого лика.

Теперь переведем дух и задумаемся. Много в этом восклицательном напоре вызывает недоумение. Удивляет, что Бердяев вообразил Хлестаковых, Маниловых, Ноздревых вершителями Революции. Неужели не увидел подлинных вершителей Революции и ее проводников? Как же Бердяев проглядел фигуру жесткого исполнителя Революции — тип «комиссара»? Тип интернациональный, отнюдь не гоголевский и не Достоевский. Комиссары орудовали повсюду, резко бро-

сались в глаза (они приметно описаны у Б. Пильняка в «Голом годе»: «кожаные люди в кожаных куртках», «наехали», «энегрично фукируют»)? Не гоголевские типы вели Революцию, они лишь лавировали, выживали, устраивались на взбаламученной земле.

Болезни и грехи русской души, объявляет Бердяев, были «использованы врагом нашим». Ну, и кто же этот враг? Молчание. «Русская революция антинациональна». Этим она отличается от известных революций (английской, французской). Тогда с какой стати Бердяев именуется революцию русской? Каковы антинациональные силы революции? Откуда они взялись? Не дает ответа, мчит дальше.

Бердяевская картина революции столь же упрощенная и одномерная, как и «большевицкая». Все гораздо запутаннее. По России разлилось несколько революционных потоков, несовместимых, враждебных. Бились обрывочные «правды» — красная, белая, еще какие? И.Я. Фроянов, современный историк, вывел, что столкнулись тогда три решения: 1) революция для России, 2) Россия для революции, 3) революция против России. «Наша страна стала в известном смысле жертвой решения *Россия для революции*» [13]. Есть и другие расшифровки революционной эпохи: очередная смута и бунт, прорыв давнего общественно-духовного недуга, наконец, погром над Россией (И.А. Ильин, С.Н. Булгаков, А.И. Деникин, Ф.Я. Шипунов и др.).

Бердяев — замечательный философ, но на России он часто спотыкается. Его то и дело заносит. Сбивается на крайние, безответственные суждения. Ведь гоголевские типы не просто безличны, они еще и беспочвенны. В них омертвели как раз те стороны души, которые обращены к родине, народной судьбе, к Земле и Небу. Так что нет оснований из них выводить существо народной души.

Имел ли Бердяев доступ к ядру народной души? Вряд ли. Ему в общем-то чужды были русская мифология, былины, сказки, песни, народное православие. Российскую историю он воспринимал через либерально-обличительные схемы. Вообще ядро души народа, личности — это нечто труднодостижимое, трансцендентное. Тут не срываются лихие философские замашки.

Если сверять с эталоном европейским, тогда русские окажутся народом нецивилизованным, развращенным и анархичным, со стертым, неразвившимся личным началом. А если личность в русской культуре вызревает и проявляется как-то иначе? В русском народе Бердяев созидательных сил не находил, но лишь в культурной элите, весьма тонком слое. Прав Бердяев, что личность в России неразвита, что недостает ярких творческих личностей. Но дело тут не в отставании от Запада, а в несоответствии собственным задачам России.

Для Бердяева гоголевский мир — это подмена человеческого образа, роковое недоразвитие личности. По существу — *тупик безлично-*

сти. Проявился он в Революции, в Гражданской войне. Когда вместо чаемого преображения — на страну обрушились ожесточение, бойня, разорение, голод, бегство и гибель миллионов.

Если источник омертвления душ — не в социальности, то в чем? Бердяев ищет его, но чуждается понятий эволюции и вырождения. Он ожидал прорыва в новую творческую эпоху через катастрофу, а не через эволюцию. Называл себя «антиэволюционистом», резко разводил эволюцию и творчество. Эволюция для него — всего лишь перераспределение материи.

Изначально Бердяев чувствовал себя попавшим в чуждый мир. Оторопь вызывает его отвращение к плоти, родовому началу, материнству, деторождению. Все это Бердяеву казалось умалением, поглощением личности. Притом что он любил лес, поле, животных. А на массу обычных людей его любви не хватало. Российскую действительность воспринимал как невыносимо грубую, утяжеленную.

Земной мир для Бердяева — бытие падшее, отпавшее от Бога, оставленное Богом. Мир утопает во зле, он не поддается исправлению, преображению. Падшее бытие должно погибнуть. Зло уничтожит зло. Спасется только личность. Спасется она собственным творческим порывом — отнюдь не усилиями общностей или социальных институтов.

Что же делать России? У Бердяева готов рецепт. России нужна революция истинная — духовная, духовное перерождение народа. Россия должна освободиться от той лживости, которую видел в русских людях Гоголь. Она должна освободиться от власти гоголевских призраков, избавиться от болезней нравственного сознания.

Как же это возможно? А вот как. «Болезнь русского нравственного сознания была слишком длительной и серьезной. Излечение может наступить лишь после страшного кризиса, когда весь организм русского народа будет близок к смерти. Мы живем в дни этого почти смертельного кризиса» [12, 287]. Понятно. Раз ядро русской души дефектно, его надо перемолоть, пусть даже с угрозой для жизни народа. Революция, почти смертельная для организма русского народа, оказывается должна нравственно освободить и вылечить его.

Очевидно, что такого освобождения, такого излечения не случилось. Рецепт не оправдался. Революция в начале XX в. не избавила от новой революции в конце XX в. Опять-таки без подлинного освобождения, без нравственного излечения.

Впрочем, чуть погодя Бердяев поправляет себя. «Старая Россия, в которой было много зла и уродства, но также и много добра и красоты, умирает. Новая Россия, рождающаяся в смертных муках, еще загадочна. Антихристианские духи революции, — предчувствует Бердяев, —

родят свое темное царство. Но и христианский дух России должен явить свою силу» [12, 289].

На такой декларации обрывается бердяевский анализ. До истоков «мертвых душ», до корней безличности Бердяев не добирается. Не доводит своих призываний до конкретного преображающего звена, до проектной мощности. Одно уясняется: оппозиция мертвых душ, живых душ корнями уходит в духовную энергетику личности.

Тупик биосферный. Серые люди в устройении социализма

Еще одна трактовка гоголевского мира сложилась в творчестве В.И. Вернадского. Свыше двух десятков лет Вернадский прямо-таки осязал разлив «гоголевщины» в строительстве нового, как оно называлось, социалистического общества. Впечатления Вернадского были не просто житейскими, но подлинно научными наблюдениями. Моя мысль, замечает он, все время пытается охватить происходящее. Он постоянно вносит поправки из гущи жизни и своего внутреннего опыта.

Наблюдения и размышления Вернадского запечатлены в его дневниках. Эти дневники стали доступны, обнародованы лишь в последние годы. Мы опираемся в основном на записи 1935 — 1941 гг. (см.: [14; 15]). Строим из них композицию, при необходимости указываем даты конкретных записей.

Опыт сгущается до обобщений: напор гоголевско-щедринских типов на волне перестройки культуры, государственности и хозяйства; их умственная и моральная ущербность; вредительство; двоевластие в стране; партийная система отбора кадров; развал устоев народной жизни, нужда, репрессии; срыв заявленного большого дела.

Вот черты этой картины, почти буквально, «вернадскими» словами.

В партию, которая держит диктатуру, пробивается всякий отброс. Выдвигаются новые люди, безыдейные, наглые, невежественные. Хотят одного — власти и земных для себя благ. За ними толпа, миллионы, поддерживают сейчас Сталина — лишь бы выжить. Изобилие типов Гоголя—Щедрина—Островского. Откуда их вытаскивают? В партии устраиваются подонки — дельцы и воры. Их срезают, а лезут другие, такие же. Пока их уберут — они уже напакостят (26.Ш.1938).

Партийное начальство жалуется, что трудно найти людей. Люди-то есть. Людей способных, знающих, порядочных в стране много, но — не холопы режима. Их-то «разоблачают», отстраняют, уничтожают, вперемешку с настоящими вредителями. Цвет страны заслонен лакеями и карьеристами (21.И.1939; 2.Х.1941).

Партийные ряды ниже среднего уровня страны — и морально, и умственно, и в деловом отношении. Подбор, *как никогда прежде*, оп-

ределяется «благонадежностью». Пренебрежение к человеческому достоинству. Идеиных коммунистов все меньше. Поражает убогость, отсутствие живой мысли и одаренности вышестоящих большевиков. Государственных умов, пусть грубо-идеологичных — единицы (Сталин, Молотов, кажется, Киров?). Характерный тип — ярый организатор, попутно ломающий созданное раньше (пример: Каганович, таким же был Орджоникидзе) (19.III, 7.IV.1939).

Неспособность щедринско-гоголевских типов воспринять предмет в его самобытности. Нечувствие живой реальности. Идеологическая трескотня взамен реального познания мира, страны, народной жизни. Мы теперь можем вспомнить, как это выражалось на жаргоне той эпохи: перестраховщики, головотяпство, чинуши, формализм, волокита...

Чехарда чиновничьих перестроек и мероприятий, Разрастание ступеней и видов контроля. Таким путем типы агрессивнопаразитические укореняются в социальной организации. «Партия-диктатор... умственно ослабела. В ней все растет число перестраховщиков, боящихся взять на себя малейшую ответственность. Серые люди» (18.VII.1941).

Использование идеологии, науки в качестве орудия травли. Навязывание грубо-материалистических суеверий, прикрытых научностью. «Любопытной чертой нашего времени являются некоторые неожиданные и непонятные черты организованного невежества — патологическое явление, однако очень глубоко влияющее на жизнь» (11.V. 1941).

Факты, резко противоречащие идеям и словам коммунизма: 1) настоящая власть — ЦК партии и даже диктатура Сталина, 2) гангрена, разъедающая партию — реальная власть ГПУ, 3) миллионы заключенных-рабов (16.XI.1941). Центральная власть не способна обойтись без подпорки щедринско-гоголевских типов. Но эта передаточная среда все искажает, все портит. Громадный брак в управленческой, в идеологической работе, безумное расточение сил, времени и средств.

Партия совершенно прогнила. В текущей жизни царят гоголевские, щедринские типы. В жизненно важных случаях они правят бесконтрольно, терроризируя даже «начальство». Продолжаются самопоедание коммунистов и выдвижение новых людей без культурных традиций, людей, жадных к власти и земным благам. Все проникнуто страхом шпионажа и растущим воровством. Одичание партийных кадров. Здесь преобладает карьеризм, личные счета и, может быть, сознательное вредительство.

Для Вернадского «вредительство» — не идеологический фантом, а противобиосферные действия как раз тех, кто потрясает пугалом вредительства. Варварские разрушения жизни производит сама власть.

Разрушительная, вредительская работа НКВД. Неужели сознательная? «Вредители сознательные и бессознательные слились» (11.V.1941).

В оценке советского опыта Вернадский колеблется. Он признает, что в стране, в ее глубине, рождается большое положительное дело. Хотя не в том направлении, куда гнет власть (21.I.1941). Причем, главную работу делают те, кто фактически поставлен в положение рабов — ссыльные поселенцы, беспартийная интеллигенция. Они продолжают творить под кнутом и страхом и недоумением (30.VI.1938).

В 1920-е гг. Вернадский еще радовался росту русской науки. Но репрессии и грубая большевицкая хватка нарастают, особенно после погрома Академии наук комиссией Ю.П. Фигатнера в 1929 г. Условия научной работы резко ухудшаются. «Получают значение и влияние люди малообразованные, часто морально много ниже среднего, иногда фанатики и психически неуравновешенные» (12.II.1936).

В партию пробивается всякий отброс — люди, неспособные составить образ предмета, неспособные к планированию в согласии с биосферой. Идея плана, отмечает Вернадский, сказывается в хозяйстве и особенно в науке главным образом плохими сторонами. Бездарная организация дела. «Личность и ее интересы — самые глубокие — в расчет при планировании, как общее правило, не принимаются (10.VIII.1935).

Большевики во многом враждебны русской культуре, чужды русской научной традиции. И все-таки русская энергетика пробивается сквозь язву полицейского коммунизма, сквозь мясорубку репрессий. Пробивается в литературе, в науке, даже в партийных трениях. В интеллигентских кругах считают, что кое-что в «большевицкой» политике оказывается государственно-необходимым. Порой возникает ощущение, что партийные враги Сталина — Молотова — враги и русского народа (7.VII.1937).

Советское государство, впервые признавшее интересы масс (исключив свободу мысли и веры), в корне извращается невеждами, дельцами и преступниками во власти. Террор против крестьянства, против интеллигенции. Разгром научных школ и учреждений. Применение новейшей техники при рабском труде. Колхозы — вторая форма крепостничества. Недоедание, нехватка житейски насущного, изнурительные очереди. Миллионы заключенных. Кругом миллионы страданий (2.III.1938; 26.IV.1941; 3.V.1941).

Одно время я надеялся, записывает Вернадский, что происходящие в Советском Союзе гнет и деспотизм не закроют пути к ноосферному будущему. Теперь вижу, что он разлагает и может вовсе уничтожить то, что создается в стране нового и хорошего. Это результат подавле-

ния свободы: свободы совести, свободы слова, свободы научного, философского, религиозного искания (11.IV.1939).

«У меня ясно сложилось представление о *свободе мысли* как основной *геологической силе*... В структуре ноосферы свобода мысли должна стоять наравне с теми экономическими “свободами”, которые должны лежать в основе социализма» (13.VI.1941).

Вернадский рассчитывал на крепость русского народа, на его здоровую энергетику. И тут его одолевала тревога. Такие огромные человеческие и культурные потери, гибель множества крупных личностей. Мертвящая сила коммунистической машины. Бедность, пьянство. Выдержит ли русская раса? Многое зависит от рождения творческих личностей. Но законы рождения таких личностей нам неизвестны [16, 219 — 220].

Ожидание грядущей ноосферы пронизывает все мышление Вернадского. В биосферно-ноосферном ключе он пытается понять безудержный наплыв «гоголевщины» в советской действительности. Процесс, явно идущий вразрез с биосферой, не говоря уж о ноосфере. Получается, что в человеческом веществе упрямо воспроизводится его косная, паразитная часть — «гоголевско-щедринская». Чрезвычайно живучая. Ни перевоспитанию, ни социальному укрощению не поддается. Напротив, приспособливает социальные структуры и перестройки под себя. Это тупик в планетной эволюции, который можно назвать *биосферным тупиком*.

И что же оказывается? В концепции Вернадского не хватает ресурсов для объяснения этого тупика. Вернадский оптимист, наступление ноосферы для него близко и неотвратимо. Тогда непонятно, как может научное развитие, развитие сознания обращаться вспять? Откуда в человеческой природе берутся, даже накапливаются зло, косность, чернота? Чем преодолеваются?

Надо учесть, что к обобщению биосферы-ноосферы Вернадский шел сперва от биогеохимии, науки, которую сам закладывал. Он прослеживал земные потоки химических элементов, регулируемые излучениями Солнца. В его модели биосферы есть вещество — живое, косное и биокосное, но нет самой стихии жизни, присутствуют тела, но нет живых существ и сущностей. Самые тонкие, трансцендентные уровни биосферы Вернадским не улавливались.

Концепция ноосферы (и биосферы тоже) начертана частично, в наметках. Она нуждается в капитальной достройке — со стороны гуманитарных и духовных наук. На этом пути ее терминология, вся ее целевая и причинная сеть, несомненно, будут исправлены. Надо будет глубоко учесть разнородность биосферы. Жизнетворчество на Земле поддерживается разностью местных потенциалов, разностью энергий

геологических, биотических, психических. Отсюда вырастает и различие эволюционных путей великих культур.

Как Вернадский заглубляется в проблему вырождения? Какова его интуиция, каково направление его поиска?

Ближнее направление — это развитие уже наличных ноосферных сил — науки, общественной организации труда и образования, всемирного сближения народов.

Надежно ли такое решение? Природа человека пока слишком несовершенна. Наука нынешняя в основном своем русле относится к природе потребительски, принципиально не ориентирована в сторону одухотворения. Потому наука неспособна охватить ни единой проблемы в ее биосферном размере. Что касается общественной организации, то ее качество подрывается напором вырожденных гоголевско-щедринских типов. Что до сближения народов — им еще надо многое испытать, понять и развить в самих себе.

Вернадский продумывает и дальнюю перспективу. Это скорее надежда, надежда на преобразование структуры личности и самой природы человека. Наши потомки разовьют более совершенный мыслительный аппарат, приобретут более тонкую структуру мозга. Человечество придет к автотрофности (питанию солнечной энергией), что должно подорвать паразитическую тенденцию в общественном процессе. К этому, по интуиции Вернадского, ведет эволюция планеты, ее биосферы.

Эволюционный тупик

Судьба России зависит от разрешения мучительной загадки об омертвлении душ. Гоголевский мир вошел в русскую культуру как разъедающая кислота. Похоже, что в человеческой природе таится нечто безликое, безличное, вязкое, непробозримое ни обществом, ни религией. Это ощущение разлилось по русской литературе, проникло в общественную мысль и философию. Главное препятствие преображению человека открывалось в самой его душе.

Выявляется *эволюционный тупик* в развитии личности, народа, общества, в конечном счете — человечества. Окаменевшая, труднорастворимая структура — в психике человека. Как откладываются в душе эти «проклятые» окаменелости — мы не знаем. Что они собой представляют? Сырое, изначальное, почти непроработанное состояние? Или нечто вроде склероза, склеротический осадок? Так или иначе, это свойство, весьма распространенное в природе человека, преждевременно названного «разумным».

Этот *эволюционный тупик* связан с вырождением человеческой природы, омертвлением более тонких частей души. Русские публици-

сты, мыслители распознали некоторые его основания, которые здесь именуются: *социально-исторический тупик, тупик недорожденности, тупик безличности, биосферный тупик*. Все это разные грани *эволюционного тупика*.

Герцен свел антропологию (почти зоологию) «гоголевщины» к касате развращенных цивилизаторов, антропно-чуждых России, подавляющих в себе и вокруг себя вольные проявления личности. Для Розанова мертвые души — вырождение человеческой природы в результате дурных рождений, нарушений таинства рождения. Бердяев увидел в мертвых душах проявление безличности, лживости, бесчестности, ущербности личного начала, характерной, по его ощущению, именно для России, для русской народной души. Для Вернадского вторжение гоголевско-щедринских типов говорит о росте паразитизма в общественных слоях биосферы.

Русская литература, публицистика чрезвычайно преуспели в разработке негатива. Мастерски осуждали «темные силы». Отсталая, варварская Россия, азиатчина. «Грехи России» — изобретение Вл.С. Соловьева, позволившее многим упиваться своей правотой — обличать направо и налево. Гораздо слабее русская культура преуспела в раскрытии ресурсов преображения человека, народа и государственности.

Выход из гоголевского тупика не найден. И придется блуждать в нем, пока продолжаем искать, комбинировать и творить, не выходя за пределы физической реальности.

Запредельный икс

Эволюционный тупик — это тупик еще и научно-философский, тупик метафизический. Найденные грани гоголевского тупика — ни порознь, ни вместе — не дают полноты понимания. В «уравнениях» Герцена, Розанова, Бердяева, Вернадского недостает каких-то высших слагаемых либо множителей. Не хватает некоего *запредельного икса*. Какого-то трансцендентного множителя, который выше всех социальных, культурных и биосферных процессов.

Он запределен, этот икс — за пределами нашего нынешнего понимания, нынешних творческих возможностей. Нам остро не хватает *нового принципиального откровения*. Откровения о мироустройстве, о творческих силах космоса, о жизни и смерти. Такие откровения прорываются свыше и одновременно изнутри, из глубины души. Прежние откровения блекнут, теряют силу. Они все больше воспринимаются как информация. Хотим откровения, а получаем информацию.

То ли прежние трансцендентные связи истощились, то ли перестали питать изменившееся российское бытие. И зашаталась Россия, ста-

ла рассыпаться уже на заре XX в. Силой была удержана, заново скреплена «большевицким проектом» — однако с понижением бытийного уровня, с перекрытием высшей трансцендентности.

В наших представлениях о мировой и человеческой жизни, о судьбе, об эволюции, о душестроении много непроященного. Они явно не отвечают громадному расширению опыта, не справляются с бытийными противоречиями. Много запутанного и туманного в наших понятиях об эволюции. Сбережение жизни, самоорганизация, энтропия — как все это соотносится с эволюцией, творчеством, со сверхфизическим?

В эволюции человечества, народов, личности просматривается более мощное основание — сверхсоциальное. Таким основанием, по всей вероятности, является планетная эволюция, эволюция ближнего космоса — Земли и ее окружения. Вселенная представляет собой океан жизни, а не безжизненную материю, из которой случайно-химически возникает жизнь. Мировая жизнь творчески эволюционирует. В эту эволюцию по-своему втягиваются Земля, ее биосфера, человечество, народы и цивилизации, личности.

Сейчас возрождаются древние интуиции о Земле как живом, необычайно сложном существе. Духовно-космические силы, силы Земли и ближнего космоса воздействуют на исторический процесс, на колебания массовых настроений, на подъемы и спады творчества. Раньше или позже развееется обольщение, что люди вполне самостийно исполняют свою историю, сами справляются со своими проблемами. Нет, мы соучастники эволюции в биосферном пространстве-времени. Соучастники незрелые, самонадеянные, полные отроческих заблуждений.

Теперь, что значит косное вещество? Во всех живых образованиях происходит разделение более живых, ведущих слоев и слоев косных, потенциально живых. Косные структуры есть и в человеке, и в обществе, и в органической, и в неорганической природе. Они могут тормозить, подрывать эволюцию, но они являются и запасниками энергий. Весьма вероятно, что косное вещество обладает свойством эволюционной исторической памяти. Нарушение памяти косного вещества (при нашем грубом вмешательстве) сказывается на человеческой памяти и на организации жизни [16, 71].

Далее, что мы знаем о душе? Как она устроена — душа человеческая, душа народная? Что в ней живое, что мертвое? Что в ней растет, что умирает? Как соотносятся душа и дух человека? Понятие души заслонено в нашей философии и науке безличными категориями сознания, культуры, деятельности.

Мертвые души меньше всего были поняты со стороны их душестроения и душеразвития. Вроде бы ясно, что омертвление душ — состояние не изначальное. И не замыкается оно земными и социальными условиями. Корни у него сверхфизические, космические. Откуда душа приходит в эту жизнь и куда она уходит, разлучаясь с телом? Здесь встают древние проблемы иных, нефизических миров, проблемы множественности жизней, возвращений, перевоплощений. В эти туманности внедряется так называемая трансперсональная психология (С. Гроф, В.В. Налимов и др.).

Все великие культуры с тревогой примечали деградацию отдельных типов и групп человечества. Учитывали эту тенденцию в своих моделях миростроя. Так, в индийской антропологии каждый человеческий цикл начинался со светлого, одухотворенного состояния, затем поэтапно темнел, сползал к вырождению и катастрофе. Подобная трактовка, но в более примитивном виде, укоренилась в греческой культуре. В Европе тема частичного вырождения человечества обсуждается с позапрошлого века, особенно в русле физиологии и психиатрии.

В эти наработки надо вникать, осваивать. Но они не заменят собственно-русского переживания и осмысления проблемы. В свое время в эту тематику внедрялись В.М. Флоринский, Н.Ф. Федоров, И.А. Сикорский, В.М. Бехтерев, П.Д. Успенский... Эти начинания были впоследствии прерваны, поскольку оказались несовместимы с «победившим» марксизмом. Они возобновились в русле народоведения.

Как в душе человека, в душе России пробудить преобразующие силы, соборно-творческие энергии? Нет внятного ответа. Сказывается непроработанность ядра русской философской и научной культуры. В этом ядре повышается значимость проблем эволюции космоса, Земли и человечества. На российской почве, в русле «русской идеи» они выступают как проблемы преображения (а в обратной тенденции — вырождения) личности, народа и общества.

Российская научно-философская культура, в одной своей части, наиболее популярной, охотно осваивала ново-европейские концепции. Работа, несомненно, нужная. Но одно из теневых следствий — попадание в тиски «физической картины мира» — модели неорганической вселенной, по существу, мертвой. В этой модели эволюция, непонятно откуда возникающая и кем ведомая, сводится к усложнению организации. Но в эту физикалистскую рамку никак не вмещаются духовные и творческие силы космоса, их цели, программы, драма их сотрудничества и борьбы.

Такая гора нерешенных проблем накопилась в российской, русско-евразийской философии и науке. Вот зачем нужен трансцендент-

ный импульс, принципиальное озарение. Вызвать новое откровение — не в наших силах. От нас другое зависит — готовиться к нему. Зависит от нашей сосредоточенности, при отключении от суеты обыденной жизни, от ее мельтешения. Нужен особый настрой ума и сердца. Нужно учиться расширять душу, расширять емкость нашего сознания.

Литература

1. *Гоголь Н.В.* Духовная проза. М., 1992.
2. Переписка Н.В. Гоголя: В 2 т. М., 1988.
3. *Герцен А.И.* Соч.: В 9 т. М., 1955 — 1958.
4. *Розанов В.В.* Мимолетное. М., 1994.
5. *Розанов В.В.* О писательстве и писателях. М., 1995.
6. *Розанов В.В.* Соч.: В 2 т. М., 1990.
7. *Розанов В.В.* Последние листья. М., 2000.
8. *Розанов В.В.* Письма 1917 — 1919 годов // Литературная учеба. 1990. № 1.
9. Письма В.В. Розанова к Э.Ф. Голлербаху // Звезда. 1993. № 8.
10. *Розанов В.В.* В мире неясного и нерешенного. М., 1995.
11. *Розанов В.В.* Около народной души. М., 2003.
12. Вехи. Из глубины. М., 1991.
13. *Фроянов И.* Революция для России // Литературная Россия. 2007. № 33 — 34.
14. *Вернадский В.И.* Дневники 1935 — 1941: В 2 кн. М., 2006.
15. *Вернадский В.И.* Дневники. Июль 1941 — август 1943. М., 2010.
16. *Казначеев В.П., Трофимов А.В.* Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля. Новосибирск, 2004.

П.М. ЛЕОНЕНКО

Новое фундаментальное исследование экономической глобализации*

Аннотация. В рецензии подчеркнута значение теоретических и методологических проблем, изложенных в монографии, исторического генезиса, форм проявления и противоречий экономической глобализации, а также показаны место и роль Украины в геоэкономических про-

* Рецензия на: *Филипенко А.С.* Экономическая глобализация: истоки и результаты. — М.: Экономика, 2010. — 511 с.

цессах. Особое внимание обращено на раскрытие автором современных вопросов мирового хозяйства и международных экономических отношений.

Ключевые слова: экономическая глобализация, парадигма, торговые отношения, международная экономическая система.

Abstract. Review has underlined the significance of theoretical and methodological problems included in the monograph, historical genesis, forms and contradictions of economic globalization. Was revealed the place and role of Ukraine in the process of geoeconomics. To give special attention to a current issues of the world economy and international economic relations.

Keywords: economic globalization, paradigm, trade relations, international economic system.

Интенсификация международных экономических отношений стала одной из определяющих черт мирового хозяйства начала XXI в. Стремительное развитие глобализационных процессов, расширение и углубление экономических связей между странами, региональными экономическими объединениями, возрастание роли и значения главных мировых акторов актуализируют проблему понимания истоков, принципов, механизмов, закономерностей и последствий развития международных экономических отношений в условиях глобализации.

Непосредственным индикатором исследовательского интереса к обозначенным вопросам служит внимание многих зарубежных ученых, занимающихся поиском соответствующих стратегий развития в условиях глобализации. Фундаментальная монография профессора кафедры мирового хозяйства и международных экономических отношений Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко А.С. Филипенко «Экономическая глобализация: истоки и результаты», безусловно, должна привлечь внимание научной общественности, прежде всего представителей гуманитарных наук, в частности, исследователей в области мирового хозяйства и международных экономических отношений. В данной монографии реализовано исследовательское намерение раскрыть теоретические и методологические проблемы, формы проявления и противоречия экономической глобализации, а также определить роль и место Украины в процессе развертывания экономической глобализации.

Творческое достояние профессора Филипенко Антона Сергеевича насчитывает свыше 260 научных трудов, в том числе более 20 монографий, учебников, учебных пособий.

Последняя монография А.С. Филипенко представляет собой фундаментальное исследование экономических процессов, начиная с эпо-

хи неолита до наших дней, в контексте влияния торговых, других форм международных экономических отношений на становление и развитие сначала простейших, а затем все более сложных и противоречивых форм экономической глобализации. Структура монографии, ее теоретико-методологический и фактологический разделы позволили сформировать целостную систему знаний относительно особенностей развития, форм проявления и последствий экономической глобализации.

В первой части освещаются теоретические и методологические аспекты глобального развития, в частности, речь идет о парадигме экономической глобализации, цивилизационной составляющей экономической глобализации, структуре и сущности экономического дискурса глобализма и глобальных предпосылках экономической целостности мира.

Во второй части — внешнеторговые и мирохозяйственные измерения глобализационных процессов — анализируются особенности торговых отношений на разных этапах цивилизационного развития: начиная с эпохи зарождения архаической глобализации (VIII — III тыс. до н. э.), заканчивая периодом постколониальной (последовательной) глобализации (XXI в.). Особое внимание уделено возобновлению мирохозяйственных связей после Второй мировой войны, международному движению факторов производства как определяющему компоненту глобализации, усилению проявлений целостности международной экономической системы на современном этапе глобализации и интегративной роли рыночной парадигмы мирового хозяйства. Автор подчеркивает, что современное мировое хозяйство представляет собой сложную систему со строго определенными качественными и количественными параметрами, характеризующими его как синтетическую экономическую категорию. Вместе с тем, по мнению автора, современный этап развития цивилизации будет вносить принципиальные, качественные изменения в структуру национальной и мировой экономики, в систему мирового хозяйства и международных экономических отношений.

Третья часть монографии посвящена исследованию роли и места Украины в глобальной системе экономических координат. Особый интерес представляют главы, в которых раскрывается генезис внешнеторговых отношений Украины, алгоритм ее хозяйственного прогресса в условиях глобализации. Привлекает внимание авторский взгляд на исследуемую проблематику, в частности, на движущие силы экономического развития и хозяйственного роста Украины. Ключевая роль отводится механизмам оптимизации экономической глобализации в условиях современного глобального финансового кризиса.

Из множества возможных способов презентации материала в монографии принято логическое структурирование содержания по важнейшим проблемным направлениям, представление данных в графической форме, что особенно целесообразно с дидактической точки зрения. Тематика данной работы многоаспектна и потому исследована с использованием разнообразных научных методов, что свидетельствует о высокой степени обоснованности предложенных автором концептуальных подходов к определению сущности, исторического генезиса, основных типов и видов экономической глобализации.

Таким образом, книга отличается не только широким перечнем интерпретируемых теоретических проблем, но и практической направленностью. Эта монография позволит как теоретикам, так и практикам, студентам экономических специальностей высших учебных заведений, аспирантам, преподавателям применить ее выводы и теоретические положения в повседневной деятельности, учебе и научных исследованиях.

С.О. ХОХЛОВ

Красота и красивость*

Наше общество достигло всеобщей эстетизации.

Ж. Бодрийяр

Аннотация. В статье рассматривается категория красоты. Опираясь на идею С. Вэйль о существовании двух противоположных видов красоты, от истинной красоты отделяется ее ложный двойник — красивость. Дается определение гламура как погони за четкостью отдельных деталей, доведенной до абсурда, когда за хаосом четких деталей исчезают целостность и смысл. Утверждается связь красивости с воображением, а красоты с реальностью.

Ключевые слова: красота, красивость, С. Вэйль, гламур, симуляция, реальность, воображение.

Abstract. In article the beauty category is considered. Leaning against S.Vejl's idea about existence of two opposite kinds of beauty, from true beauty its false double – a prettiness separates. Glamour definition, as pursuits of the clearness of separate details finished to the point of irrationality when behind chaos of accurate details integrity and sense disappears is

* Размышления на тему дискуссии, состоявшейся в Центре общественных наук при МГУ в июне 2008 г.: «Гламур как искушение и порча».

made. Communication of a prettiness with imagination, and beauty with a reality affirms.

Keywords: beauty, prettiness, S.Vejl, glamour, simulation, a reality, imagination.

Достоевский сказал в свое время фразу о красоте — фразу, которая с тех пор скитается по миру. Фразу резкую, словно выстрел. Вот только не холостой ли?

Так и бродит фраза по свету, резонируя в пустых головах, не будучи ни понятой, ни отброшенной. Красивая фраза о красоте, за красотой которой не видят проблемы.

Так стоит ли нам ждать спасения от красоты и как вообще понимать эту мысль?

Прежде чем говорить о том, как ее понимать, давайте обратимся к миру явлений и посмотрим, как ее уже процессуально понимают. Точнее, «понимают».

Красота в нашем обществе занимает важное место. Достаточно выйти на улицу, чтобы оказаться в ее окружении, достаточно включить телевизор или компьютер, чтобы с их экранов на нас хлынули потоки красоты. Нас окружают красивые машины, прекрасные женщины, удивительные интерьеры. Каждая пачка сигарет, каждая банка с горохом, каждый рулон туалетной бумаги оказываются столь густо разукрашены рисунками, эмблемами, узорами, что в глазах рябит, — «все ничтожество мира оказалось преображенным эстетикой» (Бодрийяр).

Но та ли это красота, что подразумевалась Достоевским? Или, уточним — что более важно, поскольку иметь в виду он, в общем-то, имел право что угодно — та ли эта красота, которая соответствует его постановке вопроса?

К примеру, Вэйль так выразила свое сомнение в общепринятом понимании красоты: «Если красота — это подлинное присутствие Бога в материи, если общение с прекрасным — это таинство в полном смысле слова, то откуда берется столько извращенных эстетов? Нерон. Не похоже ли это на потребность сатанистов в освященных облатках? Или же, скорее, такие люди привязаны не к подлинной красоте, а к ее плохой копии? Ведь как есть божественное искусство, есть и искусство демоническое».

Итак, с красотой, как оказывается, не так все и просто. Мы окружены красотой в симуляционном, демоническом ее варианте, наше же, охваченное пылкой любовью к красоте общество, оказывается при ближайшем рассмотрении толпами аплодирующих ей «извращенных эстетов».

Надо полагать, Достоевский имел в виду нечто другое. Но что именно? И как провести границу между демонической красотой извращенного эстетизма и тем вариантом, от которого Ф.М. ожидал всеобщего спасения? Вопрос требует прояснения.

Вспоминая относительно недавнюю дискуссию о гламуре, следует отметить, что явление это, казалось бы, столь далекое от высоких эстетических сфер, не зря привлекает внимание людей философствующих. Гламур — это одно из отчетливых проявлений современных тенденций перверсивности эстетизма масс.

Вэйль пишет следующее: «Женщина, разглядывающая себя в зеркале и прихорашивающаяся, не стесняется низводить себя — бесконечное существо, имеющее отношение ко всему на свете, — к мизерному пространству. То же самое происходит всякий раз, когда мы возвышаем свое “Я” (социальное, психологическое “Я” и т. д.) — как бы высоко мы его не вознесли, низведение будет бесконечным, ведь мы сводим себя к тому, чтобы быть только этим. Когда же “Я” принижено (по крайней мере, если энергия не пытается возвысить его в желании), мы знаем, мы — не это.

Очень красивая женщина, рассматривающая свое изображение в зеркале, вполне может полагать, что она есть это. Некрасивая женщина знает, что она не есть это».

То, что сказано о женщине, может быть перенесено и на что угодно другое — уделяя слишком большое внимание незначимым деталям, человек упускает главное, в погоне за внешним — упускает внутреннее. И вот уже сама возможность внутреннего поставлена под сомнение — был ли мальчик, был ли человек или существует лишь его симуляция?

Гламур — это погоня за деталями, доведенная до абсурда, когда детализирование доводится до исчезновения того, чему детали должны служить — за хаосом четких деталей исчезает целостность. Детали перестают складываться в сумму, перестают существовать вместе и оказываются вдруг сами по себе. Современное восприятие красоты — это некое суммирование деталей, при котором объект не воспринимается как целостный. Человек не видит человека.

Красота, конечно же, не сводится к той красоте, которую обрушивает на нас гламур, но этот поток мы можем рассматривать в качестве примера, на котором видно и все остальное подобного рода.

Вот у Вэйль есть и другое мнение о красоте, которое, можно противоположить первому: «Красота — это такая телесная привлекательность, которая удерживает на расстоянии и диктует воздержание. В том числе и воздержание от самого интимного — от воображения. Все остальные объекты желания мы не прочь поглотить. Красота же это

такой объект желания, который мы не хотим поглотить. Мы хотим, чтобы она просто была».

Предложенный Вэйль критерий разделения демонической красоты (назовем ее красотью) и красоты настоящей, обладающей, согласно Достоевскому, спасительными способностями, выглядит вполне действенным. Красотья отрывает, уводит от реальности, возбуждая воображение, красота отрезвляет и возвращает к реальности. В какой-нибудь капле росы на травинке для нас неожиданно на мгновение отражается весь мир в его бесконечности, в его действительности. В элементах гламура отражаются лишь человеческие фантазии, причем не из самых сложных.

Красота — это в определенной степени столкновение с реальностью, она неожиданна и способна поэтому ошеломлять. Реальность нельзя желать (можно лишь ждать ее, предвкушая или боясь) — она имеет внешнюю, принудительную природу и поэтому она на шаг впереди любой рефлексии. Мы можем желать лишь собственные представления, потому что реальность всегда вмешивается в них *извне* и предвидеть это вмешательство *изнутри* люди не способны.

По большей части человек находится в котле собственных представлений. Если бы они были бы в состоянии это сделать, то большая часть людей предпочла бы остаться со своими грезами и отсечь пуповину мира, по которой к ним проникает реальность. Знаки реальности жестоки. А жестоки они потому что неподконтрольны скудной фантазии.

И выходит — то, что выше мы назвали вслед за Симоной Вэйль *демоническим вариантом красоты*, красотью, может быть определено как красота не от реальности, а от ее отражения в сознании человека. Не настоящая, а выдуманная, надуманная, и в силу этого лживая, пытающаяся заслонить собой реальность.

Как сказал Ле-цзы: «Гонятся за красивым — получают безобразное».

И та красота, за которой «гонятся» люди, которую они пытаются смастерить на своих конвейерах, это не истинная красота, это подделка — не красота, а лишь красотья. Она заведомо искусственна, заведомо вторична, заведомо копия. Причем неизвестно чего.

Истинная красота не создается, она возникает. Человек может лишь позволить, не мешать ей вырасти, но не способен вырастить ее. Дерево, если его тянуть за верхушку, расти быстрее не станет, скорее наоборот.

Но красота должна быть не только найдена, или обретена, или выращена, она должна быть еще и воспринята. Несвободный не способен увидеть красоту. Чтобы воспринять красоту, надо быть способным к

этому. И когда некто воспринимает красоту — это его шанс на нечто большее, чем существование — на жизнь.

Удивительна не красота, а то, что мы способны ее воспринимать.

«Свобода от реальности», о которой с иронией пишет Бодрийяр, возводя таковую свободу в ранг «сверхреальности», вырождается в «штукарство», в дробление мира, в придание значения незначимому и потере действительно значимого за массой деталей — «штук». «Сверхреальность» оборачивается недореальностью, бледной копией настоящего.

Вэйль пишет: «Взгляд и ожидание — вот отношение, подобающее прекрасному. Пока мы в состоянии постигать, хотеть, желать, — прекрасное не проявляется. Именно поэтому в красоте всегда есть что-то неумолимое: противоречие, горечь, отсутствие».

Итак, в красоте есть горечь, есть отрезвление, и если красота способна спасти отдельного человека, вернув его из мира грез в реальность, то красивость способна заморить своим всепроникающим удушьем целый мир.

И.И. РУДЯК

Русский Платон: «метафизическая междисциплинарность» и Академия*

Аннотация. Данная статья представляет собой анализ междисциплинарности как метафизического явления, что связано с идеей «русского Платона» Ю.М. Осипова об объединении экономики с метафизикой.

Ключевые слова: метафизическая междисциплинарность, круг Гегеля, междисциплинарное образование, фрагментология, междисциплинарный продукт, метафизическая экономика.

Abstract. This article is an analysis of interdisciplinary as metaphysical phenomenon. It is connected with the idea of the Russian Platon Yu.M. Osipov about connecting economy and metaphysics.

Key words: metaphysical interdisciplinary, circle of Gegel, interdisciplinary education, fragmentology, interdisciplinary product, metaphysical economy.

* Размышления по прочтении раздела «Академия» (см. *Философия хозяйства*. 2010. № 3; 4).

Введение. Гегель: от Платона до Вернадского. Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли, как ни крути, постоянно кружат вокруг проблемы междисциплинарности. Однако тот факт, что междисциплинарность имеет метафизическую природу, осознается далеко не всегда. В свое время Платон описывал экономическое производство (столов и чаш) как диалектическое наполнение материей идеальных метафизических форм (стольность и чашность). Начиная с Аристотеля, диалектический гегелевский процесс пошел дробить платоновскую идею, однако в настоящее время «круг Гегеля» уже замкнулся — на новом уровне, каковым является учение Вернадского, создав на своем пути богатую внутреннюю структуру (как повышение мерности) первичной цельности идеи Платона. Экспериментальная наука (которая является обычно диалектической и узкоспециальной наукой) стала той точкой, которая максимально оторвалась от космоса: и тут уж гегелевский процесс (в лице Ньютона) развернулся обратно к космосу. Подобно древнегреческому Платону, «русский Платон» Ю.М. Осипов формально объединил экономику с метафизикой, создав при этом междисциплинарную Академию для подготовки инновационных специалистов.

1. Метафизическая природа междисциплинарности. Производство Платона есть заполнение мастером идеальных метафизических форм: а это значит, что Платон как предприниматель в процессе материального производства непременно подсоединяется к космосу. Современные предприниматели бесконечно далеки от российской космической философии. Однако сегодня предприниматели обязаны вернуться к «производству Платона», чтобы на излете полного «круга Гегеля» — сквозь учение Вернадского — подсоединиться к космосу (метафизика экономического «производства Вернадского»). В противном случае от разомкнутой диалектики планеты на самом деле не поздоровится (когда я пишу эти строки, нефть все хлещет и хлещет в Мексиканский залив).

Увливание от законов Платона и Гегеля, Хомякова и Вернадского превращает современное предпринимательство в известное американское хобби: коллективное сшивание лоскутного одеяла — только в данном случае «одеялом» служит вся наша биосфера. Перефразируя великого Гойю, мы скажем: «Сон ноосферы порождает чудовищ». Природа создала заслоны биосферы на пути «свободы предпринимательства»: свободное врезание в биосферу того или иного завода нарушает философский закон о сопричастности частного общему, что и приводит к экологическому кризису (как открыла в 1962 г. Рэйчел Карстон), смертельно опасному для всего человечества. Обратить предпринимателя к платоновско-вернадской метафизике можно лишь путем обязательного междисциплинарного образования (перевод

предпринимателя в ноосферу), которое и послужит внутриличностной гарантией обеспечения безопасности, общей для всех планеты.

2. *Обучение страху.* Петр Великий издал указ: кто не знает таблицы умножения, тот не смеет жениться! Сегодня каждого предпринимателя следует юридически обязать окончить междисциплинарную академию. При этом главным предметом должно являться «обучению страху». Это необходимо потому, что природа не берет взятки, а за нарушение ее законов она всегда выносит один и тот же вердикт о высшей мере наказания для всего человечества. В свое время Николас Стерн писал о воздействии экологии на экономику, однако за 15 лет до него об этом же заявил К.Я. Кондратьев (физика атмосферы). Несмотря на это, даже сегодня многие люди, от которых зависит судьба планеты, на самом деле недостаточно образованны, чтобы адекватно реагировать на вызовы окружающего нас мира (нефть хлещет, а один из боссов участвует в регате на другом конце света). На самом деле положение планеты весьма серьезно. Вот только несколько примеров, о которых стоит задуматься.

3. *Пир во время чумы.* Пока политики, предприниматели и другие специалисты, лишенные междисциплинарного образования, спорят о наличии и происхождении (природное или антропоморфное?) глобального потепления, далекие от понимания климатических проблем доктора (ВОЗ) с 1980 г. прекратили прививать оспу. К 2010 г. 60 % населения мира является непривитым. Однако, если глобальное потепление все-таки состоится (оттаит вечная мерзлота), тем более если при этом еще и «черные копатели» (подобно Тому Сойеру и Гекльберри Финну) разроют за Полярным кругом старый могильник, то эпидемия оспы действительно состоится. Сегодня минимальное количество культуры оспы (ее хотели уничтожить, но вовремя одумались) хранится лишь в г. Атланте (США) и в г. Кольцове (под Новосибирском), да еще, возможно, где-нибудь в Африке... Естественно, о быстром изготовлении вакцины для всего человечества речи идти не может. При этом только в XX в. 125 млн человек погибло от оспы.

Но это еще не все. Если теплая зона продвинется в результате глобального потепления хотя бы немного севернее, то туда же переселятся и животные — переносчики чумы, а у местных жителей нет иммунитета к чуме, так что эпидемия обеспечена. Природа наложила свои запреты: от положения внутриатомной орбитали (постоянная Планка) до границ экологических ниш. Об этом нужно помнить теперь, когда возможности человека превратились из геологических (как писал об этом Вернадский) в космические: подобно космическому пришельцу, который превратил во всем похожий на Землю Марс в безжизненную планету, современный предприниматель может превратить реальную

Землю в Марс (и тогда лететь на Марс уже не придется). На самом деле величайшее достижение современных предпринимателей — глобальное загрязнение, потому что вне междисциплинарного образования нет и не может быть рационализма.

Вернадский считал, что открытие радиации в корне изменит качество и тип экономики. Однако гораздо раньше люди открыли и начали использовать уголь, что вскоре, если это не прекратить, в корне изменит облик нашей планеты. Профессор Карпентер из США считает, что за ближайшие 100 лет на планете полностью исчезнут коралловые рифы, которые являются жизнеобразующей структурой мирового океана (т. е. вслед за рифами исчезнут очень многие формы жизни и экологические системы). Так случится из-за окисления океана — от избытка углекислого газа: уж очень много в Китае на углестанциях угля сжигают... а рифы исчезнут на другом конце света, очень далеко от Китая.

4. Предметная живопись: междисциплинарное возвращение к метафизике. Когда Аристотель раздробил единую философию на фрагменты (узкоспециальные науки), он вступил в сферу фрагментологии (второй этап гегелевского цикла), которая представляет собой теоретическую основу искусства авангарда — как искусства «слоя фрагментов» (беспредметная живопись). Иконой стиля «Авангард» является «Черный квадрат» Малевича. В сфере экономики второму этапу «цикла Гегеля» соответствует конвейерное производство сложных товаров (зачастую машин) из деталей-фрагментов (первому этапу гегелевского цикла соответствуют «товары Платона» типа «хохломская ложка»: так Микеланджело считал, что статуя уже содержится в камне — нужно только срезать все лишнее). «Новая предметная живопись» (соответствующая третьему, заключительному этапу гегелевского цикла) в рамках экономики представляет собою сложный «междисциплинарный продукт»: в подобном смысле в виде формы Платона выступает изначально созданный человеком проект. Вот только один пример.

Для того, чтобы создать новые рукотворные органы (допустим, вырастить глаза), нужно собрать несколько разных специалистов. Чтобы совместно заполнить «глазность» (платоновскую форму более высокой мерности, или «форму Вернадского», соответствующую узнаваемому предмету), они должны работать слаженно, как оркестр. Греки порой рассматривали искусство как более изящное ремесло (т. е. как экономическое производство). Рукотворный глаз — аналог «новой предметной живописи» более высокой мерности и соответствует «новой цельности» цикла Гегеля. Для таких проектов и необходима междисциплинарная академия: новая система образования и науки. Экономика сложных междисциплинарных проектов является «метафизической экономикой». «Цветущая сложность» междисциплинарных проектов

создает увеличенное количество точек опоры, более густую структуру связей, меньшую степень свободы в рамках структуры, что приводит к большей степени трения, к торможению диалектического процесса, к большей степени закрученности внутренней структуры в «мебиус изнутри», т. е. к повышению степени метафизики.

Заключение. Метафизическое предпринимательство. Среди обычных в наше время споров о роли фундаментальной науки невольно слышится голос будущего, который начинает звучать сегодня: предпринимательство должно стать созвучным космосу, для чего производство (на уровне Вернадского) должно стать метафизическим, словно «производство Платона». Междисциплинарная академия, которая готовит специалистов по «метафизической экономике», может служить гарантией победы над экологическим кризисом.

«Орленку» — 50!

Юбилей «Орленка» — особый юбилей, ибо «Орленок» не стареет, а лишь набирается внутренней зрелости и непреходящей мудрости, а потому «Орленку» приличествуют не итоги, а порывы в будущее, в лучезарности которых никому сегодня не придет в голову сомневаться.

«Орленок» — королевство детей, но и царство взрослых — умных, деятельных, проникательных, способных сотворять для детей непрерывное сказочное чудо, никогда и никем из орленковцев не забываемое.

И мы, ученые России, тоже приобщены к этому чуду, которое мы рассматриваем как подарок судьбы, умножающий наши достижения.

Процветания тебе — «Орленок», очаг обновляющейся и крепнущей жизни, многая тебе лета!

* * *

27 сентября — 1 октября 2010 г. во Всероссийском детском центре «Орленок» (генеральный директор А.В. Джеус) состоялись Орленковские чтения — 2010 на тему: «Традиция и модернизация: общество, хозяйство, культура», организованные Центром общественных наук при участии ОАО «Приват-инвест» (генеральный директор Е.Г. Пономаренко, Краснодар) и Ивановского центра социальных исследований и просвещения имени С.Н. Булгакова (директор А.В. Петелин).

В чтениях приняли участие доктор наук Ю.М. Осипов, Л.Ю. Андреева (Ростов н/Д), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), М.М. Гузев (Волжский), Л.Н. Дробышевская (Краснодар), Е.О. Миргородская (Ростов н/Д), С.С. Мишуров (Иваново), В.П. Океанский (Шуя), кандидаты наук А.В. Андреева (Ростов н/Д), Г.И. Гузева (Волжский), О.В. Доброчеев, Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), Е.Г. Пономаренко (Краснодар), В.И. Романченко (Новороссийск), И.П. Смирнов, Е.В. Шелкопляс (Иваново), В.В. Чапля (Краснодар), О.Д. Юнеева (Краснодар), депутат Ивановской областной думы А.В. Петелин (Иваново), научные сотрудники Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына.

Кризис современной науки

Аннотация. Показана дискуссия, развернувшаяся на Междисциплинарном симпозиуме: «Кризис современной науки: философия, наука, искусство — познание, осмысление, созидание» (Россия, г. Киров, 27 — 29 апреля 2010 г.). Всесторонне рассматривается тезис о том, что современная наука, равно как и философия и искусства, находится в глубоком кризисе. Выясняются причины этого кризиса и его следствия.

Ключевые слова: кризис науки, предмет науки, научные идеи, этос науки, отношения между наукой и философией, физикалистский подход в науке, современное искусство, антимир, «техномика».

Abstract. This is a script of the discussion held on the Interdisciplinary Symposium «Crisis of the modern science: philosophy, science art — cognition, apprehension, creation» (Russia, Kirov, April 27 — 29, 2010). The full consideration of thesis is given, which states that the modern science, as well as philosophy and art are at the deep crisis. The participants search for the reasons and circumstances of this crisis.

Keywords: crisis of science, object of science, scientific ideas, ethos of science, relations between science and philosophy, physicalistic approach to science, modern art, «technomy».

Представляем читателям основной ход первой дискуссии, развернувшейся на Междисциплинарном симпозиуме: «Кризис современной науки: философия, наука, искусство — познание, осмысление, созидание» организованном Вятским социально-экономическим институтом совместно с Академией философии хозяйства, Центром общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова и Вятским интеллектуальным клубом, который проходил в г. Кирове 27 — 29 апреля 2010 г.

Основные участники дискуссии:

Ю.М. Осипов — президент Академии философии хозяйства, директор Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор;

В.С. Сизов (ведущий дискуссии) — ректор Вятского социально-экономического института, главный редактор журнала «Вопросы новой экономики», доктор экономических наук, профессор;

Ф.И. Гиренок — профессор кафедры философской антропологии и комплексного изучения человека философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук;

А.А. Бессолицын — заведующий кафедрой истории российского предпринимательства Московской финансово-промышленной академии, доктор экономических наук, профессор;

В.С. Князьков — директор Центра супервычислительной техники Вятского государственного университета, доктор технических наук, профессор;

Н.С. Александрова — начальник отдела аспирантуры Вятского социально-экономического института, заведующая кафедрой педагогики ВСЭИ, доктор педагогических наук, профессор;

Н.И. Злыгостева — доцент кафедры философии Вятского социально-экономического института, кандидат философских наук;

Ю.Н. Тимкин — доцент кафедры философии Вятского социально-экономического института, кандидат исторических наук.

В.С. Сизов: Уважаемые коллеги! Формат этого симпозиума выбран весьма необычный. Отсутствуют заранее подготовленные выступления, и даже темы дискуссионных сессий условные, обозначенные лишь для завязки разговора, который дальше может развиваться как угодно. Почему именно так? Потому что если вопрос или тема заданы жестко, то это ограничивает возможность улавливать тенденции или выходить в ходе дискуссии на те проблемы, которые действительно актуальны и волнуют наше сообщество.

Тема первой дискуссионной сессии «Кризис современной науки». Для начала разговора нужна некая вводная, которую я попрошу сделать Федора Ивановича Гиренка.

Ф.И. Гиренок: Я начну с одной вещи, которая меня занимает. Это весенняя сессия Российской академии наук. Как вам известно, в большой академии проходят собрания весной и осенью. На них обсуждаются всякие проблемы. Мне это интересно, и я слежу за тем, что там делается.

Эта сессия показалась мне довольно странной. У меня критическая позиция по отношению к науке. А у науки критическое отношение к лженауке, с которой она сейчас борется. Но я не отношу себя ни к науке, ни к лженауке, просто мне забавно наблюдать эту борьбу. Собралась сессия, ученые делают доклады и прочее. А потом к ним вдруг приходят журналисты и спрашивают про итоги сессии. И ученые отвечают: «Мы теперь поняли, во-первых, что душа — это научный термин. Во-вторых, что сознание — это поток». Смешно!

Сейчас делается попытка совместить науку о мозге с наукой о сознании. Но это, право, забавно! Я вынужден констатировать: современная наука — это наука, которая состоялась еще в начале XX в. И в этом смысле мы находимся еще в начале XX в., потому что вся современная наука там. Физика, биология — все там. Начиная, примерно, со времени, когда появилась книжка Эрвина Шредингера «Что такое жизнь с точки зрения физики» (1946) — никаких новых идей в науке

не появилось, ни одной идеи! Новые технологии и аппаратура появляются. Но новые идеи — нет. Что это означает? — Существуют некие тупики. Какие тупики? На мой взгляд, современная наука — это совершенно институализированное учреждение. В науке перестали водиться так называемые «сумасшедшие», т. е. люди, которые выдвигают какие-то бредовые, сумасшедшие идеи. Для начала XX в. это еще было характерно. А сегодня мы имеем массу научных сотрудников, которые работают так, как работает клерк в любой конторе: с 9 до 18 часов. Пришел, сделал, ушел.

Я полагаю, что наука перестала быть собранием или пространством, в котором живут сумасшедшие идеи. Собрания Академии наук перестали быть местом, где обсуждаются немыслимые идеи. Сегодня там говорят о том сколько построили, на сколько увеличили зарплату, взяли, сократили, прибавили, учредили институт, слили два института. Все!

Теперь поговорим о науке. Почему вдруг появляются некоторые пределы? Это, действительно, проблема для ученых. Люди ранга Ньютона, Бора или Эйнштейна — это сумасшедшие. А что происходит сегодня? Нужно несколько десятков лет, чтобы войти в научный предмет. Пять лет учебы в вузе плюс аспирантура, подготовка и защита диссертации — итого 10 — 15 лет. А затем нужно суметь выйти из научного предмета, как делают всякие приличные ученые. Выходят из научного предмета с тем, чтобы попасть в какую-то странную рефлексивную позицию, с тем, чтобы стать открытыми для каких-то новых идей. А что делается в нашей науке сегодня? Мы только входим в научный предмет и никогда из него не выходим. Не знаю, почему, но мы не можем выйти из этого предмета. А выйти — это означает сделать то, что делали вышеназванные мною люди. Речь не идет только о физике или экономике. Не важно, о какой научной области мы говорим.

Итак, повторяю, в последнее время никто не выходил из научного предмета, не предлагал каких-то принципиально новых научных идей, парадигм, стратегий. На что подвинулась вся современная наука — это строительство коллайдера, которое требует огромных затрат. Конечно, можно сказать, что современная наука сейчас такова, что для того, чтобы сделать что-то требуются огромные средства, потому что предмет изучения таков и т. д. Но ведь при этом мы не получили ни одной идеи! Теперь ждут, может быть, коллайдер поможет что-нибудь выдать. На мой взгляд — это бессмысленные ожидания. Коллайдер есть, а идей не будет.

Как же устроена наука? Есть границы науки, к которым мы можем приблизиться, и, приблизившись к ним, мы замечаем, что наука, которую мы знали, исчезает. Потому что наука устроена *по существу*. Пер-

вое — это пространственно-временной контур, он же и предмет, свидетельствующий о том, чем научные знания отличаются от ненаучных. Можно, конечно, увидеть сон и сказать, что затем случится, к примеру, с твоим родственником, но наука здесь не при чем. Она про это не понимает, у нее для этого нет аппарата, нет средств для изучения. И хотя мы все знаем, что вещи, подобные вещим снам, бывают, — это за пределами науки. Этим наука не занимается и не будет заниматься. У нее есть пространственно-временные ограничения. Р. Декарт писал, что материя есть «непротяженность». Что это означает? А то, что предмет заперт в пространстве и времени и нет никаких скрытых измерений.

Второе. Наука строится в предположении, что у ее предмета никогда не может быть скрытых от наблюдения состояний. Это большая проблема для социальных, гуманитарных, экономических и других наук. Это проблема, которая заставляет их всегда быть на грани так называемой алхимии. Мы можем чего-то не знать, мы всегда чего-то не знаем, но есть предположение, что всегда можем узнать. Ничто, ни один закон не мешает нам это сделать. Строятся предположения, что фактически предмет изучения как бы вывернут, у него нет скрытых состояний. Если мы допустим наличие в предмете скрытых состояний, что есть какие-то скрытые «пятна», то это означает, что там может водиться «дьяволенок». Там может водиться кто угодно, тот, кто будет водить ученого «за нос». То, что позволит вводить нас в заблуждение. Поэтому наука строится в предположении, что нет этих состояний. Ученые говорят о том, как устроен мир. А он сложнее, он всегда сложнее. Научные знания строятся на определенных предпосылках.

Третье. Мы думаем, что каждому дискретно выделенному телу приписывается сознание. У меня есть мое сознание, и у каждого есть свое. А наука строится в предположении, что есть одно сознание, оно однородно, непрерывно. Это сознание, которое непрерывно бодрствует. Нельзя, чтобы оно засыпало. Почему? Чтобы в науке не было ни «черных пятен», ни «белых пятен», бельма чтобы не было. Только при такой абстракции относительно сознания в науке возможны повторяемость, воспроизводимость, эксперименты. При иной абстракции сознания совершенно невозможны научные знания. Когда мы имеем дело с психоаналитикой, когда вас просят войти в какое-то состояние, настроиться на кого-то — это к науке не относится. Для науки не важно, где ты сидишь — в Вятке, Москве или Лондоне. Сознание одно, непрерывное, однородное. Это базовые вещи, и они составляют как бы каркас науки. И наука приближается к этим вещам. Что сейчас интересно науке? Интересны сознание и душа, с которых я и начал разговор.

Что можно сказать о так называемых социальных, гуманитарных, экономических науках? Это всегда был некий род алхимии. Я сейчас это докажу на примере экономики. Я не экономист, и поэтому мне экономику не жалко. Вы легко можете проверить мои суждения независимо от меня.

Ю.М. Осипов: Поскольку Вы философ, Вам, видно, и философию не жалко?

Ф.И. Гиренок: Ради правды ничего не жалко. В Интернете можно посмотреть списки лауреатов Нобелевской премии по экономике, где по годам проставлено, кто и что делал. Я обратил внимание на странную вещь — экономистов-то в экономике уже не осталось. А кто остался? Делаются какие-то «пробежки» в социологию, и появляется экономическая социология. И по ней можно читать лекции, рассказывать что-то. Затем уклон в историю, в математику, даже в юриспруденцию зачем-то «залезли». Институт целый создали, а зачем? Нам говорят: «Важно развивать междисциплинарные исследования, потому что только на стыках...». А вы знаете, что наука строилась предметно? Знание предметно, беспредметного знания не бывает. Предмет-то предметом, но в науке возможно и в рамках одной дисциплины не понимать друг друга. Я занимаюсь одним участком мозга, он — другим. Я не понимаю, что он делает. Поэтому сама идея междисциплинарности свидетельствует, о том, что фактически размываются классические представления, позволяющие организовывать научные дисциплины, потому что нет предмета — предмет исчезает. А то, что выдается за достижения, я говорю — это симптоматика. Мы не стали умнее оттого, что можем комбинировать разные знания — географию смешивать с экономикой, добавлять к ним математику и получать.... Нет, ничего мы не получили и ничего не знаем.

Помимо этих междисциплинарных метаний еще существует проблема законов, формулируемых относительно мира, своего предмета, проблема с новизной. Ученый — это тот, кто постоянно жаждет что-то сформулировать, открыть что-то новое. Что касается гуманитарных наук, я повторяю: с самого начала они возникали на грани социальной алхимии, все без исключения.

Теперь я сделаю переход. В науке не бывает нормальных людей. Нормальный человек — это признак мертвой науки. Вот как только появились нормальные научные сотрудники — наука закончилась. У нас в стране, например, пятьдесят тысяч нормальных научных сотрудников. Ненормальные уже уехали. Я, например, знаю, физика А.Д. Линде. Он в физическом институте имени П.Н. Лебедева работал, был совсем мальчишкой, но таким — сумасшедшим. Уехал в Штаты. Сейчас он один из самых известных в мире физиков-теоретиков.

Недавно я слушал один доклад. Пригласили нашего астрофизика, академика большой Академии, и он говорил: «Мы только наблюдаемыми вещами занимаемся, только измеримыми. Уже знаем, что было через секунду после Большого Взрыва». Спрашивают его религиоведы: «Скажите, а Бог есть или нет?». Идиотский вопрос, если мы не знаем, что было в этот промежуток между первоатомом и первой секундой рождения Вселенной. Там могли быть и другая Вселенная, и Бог, да что угодно. Дело в том, что любой научный закон, который формулируется, требует, чтобы мир воспроизвелся, повторил себя еще раз. Есть повторение, и есть нормы, есть законы и есть язык, на котором можно описывать. Но мы не можем описать то, что было на первом шаге. Мы лишь можем сказать, что было вторым шагом — воспроизведение. Следовательно, можем ли мы сказать что-то в терминах закона? Нет. И, кстати, что такое искусство? То же самое, что и рождение Вселенной!

Ю.М. Осипов: Или рождение мысли ученого.

Ф.И. Гиренок: Абсолютно то же самое. Этот зазор непробиваем. Это бельмо. Никто, никакая наука, не способны его исследовать. Это предел науки. Никто ничего не может знать наверняка. Ученые могут сужать этот зазор, и он будет становиться меньше, а они будут знать больше. Но он принципиально неустраним! И всегда будет оставаться нечто скрытое, непонятное. И там может быть что угодно.

Обратимся к началу науки, к спору между англичанами и французами. В Англии жил такой философ Иеремия Бентам. Он написал книгу «Паноптикум», т. е. «глаз всевидящий». И в этой книге имел наглость поучать французов, как им жить, чтобы у них не было бунтов и революций. И этой книгой оскорбил французов.

В это время во Франции появляется сумасшедший (потому что стрелялся), которого звали Анри Сен-Симон. Он был возмущен тем, что какой-то англичанин указывает, сколько им во Франции иметь школ, больниц, тюрем, как организовать свою жизнь. Он тут же пишет свои сочинения. Так начинается наука. А рядом с Сен-Симоном есть еще Дестют Де Трасси. И он тоже пишет книги. Дестют Де Трасси пишет работу «Элементы идеологии». Зачем они это делали? Зачем им нужна была наука? Затем, чтобы навести в мозгах у французов порядок. Как они вообще понимают задачу науки? А вот как: «Мы, группа людей, хотим помочь тебе — императору — навести порядок в государстве. Отчего в стране разброд и шатание? Оттого, что в разных головах разные идеи. Люди сталкиваются, начинается борьба. Что нужно сделать? Давайте в разные головы поместим одни идеи. Мы направим энергию людей в нужное русло, и наступит конструктивный, позитивный мир. В разных головах будут одни и те же идеи». Как это называ-

ется? — Идеология. Дестют Де Трасси предлагает идеологический контроль.

То же самое пишет Сен-Симон. А у Сен-Симона был ученик-лаборант Огюст Конт, который, как и его учитель, тоже был сумасшедший. Он тоже хотел быть гениальным и писал тексты, а Сен-Симон присваивал их себе. Он считал, раз Конт работает на него и Сен-Симон платит ему деньги, то значит, что он — Сен-Симон — вправе пользоваться его текстами. Конт из-за этого бросил Сен-Симона, потому что ему тоже хотелось быть знаменитым. Сен-Симон сформулировал рациональные правила общежития: не должно быть границ и разделения на нации. Он сам дворянин, но не может терпеть дворянства. Появляется знаменитая идея трудового общества. Труд — это та вещь, которая задает все параметры, структурирует социум. А с чем мы сегодня имеем дело? У нас трудовое общество фактически начинает умирать уже лет 20 — 30 тому назад вместе с битвой между трудом и капиталом. А весь социальный аппарат у нас еще ориентирован на трудовое общество. В стране формируется какое-то новое общество, а язык еще старый — язык описания отжившего трудового общества.

Европейская социология построена на работах Д. Дюркгейма, М. Вебера, классических сочинениях, которые зафиксировали переход Европы от традиционного общества к современному. И на этом социология умерла. Потому что Т. Парсонс, Р.К. Меркстон — это все «детский лепет». У нас, в России, этого ничего не было. И мы берем Г. Зиммеля, М. Вебера и начинаем на их языке, т. е. к нам вообще не имеющем никакого отношения, изъясняться. У нас вообще социум не структурирован, мы вообще аморфные существа. Почему мы аморфные? У нас нет структурированных социальных групп, с определенными представлениями, идеями, интересами.

А.А. Бессолицын: А как же сословия?

Ф.И. Гиренок: Сословия — это несколько другое. И вообще они были навязаны сверху. Речь идет о том, что у нас одни и те же идеи, мысли могут быть и в верхних группах, и в нижних группах. Мы не структурированы и тем не менее используем язык социологии столетней давности для описания того, чего сами не знаем. В результате мы вообще ничего не понимаем. У нас нет ни одного нормального ученого, который бы занялся тем, чтобы понять, что у нас за жизнь такая. Например, почему для того, чтобы о чем-то серьезном поговорить, надо ехать из Москвы в Вятку? Почему *там* нельзя поговорить?

Я продолжу. Огюста Конта выгоняют с работы, и он читает лекции во Франции в Политехническом музее. Там собирались проститутки, которые скрывались осенью от непогоды. Им он и читал свои лекции о

счастливым будущем человечества. А одна из них задала ему нелепый вопрос: не может ли он сделать ее счастливой? Не все человечество, а лично ее. И Конт отвечает: «Нет проблем, сделаю, но как?». «Женись на мне!». И он женился, но денег-то у него не было. И тогда она пошла опять зарабатывать проституцией, чтобы кормить теперь не только себя, но и его. Скоро она умерла, но он женился на ее сестре, заключив при этом договор, что у них не будет никаких интимных отношений. А они просто будут вместе жить, помогая друг другу.

И вот сложные жизненные перипетии привели его к гениальной идее. Он понял, что нельзя рассматривать общество через физику и математику. Каждый человек — это загадка, душа. Мысль Конта очень проста: чтобы создать науку о социуме нужно «выбросить» из языка описания социума все ненаблюдаемые сущности. Оставить только наблюдаемые, только измеримые вещи.

Попробовали так и поступить — «выкинуть» — и получилось что-то непонятное. Потому что не ясно, а что ж тогда вообще остается? Как тогда мы можем, к примеру, читать и перечитывать книги? Допустим, я прочитал книгу в одном возрасте, например, в школе, прошло пять лет, перечитываю, и в ней все по-другому! Это нужно как-то объяснить. Или ты выходишь на балкон в своем районе, глядишь на окружающую природу и восклицаешь: «Какая красота!». Откуда мы знаем о том, что природа красивая? Существуют какие-то необъяснимые вещи. И когда Конт подошел к проявлению человеческого в человеке с позиции строгой науки и выкинул все ненаблюдаемое, неизмеримое, то понял, что ничего не осталось. Выкидывание ненаблюдаемых сущностей из языка науки было программой, на которой строилась наука. Парадокс в том, что для дальнейшего развития науки потребовалось отказаться от этой программы. Впервые это сделал Эйнштейн. В физике XIX — начала XX в. было представление о мировом эфире как некоей физической субстанции, позволяющей мгновенно распространяться сигналу. Ученые стали искать эфир, чтобы зафиксировать и понаблюдать. Но найти не смогли. И тут Эйнштейн, молодой, сумасшедший ученый, предлагает — надо отказаться от представлений об эфире. Может быть, никакого эфира и нет. Какая замечательная мысль!

Таким образом, когда можно говорить о кризисе науки — это очень важная вещь. С моей точки зрения, перспективы науки безотрадны. Как, впрочем, и многого другого в этом мире. Каковы, например, перспективы искусства? Есть выражение — «современное искусство». Но вот беда — прилагательное «современное» отменяет подлежащее! Современное искусство — это то, что отменяет искусство.

В.С. Сизов: Не согласен с Вашим утверждением относительно искусства. У науки, может быть, и нет перспективы, но у искусства, как и у философии, большая перспектива. Надо все же видеть их отличие от науки. Наука постоянно открывает что-то новое, а философия и искусство — переоткрывают. И каждый день можно что-то переоткрывать, и это будет нормальное действие для философии и искусства. Вот в чем разница. Главное, чтобы тайна той секунды после Большого Взрыва, которую наука до сих пор не познала, так и не была бы ею раскрыта. Тогда у философии и искусства имеются большие перспективы.

Ф.И. Гиренок: В этом пункте соглашусь, потому что есть надежда, что по-прежнему остается некая толика тайны, принципиально необъясняемой наукой. Кстати, французы поняли, что не пролетариат враг буржуазного общества, а шизофреники и всякие аутисты. Почему? Потому что только шизофреники и аутисты сегодня являются единственными в мире людей, которые не манипулируются. Пространством подлинного. У Ф.М. Достоевского об этом всем уже было написано задолго до французов в «Записках из подполья». И эти люди представляют угрозу для всех остальных, которые манипулируются.

Ю.М. Осипов: Шизофреники — это перманентные революционеры.

Ф.И. Гиренок: Произошла переоценка, и то, что считалось нормальным, — это уже ненормальное. Оказывается, что подлинные, настоящие люди сегодня это те, что находятся в дурдоме. А мы все и не люди вовсе, а какие-то социальные автоматы. Что получается, когда меня спрашивают: «Ты кто?». Я отвечаю: «Я — преподаватель». То есть, по словам Достоевского, я — винтик, я — никто. Потому что, если я скажу: «Преподаватель — это у меня социальная роль такая, а вообще я — Человек!», то сочтут, что грежу, у меня грезы. Поэтому я принимаю и соглашаюсь с ролью шпунтика, винтика, преподавателя, преподающего не знания, а часы.

Ю.М. Осипов: То есть Вам все равно, что преподавать?

Ф.И. Гиренок: Если я винтик, то какая мне разница! Что угодно.

В.С. Князьков: По Вашему мнению, понятие «наука» — это все-таки термин или нечто неопределенное?

Ф.И. Гиренок: Я уже сформулировал и назвал три признака, в которых строится наука в предположении. Есть этос науки. Какие правила этоса? Не списывать, т. е. не заниматься плагиатом, делать ссылки, если кого-то цитируешь, должна быть новизна и т. п. Это правила жизни в науке. Сегодня я могу сказать, что они не выполняются. Потому что, если мне нужны деньги, я вас всех обману. Например, напишу, что мы нечто сделали, провели исследование. Кто меня проверит? Если, допустим, в мире всего семь человек, которые занимаются этой

проблемой? Конечно, я нарушу этические правила науки, и сделаю это, потому что я социальный человек, живу в мире и мне нужны деньги. Я уже не говорю о переписывании. Любая диссертация, если ее взять и посмотреть — это интертекст какой-то, там же ничего нет своего, потому что сделать что-то свое, открыть, изобрести — трудно.

В.С. Князьков: Не всегда так.

Ф.И. Гиренок: А я думаю, что в 99% случаев это так.

В.С. Сизов: Уважаемые коллеги, Федору Ивановичу, на мой взгляд, удалось всех зажечь своими рассуждениями, впрочем, весьма печальными. Но с другой стороны, Федор Иванович о конце науки не сказал. Он сказал, что есть проблемы. Мне даже не показалось, что речь шла о кризисе науки. Все ученые живут, получают деньги. О каком кризисе в этом случае может идти речь? И вообще, а нужно ли «двигать» науку дальше? Может быть, и хорошо, что наука остановилась? А то не ровен час, ученые со своими коллайдерами взорвут Землю. А так мы все живы, пока наука не движется...

Н.С. Александрова: Федор Иванович, Вы попытались найти кого-то крайнего. А давайте оглянемся на философию. Ведь философия всегда была базисом всех наук. Мне кажется, вся беда в том, что именно философия переживает кризис. Не другие науки, а именно философия. Теория познания должна развиваться. Например, создатели нанотехнологий не нуждались в теории познания, да и как вообще философия может объяснить нанотехнологии? А ведь философия должна все объяснять. Мне кажется, сейчас она этого не делает. Она потеряла свои позиции, свой статус, тогда как она должна открывать новые категории, новые формы мышления.

Ф.И. Гиренок: Вы знаете, я процитирую Льва Шестова. Он пишет примерно следующее: что это за манера такая — говорить, требовать гармоничного союза между философией и наукой? Философия помогает науке, наука — философии... Чепуха все это. Послушайте, что говорил Сократ. Он говорил: «Философия, философ — это овод». То есть философ должен жужжать и кусать науку! Только тогда наука будет плодотворна. Борься, грызть, причинять ущерб, жалить — вот что нужно от философии. Не должно быть никакой гармонии между философией и наукой! Философия делает работу только тогда, когда она жалит. Правильно, проблема в том, что философия перестала жалить. Что говорят философы? Они говорят: «Мы обобщаем данные наук». Зачем, кто вы такие?

Современные философы пытаются выступать в роли посредников, судей, определяющих роль той или иной науки, какая из наук решила больше задач. Только я тогда не понимаю, а при чем тут философия?

Между философией и наукой должны быть другие отношения, по типу овода — жалянья, и раз этого нет, то и возникают проблемы.

Что же касается нанотехнологий, то технически — да, могут быть эффекты, а вот идеи — нет.

Ю.Н. Тимкин: Федор Иванович нарисовал картину кризиса науки. Однако, если мы посмотрим, как развивалось новое европейское естествознание XVII в., то выяснится, что развитие науки всегда сопровождалось кризисом. Сменяются эпохи, кризисы возникают и преодолеваются, а наука между тем развивается. В конце XX — начале XXI в. действительно происходит кризис науки, но это кризис роста. Потому что открываются новые необозримые проблемы: что было на первой минуте, первой секунде возникновения Вселенной. Или вот такая проблема, когда в начале XX в. «исчезла» материя. Это было потрясением для мыслящих умов. Ну, а потом все успокоилось, пришло в норму. Мне кажется, ныне происходят такие же явления. И еще о кризисе науки в России. В первую очередь — это, конечно, кризис русского духа и менталитета.

В.С. Сизов: А на Западе ощущают кризис науки?

Ф.И. Гиренок: На Западе ощущают кризис философии. Чтобы заговорить о кризисе науки, нужно чтобы случился кризис философии. В мире было несколько стран — производителей философии, ее экспортеров. Прежде всего — это Германия и Франция. К нам ввозили европейскую философию, а мы читали о ней и по ней лекции. Но вот Америка становится самой сильной страной, а философии там нет никакой, ее надо экспортировать. И американцы усиленно делают свою философию: Д. Чалмерс, С. Пинкер и др. Они якобы решали проблему сознания, а по существу потратили деньги на создание своей американской философии. И она стала вдруг популярной, экспортируется, ее труды переводятся, лекции по ней читаются, преподаватели деньги получают.

Поэтому на Западе никто о кризисе науки не говорит, им сейчас не до этого. Это только мы говорим. Может быть, нам делать нечего и у нас много свободного времени? Мы наивно воспитаны, мы все ждем идей, я жду идей, а их нет. Раньше, какая была идея? Например, К. Леви-Стросс предположил, что мы не мыслим, а мыслят структуры, т. е. между мной и человеком из племени тумбу-юмбу нет никакой разницы, у нас одни структуры. Хорошая мысль, но потом от нее отказались.

Прошел пик внимания к философии. А вот чем занималась советская философия, философия науки? Философии не было. Куда шли мыслящие люди? Шли в науку, в физику и оттуда «тащили» всякие идеи. А теперь в науке ничего не делается. Как ни странно, мы здесь

одни из первых в нашей стране говорим об этом. Но мы говорим, и этого достаточно, дальше все это пойдет. Пройдет лет 5 — 10, и вы увидите, что это начнет обсуждаться и будет обсуждаться. Что касается Европы — идет всеобщая деградация. Там уже нет философов. Не только в России, во всем мире их нет.

Ю.М. Осипов: Наука занялась обороной. Говорить о ее кризисе не так просто. Все знают цену нынешних диссертаций, но никто не хочет расставаться с этим бизнесом. Сегодня время столкновения между критиками науки, их не много, но они есть, в том числе и на Западе, и научным миром. Научный мир — это институты, должности, возможности, персональные машины, секретарши, квартиры, особняки и многое другое из вполне житейского.

О наличии современных технологий никто не спорит. Это тоже познание мира, но технологическое познание. Технологии создают искусственный мир. Этого отрицать никто не будет. Мы все живем в искусственном мире, созданном наукой. В этом смысле наш мир вполне научный, это совершенно искусственный мир. Но вопрос в том, что же такое человек и что вообще человеку надо? Куда человек идет, вооруженный наукой? Наука этих проблем не знает, не понимает и не может познать, потому что она технологична. В ней доминирует материалистический, механистический, квантитативный подход. Это ее великое оружие, но в то же время непреодолимое ограничение.

XIX в. перенес на социум и на человека физикалистский подход. И в конце XIX в. лучшие умы человечества уже понимали, что человечество, идя этим путем, зайдет куда-то не туда. Потому что предмет — мир человеческий — по сути своей принципиально не научен, и на этот мир нельзя наложить одни только технологии. Да, манипулировать сознанием наука научилась. А вот сказать человеку что-то веково наука не может.

Реплика: Психология не нужна?

Ю.М. Осипов: Психология разлагает человека, она делает из него труп.

В.С. Сизов: Ну а дошкольная педагогика?

Ю.М. Осипов: Меня мать с отцом воспитывали без всякой педагогики. И что такого они не знали для того, чтобы сделать из меня человека? Они все прекрасно знали, православная культура им все давала, хотя они в то время были коммунисты и атеисты. Но на самом деле наш мир всегда был православным, в нем культивировался домострой, который все и давал.

Наука, действительно, не может не быть физикалистской. Она стремится к конечным истинам, ей надо переделывать природный материал. Те законы, которые она формулирует, так бывает, могут и не

иметь отношения к реальности. Но многие формулы, конструкции, которые наука предлагает, вполне работают. Полетели же люди в космос. А вот зачем они туда полетели — это большой вопрос. Но кому адресовать этот вопрос? Наука ответить на это не может.

Мне легче говорить о социальной науке. Еще легче по поводу экономических наук. Но когда в середине 1990-х гг. я на одной теоретической конференции заметил, что наука находится в кризисе, то на меня зашикали, покровительственно улыбаясь. Пока не привезли в конце 1990-х из США мнения нобелевских лауреатов, которые там громко заявили, что экономическая наука в кризисе.

Я как экономист могу утверждать, что ни одно положение об экономической науке не соответствует реальности. Эти положения существуют для экономической науки. Лучшим доказательством того, что экономические науки — это миф, являются наши родные отечественные предприниматели, которые без всякой науки, без всяких теоретических знаний, не читавшие ни А. Смита, ни К. Маркса, прекрасно оперируют миллиардными суммами денег, крутят их, вертят, пиллят, взятки дают, откаты преподносят.

Я, конечно, не говорю о прикладной науке. Бухгалтерский учет, он и есть бухгалтерский учет, хотя в нем никакой особой науки нет — только некие обобщения, знания. А то, что выдается за науку, — это лишь способ преподнесения этого операционального знания.

Если же говорить об экономической теории — то это абсолютно оторванное от реальности, ради себя существующее знание, некий миф. Алхимия — вполне! Кривые куда-то там движутся. Я часто спрашиваю, покажите мне в реальности хоть одну цену равновесия! На доске я понимаю, что такое цена, а вот в реальности? Где реальный спрос, где реальное предложение? Это все игра в бисер, своеобразный род магии.

Сегодня человеческий мир, который человек сам же и построил, развернулся к человеку своей антистороной. Пока человек бывал в природе и под Богом — он был человеком. Как только построил свой мир, мир вне природы и без Бога, то этот мир вдруг стал ему враждебным, силой, его уничтожающей. Получается, мы проехали как-то по ленте Мебиуса и незаметно вкатились в новый мир, отрицающий человека. И, между прочим, это все наука проделала, которая ничего в общем-то не соображала, что она делает. И она до сих пор не соображает.

Философия уничтожена наукой, философы «изничтожаются». Отменены экзамены кандидатского минимума по философии, сокращаются курсы философии, даже той жалкой философии, которая хотя бы что-то преподавала. Преподают историю и философию науки. А что

это за философия науки такая? Если вообще существует философия науки, философия должна отрицать историю науки, иначе философии просто нет. Философия, которая защищает науку, — это уже не философия.

Идет наступление антимира. И искусство, которое вы защищаете и думаете, что это искусство — это уже антиискусство. Оно существует в антимире.

Федор Иванович сказал, что есть тайна первой секунды сотворения мира. В том то и дело, что начало неизвестно никому. Но тайна не только там. Разве каждый человек не тайна? Разве все, происходящее здесь, не тайна? Так вот, философия тайну признает, она не стесняется ее признавать. Признает и ограниченность своего мировосприятия. Она имеет дело с тайной, которая ею признается, которая «живая тайна». Она как-то взаимодействует с тайной, хотя лучше всего это делает религия. Наука как раз наоборот: думает, что раскрывает тайну мира.

Вот почему родилась философия хозяйства. С.Н. Булгаков на рубеже XIX — XX вв. понял ложность антимира, социальных наук, политической экономии, марксистского учения. Куда ему было податься? В философию, а через философию — к Богу. Другого выхода не было. Отсюда появилась другая трактовка того, что называлось «экономикой». Не случайно вовсе взялись за слово «хозяйство», как и не случайно занялись не наукой о хозяйстве, а философией хозяйства. В философии хозяйства возможно максимальное осмысление, так как она не ограничена заранее какими-то рамками. Философия хозяйства допускает не одно материальное, но и идеальное, божественное, оно допускает даже дьявольское, inferнальное.

Философия хозяйства не может рождать какие-то схемы, которые рождает наука. Почему? Потому что наука взяла принципы физики, направленные на природу, на материально-механическую сторону, и принесла в мир совершенно идеальный, тот самый — человеческий, социальный. Но в социуме ничего материально-механического нет, в человеке тоже. Все, что выглядит человеческим организмом, — это вовсе не человек, это животное, аппарат, машина. Все, что в человеке есть человеческого, — все это идеальное. Сознание идеально. Отличие человека от обезьяны состоит в том, что мы знаем, что мы не обезьяны, а обезьяна не знает, что она обезьяна, даже не знает, что мы — человеки!

Мы можем навешивать свои обозначения на мир. Мы можем его представлять себе, представлять и что-то иное, каким-то образом изменять мир, строить собственный мир, воображать даже то, чего вовсе нет. Разве Господь давал нам ракеты?

Реплика: А кто нам дал ракеты?

Ю.М. Осипов: Это другой вопрос. Мы воспользовались свободой, которую дал нам Бог, но Он Сам ракетами нас не наделял. Деньги, кстати, Господь нам тоже не давал. Это наше собственное производство. Деньги — абсолютно идеальная вещь. Никаких материальных денег в принципе нет, цен никаких нет материальных — все эти штучки в головах людей, это все элементы сознания, ноосферы. Даже труд, который кажется совершенно физическим, тоже ведь идеален. В-первых, умственный труд, где он? Труд это или не труд? Так же и физический труд, где он? Покажите мне его, принесите, измерьте! Мы видим только внешние манипуляции. Дворник метлой метет — это хорошо видно. А где труд?

Реплика: Труд мы наблюдаем по его результатам.

В.С. Сизов: Это проблема определений. Вероятно, Вы определяете труд иначе, чем другие, поэтому труд у Вас исчез. А мы определили, что труд — это только некие манипуляции, которые в результате приводят к каким-то материальным или интеллектуальным продуктам.

Ю.М. Осипов: Но я же не ставлю задачу измерения труда. Когда вы измеряете труд уборщика квадратными метрами, вы измеряете не труд, а результат труда.

В.С. Сизов: Труд — это процесс, который ведет к результату.

Ю.М. Осипов: Процесс — это всего-навсего физический процесс организма. Но сам по себе труд, где он? Я не случайно поставил этот вопрос. Все самое привычное, бесспорное, если только чуть-чуть по-другому взглянуть, особенно с позиции какого-нибудь сумасшедшего, оказывается все не то, а совсем другое.

А.А. Бессолицын: Мне кажется — это тема отдельного семинара.

Ю.М. Осипов: Нет, это к кризису науки имеет непосредственное отношение. Спрашивается, чему посвящена экономическая наука, которая говорит о труде и его измерении. Где полезность? Дайте мне ее. Разве чайник, который стоит на этом столе, менее полезен, чем эта статуэтка? Как можно вообще рассуждать на эту тему? Экономисты говорят: «субъективная оценка полезного». Но, что это значит? Где тогда объективная оценка? Короче говоря, физикалистский подход оказался порочным подходом. Между прочим, наше советское общество, которое строилось на концепции марксизма, всерьез этим занималось, а затем и рухнуло то ли всерьез, то ли в насмешку.

Отсюда и появляется философия хозяйства, говорящая на языке, дружащем не так с физикой, как с метафизикой, — способом выходить за пределы физического, или научного, отношения к миру. Философия хозяйства допускает, что человек творит на земле, не зная, что же он творит. Марксизм знал — он творил счастье людское, будущее всеобщее благоденствие. В результате возникли излишества и гламур. Те-

перь все «потребисты» и «гламуристы» бегут к психологам, психотерапевтам, психоаналитикам. Ну, как можно было вообще предполагать, что человек, создав машины и перестав что-либо делать, становится какой-то многосторонней личностью, творцом? Наоборот, он пустеет, он не может ничего творить! Вот вам установка так называемой научной политической экономики.

В.С. Сизов: А творчество — это труд или нет?

Ю.М. Осипов: Творчество — сумасшествие.

В.С. Сизов: Я хочу высказать некоторое несогласие с Юрием Михайловичем, когда он говорит о том, что антимир и антинаука порождают антиискусство. Искусство, по определению, не может быть «анти», оно лишь может преследовать негативные цели или, если хотите, антицели.

Ю.М. Осипов: Но оно же убивает, как Вы не понимаете?!

В.С. Сизов: На самом деле, искусство — это вообще первая наука. Наука началась с искусства. Сначала было искусство, оно превратилось в науку, потому что искусство — это то, что не природное, то, что человек создал сам, своими руками. Искусственное, значит не природное. Первые принципы научности как раз заключались в повторяемости, в повторяемом опыте искусства. Наскальные рисунки, которые делали первобытные люди, а затем повторяли снова и снова, песни, которые они сочиняли, а затем многократно повторяли — в этом уже появляются первые признаки науки. Из этих действий первобытных людей затем вырастет наука. Поэтому не может быть антиискусства, потому что оно уже «анти», так как противопоставляет себя природе. Искусство — оно же искусственное, антиприродное. Антинаука может быть, но антиискусства — быть не может.

Ю.М. Осипов: Пикассо раскрыл нутро авиньонских женщин, обезобразив их и разложив на светотени, — разве это не антиискусство? Если рассуждать по-философски: чего ты натворил, Пикассо? Зачем тебе нужно это было делать? А люди ходят, восхищаются, ничего в том не понимая. Так вот — это не искусство, а искусство, которое развернулось против человека и его убивает. Идет ликвидация человека, его разборка и снятие вообще этого «продукта» с несчастной планеты Земля. Вот что происходит. Поэтому я называю это «анти».

Н.И. Злыгостева: Меня всегда удивляло, как в XX в. все это сочеталось в людях искусства, когда, казалось бы, имелась такая мощная духовная традиция — и вдруг такие игры с дьяволом. У А. Блока сказано: «Боюсь, изменишь облик ты...». А в науке, и западной, и русской, появляются все большее количество людей, которые понимают, что наука дошла до таких пределов, когда она уже ничего не может

объяснить. Те вещи, которые можно было объяснить по-научному, уже объяснены.

Когда здесь сегодня говорят о кризисе науки, мне кажется, что речь все время идет о чем-то другом. Подобные вещи появляются тогда, когда возникает кризис сознания. Научная картина мира, которая была присуща Античности, разве она была в то время плоха? Нет. Но наступает кризис, вакуум духовных идей. Вырабатываются совершенно другие понятия, но появляется не просто новая наука, а новое сознание. Мне кажется, что сейчас имеет место не так кризис науки, а ее определенный закат.

Альберт Великий хорошо когда-то говорил: «Давайте будем объяснять только то, что можно объяснить, что лежит на поверхности». А ведь это очень немногое. Задача науки описать и объяснить то, что она может увидеть и понять.

Ю.М. Осипов: Не забывайте, что наука вытеснила философию и религию из сознания людей. И она считала, что она заменяет их. Вот что самое главное. И поэтому — это самый настоящий кризис науки. На ее критику мы заходим — со стороны человека, со стороны возникшего мира. Глядим на науку как на некий феномен. Сейчас человек уже не Бога, а науку вопрошает: «Что ты наделала? Ты знала, что ты делала?». Причем не просто технологически что-то натворила, а и вытеснила философию, вытеснила религию, опустошив человека. С этой точки зрения это не просто кризис, это полное банкротство науки, ее крах.

В.С. Князьков: У меня не комментарий, а сообщение. Мне недавно довелось побывать на специализированном семинаре, где присутствовали вице-президенты известных IT-компаний, в частности «Microsoft». В целом семинар был посвящен развитию мировой инфраструктуры нового поколения. Сейчас «Microsoft» развернул на территории США ресурсные центры. Это специализированные центры для цифрового математического моделирования, укомплектованные электронно-вычислительными машинами и иной техникой. «Microsoft» открывает сервисы для всего населения США, т. е. люди получают реальный прямой доступ к методам математического моделирования практически во всех областях знаний. Бесплатно. По европейской программе аналогичная парадигма будет внедряться в Европе. Есть договоренность развернуть эту инфраструктуру и в России. Получается следующая ситуация: о цифровом неравенстве уже никто не говорит, его просто не существует в реальности. Существует интеллектуальное неравенство. Когда такие сервисы даются фронтально населению с возможностью бесплатного доступа, то создается предпосылка для крупнейшего рывка в социальной экономике. Точно также

сейчас работают европейцы. Нам нужно осознать, что экономика сейчас переходит в иную сферу.

Ю.М. Осипов: Я уже дал ей название — «техномика». Экономика — это еще социальный процесс, а техномика станет уже технической системой. И это нормально. Это процесс завершения научной революции, когда человек абсолютно вытесняется из сферы интеллекта, а думает за него машина.

В.С. Князьков: Там ставится задача — ставить задачи. Предоставляется инструмент для того, чтобы решать интеллектуальные задачи. Привожу элементарный пример: есть база по геномике — собран огромный фактический материал. Как все это осознать — это уже задача конкретного исследования, конкретного человека. Как будет им поставлена задача, так все и пойдет, такие будут результаты. Можно, например, поставить задачу создать искусственное чувство нежности, но это морально или нет? Наверно, не очень.

Ю.М. Осипов: Это все будет сделано. А кто кому воспрепятствует в этом? Где возьмется человек, который поставит такую задачу, никому это даже в голову не придет. Все это теперь лишь технические задачи. Вы понимаете, что выветривается все гуманное, социальное, духовное, божественное. В том-то и дело, что наступает мир, который уже не является человеческим, а каким-то другим. И человек тоже становится другим. Для осмысления всего этого возникла концепция постчеловечества, постчеловека.

Кризис науки мы рассматриваем не потому, что она ничего уже не может делать, а в силу ее столкновения с человеком. Вот где кризис науки. И в социальной области это наиболее отчетливо видно. Здесь наука вообще не в состоянии поставить ни одной проблемы, касающейся сути человека. Наука рассматривает человека как физический организм, даже как психологический организм, а человек-то вовсе не то, ибо он метафизическое нечто.

Н.И. Злыгостева: Тот же Блок, выйдя из среды ученых, понимает, что математика, как и биология, не может ответить ни на один вопрос, который он задает себе как человек. Не как математик, не как биолог, а как именно человек. Или, например, Павел Флоренский. Начинает как ученый, понимает, что наука не отвечает ни на один вопрос, продолжает как философ и тоже понимает, что философия не дает полного знания. Тогда он уходит к вере и понимает, что это есть единственный путь, на котором можно найти ответы, которых он ожидает.

Ю.М. Осипов: Еще раз подчеркиваю нынешнее доминирование науки и научного мировоззрения. Не забывайте об этом. Это доминирование имеет место уже в течение полтысячи лет. И все, что мы называем философией, это все уже не совсем философия, это просто не

более чем служанка науки. Любой философ, нормальный философ, как только он касается этих проблем, сразу становится критиком науки. У него другие основания в восприятии человека, другой взгляд. Онаученный человек — слепой человек, который не знает, куда и зачем идет, но ему кажется, что все знает и все прекрасно. И он дойдет до конца. Остановить его невозможно.

Подготовил В.С. Сизов

* * *

16 — 17 сентября 2010 г. в г. Волжском на базе Волжского гуманитарного института (директор М.М. Гузев) под эгидой Волгоградского государственного университета (ректор О.В. Иншаков) с участием Центра общественных наук состоялась Международная научно-практическая конференция «Наноиндустриализация в России и мире: экономические и социальные аспекты», на которой директор ЦОН Ю.М. Осипов выступил в докладом «Наномодернизация как блуждающая загадка российского постмодерна».

* * *

22 — 24 сентября 2010 г. в Санкт-Петербурге состоялась Всероссийская научная конференция «Государство и рынок: механизмы и методы регулирования в условиях преодоления кризиса и перехода к инновационному развитию», посвященная 80-летию Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов. В конференции принял участие директор ЦОН Ю.М. Осипов, выступивший с докладом «Кризис глобализма и ренессанс государства», в котором охарактеризовал также патовую ситуацию в хозяйственном развитии России и обосновал необходимость неолиберализма.

* * *

9 октября 2010 г. в рамках V фестиваля науки МГУ состоялся круглый стол лаборатории философии хозяйства экономического факультета и ЦОН МГУ на тему: «Теоретическая экономия и естествознание: параллели и пересечения», на котором выступили доктора наук Ю.М. Осипов, И.В. Пшеницын, Ф.И. Гиренок, Н.Б. Шулевский, Т.П. Гулыга, кандидаты наук О.В. Доброчеев, соискатель И.И. Рудяк, предприниматель В.И. Стасевич.

* * *

14—15 октября 2010 г. в Санкт-Петербургском государственном университете прошла Международная научная конференция «Модернизация экономики: проблемы и перспективы», посвященная 70-летию юбилею экономического факультета. В конференции принял участие в качестве докладчика директор ЦОН МГУ профессор Ю.М. Осипов. Ниже публикуются тезисы его доклада.

Ю.М. ОСИПОВ

**Россия: призрак неомодернизации
(тезисы)**

1. Россия нуждается не столько в новой модернизации, сколько в глубоком и масштабном перестроении, которое по разным внутренним и внешним причинам состояться не может. Власть взяла курс не на переделку сегодняшнего, а на доводку (осовременивание) совершённого. Новая модернизация — некое завершение начатой в 1990 г. тотальной модернизации России — бывшей части СССР. Так что основная задача новой модернизации — подтянуть Россию до уровня внешнего передового контекста, не проводя в России никакой серьезной реконструкции и не возбуждая для этого население-нацию.

2. Так или иначе, речь идет, по-видимому, о чудодейственном возникновении новой России, соответствующей передовому мировому контексту, в него окончательным образом интегрированной и обретшей свое вполне и зависимое — место. Отсюда обращение к внешним образцам и движущим силам модернизации, ее явно производный и подражательный характер. И поскольку любая современная модернизация обусловлена новым технологическим укладом и стремлением к новому цивилизационному обустройству человечества на базе и с использованием высоких и тонких технологий, то попытка нынешней модернизации в России выглядит как попытка *неомодернизации*, разумеется, со всем местным колоритом.

3. Никакого цельного и ясного проекта новой модернизации нет, а потому обращение к ней выглядит более обращением к законспирированному призраку, а не к возможной реальности, что позволяет сделать вывод о непредсказуемых ходах и результатах сего замысловатого неонамерения. Главное — не оказаться перед всем этим действием в положении дурашливого свидетеля, не способного, а может, и не же-

лающего, закрыть, хотя бы для приличия, широко разинутый от шокового изумления рот.

* * *

22 октября 2010 г. в г. Ростове-на-Дону на базе Северокавказской академии государственной службы с участием Академии философии хозяйства состоялась Международная научно-практическая конференция «Конкурентоспособность экономик в условиях глобализации мирового хозяйства: факторы, инструменты, модели», на которой директор ЦОН Ю.М. Осипов выступил с докладом: «Модернизация российской экономики: конкурентоспособность, конкурентоустойчивость, конкурентозависимость».

Анонсы

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли»

на тему:

Текущая экономика: что с кризисом?

Кризисные явления в мировой и отечественной экономике не исчезли, остается и общая неуверенность. Прошел ли в основе своей мировой кризис, а эти явления всего лишь остаточные рецидивы? Или же кризис ушел в глубь бытия, готовясь к новой вспышке? Свидетельствует ли конъюнктурное улучшение о преодолении структурно-системного кризиса? Не стал ли кризис неотъемлемой принадлежностью мирохозяйственного бытия и глобализованного мироустройства? Субъекты кризиса, его преодоления, не являются ли они сами кризисными и кризисогенными? Ближайшее и последующее будущее социо-хозяйственной и экономической реальности.

**16 ноября 2010 г., в 15 часов, МГУ, экономический факультет,
3 уч. корпус (пр. Вернадского), ауд. 413**

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

8 — 10 декабря 2010 г.

**Самоутверждение России:
социум, экономика, политика**

Подвергнутая беспощадному реформному перевороту и острым кризисным испытаниям, Россия, немало ослабленная, расстроенная и приниженная, сохраняя потенцию к выживанию и мало-помалу сосредоточиваясь, обретает шанс, на ходу перестраиваясь, выйти на путь окончательного самоутверждения как новой великой державы, способной к целостному воспроизводству и разностороннему развитию, к эффективному участию в солидарном планетарном общежитии. Если это и не совсем так, то как раз так или примерно так должно было бы быть, а потому подобное идеальное проектирование не просто возможно, но и необходимо. Россия реальная идет за Россией идеальной, — и последняя хотя и не совпадает с первой, но в ней сначала телеологически, а потом и эсхатологически непременно присутствует. Отсюда и стремление воображающего интеллекта к опережению, пусть и несколько утопическому, не самой удовлетворительной действительности.

По итогам конференции предполагается подготовить коллективную монографию. Тексты до 0,33 п. л. принимаются в Центре общественных наук (119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, экономический факультет, к. 331, тел. 939-4183, факс (095) 939-0877, e-mail: <eszotova@mail.ru>) на дискетах в формате Word 6.0/95 — 9.0/2000 с распечаткой в одном экземпляре до 10.01.2011 г. Статьи, содержащие математические символы или формулы, принимаются только в том случае, если они набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. В конце статьи необходимо указать сведения об авторе **без сокращений** (фамилия, имя, отчество; ученые степени; звания; место работы и должность; номер контактного телефона/факса, адрес электронной почты).

Заявки с указанием желаемого дня и времени выступления просим подавать до 25.11.2010 г.

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать до 20 ноября 2010 г. по факсу (495) 939-0877, e-mail: eszotova@mail.ru у Татьяны Сергеевны Сухиной.

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР
«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»

на тему:

***Неодирижизм как императив
текущего момента***

Мировой экономический кризис и конец высокого либерализма. Кризис глобализма и ренессанс локализма. Неонационализация и неорегионализация бытия. Локализм — не сепаратизм, а контроль, утверждение своего, поддержание субъектности. Возрождение государственности. Локальные (национальные, региональные) центры, их организационно-управленческая роль. Феномен неодирижизма. Практика неодирижизма. Перспектива.

15 февраля 2011 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР
«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»

на тему:

***Хозяйство и идеология:
попытка непредвзятого осмысления***

Значение идей и роль идеологий в жизнеотправлении человека, в хозяйстве. Идеология, сознание и человек. Философия хозяйства как метаидеология. Идеи и идеологии в философии хозяйства. Идеологическая составляющая экономической науки. Идеология эпохи Постмодерна. Идеологическая составляющая текущей современности и происходящих социо-хозяйственных перемен. Футуроидеология. Идеология ожидания: телеологические и эсхатологические мотивы.

15 марта 2011 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

Ломоносовские чтения — 2011

ЧЕТВЕРТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

***Инновационное развитие экономики России:
институциональная среда***

20 — 22 апреля 2011 г.

Секция лаборатории философии хозяйства

«Модернизация как создание новой России»

Всеобъемлющий характер и центральное место модернизации. Движение к новой России. Социально-политическая реконструкция. Освоение новейшего технологического уклада. Развитие фундаментальной интеллектуальной сферы вкупе со сферами прикладных разработок и новых производств. Подъем и использование внутренних модернизационных резервов, их мобилизация. Созидательная роль национального (государственного) хозяйственного центра. Неодирижизм и модернизация. Привлечение зарубежных источников и сил. Перспективы и контуры новой России.

Подсекция 1. Модернизация — центральный феномен российской современности.

Подсекция 2. Черты и системный контур нового социально-хозяйственного уклада.

21 — 22 апреля 2011 г.

Время и место проведения будут сообщены дополнительно.

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
***Философско-хозяйственное осмысление
современной и исторической
реальности,***
посвященная 140-летию со дня рождения С.Н. Булгакова
(1871–1944)

Философия хозяйства как развивающееся специфическое знание новейшего времени. Значение прорыва С.Н. Булгакова в сферу философии хозяйства, его личный вклад в философию хозяйства. Ренессанс философии хозяйства. Концептуальная и методологическая специфика философии хозяйства, ее принципиальная метафизичность. Современная школа философии хозяйства. Социо-хозяйственная реальность через призму философии хозяйства. Хозяйственная историософия: исторические эпохи, этапы, циклы. Хозяйственная телеология. Современность в философско-хозяйственной трактовке. Социум, экономика, политика, идеология. Проблема человека, сознания, ноосферы. Хозяйственные эсхатология. Хозяйственная футурология. Перспективы философии хозяйства в России и в мире.

Секция 1. Философия хозяйства как течение мысли. Вклад С.Н. Булгакова.

Секция 2. Философско-хозяйственная картина мира.

Секция 3. Хозяйственная (экономическая) практика в поле зрения философии хозяйства.

16—17 июня 2011 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2011
***Социально экономическая модернизация России:
намерения, ходы и результаты***

Модернизация общества и экономики России как идеальный замысел и как реальный процесс. Что происходит? Явленный алгоритм. Проекты, действия, итоги. Меняется ли Россия? В какую сторону? Ближайший образ и просматриваемая перспектива.

Сентябрь — октябрь 2011 г.

(РДЦ «Орленок», пос. Новомихайловский, по персональным приглашениям).

* * *

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ
***Историческая поступь великоросса –
М.В. Ломоносов***
К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

Великий русский мыслитель: «вся Россия» и «весь в Россию». Ученый-энциклопедист. Целостность и органичность Универсальность. Философ, исследователь, просветитель, создатель. Естественник и гуманитарий. Физик, химик, географ. Теоретик и экспериментатор. Лингвист, историк, социолог, экономист, философ хозяйства. Проектант. Осмыслитель России и ее будущего. Модернизатор. Ломоносов и российская мысль, им вдохновленная (Карамзин, Пушкин, Л. Толстой, Федоров, Менделеев, С. Булгаков, Циолковский, Вернадский). Ломоносов сегодня и сегодня с Ломоносовым. Подвиг великоросса: память и слава!

15 ноября 2011 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
***Интеллект-революция:
свершения и ожидания***
К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

Интеллект как хозяйственный и хозяйствующий фактор. Интеллект как производительная сила. Интеллектуальная сфера хозяйства. Общественный интеллект, его обустройство. Производительная сила интеллекта. Интеллект и техника, техника и интеллект. Интеллектуализированная техника и технизированный интеллект. Технобщество. Интеллект и этика, интеллект и свобода. Метафизика интеллекта. Современная интеллект-революция. Свершения и ожидания. Интеллект, сознание, человек. Современный интеллектуал. Интеллект, ноосфера, общество. Интеллектообщество. Контуры интеллект-будущего.

7 — 9 декабря 2011 г.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, АГН, д.ф.н., профессор, кафедра философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

ИНШАКОВ ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ,

д.э.н., профессор, действительный член РАЕН, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник высшей школы РФ, ректор, Волгоградский государственный университет (*rector@volsu.ru*).

МАМЕДОВ ОКТАЙ ЮСУФОВИЧ,

д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политической экономики и экономической политики, экономический факультет, Южный федеральный университет (Ростов н/Д) (*terraeconomicus@mail.ru*).

СЛЕПАКОВ СЕРГЕЙ СЕМЕНОВИЧ,

д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономики и управления на предприятии, Пятигорский филиал Северо-Кавказского государственного технического университета (*sslepakov@yandex.ru*).

ФЕСЮН АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВИЧ,

к.э.н., заведующий отделом сопровождения НИР, Волгоградский государственный университет (*afesyun@volsu.ru*).

БУЗГАЛИН АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ,

д.э.н., профессор, экономический факультет МГУ, главный редактор журнала «Альтернативы» (*alternativy@tochka.ru*).

КОРНЯКОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, Ярославский государственный технический университет (*vikorn1@rambler.ru*).

ШЕВЧЕНКО ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., доцент, Академия народного хозяйства при Правительстве РФ (*managerial@mail.ru*).

БАЯНОВ КВИНРАЙ РАЕВИЧ,

к.ф.н., доцент, кафедра философии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск); соискатель, Институт переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук МГУ (*kvinray@mail.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

действительный член АФХ, член-корреспондент АГН, д.ф.н., к.э.н., к.соц.н., научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ (*mailconst@gmail.com*).

ЛОНЧАКОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА,

аспирант, кафедра экономики, Читинский государственный университет (*la-chita@mail.ru*).

НУРЕЕВ РУСТЕМ МАХМУТОВИЧ,

д.э.н., профессор, заслуженный работник Высшей школы РФ, заведующий кафедрой экономического анализа и организации рынков, Государственный университет — Высшая школа экономики (*rustem@voxnet.ru*).

САПЬЯН МАКСИМ ЮРЬЕВИЧ,

соискатель степени к.э.н., магистр экономики, Государственный университет — Высшая школа экономики (*msapuyan@rambler.ru*).

ВАТТ ЭНДРЮ,

старший научный сотрудник, Европейский институт профсоюзов (г. Брюссель, Бельгия) (*awatt@etui.org*).

ЗОЛОТАРЕВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА,

к.э.н., доцент, декан, факультет банковского дела, Полесский государственный университет (г. Пинск, Белоруссия) (*olgaztv@gmail.com*).

МИНЧЕНКО АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
старший преподаватель, Гомельский филиал Международного института трудовых и социальных отношений (Белоруссия) (*minchenkoaa@mail.ru*).

КОЛЕСНИК ЕКАТЕРИНА АНАТОЛЬЕВНА,
студентка, Гомельский филиал Международного института трудовых и социальных отношений (Белоруссия) (*Cat-susiane4ka@yandex.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,
к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философской антропологии и проблем комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*nrostova@inbox.ru*).

КОВТУН ВЯЧЕСЛАВ АНАТОЛЬЕВИЧ,
преподаватель, кафедра философии, Сергиево-Посадский гуманитарный институт (*psb@posadsb.ru*).

СЕРГЕЕВ АЛЕКСАНДР ИГОРЕВИЧ,
аспирант, кафедра экономики исследований и разработок, экономический факультет СПбГУ, специалист, департамент финансового и управленческого консалтинга, ООО «ИНСЭИ» (*gekzamet@yandex.ru*).

РУДЯК ИРИНА ИЗЯСЛАВОВНА,
действительный член АФХ, соискатель степени к.ф.н., кафедра эстетики, философский факультет МГУ (*panterafilm@mail.ru*).

ПОДКОСОВ ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ,
к.ф.н., доцент, кафедра философии, Московский городской педагогический университет (*podkosov@gmail.com*).

ЛЕОНЕНКО ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ,
д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Украинский государственный университет финансов и международной торговли (г.Киев, Украина).

ХОХЛОВ СЕРГЕЙ ОЛЕГОВИЧ,
публицист (*sergeyhohlov@mail.ru*).

СИЗОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ,
действительный член АФХ, д.э.н., профессор, ректор, Вятский социально-экономический институт (г. Киров) (*rektor@vsei.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2010 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.